

Мэгги Стивотер

Вечность

Волки из Мерси Фолз — 3

www.megabook.do.am

Аннотация

Сэм, юноша-оборотень, в которого влюблена Грейс, становится человеком. Зато сама Грейс превращается в волка-оборотня и уходит в лес. Коул Сен-Клер, рок-звезда и вундеркинд с задатками гениального ученого, пытается найти способ вернуть ей человеческий облик, но времени у него в обрез. Дело в том, что в окрестностях Мерси-Фолз найдена загрызенная волками девушка и жители городка требуют от властей истребить опасную волчью стаю. Теперь вопрос только в том, кто достигнет своей цели раньше — Сен-Клер или жители Мерси-Фолз.

Книги Мэгги Стивотер обрели читательское признание и стали бестселлерами во многих странах мира!

Мэгги Стивотер

Вечность

Для тех, кто выбрал «да»

*Ach der geworfene, ach dergewagte Ball,
Fullt er die Hande nict anders mit Wiederkehr:
Rein um sein Heimgewicht ist er mehr.*

О, этот брошенный, этот отважный мяч,

*Снова вернется он в руки твои, но иначе:
Станет весомее он с возвращеньем домой.*
Райнер Мария Рильке

ПРОЛОГ

ШЕЛБИ

Я умею передвигаться почти без шума.

Спешка — враг тишины. Нетерпение вредит охоте.

Я никуда не спешу.

Я бесшумно крадусь под покровом темноты. В воздухе танцуют пылинки; лунный свет, проникающий сквозь листву, превращает их в созвездия.

Тишину нарушает лишь мое дыхание, плавно выходящее сквозь оскаленные зубы. Подушечки лап беззвучно ступают по влажной земле. Ноздри раздуваются. Я вслушиваюсь в биение собственного сердца, заглушаемое негромким журчанием ручья где-то неподалеку.

Под лапой с хрустом ломается сухая ветка.

Я замираю.

Жду.

Потом медленно-медленно поднимаю лапу. Тихо, приказываю себе. Дыхание стынет на оскаленных резцах. Мое внимание привлекает какой-то шорох неподалеку. Я прислушиваюсь. Пустое брюхо сводит от голода.

Я продвигаюсь чуть дальше во тьму. Уши у меня стоят торчком; охваченный паникой зверь где-то поблизости. Олень? Томительную паузу заполняет стрекот какого-то ночного насекомого. Знать бы, крупный там зверь или нет. Если он ранен, я справлюсь с ним и в одиночку.

Что-то мягкое касается моей лопатки.

Очень хочется шарахнуться.

Очень хочется обернуться и щелкнуть зубами.

Но я не могу нарушить тишину. Долгий-долгий миг я стою неподвижно, потом поворачиваю голову и смотрю, что такое продолжает невесомо касаться моего уха.

Это нечто, названия чему я не знаю; оно парит в воздухе, подхваченное ветром. Снова, снова и снова оно касается моего уха. Я напрягаю разум, силясь воскресить в памяти название.

Бумага?

Я не понимаю, что она здесь делает, такая похожая на лист на этой ветке, и все-таки не лист. Меня охватывает смутная тревога. Чуть поодаль раскиданы по земле странные вещи, издающие незнакомый, враждебный запах. Шкура какого-то опасного зверя, брошенная и бесхозная. Я пячусь от них, оскалив зубы, и вдруг вижу мою жертву.

Только это не олень.

Это девушка, скорчившаяся в грязи. Поскуливая, она скребет пальцами землю. В свете луны кожа ее кажется неестественно белой. От нее волнами исходит страх. Он прямо-таки бьет в нос. Я и без того насторожена, а теперь шерсть у меня на загривке начинает вставать дыбом. Она не волчица, но пахнет от нее волком.

Я не издаю ни звука.

Девушка не замечает, как я приближаюсь.

Когда она открывает глаза, я стою прямо перед ней, едва не касаясь ее носом. Морду обжигает ее прерывистое дыхание, но при виде меня она перестает дышать.

Мы смотрим друг на друга.

Чем дальше я чувствую ее взгляд, тем сильнее вздыбливается шерсть у меня на загривке.

Ее пальцы сжимаются. Когда она шевелится, человеком от нее пахнет сильнее, а волком слабее. Все внутри меня кричит об опасности.

Я оскаливаю зубы и пячусь задом. Все, чего мне сейчас хочется, — бежать прочь, затеряться среди деревьев, оказаться подальше от нее. Внезапно вспоминается повисший на дереве лист бумаги и брошенная шкура. Я чувствую себя окруженной со всех сторон: впереди меня эта странная девица, позади невесть как оказавшийся здесь листок. Я припадаю к земле, поджав хвост.

Рык начинает рваться из горла так медленно, что я сперва ощущаю его на языке и только потом слышу.

Я зажата между ней и вещами, от которых пахнет ею; вещами, повисшими на ветках и разбросанными по земле. Девушка не сводит с меня глаз, будто призывая помериться силами, не отпуская. Я ее пленница, и спасения мне нет.

Как только она закричит, я убью ее.

1

ГРЭЙС

Значит, теперь я не только оборотень, но еще и воровка.

Я очнулась в человеческом теле на опушке Пограничного леса. Где именно, было не понять: леса у нас тянутся на многие мили. Для волка — не расстояние. Для девушки — еще какое. День был теплый, погожий — просто замечательный, по меркам миннесотской весны. Если, конечно, вы не очнулись неизвестно где нагишом.

Все тело ломило. Казалось, меня связали в узел, развязали, а потом связали заново. Кожа зудела, особенно на лодыжках, локтях и коленях. В одном ухе звенело. Голова кружилась, перед глазами все плыло. И не оставляло странное ощущение дежавю.

Усугубляло мое беспокойство то, что я очнулась нагишом не просто неизвестно где, а вблизи цивилизации. Не обращая внимания на лениво кружащих надо мной мух, я поднялась и огляделась по сторонам. Сбоку от деревьев виднелось несколько маленьких домиков. Под ногами валялся разорванный пакет с мусором; его содержимое было разбросано по земле. Выглядело оно подозрительно; не исключено, что я успела им позавтракать. В дальнейшем размышления на эту тему я предпочла не и даваться.

Впрочем, мне вообще не хотелось размышлять о чем бы то ни было. Мысли возвращались в голову какими-то судорожными обрывками, всплывая в памяти, точно полузабытые сновидения. А вместе с ними пришли и воспоминания об этом мгновении — первом полубессознательном миге после превращения в человека, которое мне приходилось переживать снова и снова. И каждый раз в новых обстоятельствах. Мало-помалу до меня дошло, что в этом году я превращаюсь уже не в первый раз. И я не помнила ничего из того, что происходило в промежутках. Ну, почти ничего.

Я зажмурилась. Перед глазами стояло *его* лицо, желтые глаза, темные волосы. Я помнила ощущение своей руки в его руке. Помнила, как мы с ним сидели бок о бок в машине, которой, кажется, больше не существовало.

Но я не помнила его имени. Как я могла забыть его имя?

Где-то вдалеке прошуршали автомобильные шины. Машина проехала, и звук медленно затих, напоминая о близости реального мира.

Я снова открыла глаза. Думать о нем было нельзя. Я запретила себе думать. Я вспомню. Обязательно вспомню. Но сейчас следовало сосредоточиться на более неотложных вещах.

Вариантов у меня было не густо. Можно вернуться в теплый весенний лес и надеяться, что в самом ближайшем времени я снова превращусь в волчицу. Вот только ощущала я себя целиком и полностью человеком. Значит, оставался единственный выход: искать помощи у обитателей маленького голубого домика на опушке. В конце концов, судя по всему, я уже угостилась содержимым их мусорного бачка и соседского заодно тоже. Однако у этого плана было множество недостатков. Даже если я в эту самую минуту чувствовала себя как нельзя более человеком, это могло измениться в любую минуту. И потом, что первым делом подумали бы эти люди, увидев, как я в чем мать родила, выхожу из леса? Не представляю, каким образом я могла бы это объяснить, не угодив в конечном итоге в больницу или в полицию.

Сэм.

Имя всплыло в памяти внезапно, а вместе с ним и тысяча прочих вещей: стихи, нерешительным шепотом рассказанные мне на ухо, гитара в его руках, впадинка под ключицами, привычка разглаживать пальцами страницы книги во время чтения. Цвет стен в книжном магазине, его шепот по ночам, списки новогодних зарок, которые мы с ним писали на пару. И все остальное тоже: Рейчел, Изабел, Оливия. Том Калперер, швыряющий убитого волка под ноги нам с Сэмом и Коулом.

Мои родители. Боже. Родители. Я вспомнила, как стояла у них на кухне, чувствуя, что волчица рвется из меня наружу, и ругалась с ними из-за Сэма. Вспомнила, как набила рюкзак одеждой и сбежала в дом Бека. Вспомнила, как захлебывалась собственной кровью...

Грейс Брисбен.

Я не помнила ничего этого, пока была волчицей. И забуду опять.

Я присела на корточки, потому что стоять вдруг стало тяжело, и обхватила голые колени руками. По пальцам ноги прополз коричневый паук, я не успела его стряхнуть. Над головой, как ни в чем не бывало, заливались птицы. Сквозь кроны деревьев просачивались солнечные лучи, образовывая на земле причудливый пятнистый узор. Теплый ветерок колыхал нежно-зеленую молодую листву. Вокруг наполнился шорохами весенний лес. Пока меня не было, природа жила своей жизнью, как и всегда, но я вернулась и не знала больше, где теперь мое место и что мне делать.

Потом налетевший теплый ветерок, почти непереносимо пахнувший сырными палочками, взъерошил мои волосы и навел меня на мысль о еще одном возможном варианте. Кто-то, явно рассчитывая на погожий денек, вывесил на веревке во дворе одноэтажного кирпичного дома неподалеку сушиться белье. Я не замечала его, пока оно не заколыхалось па ветру. Целая веревка, полная возможностей. Обитательница домика явно была на несколько размеров крупнее меня, но к одному из висевших там платьем прилагался пояс. А значит, вариант был вполне неплох. Не считая, конечно, того обстоятельства, что придется украсть чужую одежду.

Мне доводилось совершать немало поступков, которые кому-то другому могли бы показаться предосудительными, но воровство в их число не входило. Тем более что стащить предстояло чье-то нарядное платье, которое его хозяйке, возможно, пришлось стирать вручную. Кроме него на веревке полоскались носки, нижнее белье и несколько наволочек; вероятно, у обитателей этого домика не было денег купить сушильную машину. Неужели у меня и в самом деле поднимется рука украсть чужое праздничное платье, чтобы получить возможность вернуться в Мерси-Фоллз? В кого я превратилась?

Я верну его. Как только улажу собственные дела.

Я прокралась вдоль опушки, чувствуя себя бледной и открытой всем взглядам и пытаюсь получше разглядеть предполагаемую добычу. Запах сырных палочек — видимо, он и привлек мое внимание в волчьем облике — наводил на мысль, что в доме кто-то есть. У кого хватило бы мужества уйти от такого запаха? Я не могла думать ни о чем другом. Усилием воли я заставила себя сосредоточиться на насущной задаче. А вдруг те, кто печет сырны палочки, смотрят из окна? Или их соседи? Если действовать с умом, можно большую часть времени оставаться вне поля их зрения.

Двор моей незадачливой жертвы был совершенно типичным для домов в окрестностях Пограничного леса, с типичным же набором скарба: клетки для томатов, самостоятельно вырытая яма для барбекю, телевизионные антенны с нигде не ведущими проводами. Прикрытая брезентом газонокосилка. Растрескавшийся детский бассейн из пластика, наполненный грязноватого вида песком, и садовая мебель в полиэтиленовых чехлах с подсолнухами. Уйма всякого барахла, но ничего такого, что можно было бы использовать в качестве прикрытия.

С другой стороны, если они не заметили, что волк потрошит их мусорку, может, не обратят внимания и на голую школьницу, готовящуюся стащить сохнувшее на веревке платье?

Я собралась с духом, представила, будто мне предстоит совершить сущий пустяк, например, решить контрольную по математике или содрать с ноги пластырь для эпиляции, и бросилась во двор. Где-то залилась яростным лаем собачонка. Я рванула с веревки платье.

Не успела я опомниться, как все было кончено. Я снова была в лесу со скомканным платьем в руках; сердце у меня колотилось как сумасшедшее, и сама я забилась в какой-то куст, кажется ядовитого сумаха.

Там, в доме, кто-то прикрикнул на собаку: «А ну, заткнись, а не то живо за дверь вылетишь!»

Я подождала, пока сердце немного не успокоится, потом медленно и торжествующе натянула через голову платье. Оно было очень миленькое, в цветочек, слишком легкое для весны и все еще слегка влажное. Мне пришлось утянуть лишнюю материю на спине поясом, чтобы не пузырилась. В таком виде я выглядела даже вполне пристойно.

Пятнадцать минут спустя я в шлепанцах, позаимствованных на крыльце другого дома (к пятке одного из них прилипло собачье дерьмо, из-за чего, видимо, их и выставили за дверь), шагала вдоль дороги с таким видом, как будто всю жизнь здесь жила. Пустив в ход волчье чутье, как давным-давно учил меня Сэм, мне удалось сложить в голове куда более детальную картину окружающей местности,

чем могли бы дать только глаза. Даже обладая всей этой информацией, я понятия не имела, где нахожусь, но одно знала твердо: это определено не Мерси-Фоллз.

Впрочем, некоторое подобие плана у меня все же имелось. Убраться отсюда подальше, пока кто-нибудь не признал на мне свое платье и шлепанцы. Найти какое-нибудь заведение или любой другой ориентир, чтобы определить, где я нахожусь, и желательно до того, как чужая обувь натрет мне ноги. А потом каким-то образом вернуться обратно к Сэму.

План, конечно, не из лучших, но другого все равно не было.

2

ИЗАБЕЛ

Время я отсчитывала по вторникам.

Три вторника до летних каникул.

Семь вторников с тех пор, как Грейс исчезла из больницы.

Пятьдесят девять вторников до окончания школы, после чего я смогу, наконец, свалить из Мерси-Фоллз к чертовой матери.

Шесть вторников с того дня, как я в последний раз видела Коула Сен-Клера.

В семействе Калперер вторник всегда был худшим днем недели. Днем скандала. Да, в нашем доме скандал мог разразиться в любой день, но во вторник это случалось стопроцентно. Прошел уже практически год с тех пор, как умер мой брат Джек, и после двухчасовой общесемейной перебранки с криками, слышными на всех трех этажах нашего дома, и одной угрозы развода со стороны матери отец все-таки согласился ходить на семейную психотерапию вместе с нами. Это означало, что каждую среду повторялось одно и то же: мать брызгалась духами, отец в кои-то веки отключал телефон, а я сидела в громадном отцовском синем джипе, пытаюсь не думать о все еще не выветрившемся запахе мертвого волка.

По средам все вели себя идеально. Первые несколько часов после сеанса у психотерапевта — совместный обед в Сент-Поле, бестолковый поход по магазинам или просмотр в кинотеатре какого-нибудь семейного фильма — проходили под знаком всеобщей благости и безмятежности. А потом все начинали удаляться от идеала, медленно, но верно, и ко вторнику атмосфера накалялась настолько, что становилась взрывоопасной.

Я обычно старалась по вторникам куда-нибудь слинять из дома.

В этот вторник я стала жертвой собственной нерешительности. Вернувшись из школы, не смогла заставить себя позвонить Тейлору или Мэдисону и позвать их сходить куда-нибудь. На прошлой неделе я ездила в Дулут в компании обоих и еще нескольких их знакомых и спустила там две сотни долларов на туфли для матери, сотню на кофточку для себя и позволила им потратить еще треть этой суммы на мороженое, которое мы так и не съели. Даже тогда я не видела в этой затее никакого смысла, кроме как поразить Мэдисона лихостью в использовании кредитки. Теперь же смысла в такой поездке мне виделось еще меньше, поскольку коробка с туфлями пылилась под маминой кроватью, кофточка сидела не ахти, а я не могла даже вспомнить, как звали всех этих ребят. Кажется, имя одного из них начиналось на букву «Д».

Так что оставалось другое мое излюбленное времяпрепровождение: плюхнуться в джип, укатить куда-нибудь к черту на рога и слушать музыку, представляя, будто нахожусь где-нибудь в другом месте. Обыкновенно мне удавалось убить, таким образом, достаточно времени и вернуться как раз к тому моменту, когда мама укладывалась спать и пик скандала был уже позади. Забавно, но раньше, когда мы еще жили в Калифорнии, у меня был целый миллион поводов свалить из дома, только тогда мне это было не нужно.

Чего мне хотелось по-настоящему, так это позвонить Грейс и выбраться с ней в город или валяться у нее на диване, пока она делает уроки. Случится ли это когда-нибудь снова, я не знала.

Я слишком долго раздумывала над выбором и упустила момент для побега. Я стояла в вестибюле с телефоном в руке, соображая, кому бы позвонить, когда по лестнице рысцой сбежал отец, и в тот же самый миг из гостиной вышла мама. Я оказалась зажата между двумя противоборствующими погодными фронтами. Оставалось лишь покрепче запереть ставни и надеяться, что буря пощадит фигурку гнома на полянке.

Я собралась с духом.

Отец похлопал меня по макушке.

— Привет, котенок.

«Котенок»?!

Я захлопала глазами, а он прошествовал мимо меня, деловитый и могущественный, великан в своем замке. Я точно перенеслась на год назад.

Я смотрела во все глаза, как он подошел к двери и остановился напротив матери. Я ожидала, что они обменяются колкостями, однако вместо этого они поцеловались.

— Что вы сделали с моими родителями? — осведомилась я.

— Ха! — отозвался отец тоном, для описания которого лучше всего подошло бы слово «бодрый». — Я был бы крайне признателен, если бы ты надела что-нибудь, прикрывающее пупок, пока не пришел Маршалл, если, конечно, не собираешься к себе наверх, делать уроки.

Мама одарила меня взглядом, в котором явственно читалось: «Я же тебе говорила», хотя она не сказала по поводу моей кофточки ровным счетом ничего, когда я вернулась из школы.

— Конгрессмен Маршалл? — уточнила я. У отца было множество однокашников, которые пробились в высшие круги, но с тех пор, как умер Джек, он практически перестал с ними общаться. Я слышала немало историй о них, в особенности, когда родители были в подпитии. — Старый гриб Маршалл? Тот самый, который затащил маму в постель перед тем, как это сделал ты?

— Для тебя он мистер Лэнди, — отрезал отец, но он уже стоял на пороге, и голос у него был не особенно рассерженный. — Не смей так говорить о матери, — добавил он, выходя.

Мама развернулась и двинулась обратно в гостиную следом за отцом. Они принялись что-то обсуждать, а потом мама даже рассмеялась.

Во вторник. На дворе был вторник, а она смеялась.

— Что он у нас забыл? — с подозрением спросила я, переходя следом за ними из гостиной в кухню.

Половину кухонного стола занимали чипсы и какие-то овощи, а другую половину — скоросшиватели, папки и исписанные блокноты.

— Ты так и не переделалась, — напомнила мама.

— Я уйду, — отозвалась я. Решение было принято в эту самую минуту. Все папашины друзья мнили себя страшными остроумцами, хотя в действительности дело обстояло ровно наоборот, поэтому выбор был сделан. — Так что нужно Маршаллу?

— Мистеру Лэнди, — поправил меня отец. — Нам нужно обсудить кое-какие юридические вопросы, и вообще, мы с ним давно не виделись.

— Какой-то процесс?

Кое-что привлекло мое внимание, и я подобралась поближе к заваленной бумагами части стола. Разумеется, слово, которое бросилось мне в глаза — волки, было повсюду. У меня похолодело под ложечкой. В прошлом году, до того, как я познакомилась с Грейс, это был бы сладкий холодок мести, предвкушения, как волки поплатятся за убийство Джека. Теперь же, как это ни поразительно, я не испытывала ничего, кроме страха.

— Что-то о законе, который защищает волков в Миннесоте?

— Недолго ему осталось их защищать, — улыбнулся отец. — У Лэнди есть кое-какие идеи. Возможно, удастся уничтожить всю стаю.

Так вот почему он так развеселился? Потому что они с Лэнди и мамой собрались уединиться и избрести какой-то план по истреблению волков? Можно подумать, это вернет Джека.

Между прочим, где-то в этих лесах находилась Грейс. Ему об этом не было известно, но он собирался убить и ее тоже.

— Фантастиш, — отозвалась я. — Все, я пошла.

— Куда ты? — спросила мама.

— К Мэдисону.

Мама застыла с надорванной пачкой чипсов в руках. Такого количества закусок хватило бы на весь конгресс Соединенных Штатов.

— Ты в самом деле к Мэдисону или просто считаешь, что мне некогда будет проверять?

— Ладно, — сказала я. — Я еду к Кении, а кто там еще сядет мне на хвост, понятия не имею. Довольна?

— Вне себя от радости, — отозвалась мама.

Я вдруг заметила, что на ней те самые туфли, которые я купила ей на прошлой неделе. Это вызвало у меня странное чувство. Мама с папой улыбаются, она в новых туфлях, а я гадаю, не собираются ли они разнести моей подруге голову из крупнокалиберного ружья.

Я подхватила сумочку и вышла на улицу, к своему джипу. Плюхнувшись на мягкое сиденье, не стала заводить мотор, а просто сидела, зажав в руке телефон, и пыталась сообразить, что делать. Я знала, какие шаги следует предпринять, не знала лишь, хочу этого или нет. Шесть вторников с тех пор, как я разговаривала с ним в прошлый раз. Может, к телефону подойдет Сэм. Можно ведь поговорить с Сэмом.

Нет. С Сэмом нужно поговорить. Ведь конгрессмен Маршалл Лэнди и мой папаша могут в самом деле до чего-то додуматься на своем маленьком военном совете под чипсы. У меня не оставалось выбора.

Я закусила губу и набрала номер дома Бека.

— Да?

Голос на том конце провода был бесконечно знакомым, и холодок под ложечкой превратился в судорогу.

Не Сэм.

— Коул, это я, — неожиданно для самой себя ледяным тоном произнесла я.

— О, — сказал он и повесил трубку.

3

ГРЕЙС

Счет времени вместо меня вел мой урчащий желудок, и мне казалось, миновала целая вечность, прежде чем я наткнулась на какое-то заведение. Первым мне встретился магазин «Охота и рыбалка», унылое серое строение в гуще деревьев чуть поодаль от дороги, которое выглядело так, будто выросло на этой болотистой почве само собой. Чтобы добраться до входа, пришлось шлепать по подтаявшей снежной каше, которая покрывала изрытую колдобинами неасфальтированную парковку. Вывеска на дверях гласила, что, если я хочу вернуть ключи от взятого напрокат грузовика, ящик для ключей находится с тыльной стороны здания. Другая вывеска извещала о том, что у хозяев имеются щенки гончей на продажу. Два мальчика и одна девочка.

Я взялась за дверную ручку и еще раз повторила про себя свою историю. Конечно, всегда оставался шанс быть узнанной — я с некоторым потрясением осознала, что понятия не имею, много ли времени прошло с момента моего превращения в волчицу и насколько широко освещалось в прессе мое исчезновение. В Мерси-Фоллз и засорившийся унитаз мог попасть на первую полосу.

Я вошла внутрь, прикрыв за собой дверь, и поморщилась: в помещении было невыносимо жарко и воняло застарелым потом. Я плутала между полками с рыболовными снастями, крысиным ядом и пузырчатой пленкой, пока не увидела в дальнем углу прилавок. Над прилавком склонился тщедушный старик, и я немедленно поняла, что запах пота исходит от него и его полосатой рубахи.

— Вы хотите взять грузовик напрокат?

Старичок распрямился и сощурился на меня сквозь квадратные очки. За спиной у него висели рулоны скотча, каким обматывают коробки с вещами при переезде. Я попыталась дышать ртом.

— Здравствуйте, — сказала я, — нет, не хочу.

Потом вздохнула, папустила на себя слегка трагический вид и принялась излагать свою легенду.

— Понимаете, мы с подругой только что разругались в пух и прах, и она высадила меня из своей машины. Можете себе представить? Вы не позволите мне от вас позвонить?

Он нахмурился, и я испугалась — вдруг я вся в грязи или волосы растрепаны? На всякий случай я пригладила их руками.

— Что-что? — переспросил он.

Я повторила свой рассказ, стараясь не запутаться и все с тем же трагизмом в голосе. Последнее было не так уж и сложно. Вид у него был по-прежнему нерешительный, и я добавила:

— Позвонить? По телефону? Чтобы кто-нибудь приехал и забрал меня.

— Ну да, — произнес он, наконец. — Звонок-то хоть местный или нет?

Забрезжила искра надежды. Я понятия не имела, местный это будет звонок или нет, поэтому ответила:

— В Мерси-Фоллз.

— А-а, — протянул он, что не было ответом на мой вопрос. — Ну да...

Повисло томительное молчание. До меня донеслись раскаты чьего-то смеха.

— Сейчас жена разговаривает по телефону, — сказал он наконец. — Но когда она закончит, можете позвонить.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Кстати, где мы находимся? Мне нужно сказать моему приятелю, откуда меня забирать.

— Ну да, — произнес он опять. Думаю, эта фраза ничего для него не значила; он просто заполнял ею паузы. — Скажите ему, что мы в двух милях от Бернтсайда.

Бернтсайд. От Мерси-Фоллз до Бернтсайда было почти полчаса езды по извилистой двухполосной дороге. При мысли о том, что я преодолела такое расстояние, сама того не сознавая, точно лунатик, мне стало не по себе.

— Спасибо, — сказала я.

— По-моему, у вас к подошве собачье дерьмо прилипло, — сообщил он мне благожелательно. — Пахнет.

Я сделала вид, будто рассматриваю подошвы туфель.

— Ох, и правда. А я-то голову ломала, откуда воняет.

— Думаю, это надолго, — предупредил он. До меня не сразу дошло, что он имеет в виду свою жену и телефон.

Намек был предельно ясен.

— Пойду пока погуляю по магазину, — сказала я, и старичок явно вздохнул с облегчением, как будто посчитал себя обязанным развлекать меня все время, пока я буду торчать у прилавка.

Как только я отошла к стеллажу с приманками, как он снова склонился над прилавком и принялся там рыться. Его жена продолжала болтать по телефону, время от времени заливаясь своим странным мающим смехом, а я про должна наслаждаться запахом немывтого тела.

Я осмотрела удочки, оленью голову в розовой бейсболке и муляжи сов для отпугивания птиц. В углу стояли баночки с мучными червями. Пока я таращилась на них, чувствуя, как и животе поднимается волна не то омерзения, не то предчувствия грядущего превращения, дверь снова распахнулась и в магазин вошел мужчина в кепке от Джона Диры. Они с потным старичком обменялись приветствиями. Я задумчиво погладила пальцем край ярко-оранжевого собачьего ошейника, прислушиваясь к себе и пытаюсь определить, стоит сегодня ждать еще одного превращения или нет.

Внезапно мое внимание привлек разговор этих двоих. Мужчина в кепке говорил:

— Нет, пора уже принимать решительные меры. Сегодня один из них стащил у нас с крыльца мешок с мусором. Жена считает, что это собаки, но я видел следы. У собак таких больших лап не бывает.

Волки. Они говорили про волков.

Про меня.

Я вжала голову в плечи и пригнулась, как будто рассматривала собачий корм на нижней полке металлического стеллажа.

— Я слышал, Калперер пытается кое-что организовать, — сказал старик.

Тот, что был в кепке, громко фыркнул.

— Как в прошлом году? Все равно ничего не вышло. Только еще больше их раздражил, вот и все. Неужели в этом году лицензии на рыбную ловлю столько стоят?

— Столько, столько, — закивал старик. — Но сейчас он задумал кое-что другое. Он пытается устроить то же самое, что и в Айдахо. С вертолетами и... киллерами. Нет, перепутал. Со снайперами. Да, снайперами. Он пытается внести изменения в закон.

Желудок снова подступил к горлу. Опять Том Калперер. Сначала он подстрелил Сэма. Потом Виктора. Когда он наконец уймется?

— Посмотрим, как он добьется этих изменений в обход «зеленых», — хмыкнул мужчина в кепке. — Волки занесены в Красную книгу, или как там она называется. Мой двоюродный брат схлопотал кучу проблем, когда несколько лет назад сбил одного на дороге. Еще и машину угробил. Калпереру придется попотеть.

Старик долго не отвечал, шурша чем-то под прилавком.

— Хочешь? Нет? Ну да, но он сам важная шишка в адвокатском мире. И парня его волки загрызли. И если у кого-то и получится, это у него. В Айдахо тогда со всей стаей разом покончили. Или, может, это было в Вайоминге. В общем, где-то в тех краях. Со всей стаей.

— Но не за то же, что они растаскивали мусор, — заметил тот, в кепке.

— На овец нападали. А уж когда волки убивают детей, это куда хуже овец. Так что у него может и мы гореть. Кто знает. — Он помолчал. — Эй, мисс! Мисс! Телефон освободился.

Живот у меня снова свело. Я поднялась, скрести и руки на груди; оставалось только надеяться, что посетитель в кепке не опознает платье, но он лишь мазнул по мне равнодушным взглядом и отвернулся. Судя по всему, он не относился к категории мужчин, способных ценить женские наряды. Я протиснулась мимо него. Старик передал мне телефон.

— Я совсем недолго, — пообещала я.

Старик ничем не выказал, что слышал мои слова. Пока я отходила в дальний угол, мужчины продолжили разговор, но уже не о волках.

Я посмотрела на телефонную трубку и поняла, что есть всего три номера, по которым я могу позвонить. Сэма. Изабел. Моих родителей.

Родителям звонить было решительно невозможно.

Немыслимо.

Я набрала номер Сэма. Перед тем как нажать кнопку с последней цифрой, я сделала глубокий вдох, закрыла глаза и изо всех сил послала ему отчаянный мысленный призыв снять трубку. Глаза щипало от слез. Я яростно сморгнула.

Гудок. Второй. Третий. Четвертый. Шестой. Седьмой.

Надо было настраиваться на мысль, что он может и не ответить.

— Алло?

Колени у меня подкосились. Пришлось присесть на корточки и ухватиться рукой за металлическую полку, чтобы удержаться на ногах. Краденое платье парашютом разлетелось по полу.

— Сэм, — прошептала я.

Повисло молчание. Оно тянулось так долго, что я даже испугалась, вдруг он повесил трубку.

— Ты там? — спросила я наконец.

Он рассмеялся; смех был странный, дрожащий.

— Я... я не поверил, что это на самом деле ты. Ты... Я не поверил, что это на самом деле ты.

Я позволила себе подумать об этом, потом о том, как его машина останавливается у магазина, его руки обвивают мою шею, я оказываюсь в безопасности, я снова становлюсь собой и изо всех сил делаю вид, будто никогда больше его не покину. Мне так этого хотелось, что даже живот заболел.

— Ты заберешь меня отсюда? — спросила я.

— Где ты?

— В магазине «Охота и рыбалка» в Бернтсайде.

— Ничего себе, — И сразу же: — Уже еду. Через двадцать минут буду. Уже в пути.

— Я буду ждать на парковке, — сказала я и утерла слезинку, которая каким-то образом умудрилась выкатиться из глаза, а я и не заметила.

— Грейс...

Он запнулся.

— Я знаю, — сказала я. — И я тебя тоже.

СЭМ

Без Грейс я жил в сотне различных мгновений одновременно. Каждая секунда была заполнена чужой музыкой или книгами, которые я никогда не читал. Работой. Выпечкой хлеба. Чем угодно, лишь бы это позволяло не думать. Я разыгрывал обыденность, изображал перед самим собой, что провожу самый обычный день без нее, а завтра она придет и жизнь продолжится, как будто и не прерывалась.

Без Грейс я превратился в вечный двигатель, работающий на неспособности спать и страхе остаться наедине со своими мыслями. Каждый день становился точной копией предыдущего, каждая ночь — точной копией дня. Все было не так: дом, в котором было слишком много Коула Сен-Клера и никого больше, снова и снова всплывающий в памяти образ Грейс, покрытой собственной кровью и превращающейся в волчицу, я сам, неизменный, не подвластный смене времен года. Я ждал поезда,

которому никогда не суждено было прибыть на станцию. Но перестать ждать я не мог, иначе кем бы я был? Я смотрел на свой мир в зеркало.

Рильке сказал: «Не в этом ли судьба: стоять напротив... Других уделов нет. Всегда напротив».¹

Без Грейс у меня остались лишь песни о ее голосе и об эхе, которое продолжало звучать, когда она умолкла.

А потом она позвонила.

Когда зазвонил телефон, я, воспользовавшись погожим деньком, мыл свой «фольксваген», оттирал остатки песка и соли, наследие нескончаемой зимы. Передние стекла были опущены, чтобы слышно было музыку. Эта мелодия всегда будет связана с полным надежды мгновением, когда я услышал в телефонной трубке ее голос. «Ты заберешь меня отсюда?»

Машина и руки были в мыльной пене, но тратить время на сушку я не стал. Бросил на пассажирское сиденье телефон и повернул ключ в зажигании. Я дал задний ход, меня снедало такое нетерпение, что я, переключив передачу с обратной на первую, все давил и давил на газ, хотя нога соскальзывала с педали. Сердце билось в такт торжествующему реву двигателя.

В вышине раскинулось бескрайнее небо, голубое, с белыми барашками облаков, точно инкрустированными тончайшими льдинками, но они были слишком высоко, я не чувствовал их здесь, на теплой земле. Только минут через десять я заметил, что забыл закрыть окна; воздух высушил мыльную пену на руках, превратив ее в белые полосы. Впереди тащилась какая-то машина; я обогнал ее, хотя обгон в том месте был запрещен.

Через десять минут рядом со мной будет сидеть Грейс. Все будет хорошо. Я уже чувствовал ее пальцы, сплетенные с моими, ее щеку, прижатую к моей шее. Казалось, я не обнимал ее уже много лет. Не целовал целую вечность. Не слышал ее смеха с сотворения мира.

Я изнемогал от надежды. Два последних месяца мы с Коулом питались бутербродами с джемом, консервированным тунцом и замороженными буррито. Теперь, когда Грейс вернулась, мы будем жить по-человечески. У нас где-то завалилась банка соуса для спагетти и макароны. Почему-то мне казалось невероятно важным приготовить в честь ее возвращения нормальный обед.

Каждая минута приближала меня к ней. В голове неотступно крутились тревожные мысли, и самая главная касалась родителей Грейс. Они вбили себе в голову, что я каким-то образом приложил руку к ее исчезновению, поскольку прямо перед тем, как превратиться в волчицу, она разругалась с ними из-за меня. За два месяца ее отсутствия мне пришлось пережить допрос в полиции и обыск моей машины. Мать Грейс под различными предлогами прогуливалась мимо книжного магазина в мою смену и старалась заглянуть в окно, пока я делал вид, будто не замечаю ее. В местной газете появились статьи об исчезновении Грейс и Оливии, где была изложена вся моя подноготная, кроме разве что имени.

В глубине души я знал, что все это: Грейс в теле волчицы, враждебность ее родителей, я в своем ионом теле в Мерси-Фоллз — гордиев узел, который невозможно распутать. Но если вернется Грейс, все будет хорошо.

Я едва не проехал мимо магазинчика, неприметного строения, почти скрытого чахлыми соснами. Когда я свернул на парковку, «фольксваген» накренился, угодив колесом в одну из многочисленных выбоин, заполненных грязной водой; я слышал, как она плещется под днищем. Я притормозил и оглядел площадку. За магазином стояли на приколе несколько прокатных грузовиков. А рядом с ними, у деревьев...

Я приткнул машину на краю участка и вышел, не глуша двигатель. И тут же споткнулся о деревянную шпалу. Под ногами во влажной траве лежало цветастое платье. В нескольких шагах от него валялся шлепанец, чуть поодаль, на боку, другой. Я сделал глубокий вдох, наклонился и поднял платье, поднес смятый ком материи к лицу и ощутил еле уловимый запах Грейс, скорее даже воспоминание о запахе. Я распрямылся и сглотнул.

Отсюда хорошо был виден бок «фольксвагена», забрызганный дорожной грязью. Как будто его и не мыли.

Я уселся обратно за руль, положил платье на заднее сиденье, уткнулся носом в сложенные лодочкой руки и долго-долго сидел, дыша одним и тем же воздухом и глядя поверх приборной панели на брошенные шлепанцы.

Когда я сам был волком, мне было намного легче.

¹ Рильке Р. М. Дуинские элегии. Перевод В. Микушевича. (Здесь и далее прим. перев.)

КОУЛ

Теперь, когда стал оборотнем, я был самим собой: Коулом Сен-Клером, а когда-то был душой «Наркотики».

Я тогда думал, что если убрать рокошущие басы «Наркотики», вопли нескольких тысяч фанатов и расписанный на месяцы вперед гастрольный график — от меня ничего не останется. Однако миновали месяцы и я никуда не делся, и под ороговелой кожей, которую я сбросил, отросла новая. Теперь я стал поклонником немудрящих жизненных радостей и горячих бутербродов с сыром без подгорелой корочки, джинсов, которые не врезались в самые нежные части тела, капельки водки, здорового сна вволю.

Не знаю, насколько в эту картину вписывалась Изабел.

Дело и том, что о водке и горячих бутербродах с сыром большую часть времени я мог даже не вспоминать. А вот об Изабел сказать то же самое было невозможно. Но эти мысли нельзя было назвать и сладкими грезами. Они были скорее как зуд в паху. Когда ты чем-то занят, почти о нем не помнишь, но стоит только остановиться, туши свет.

Прошло уже почти два месяца, а о ней не было ни слуху ни духу, несмотря на несколько крайне завлекательных сообщений, которые я оставил на ее автоответчике.

Сообщение первое: «Привет, Изабел. Я лежу в постели, почти голый, смотрю в потолок и думаю... о твоей матери. Позвони мне».

Думаете, она позвонила?

Черта с два.

Я не мог оставаться в доме, когда телефон смотрел на меня буквально отовсюду, поэтому обулся и вышел на улицу. После того как поучаствовал в похищении Грейс из больницы, я еще больше углубился в исследования непонятных сил, заставляющих нас превращаться в волков. Здесь, в глуши, не было никакой возможности рассмотреть нас под микроскопом и получить настоящие ответы. Но я уже запланировал несколько экспериментов, для которых не требовалась лаборатория — только удача, мое тело и немного мужества. А для одного из упомянутых экспериментов не помешало бы заполучить еще какого-нибудь волка. Так что время от времени я совершал вылазки в лес. Вернее, набег. Так Виктор называл наши полуночные походы в магазин за каким-нибудь фастфудом. Я совершал набег в Пограничный лес во имя науки. Чувствовал себя обязанным довершить начатое.

Сообщение второе представляло собой полудо-раминутный фрагмент песни «I've Gotta Get a Message to You» из репертуара «Би джиз».

Сегодня погода была теплая, и я чувял запах абсолютно каждой твари, которая когда-либо обитала в лесу. Я отклонился от своего обычного маршрута.

«Коул, это я».

Я просто сходил с ума. Если голос принадлежал не Изабел, значит, Виктору. В голове становилось чересчур многолюдно. Если я в своем воображении не снимал лифчик с Изабел, то гипнотизировал взглядом телефон, а если нет, то вспоминал, как папаша Изабел швырнул труп Виктора на дорогу. Между ними и Сэмом я жил с тремя призраками.

Сообщение третье: «Мне скучно. Хочется развлечений. Сэм моет пол. По-моему, скоро я пришибу его собственной гитарой. Во-первых, хоть какое-то занятие, а во-вторых, может, он хоть тогда что-нибудь скажет. Двух зайцев одним выстрелом! По-моему, в старых поговорках и стишках чересчур много жестокости. Взять, например, эту детскую песенку "Кольцо из роз". Все так веселятся, когда ее поют, а ведь она о чуме, ты в курсе? Конечно в курсе. Вы с чумой родственные души. Слушай, а с тобой Сэм разговаривает? Мне он вообще ни хрена не говорит. Мне до смерти скучно. Позвони».

Черт. Ведь собирался же думать о своих экспериментах. Поймать волка оказалось чертовски сложно. Из всякого хлама, обнаруженного в подвале дома Бека, я соорудил множество разнообразных капканов, силков, ловушек и приманок, в которые угодило точно такое же множество разнообразных животных. И ни одного представителя вида *canis lupus*². Не знаю даже, что злило меня сильнее — очередное бесполезное животное в ловушке или необходимость изобретать способ извлечь его оттуда, не поплатившись рукой или глазом.

² Волк обыкновенный (лат.).

Я стал очень проворным.

«Коул, это я».

У меня в голове не укладывалось, что она все-таки перезвонила, но не подумала даже извиниться. Может, она как раз собиралась, но я пропустил это шоу, повесив трубку?

Сообщение четвертое: «Иглз», «Отель "Калифорния"» от начала до конца, только слово «Калифорния» везде заменено на «Миннесоту».

Я пнул трухлявое бревно, и оно разлетелось на дюжину черных осколков. Значит, я отказался спать с Изабел. Первый порядочный поступок за несколько лет. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, как говаривала моя матушка. Это был ее девиз. Наверное, про то, что когда-то меняла мне подгузники, она теперь тоже так думала.

Я очень надеялся, что Изабел сейчас гипнотизирует свой телефон. Наверняка, пока я тут гуляю по лесу, она названивает мне уже в сотый раз. И ей сейчас так же больно, как было мне.

Сообщение пятое: «Привет, это Коул Сен-Клер. Хочешь, скажу тебе две вещи? Во-первых, ты никогда не берешь трубку. Во-вторых, я не перестану оставлять тебе длинные сообщения. Это что-то вроде терапии. Мне нужно выговориться. Представляешь, что я узнал сегодня? Виктора больше нет. Я и вчера тоже об этом узнал. Я каждый день узнаю об этом заново. Не знаю, какого черта я здесь делаю. У меня такое чувство, что я никому здесь не могу...»

Я проверил ловушки. После дождя, который последние несколько дней не давал носа наружу высунуть, все было покрыто грязью. Влажная земля чавкала под ногами, а ловушки снова ничего не принесли. В той, что на бугре, было пусто. В стоящую у дороги попался енот. В ложбине — ноль. А ловушка нового вида неподалеку от сторожки была полностью уничтожена: колышки выдраны из земли, проволочные петли разбросаны вокруг, небольшие деревья поломаны, вся приманка съедена. Такое впечатление, будто я пытался поймать Ктулху³.

Необходимо было пустить в ход волчью логику, но только затруднительно сделать это, временно не будучи волком.

Я подобрал обломки ловушки и двинулся к сторожке поискать что-нибудь такое, чем можно ее отремонтировать. В жизни мало вещей, которые нельзя починить при помощи кусачек.

«Коул, это я».

Не подумаю даже ей перезванивать.

Откуда-то пахло мертвечиной. Еще не разлагающейся, но очень скоро собирающейся перейти в эту стадию.

Я ничего плохого не сделал. Пусть теперь Изабел звонит мне двадцать раз, как я ей звонил.

Сообщение шестое: «Ну, в общем, прости, пожалуйста. В прошлый раз я немного зарпортовался. Ничего выражение? Сэм так сказал на днях. Послушай, как тебе такая теория: я думаю, он — реинкарнация мертвой английской домохозяйки в теле битла. Знаешь, у меня были знакомые, которые на концертах пели с фальшивым английским акцентом. Получалось фигово, и вообще они были придурки. Не помню, как называлась их группа. Склероз, наверное, а может, я просто слишком загадил себе мозги всякой дрянью, и ничего уже не держится. Но что-то я все о себе да о себе. Как ты-то поживаешь, Изабел Розмари Калперер? Улыбалась в последнее время? "Хот Тоддиз". Так группа называется. "Хот Тоддиз"».

Я порезал ладонь проволокой и выругался. На то, чтобы выпутаться из мешанины металла и дерева, ушло несколько минут. Я швырнул сломанный силок на землю перед собой и уставился на него. Все равно никто в этот кусок дерьма не попадет. С таким же успехом я мог бросить его в лесу. Никто не просил меня разыгрывать великого ученого.

Никто не запрещал мне уехать. До зимы превращение в волка мне не грозит, а до того времени я волен идти куда хочется. Хоть обратно домой. Вот только дом теперь был для меня просто местом, где стоял в гараже мой черный «мустанг». Я чувствовал себя там точно таким же чужаком, как и здесь, в компании волков Бека.

Мне вспомнилась искренняя улыбка Грейс. И вера Сэма в мою теорию. И то, что Грейс до сих пор жива благодаря мне. У меня снова появилась цель в жизни, и в этом было что-то смутно волнующее.

Я слизнул с порезанной ладони кровь, наклонился и подобрал разорванный силок.

Сообщение двадцатое: «Зря ты не берешь трубку».

³ Ктулху — вымышленное существо, божество. Впервые упомянут в рассказе Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху» (1928).

5

ГРЕЙС

Я наблюдала за ним.

Я лежала в сырых кустах, подобрыв под себя хвост, взвинченная и настороженная, но не могла отвести от него взгляда. Солнце клонилось к горизонту, вызолочивая листву с изнанки, а он все стоял и стоял. Его крики и собственная зачарованность вызывали у меня дрожь. Я положила морду на передние лапы, прижала уши к голове. Ветер доносил его замах. Он был мне знаком. Каждая частица моего тела знала его.

Я хотела, чтобы меня нашли.

И хотела бежать прочь.

Его голос то отдалялся, то снова приближался. Временами он отходил так далеко, что я почти переставала его слышать. Я приподнималась в своем убежище, размышляя, не двинуться ли на голос. Потом птицы снова затихали при его приближении,

И я поспешно ныряла в заросли, скрывавшие меня. Каждым разом он заходил все дальше и дальше.

В промежутки между его уходом и возвращением становились все продолжительнее. А во мне росло беспокойство.

Может, пойти за ним?

Он возвратился снова после долгого периода почти полной тишины. На этот раз он подобрался совсем близко, и я могла видеть его из своего убежища, где лежала, незримая и неподвижная. На миг показалось, что он заметил меня, но его взгляд был устремлен на какой-то более далекий объект. При виде его глаз в брюхе засосало от нерешительности. Что-то внутри напряглось и перекатилось, рождая ноющую боль. Он рупором приложил ко рту руки и закричал.

Если бы я поднялась, он непременно увидел бы меня. Желание быть увиденной, приблизиться к нему было настолько сильным, что я негромко заскулила. Я почти догадывалась, чего он хочет. Я почти догадывалась...

— Грейс!

Это слово пронзило меня.

Он все еще меня не видел. Просто звал в пустоту и ждал хоть какого-нибудь отклика.

Мне было очень страшно. Инстинкты прижимали тело к земле. «Грейс». Это слово снова и снова звучало внутри меня, с каждым повтором утрачивая остатки смысла.

Он развернулся, понунив голову, и медленно побрел прочь, навстречу косым лучам солнца на границе леса. Меня охватило нечто похожее на панику. «Грейс». Слово постепенно ускользало. Я чувствовала себя потерянной. Я...

Я поднялась. Если он обернется, то не может не увидеть меня, темно-серую тень на фоне черных деревьев. Нужно, чтобы он остался. Может быть, тогда это ужасное ощущение где-то внутри отпустит? Я стояла, открытая всем взглядам, совсем близко к нему, и от осознания этого у меня подкашивались мим.

Только бы он обернулся.

Но он не обернулся. Он уходил все дальше и дальше, унося с собой нечто, утраченное мною, отбирая у меня значение того слова — «Грейс», — и даже не подозревал, как близко ко мне подошел.

А я осталась молча смотреть, как он удаляется от меня.

6

СЭМ

Мне приходилось жить в зоне боевых действий.

Когда я свернул на подъездную дорожку, ведущую к дому, на машину обрушилась ударная волна музыки. Воздух вокруг дома содрогался от мощных басовых нот, все здание превратилось в один мощный динамик. Ближайшие соседи жили в многих акрах от нас, поэтому от симптомов заболевания под названием Коул Сен-Клер они были избавлены. Присутствие Коула было таким всеобъемлющим, что в четырех стенах ему становилось тесно. Оно выплескивалось из окон, рвалось из колонок стереосистемы, взрывалось внезапным криком посреди ночи. Даже лишившись сцены, он все равно продолжал оставаться рок-звездой.

С тех пор как Коул поселился в доме Бека — нет, в моем доме, — он превратил его в какую-то инопланетную территорию. Такое впечатление, что он против воли крушил все, его окружающее; хаос был побочным эффектом самого его существования. Он раскидывал коробки от компакт-дисков по полу в гостиной, оставлял телевизор включенным на рекламном канале, бросал на плите сковороды с намертво пригоревшими ошметками чего-то липкого. Пол в коридоре первого этажа был испещрен глубокими выбоинами и отметинами когтей, которые вели из комнаты Коула в ванную и обратно, этакий волчий алфавит. Он зачем-то вытаскивал из буфета все стаканы и выстраивал их по размеру на кухонном столе, оставляя все дверцы шкафчиков открытыми нараспашку; десятками смотрел старые фильмы, а перемотанные до середины кассеты бросал прямо на полу перед видеомagneфоном, который выкопал где-то в подвале.

Когда я впервые пришел домой и увидел ужасный разгром, то испугался, что сам все это натворил. Мне понадобилось несколько недель, чтобы понять: я тут совершенно ни при чем. Дело было в Колуле. И никого, кроме себя самого, Коул в расчет не брал.

Я вылез из машины и двинулся к дому. Задерживаться там надолго я не собирался, поэтому о музыке можно было не беспокоиться. Прежде чем вернуться в лес, я хотел взять кое-какие вещи. Фонарик. Бенадрил. Проволочную клетку из гаража.

Нужно было еще захватить в магазин за фаршем — в него я собирался заложить таблетки.

Меня занимал вопрос, обладают ли волки свободой ноли и можно ли считать меня чудовищем за то, что я думал подбросить моей девушке снотворное и притащить ее к себе домой и держать там в подвале. Просто... просто волку, чтобы погибнуть, не так много и надо: чуть замешкался на шоссе, несколько дней не добыл ничего на охоте, подобрался слишком близко к чьему-нибудь заднему двору или случайно наткнулся на пьяного жлоба с ружьем — и готово.

Я жил с предчувствием потери.

Терпеть это дальше было невыносимо.

Когда я открыл заднюю дверь, басовый гул превратился в музыку. Певец искаженным динамиком голосом ревел: «Задохнись-задохнись-задохнись». Тембр показался мне знакомым, и я вдруг осознал: да это «Наркотика», поющая на такой громкости, что ее рокочущий ритм вдруг показался мне биением моего собственного сердца. Музыка отдавалась в костях.

Я даже не стал здороваться с Коулом, все равно в таком грохоте он меня не услышал бы. Свет, который он и не думал за собой выключать, выдавал историю его передвижения: через кухню в коридор и оттуда в его комнату, потом в ванную, а из нее — в гостиную, где стояла аудиосистема. Я хотел было отловить его, но времени охотиться еще и за ним вдобавок к Грейс не было. Я нашел в шкафчике рядом с холодильником фонарь, взял со стола банан и двинулся в коридор, споткнувшись по пути о грязные ботинки Коула, как попало разбросанные на проходе. Теперь я заметил, что и пол на кухне тоже покрыт грязью; в тусклом желтом свете виднелись следы подошв Коула, ходившего кругами перед шкафчиками.

Я запустил пятерню в волосы. Хотелось выругаться, но я сдержался. Что сделал бы на моем месте Бек?

Мне вдруг вспомнился пес, которого Ульрик как-то раз притащил домой с работы. Это был почти взрослый ротвейлер со странной кличкой Шофер.

Он весил примерно как я, был слегка облезлым и обладал весьма дружелюбным нравом. Ульрик улыбался до ушей, разглагольствуя о сторожевых собаках «Shutzhunde», называл он их — и о том, что со временем я полюблю Шофера как брата. За час, проведенный в доме, Шофер успел заглотить четыре фунта фарша, пожевать обложку биографии Маргарет Тэтчер — думаю, он сожрал и большую часть первой главы тоже, — и оставить на диване дымящуюся кучку.

— Убери этого лангольера к чертовой матери, — велел Бек.

Ульрик назвал Бека словом «Wichser» и ушел вместе с псом. Бек попросил меня никогда не повторять этого слова, его говорят невежественные немцы, когда понимают, что не правы, а несколько часов спустя Ульрик вернулся без Шофера. С тех пор я никогда больше не сидел на том краю дивана.

Но я не мог выставить Коула за дверь. Ему больше некуда было идти. И вообще, дело не в том, что Коул был в принципе невыносим. Его трудно было вынести «неразбавленным», ничем и никем не приглушенным.

Дом был совершенно иным, когда в нем оказывалось полно народу.

В гостиной на пару секунд воцарилась тишина, а потом динамики взорвались еще одной песней «Наркотики». В коридоре загремел голос Коула, громче и нахальней, чем он был в жизни:

*Разбей меня на куски
Такого размера, чтоб они уместились
В твоей ладони, крошка
Я никогда не думал, что ты спасешь меня
Отбей кусок
Для своих друзей
Отбей кусок
Себе на удачу
Отбей кусок
И продай продай
Разбей меня разбей меня.*

Слух у меня стал не такой острый, как в те времена, когда я был волком, однако все равно был лучше, чем у большинства обычных людей. Музыка налетела на меня как нечто материальное, мимо нее приходилось буквально протискиваться.

В гостиной никого не было, и я торопливо прошел насквозь к лестнице, решив, что музыку выключу на обратном пути. В аптечке в нижней ванной тоже хранились кое-какие лекарства, но я не мог заставить себя войти туда. Слишком много воспоминаний было связано у меня с ванной. К счастью, Бек, памятуя о моем прошлом, держал еще одну аптечку в верхней ванной, где была только душевая кабинка.

Даже на втором этаже басы отзывались дрожью в подошвах. Я закрыл за собой дверь и позволил себе смыть с рук засохшие потеки мыльной пены. Шкафчик был битком набит свидетельствами пребывания в доме других людей, как это обычно случается в общих ваннах, и в этом ощущалось что-то смутно неприятное. Чужие мази и пасты, таблетки от недугов, которые не беспокоили больше их обладателей, расчески с волосами не моего цвета на зубцах и ополаскиватель для зубов с истекшим пару лет назад сроком годности. Давно пора избавиться от этого хлама, нужно только выкроить время.

Я осторожно вытащил флакончик с бенадрилом, и, закрывая шкафчик, краем глаза заметил свое отражение в зеркале. Волосы у меня отросли до непотребной длины, желтые глаза казались еще более светлыми в сравнении с темными кругами, которые залегли под ними. Но не волосы и не цвет глаз привлекли мое внимание, а что-то незнакомое в выражении лица, какая-то смесь беспомощности и уныния; кем бы ни был этот новый Сэм, я его не знал.

Я схватил фонарь и банан, которые оставил на краю раковины. Пока я тут прохлаждаюсь, Грейс, быть может, уходит все дальше и дальше.

Я сбежал по лестнице, перескакивая через ступеньку, в рокочущую музыку. В гостиной все так же никого не было, и я двинулся выключить стерео-систему. Комната производила странное впечатление: торшеры у клетчатых диванов отбрасывали тени во все стороны, из динамиков грохотала музыка, но никто ее не слушал. Не по себе было скорее из-за ламп, чем из-за пустоты. Они слегка отличались друг от друга, с темными деревянными основаниями и кремовыми абажурами; в дом их принес Бек, после чего Пол заявил, что теперь дом уж точно похож на дом его бабушки. Наверное, именно поэтому торшерами никогда не пользовались; мы предпочитали включать более яркую люстру на потолке. В ее свете выцветшая красная обивка дивана выглядела менее убогой, а ночной мрак за окнами казался не таким непроглядным. Теперь же сдвоенные озера электрического света на полу напомнили мне лучи прожекторов на сцене.

Я подошел к дивану.

Гостиная вовсе не была пустой.

В темном углу у дивана лежал на боку волк. Его тело конвульсивно подергивалось, пасть была полуоткрыта, зубы обнажены. Я узнал цвет шкуры и невидящие зеленые глаза. Коул.

Я застал его в процессе превращения. Логика подсказывала, что это должно быть превращение, то ли из человека в волка, то ли из волка в человека, но все равно мне стало не по себе. Я с минуту понаблюдал за ним, пытаюсь понять, не надо ли открыть дверь, чтобы выпустить его наружу.

Песня закончилась, и грохочущая музыка умолкла; в ушах до сих пор стояли призрачные отзвуки ритма. Я аккуратно положил свои запасы на диван; по спине побежали мурашки нехорошего предчувствия. Коула за другим диваном все еще били конвульсии, голова его снова и снова подергивалась, бессмысленно-неистово, механически. Прямые, точно шомполы, лапы были растопырены. Из полуоткрытой пасти вытекала слюна.

Это не было превращение. Это был припадок.

Я вздрогнул от неожиданности, когда в воздухе грянул фортепианный аккорд, но это оказалась всего лишь следующая дорожка на диске.

Я протиснулся в угол и присел рядом с Коулом на корточки. На ковре рядом с ним валялись брюки, а в нескольких дюймах от них — наполовину пустой шприц.

— Коул, — ахнул я, — что ты с собой сделал?

Запрокинутая волчья голова продолжала подергиваться.

Из динамиков полился голос Коула, медленный и неуверенный на фоне аккомпанемента одинокого пианино; это был совершенно другой Коул, которого я никогда прежде не слышал.

*Если я Ганнибал,
Где тогда мои Альпы?*

Помощи ждать было не от кого. Вызывать «скорую» нельзя. Бек далеко. Кэрин, моей начальнице, объяснять все было бы слишком долго, даже если бы я решился доверить ей нашу тайну. Возможно, Грейс могла бы дать дельный совет, но и она была в лесу, скрытая от меня. Чувство неотвратимой утраты вдруг стало таким острым, как будто по легким при каждом вдохе проходились наждаком.

Тело Коула сотрясал один спазм за другим, голова его снопа и снова запрокидывалась назад. Он не издавал ни звука, и было что-то очень тревожное в этом молчании, в том, что единственным шумом, сопровождавшим происходящее, был шорох его шерсти, трущейся о ковер, а голос, который больше ему не повиновался, пел из динамиков.

Я сунул руку в задний карман и вытащил телефон. В такой ситуации позвонить можно было всего одному человеку. Я набрал номер.

— Ромул, — ответила Изабел после двух гудков. В ухо мне ударил дорожный шум. — Я как раз собиралась тебе звонить.

— Изабел, — сказал я. Почему-то мне не удалось произнести это достаточно серьезным тоном. Мои слова прозвучали так, будто я намеревался поболтать с ней о погоде. — По-моему, у Коула припадок. Я не знаю, что делать.

— Поверни его на бок, чтобы не захлебнулся слюной, — не колеблясь ни секунды, скомандовала она.

— Он в волчьем теле.

Коул продолжал корчиться в судорогах, охваченный битвой с самим собой. Слюна стала розовой от крови. Я решил, что он прикусил язык.

— Естественно. — Голос у нее стал раздраженный; я уже научился понимать, что это значит — она по-настоящему обеспокоена. — Вы где?

— В доме.

— Ладно, увидимся через минуту.

— Ты...

— Я же сказала, — перебила меня Изабел. — Я как раз собиралась тебе звонить.

Ровно через две минуты колеса ее джипа прошуршали по подъездной аллее.

Еще двадцать секунд спустя я понял, что Коул не дышит.

СЭМ

Изабел вошла в гостиную, прижимая к уху телефон. Сумочку она швырнула на диван, на нас с Коулом взглянула лишь мельком.

— Я же говорю, у моей собаки судороги, — произнесла она в трубку. — У меня нет машины. Что я могу сделать для нее прямо здесь? Нет, не Хлоя.

Слушая ответ, она устремила взгляд на меня. Несколько секунд мы с ней смотрели друг на друга. Прошло два месяца, Изабел переменилась — у нее тоже отросли волосы, но, как и у меня, главная разница была во взгляде. Она стала незнакомкой. Наверное, она подумала то же самое обо мне.

Видимо, на другом конце провода задали вопрос, потому что она спросила у меня:

— Давно он так?

Я взглянул на часы на запястье. Руки у меня были холодные.

— Э-э... я нашел его шесть минут назад. Он не дышит.

Изабел облизала кончиком языка кукольно-розовые губы, потом перевела взгляд с меня на Коула, который все еще корчился на полу. Его грудь была неподвижна, как у ожившего мертвеца. При виде лежащего рядом шприца она зажмурилась.

— Сказали, нужно приложить лед, — бросила она, отведя в сторону телефонную трубку. — К крестцу.

Я принес из морозилки два пакета замороженных картофельных ломтиков. Когда я вернулся, Изабел уже закончила разговор и склонилась над Коулом; на таких каблучицах это выглядело рискованно. В ее позе, вернее, в наклоне головы было что-то берущее за душу. Она казалась одиноким и прекрасным произведением искусства, восхитительным, но недостижимым.

Я опустил перед Коулом на корточки напротив нее и положил пакеты ему на спину, чувствуя себя совершенно беспомощным. Я сражался со смертью, и эти пакеты были моим единственным оружием.

— Теперь, — провозгласила Изабел, — на тридцать процентов меньше соли.

До меня не сразу дошло, что она читает надпись на боку пакета с картофелем.

Голос Коула, обольстительный и саркастический, несся из динамиков:

— Я — расходный материал.

— Что он делал? — спросила она, старательно не глядя на шприц.

— Не знаю, — ответил я. — Меня не было дома. Изабел поправила один из пакетов.

— Вот тупица.

Мне показалось, что судороги стали слабее.

— Припадок проходит, — сказал я. Потом испугался, как бы не сглазить, и добавил: — Или он умер.

— Да не умер он, — отозвалась Изабел. Голос у нее, впрочем, был не слишком уверенный.

Волк лежал неподвижно с неестественно запрокинутой назад головой. Пальцы у меня посинели от холода. Повисла гробовая тишина. Грейс, должно быть, сейчас находилась уже далеко-далеко от того места, откуда звонила. Теперь собственный план показался мне дурацким, ничуть не более разумным, чем попытка спасти Коула при помощи пакета с замороженной картошкой.

Волчья грудь оставалась неподвижной; не знаю, когда он в последний раз делал вдох.

— М-да, — сказал я негромко. — Черт.

Изабел сжала кулаки.

Внезапно волчье тело изогнула новая отчаянная судорога, он засучил лапами.

— Лед! — крикнула Изабел. — Сэм, не спи!

Я даже не шелохнулся. Огромное облегчение, испытанное мною при виде того, как тело Коула содрогнулось и забилося в конвульсиях, стало неожиданностью для меня самого. Эти новые содрогания были мне знакомы — он превращался. Волк содрогался и корчился, шкура на нем лопнула и скатилась назад. Из лап прорезались пальцы, по плечам прокатилась рябь, и они стали шире, хребет вздыбился. Сотрясаемое волнами дрожь тело волка невообразимо растянулось, под кожей вспухали узлы мускулов, скрежетали трущиеся друг о друга кости.

Через минуту на полу лежал Коул. Губы у него были синие, он хватал ртом воздух, скрюченные пальцы тянулись неведомо к чему. Кожа вдоль ребер продолжала вспухать и преобразовываться в такт каждому судорожному вдоху. Зеленые глаза были прикрыты веками, и каждый раз, когда веки смыкались, казалось, он никогда не раскроет их вновь.

Я услышал, как ахнула Изабел, и запоздало подумал, что надо было заранее попросить ее отвернуться. Я положил руку ей на локоть. Она вздрогнула.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.

— Нормально, — отозвалась она слишком поспешно, чтобы я ей поверил. После такого зрелища чувствовать себя нормально не смог бы никто.

На диске включилась новая дорожка, и, когда ударные начали проигрывать одной из самых известных песен «Наркотики», Коул беззвучно рассмеялся, но смех этот был совсем не веселый.

Изабел поднялась, неожиданно разъярившись, как от пощечины.

— Я здесь больше не нужна. Я пошла.

Коул протянул руку и обхватил Изабел за лодыжку. Язык у него заплетался.

— Избл Клпрер. — Он закрыл глаза и открыл их снова. Они казались щелочками. — Тзнаешь, чтделать. — Он помолчал. — Псле сгнала. Сигнала.

Я покосился на Изабел. Руки Виктора выстукивали из динамиков посмертный ритм.

— Когда надумаешь покончить с собой в следующий раз, делай это на улице, — сказала она Коулу. — Все Сэму меньше уборки.

— Изабел, — резко оборвал ее я.

Но Коул, похоже, не обиделся.

— Я просто... — Он запнулся. Теперь, когда он начал дышать, губы у него были уже чуть менее синие. — Просто пытался выяснить...

Он умолк окончательно и закрыл глаза. Мышцы у него над лопаткой все еще подергивались.

Изабел перешагнула через него и схватила с дивана сумочку. На глаза ей попался банан, который я бросил туда, и она уставилась на него, недоуменно сведя брови, как будто из всего, что ей довелось здесь повидать, банан был самым необъяснимым зрелищем.

Мысль о том, чтобы остаться в доме один на один с Коулом — в таком состоянии, — была невыносима.

— Изабел, — заколебался я. — Не обязательно уходить.

Она оглянулась на Коула, и ее губы сжались в тонкую упрямую нитку. В длинных ресницах что-то влажно блеснуло.

— Прости, Сэм, — сказала она.

Выходя из дома, она с такой силой захлопнула заднюю дверь, что задребезжали все до единого стаканы, которые Коул расставил на кухонном столе.

8

ИЗАБЕЛ

Пока я гнала машину на скорости за шестьдесят пять миль в час, у меня вполне получалось не думать ни о чем, кроме дороги.

В темноте все узкие дороги в окрестностях Мерси-Фоллз были на одно лицо. Большие деревья, потом маленькие деревья, потом коровы, потом большие деревья, потом маленькие деревья, потом коровы. Сполоснуть и повторить. Я почти не притормаживала на поворотах и проносила по неотличимым друг от друга прямым участкам. В один поворот я вошла на такой скорости, что пустой стакан из-под кофе вылетел из подстаканника и, рикошетом отскочив от пассажирской дверцы, волчком закружился на полу, а я между тем уже поворачивала в другую сторону. Мне все казалось, будто я еду недостаточно быстро.

Я пыталась уехать от вопроса: а что было бы, если бы я осталась?

Меня ни разу еще не останавливали за превышение скорости. Полезно иметь отца-адвоката, известного на всю округу не только своей хваткой, но и вспышками гнева; обычно мне достаточно было просто представить, какое лицо у него будет, когда он узнает эту новость, чтобы держать себя в рамках. И потом, в Мерси-Фоллз превышать скорость все равно без толку. Если ехать слишком быстро, в два счета окажешься за городом.

Но сейчас настроение у меня было как раз для перебранки с полицейскими.

Домой я не поехала. Я и так знала, что до дома двадцать две минуты езды. Слишком мало.

Беда была в том, что теперь он завладел мной. Я снова подошла к Коулу слишком близко и заразилась им. Недуг проявлялся в виде весьма специфического набора симптомов. Раздражительность. Перепады настроения. Учащенное сердцебиение. Потеря аппетита. Безразличный остекленевший взгляд. Усталость. Далее последуют пустулы и бубоны, как при чуме. Ну а потом смерть.

Я-то думала, будто полностью излечилась. А это, оказывается, была всего лишь ремиссия.

Дело было не только в Коуле. Я так и не рассказала Сэму про отца с Маршаллом. Я пыталась убедить себя, что у отца не получится снять с волков статус охраняемых животных. Даже при содействии конгрессмена. Оба они были большими шишками у себя на родине, но это совсем не то же самое, что быть большой шишкой в Миннесоте. И незачем мучится угрызениями совести из-за того, что я не предупредила Сэма.

Я так задумалась, что не заметила даже, как в зеркале заднего вида вспыхивают красно-голубые огни полицейской мигалки. Потом взвыла сирена.

Подала голос и умолкла, только чтобы оповестить меня о своем присутствии.

Внезапно перебранка с полицейскими показалась мне не такой уж и блестящей перспективой.

Я притормозила у обочины. Вытащила из сумочки права, из бардачка — свидетельство о регистрации машины. Опустила стекло.

Когда полицейский подошел к моему окну, я увидела, что на нем коричневая форма и большая, странного вида шляпа; значит, передо мной представитель полиции штата, а не округа. Полиция штата никогда не разменивалась на предупреждения.

Я вляпалась по-крупному.

Он осветил мне в лицо фонариком. Я поморщилась и отвернулась, чтобы он выключил его.

— Добрый вечер, мисс, Ваши права и свидетельство о регистрации, пожалуйста. — Вид у него был слегка раздраженный. — Вы видели, что я еду за вами?

— Ну да, надо полагать, раз я остановилась.

Офицер улыбнулся невесело, как иногда улыбался отец, когда разговаривал по телефону, и не глядя, взял у меня права и свидетельство.

— Я ехал за вами полторы мили.

— Я задумалась, — сказала я.

— Так вести себя на дороге нельзя. Здесь ограничение скорости — пятьдесят пять миль, — произнес полицейский. — Я выпишу вам повестку в суд за езду со скоростью семьдесят три мили в час. Сейчас вернусь. Пожалуйста, никуда не уезжайте.

Он отошел к своей машине. Я не стала закрывать окно, хотя вокруг зеркал заднего вида, в которых отражались полицейские фары, уже начинала роиться мошкара. Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, представляя, что скажет отец. Меня посадят под домашний арест. Отберут кредитку. Лишат мобильника. В арсенале моих родителей были все пыточные орудия, которые они изобрели еще в Калифорнии. Теперь можно не ломать голову, ехать мне к Сэму с Коулом еще раз или нет, ведь остаток учебного года я проведу взаперти.

— Мисс?

Я открыла глаза и распрямилась. Полицейский снова стоял перед моим окном с правами и свидетельством о регистрации в руке и штрафной книжкой.

Тон его совершенно изменился.

— Ваши права выданы на имя Изабел Калперер. Вы имеете какое-то отношение к Томасу Калпереру?

— Это мой отец.

Полицейский забарабанил ручкой по штрафной книжке.

— Понятно, — протянул он, возвращая мне документы. — Так я и думал. — Вы ехали слишком быстро, мисс. Чтобы такого больше не повторялось.

Я уставилась на свои права. Потом на него.

— А как же...

Полицейский козырнул мне.

— Желаю благополучно добраться до дома, мисс Калперер.

СЭМ

Я чувствовал себя генералом. Большую часть ночи я просидел без сна над картами, пытаюсь выработать стратегию борьбы с Коулом. Используя в качестве крепости компьютерное кресло Бека, я покачивался вперед-назад и время от времени делал в старом ежедневнике Бека пометки для потенциального диалога с Коулом, а для вдохновения раскладывал пасьянс. Если пасьянс сойдется, я объявлю Коулу правила, которые ему придется соблюдать, если он хочет и дальше жить в этом доме. Если не сойдется, не стану ничего ему говорить и посмотрю, как будут развиваться события. Чем дальше, тем более замысловатые правила я для себя придумывал: если пасьянс сойдется, но на это уйдет больше двух минут, я напишу Коулу записку и приколю к двери его комнаты. Если сойдется и первым выйдет король червей, я позвоню ему с работы и зачитаю список правил.

Между пасьянсами я проговаривал про себя фразы. Должны же где-то найтись слова, которые донесли бы до Коула мое отношение, но не показались бы покровительственными. Слова, которые прозвучали бы вежливо, но непреклонно. Вот только где искать это самое «где-то», я не представлял.

Время от времени я на цыпочках пробирался из кабинета Бека по темному коридору к дверям в гостиную и стоял на пороге, глядя на спящего после приступа Коула, пока не убеждался, что тот дышит. Тогда досада и гнев гнали меня обратно, в кабинет Бека, продолжать строить бесполезные планы.

Глаза уже слезились от усталости, но спать было нельзя. Если проснется Коул, я смогу с ним поговорить. Раз уж у меня только что сошелся пасьянс. А то он проснется, а я не поговорю с ним прямо сразу. Я сам не знал, почему так важно было поговорить с ним именно после того, как он проснется, но тем не менее не мог позволить себе пропустить его пробуждение.

Когда зазвонил телефон, я так вздрогнул, что кресло крутанулось в сторону. Я позволил ему описать полный круг и лишь потом с опаской поднял трубку.

— Алло?

— Сэм, — сказала Изабел сухим отрывистым тоном. — Есть минутка поболтать?

Поболтать. Я люто ненавидел болтать по телефону. Телефон не рассчитан на паузы, молчание, вздохи. Или говоришь — или нет, а для меня это неестественно.

— Да, — ответил я осторожно.

— У меня не было возможности сказать тебе это раньше, — начала Изабел все с теми же резкими, чеканными интонациями сборщика долгов. — Мой отец встречается с конгрессменом на предмет исключения волков из перечня охраняемых видов животных. Так что жди вертолеты и снайперов.

Я ничего не ответил. Это было совершенно не то, что я ожидал от нее услышать. Кресло по инерции снова повело по кругу, и я позволил ему сделать еще один оборот. Глаза резало так, как будто кто-то решил замариновать их прямо в моем черепе. Интересно, Коул проснулся? И вообще, он там дышит? Мне вспомнился маленький мальчик в шерстяной шапочке, загнанный в сугроб волками. А потом подумалось: Грейс, должно быть, сейчас уже совсем далеко.

— Сэм. Ты меня слышал?

— Вертолеты, — сказал я. — Снайперы. Да.

— Представь себе Грейс, застреленную в голову с расстояния в три сотни ярдов, — произнесла она холодно.

Ее слова меня зацепили, но как-то отстраненно, как цепляет чужая, гипотетическая беда, вроде репортажа об очередной трагедии в новостях.

— Изабел, — сказал я. — Чего ты от меня хочешь?

— Чего и всегда, — отрезала она. — Чтобы ты что-нибудь сделал.

Мною вдруг завладела такая тоска по Грейс, какой я не испытывал за все эти два месяца. Мне так ее не хватало, что у меня перехватило дыхание, как будто ее отсутствие было чем-то физически застрявшим в горле. Нет, ее присутствие не решило бы никаких проблем и не вынудило Изабел оставить меня в покое. Просто, будь Грейс здесь, она ответила бы на этот вопрос по-другому. Она поняла бы, что, спрашивая, я вовсе не нуждаюсь в ответе. Она велела бы мне иди спать, и я заснул бы как миленький. И тогда этот кошмарный нескончаемый день наконец кончился бы, а наутро, проснувшись, я увидел бы все в ином, менее мрачном свете. С тех пор как я перестал спать ночами, поговорка «утро вечера мудренее» больше не была для меня верной.

— Сэм. Черт побери, я что, сама с собой разговариваю? На том конце провода послышалось электронное треньканье, какое издают машины, когда открываешь дверцу. И судорожный вдох, сопровождаемый хлопком закрываемой двери.

Я почувствовал себя неблагодарной свиньей.

— Прости, Изабел. Просто... просто сегодня у меня правда выдался тяжелый день.

— Расскажи мне. Под ногами у нее захрустел гравий. С ним все и порядке?

Не выпуская телефонной трубки из руки, я двинулся по коридору. Привыкнуть к озерцам электрического снега в полумраке удалось не сразу, и поначалу каждая лампочка двоилась и троилась в глазах — потом пришлось еще немного постоять, дожидаясь, чтобы грудь Коула поднялась и опала.

— Да, — прошептал я. — Он сейчас спит.

— Это больше, чем он заслуживает, — заметила Изабел.

Я понял, что пора уже прекращать делать вид, будто я ничего не вижу и не слышу. Причем давно пора.

— Изабел, — сказал я, — что между вами произошло?

Изабел безмолвствовала.

— Твоя жизнь меня не касается. — Я поколебался. — А вот жизнь Коула — очень даже.

— Да ладно, Сэм, сейчас уже поздновато проявлять заботу.

Едва ли она пыталась намеренно сделать мне больно, но удар достиг цели. Только то, что Грейс рассказывала мне об Изабел — как та поддерживала ее во время моего отсутствия, когда Грейс считала меня мертвым, — помешало мне повесить трубку.

— Расскажи мне. Между вами что-то происходит?

— Нет, — отрезала Изабел.

Я услышал за этим «нет» настоящий ответ, а может, она того и добивалась. Это было «нет», которое означало «теперь нет». Мне вспомнилось, какое у нее стало лицо, когда она увидела на полу рядом с Коулом шприц, и я задался вопросом, насколько сильно она покривила душой, сказав «нет».

— Ему для начала неплохо бы разгрести собственные проблемы, — сказал я. — Окружающим от него сейчас радости мало.

Она ответила не сразу. Я прижал ладонь к голове — менингит до сих пор аукался головными болями. Глядя на карты на экране компьютера, я видел: ходов у меня больше не осталось. Если верить таймеру, на понимание того, что я проиграл, ушло семь минут и двадцать одна секунда.

— Как и от тебя, — произнесла наконец Изабел, — когда-то.

10

КОУЛ

На далекой планете под названием Нью-Йорк мой отец, Джордж Сен-Клер, доктор медицины, доктор философии, обладатель заоблачного айкью, обожал научные изыскания. Он был одержимым ученым. Больше всего его волновали вопросы «как» и «почему». Даже когда исход исследования был ему безразличен, он был озабочен тем, как вывести формулу, чтобы потом любой мог воспроизвести эксперимент.

Меня же волновали результаты.

А еще очень сильно волновало, как не превратиться в собственного отца. Строго говоря, большая часть решений, принятых мною в жизни, основывалась на философии непревращения в доктора Джорджа Сен-Клера.

Поэтому вынужденное согласие с ним в столь важном для него вопросе, пусть даже он никогда об этом и не узнал бы, было мучительно. Но когда я открыл глаза, чувствуя себя так, словно по мне проехали паровым катком, то первым делом нащупал на прикроватной тумбочке ежедневник. За некоторое время до этого я очнулся на полу, с изумлением понял, что еще жив, и перебрался в свою комнату — то ли досыпать, то ли умирать. Теперь возникло ощущение, как будто меня собирали на фабрике, где служба контроля качества работала спустя рукава. Щурясь на серый свет, который мог означать какое угодно время суток, я непослушными пальцами раскрыл ежедневник. Чтобы добраться до моих записей, пришлось сначала пролистать страницы, исписанные почерком Бека. Я указал дату и

по образцу предыдущих заметок начал заносить в ежедневник новые данные. На соседней странице почерк был несколько тверже, чем те буквы, которые я нацарапал сейчас.

Этинерфин/ псевдоэнерфин, смесь 4
Метод: внутривенное введение
Результат: положительный
(Побочные эффекты: судороги)

Я закрыл ежедневник и положил его себе на грудь. Надо будет выпить шампанского за мое открытие, как только я смогу сколько-нибудь продолжительное время не спать. Как только прогресс перестанет так походить на болезнь.

Глаза у меня снова закрылись.

11

ГРЕЙС

Впервые превратившись в волчицу, я не знала главного о том, как выжить.

Когда я только прибилась к стае, вещей, которых я не знала, было куда больше, чем тех, о которых имела представление: как охотиться, как отыскать других волков, если отбилась от стаи, где спать. Я не могла разговаривать с остальными. Я не разбиралась в вихре жестов и образов, которыми они обменивались.

Однако одно я знала твердо: если поддамся страху, мне конец.

Первым я освоила искусство находить стаю. Это вышло случайно. Потерянная, голодная, мучимая чувством сосущей пустоты, заполнить которую было невозможно, сколько ни ешь, я в отчаянии вскинула голову и завyla в стылую тьму. Это был не просто вой, а скорее плач, полный тоски и одиночества. Скалы неподалеку откликнулись заунывным эхом.

А потом, всего несколько секунд спустя, я услышала отклик. Прерывистый вой, совсем недолгий. За ним еще один. Я не сразу сообразила, что от меня ждут ответа. Я взвyla снова, и на этот раз другой волк отозвался немедленно. Не успела я умолкнуть, как к первому волку присоединился второй, потом третий. Если и было эхо, я его не слышала; волчий хор доносился откуда-то издалека.

Но расстояние меня не пугало. Мое тело не знало усталости.

Так я научилась отыскивать других волков. Много дней ушло, пока я разобралась во взаимоотношениях внутри стаи. Определенно заправлял всем матерый черный волк. Главным его оружием был взгляд: одного выразительного взгляда было достаточно, чтобы любой член стаи припал брюхом к земле. Любой, кроме такого же матерого серо-сизого, который пользовался не меньшим уважением: он лишь прижимал уши к голове и опускал хвост, не выказывая покорности.

У них я научилась языку доминирования. Оскаленные зубы. Ощеренная пасть. Вздыбленный загривок.

А у самых низших членов стаи я научилась подчинению. Беззащитное брюхо, повернутое к небу, потупленный взгляд, полусогнутые лапы.

Низшему в иерархии волку, хилому самцу с гноящимся глазом, ежедневно указывали его место. На него рычали, прижимали к земле, последним подпускали к еде. Я думала, что быть низшим в стае — ужасно, но оказалось, есть кое-что и похуже: быть пустым местом.

Рядом со стаей постоянно маячила белая волчица. Она была невидимкой. Ее не приглашали в игры, даже самый резвый, серый с буроватым отливом волк. Он предпочитал играть с птицами, но не с ней. Во время охоты внимание на нее обращали не больше, чем па пустое место, не доверяли, не принимали. Хотя нельзя сказать, что такое отношение было целиком и полностью незаслуженным: похоже, она, как и я, не умела говорить на языке стаи. Впрочем, возможно, я была слишком к ней добра. Она скорее не считала нужным пользоваться своими знаниями.

Ее взгляд скрывал не одну тайну.

Единственный раз я видела ее вступившей в какое-то взаимодействие с сородичем — это когда она зарычала на серого волка, и тот набросился на нее.

Я думала, он убьет ее.

Но она оказалась на удивление сильной: последовала грызня в папоротниках, после чего в драку вмешался серо-бурый полк, разметан сцепившихся. Он был миротворцем. По когда серый волк отряхнулся потрусил прочь, серо-бурый развернулся обратно к белой волчице и оскалил зубы, напоминая ей, что, хотя он и положил конец драке, ее здесь видеть не хотят.

После этого я решила не уподобляться ей. Даже к омега-самцу, низшему в стае, и то относились лучше. Аутсайдерам в этом мире места не было. Поэтому я подобралась к черному альфа-самцу. Я попыталась припомнить все виденное раньше; то, что не удалось восстановить в памяти до конца, восполнил инстинкт. Уши прижаты, голова повернута, лапы полусогнуты. Я лизнула его морду и попросила принять меня в стаю. Серо-бурый наблюдал за нашим общением со стороны; я покосилась на него и оскалила зубы в молниеносной ухмылке ровно настолько, чтобы он успел это увидеть. Сосредоточившись, я передала образ: я бегу вместе со стаей, участвую в общей игре, помогаю в охоте. Прием оказался столь горячим и столь быстрым, как будто они только и ждали, когда я приближусь. Тогда я поняла, что белая волчица стала отверженной исключительно по собственному выбору.

И началось мое учение. Вокруг буйствовала весна, распускающиеся цветы пахли так сладко, что отдавали гнильцой, а я стала объектом забот всей стаи. Серый волк показывал, как подкрадываться к добыче, загонять оленя и вцепляться мертвой хваткой ему в нос, в то время как остальные хватили его за бока. Черный вожак учил брать след. Серо-бурый — прятать еду про запас и пометать пустой тайник. Похоже, мое невежество доставляло им какое-то непонятное удовольствие. Долго еще после того, как я изучила сигналы призыва к игре, они побуждали меня к участию преувеличенно игривыми поклонами, на передних лапах припадая к земле и виляя хвостами. Когда, оголодав до безумия, я самостоятельно изловила мышь, они скакали вокруг меня с выражением такой радости, как будто это был по меньшей мере лось. Когда они обходили меня на охоте, то неизменно приносили мне часть своей добычи, словно я была детенышем; долгое время я оставалась в живых лишь благодаря их доброте.

Когда я сворачивалась клубочком на земле, негромко скуля, все мое тело сотрясалось, а внутренности рвала в клочья девушка, жившая внутри, волки вставали на страже, защищая меня, хотя я и сама не знала от чего именно меня нужно защищать. Мы были самыми крупными обитателями этих лесов, не считая оленей, да и за теми приходилось гоняться часами.

Мы и гонялись. Наша территория была огромной; поначалу она казалась мне бескрайней. Но как бы далеко ни забегали в погоне за добычей, мы всякий раз возвращались в одно и то же место, на отлогий косогор, поросший деревьями с бледной корой. «Дом. Нравится тебе здесь?»

Когда мы устраивались там на ночлег, я принималась выть. В голове начинали роиться мысли, не вмещавшиеся в череп, и откуда-то изнутри накатывал неутолимый голод. Мой вой становился сигналом для остальных, и наше согласное пение было предупреждением остальным о нашем присутствии и плачем по тем членам стаи, которых не было сейчас с нами.

Я продолжала ждать его.

Я знала, он не придет, но все равно выла, а остальные волки и это время передавали мне образы, каким знали его: гибким, серым, желтоглазым. Я в ответ передавала им то, что отпечаталось в моей собственной памяти: волк на лесной опушке, безмолвный и настороженный, наблюдающий за мной издалека. Образы, отчетливые, точно стройные деревца вокруг, подстегивали меня в желании найти его, только я не знала, как подступиться к поискам.

Но не только его глаза преследовали меня. Они были мостиком к другим почти-воспоминаниям, почти-образам, почти-ипостасям меня самой, которые я никак не могла уловить, потому что они были увертливее самого быстрого оленя. Казалось, я умру от тоски по этому неуловимому, неназванному.

Я постигала науку выживания в волчьем облике, но жить в нем пока что не научилась.

12

ГРЕЙС

В человека я превратилась как-то днем. «Как-то» - потому что я начисто утратила понятие о времени. Я представления не имела, сколько часов или дней прошло с тех пор, когда я в последний раз отчетливо помнила себя в человеческом облике, в магазине «Охота и рыбалка». Придя в себя, я знала только, что нахожусь на маленьком заросшем дворике у дома Изабел. Я лежала ничком на мокрой

грязи, покрывавшей пеструю мозаику, которую мы с Изабел разглядывали несколько месяцев назад. Видимо, я пролежала здесь достаточно долго, поскольку на щеке успели отпечататься следы изразцов. В заводи неподалеку сварливо переругивались утки. Я поднялась на нетвердых ногах и принялась стряхивать с себя налипшую прелую листву.

— Грейс, — произнесла я вслух.

Утки умолкли.

Я смогла вспомнить собственное имя. Это было невообразимо приятно. Жизнь в волчьем обличье снизила мои требования к чудесам до предела. Кроме того, мне удалось произнести свое имя вслух, а значит, я уверенно держалась в человеческом теле и могла рискнуть приблизиться к дому Калпереров. Пока я пробиралась через заросли, солнце сквозь листву припекало мою голую спину. Убедившись, что перед домом никого нет — все-таки я была голая, — я со всех ног бросилась через двор к задней двери.

Когда мы с Изабел были у нее в прошлый раз, задняя дверь оказалась не заперта; помню, я еще высказалась по этому поводу. «Вечно забываю ее запереть», — сокрушалась тогда Изабел.

Ее забывчивость не изменила ей и на этот раз.

Я осторожно пробралась в дом и отыскала на идеально чистой кухне телефон. Едой пахло так дразняще, что какое-то время я просто стояла с телефонной трубкой в руке и только потом набрала номер.

Изабел ответила после первого же гудка.

— Привет, — сказала я. — Это я. Я у тебя дома. Тут никого нет.

В животе у меня заурчало. Я нашла глазами хлебницу; оттуда торчал багет.

— Никуда не уходи, — велела Изабел. — Я сей час буду.

Полчаса спустя Изабел отыскала меня, одетую в ее старую одежду и жующую багет, в зале охотничьей славы ее отца. Это помещение обладало какой-то жутковатой притягательностью. Впервые, оно было огромное, высотой в два этажа и длиной с дом моих родителей, и по-музейному сумрачное. И в нем находилось несколько десятков чучел животных. Очевидно, все они пали от руки Тома Калперера. Я-то думала, что охотиться на лосей запрещено законом. И вообще, разве в Миннесоте водятся лоси? Если у кого-то и был шанс увидеть в лесу живого лося, это у меня. Может, он просто все это купил? Я представила, как люди в комбинезонах деловито выгружают из грузовиков чучела, обложенные пенопластом.

Хлопнула дверь, громко и гулко, как в церкви, и по полу процокали каблук Изабел. В тишине ее шаги прозвучали особенно звонко, и это лишь усилило сходство с церковью.

— У тебя чертовски счастливый вид, — сообщила мне Изабел, поскольку я продолжала улыбаться лосю. Она остановилась рядом со мной. — Я приехала, как только смогла. Вижу, ты добралась до моего шкафа.

— Угу, — сказала я. — Спасибо тебе.

Она двумя пальчиками оттянула рукав моей желтой футболки с надписью «Академия Святой Марии».

— Эта футболка вызывает у меня ужасные воспоминания. Я там была Изабел К., потому что мою лучшую подружку тоже звали Изабел. Изабел Д. Вот уж стерва была так стерва.

— Это я на всякий случай, вдруг превращусь в волчицу. Не хотела испортить что-нибудь красивое.

Я покосилась на Изабел. Я была страшно рада ее видеть. Любая другая из моих подруг после столь долгого отсутствия бросилась бы обниматься. Впрочем, представить Изабел обнимающейся с кем бы то ни было при каких бы то ни было обстоятельствах я не могла. Живот у меня свело; пожалуй, мое пребывание в теле Грейс могло оказаться не столь продолжительным, как я надеялась.

— Это твой папа их всех подстрелил?

Изабел состроила гримаску.

— Не всех. Некоторых замучил до смерти.

Мы прошли несколько шагов и остановились перед волком со стеклянными глазами. Я ожидала волны ужаса, но она так и не накатила. Сквозь маленькие круглые оконца лился солнечный свет, разрисовывая волчью шкуру желтыми пятнами. Волк казался маленьким и пыльным, шерсть у него была тусклая; он словно никогда и не был живым. По стеклянным глазам фабричного изготовления невозможно было сказать, кем он был — зверем или человеком.

— Это из Канады, — сказала Изабел. — Я его спрашивала. Не из Мерси-Фоллз. Можешь не тарашиться на него так.

Я не знала, верить ей или нет.

— Ты не скучаешь по Калифорнии? — спросила я. — И по Изабел Д.?

— Скучаю, — отозвалась Изабел, но дальше развивать эту тему не стала. — Ты Сэму звонила?

— Он не берет трубку.

На его телефоне сразу же включалась голосовая почта; наверное, опять аккумулятор разрядился. А по домашнему телефону никто не отвечал. Я попыталась не выказывать разочарования. Изабел не поняла бы, да и мне сейчас хотелось делиться своими горестями не больше, чем Изабел.

— Я тоже не дозвонилась, — кивнула она. — Оставила сообщение на автоответчике у него на работе.

— Спасибо, — сказала я.

По правде говоря, я не очень твердо ощущала себя Грейс. В последнее время превращения участились, и я пережила немало неуютных моментов, в очередной раз приходя в себя в какой-нибудь совершенно незнакомой мне части леса. Однако продержаться в человеческом обличье дольше часа мне пока не удавалось. Иногда превращение бывало совсем непродолжительным, и я не успевала даже отметить его в своем совсем еще недавно волчьем сознании. Я понятия не имела, сколько прошло времени. Один день безмолвно сменялся другим...

Я погладила волчий нос. Он был пыльный и твердый, я как будто погладила полку. Мне остро захотелось очутиться в доме Бека, в постели Сэма. Или даже вообще в моем собственном доме. Готовиться к выпускным экзаменам. Но по сравнению с угрозой превращения в волчицу все прочие заботы в моей жизни сразу начинали казаться ничтожными.

— Грейс, — начала Изабел. — Мой отец пытается заручиться помощью своего друга из конгресса, чтобы исключить волков из перечня охраняемых видов животных. Он хочет устроить на них охоту с воздуха.

Живот снова свело. Я подошла к следующему чучелу, невероятных размеров зайцу, навеки застывшему в прыжке. Между его задних лап серела паутина. Ну почему Тому Калпереру непременно нужно преследовать волков? Неужели он не может оставить их в покое? Но я понимала, что не может. В его понимании мании это было не мезтью, а ударом на упреждение. Чтобы уберечь других от судьбы его сына. Очень-очень постаравшись, я могла принять его точку зрения и на две секунды перестать считать его чудовищем. Исключительно ради Изабел.

— Что ты, что Сэм! — зло бросила Изабел. — Тебя это совсем не беспокоит? Ты мне не веришь?

— Я тебе верю, — отозвалась я, разглядывая наше отражение в отполированном до блеска паркетном полу. Увидеть зыбкие, расплывчатые очертания своего человеческого тела было невыносимо приятно. Эх, мне бы еще мои любимые джинсы! Я вздохнула. — Я просто немного устала от всего этого. Столько всего сразу навалилось.

— Но все эти проблемы так или иначе все равно придется решать, нравится это тебе или нет. А у Сэма здравого смысла как у...

Изабел не договорила. По-видимому, не смогла придумать никого более оторванного от реальности, чем Сэм.

— Я понимаю, что их придется решать, — произнесла я устало. Живот снова свело. — Нужно переселить их в другое место, но сейчас я не могу об этом думать.

— Переселить?

Я медленно перешла к следующему чучелу. Это был гусь, бегущий куда-то с распростертыми крыльями. Наверное, предполагалось, что он приземляется. Косые лучи послеполуденного солнца били с потолка, и благодаря игре света казалось, будто черный гусиный глаз мне подмигивает.

— Очевидно, нужно каким-то образом убрать их от твоего папы. Он не успокоится. Придется найти более безопасное место.

Изабел рассмеялась коротким отрывистым смешком, который походил скорее на презрительное фырканье, нежели на выражение веселья.

— Что мне в тебе нравится, так это твоя способность за две секунды выдать идею, когда Сэм с Коулом за два месяца так и не смогли додуматься до чего-то дельного.

Я вскинула на нее глаза. Она с усмешкой смотрела на меня, подняв бровь. Пожалуй, это было восхищение.

— Ну, может, еще ничего и не получится. Переселить целую стаю диких животных...

— Да, но это хоть какая-то идея. Приятно, когда кто-то в состоянии пошевелить мозгами. Я состроила гримасу. Мы взглянули на гуся. На этот раз он нам не подмигнул.

— Болит? — спросила Изабел.

Ее взгляд был устремлен на мою ладонь, которая совершенно без моего участия прижалась к боку.

— Немного, — соврала я.

Она не стала меня разоблачать.

Когда у нее зазвонил телефон, мы обе вздрогнули от неожиданности.

— Это тебя, — сказала Изабел еще до того, как выудила трубку. Взглянув на экранчик, она протянула мне телефон.

У меня засосало под ложечкой, не знаю уж, из-за пробуждающейся внутри волчицы или оттого, что я внезапно занервничала.

Изабел похлопала меня по руке; от ее прикосновения по коже побежали мурашки.

— Скажи что-нибудь.

— Привет, — сказала я севшим голосом.

— Привет, — отозвался на том конце провода Сэм, так тихо, что я едва расслышала. — Как поживаешь?

Присутствие Изабел мешало мне. Я отвернулась к гуся, и он снова подмигнул мне. Собственная кожа казалась чужой.

— Уже получше.

Я не знала, что ему сказать после двухмесячной разлуки. Говорить не хотелось. Хотелось свернуться клубочком у него под боком и уснуть. Но больше всего хотелось заглянуть ему в глаза и увидеть в них подтверждение тому, что мы все еще вместе и он не превратился в чужака. Не нужно было ни широких жестов, ни заумных разговоров — хотелось просто знать: несмотря на все перемены, что-то осталось прежним. Я разозлилась на дурацкий телефон, на собственное неверное тело, на волков, которые создали меня, а потом погубили.

— Я уже еду, — сказал он. — Буду через десять минут.

Это было на восемь минут больше, чем нужно. Все кости у меня ломило.

— Мне ужасно хочется... — Я умолкла и стиснула зубы, чтобы не стучали. Это было самое худшее — когда становилось по-настоящему больно, но я знала, что будет еще больнее. — Ужасно хочется выпить какао, когда я вернусь. Я скучаю по шоколаду.

Сэм негромко простонал. Он все понял, и это было еще больнее, чем превращение.

— Я знаю, как это тяжело, — сказал он. — Думай о лете, Грейс. Помни о том, что это кончится.

Глаза защипало. Я сгорбилась, пытаюсь скрыться от Изабел.

— Как бы мне хотелось, чтобы это кончилось прямо сейчас, — прошептала я, стыдясь своих слов.

— Ты... — начал Сэм.

— Грейс! — прошипела Изабел, выхватывая у меня из руки телефон. — Давай отсюда! Родители вернулись!

Она захлопнула крышку телефона, и в тот же миг я услышала за стеной мужской и женский голоса.

— Изабел! — послышался голос Тома Калперера.

Меня крутило и корежило. Хотелось сложиться пополам.

Изабел потащила меня к двери и втолкнула в соседнюю комнату.

— Сиди тут! — велела она. — Только тихо. Я все улажу.

— Изабел, — простонала я. — Я не могу...

В другом конце зала щелкнул массивный старинный замок, и в тот же миг Изабел захлопнула дверь у меня перед носом.

На миг я испугалась, что отец заметил Грейс. Его обыкновенно аккуратные волосы были растрепаны, во взгляде читалось не то потрясение, не то изумление, не то еще какие-то непонятные эмоции. Он распахнул дверь с такой силой, что она грохнула о стену и отлетела обратно. Чучело лось заходило ходуном и, как мне показалось, чуть не перевернулось. Мне вдруг представилось, как все эти звери повалятся один за другим, точно костяшки домино. Классное было бы зрелище. Отец между тем продолжал трястись даже после того, как лось перестал.

Я бросила на него сердитый взгляд, чтобы скрыть тревогу.

— Какое драматическое появление.

Я прислонилась к двери в музыкальный салон. Оставалось только надеяться, что Грейс ничего там не разнесет.

— Слава богу, — выдохнул отец, как будто я ничего не говорила. — Какого черта ты не берешь трубку?

Ничего себе. Я нередко не отвечала на звонки родителей, предпочитая, чтобы они оставляли сообщения в голосовой почте. Потом сама им перезванивала. В конечном итоге. Не понимаю, отчего сегодня они вдруг так всполошились.

В зал вошла мама; глаза у нее были заплаканы, с макияжем творилась полная катастрофа. Поскольку обыкновенно слезы в ее исполнении выглядели как стандартное вспомогательное средство, это было впечатляюще. Я бы подумала, что весь спектакль устроен по поводу моего превышения скорости, но не могла представить, чтобы мама потеряла голову из-за такого пустяка.

— По поводу чего рыдания? — поинтересовалась я с подозрением.

— Изабел, телефон тебе куплен не просто так! — почти выкрикнула мать.

Это было впечатляюще вдвойне. Bravo. Обычно она отдавала все сильные реплики на откуп отцу.

— Он у тебя при себе? — осведомился отец.

— Господи ты боже мой, — фыркнула я. — Он у меня при сумочке.

Они с матерью переглянулись.

— Так вот, чтобы впредь брала трубку, когда мы звоним, — отчеканил он. — Исключение — если ты на уроке или у тебя отвалились руки. Во всех остальных случаях будь добра взять трубку и поднести ее к уху. Или прощайся с телефоном. Это...

— Привилегия. Я знаю.

За дверью музыкального салона началась какая-то возня; пытаюсь заглушить шум, я принялась рыться в сумочке. Когда все утихло, я вытащила телефон, чтобы доказать, что он у меня при себе. Пропущенных звонков от родителей было двенадцать. От Коула — ни одного. После того как целый месяц, когда бы я ни взглянула на телефон, на нем был как минимум один пропущенный звонок от него, это казалось странным. Я нахмурилась.

— Так. Я не поняла, что происходит?

— Мне позвонил Тревис и сказал, что полицейские обнаружили в лесу труп девушки. Ее пока не опознали, — сообщил отец.

Это было скверно. Я порадовалась, что Грейс сейчас здесь, за дверью музыкального салона, пусть даже она и скреблась там как сумасшедшая. Мама многозначительно смотрела на меня. Видимо, ждала какой-то реакции.

— И вы решили, что этот неизвестно чей труп — мой? — осведомилась я.

— Его нашли неподалеку от нашего участка, Изабел, — возвысила голос мама.

И тогда отец сказал то, что я почему-то ожидала услышать.

— Ее загрызли волки.

Меня вдруг охватила безумная злость на Сэма, Коула и Грейс. Я же просила их что-нибудь сделать!

Из музыкального салона снова послышался шум. Я заговорила, перекрывая его:

— Я весь день была в школе, а оттуда поехала прямо сюда. В школе быть загрызенной маловероятно. — Я спохватилась, что нужно хотя бы изобразить раскаяние. — Когда они установят ее личность?

— Не знаю, — покачал головой отец. — Сказали, тело в плохом состоянии.

— Пойду переоденусь, — неожиданно произнесла мама.

Я не сразу поняла, с чего вдруг ей так срочно приспичило уйти. Потом догадалась, что она, очевидно, подумала о последних минутах моего брата и представила, как его рвут волки. Меня эта картина не тронула: я-то знала, как на самом деле умер Джек.

Из-за двери музыкального салона послышался грохот; отец нахмурился.

— Прости, что не брала трубку, — произнесла я громко. — Я не думала, что мама расстроится. Слушай, я по дороге из школы проскребла чем-то по днищу. Ты не посмотришь?

Я думала, он откажется, и готовилась к тому, что он вломится в музыкальный салон и застанет Грейс в процессе превращения. Однако же он со вздохом кивнул и направился к выходу.

Разумеется, искать под днищем машины было нечего. Но отец провозился так долго, что я успела заглянуть в салон и проверить, не разнесла ли Грейс наш роскошный стейнвеевский рояль в щепки. Однако обнаружила лишь распахнутое настежь окно и выбитую сетку. Я высунулась на улицу и увидела желтое пятно — мою футболку, повисшую в кустах.

Более неподходящего времени, чтобы превратиться в волчицу, Грейс выбрать не могла.

14

СЭМ

И снова я разминулся с ней.

После звонка я несколько часов убил... ни на что. Не в силах думать ни о чем другом, кроме голоса Грейс, я сидел, и в голове у меня крутились одни и те же мысли, одни и те же вопросы. Может быть, я успел бы повидать Грейс, получив ее сообщение раньше. Если бы только я не пошел проверить сторожку! Если бы не бродил по лесу, выкрикивая что-то сквозь березовую листву в небо, срывая досаду на припадок Коула, отсутствие Грейс и тяготы собственной жизни.

Я мучился этими вопросами, пока не наступили сумерки. На несколько часов я просто выпал из жизни, как будто превращался в волка, хотя и не думал даже покидать собственную шкуру. Давненько уже я не вываливался настолько из реальности.

Когда-то это случалось постоянно. Я мог часами смотреть в окно, пока не затекали от сидения ноги. Я тогда только что попал к Беку — мне было лет восемь или около того, и с тех пор, как родители оставили на моих руках шрамы, времени прошло совсем еще немного. Иногда Ульрик брал меня под мышки и тащил на кухню, в общество, но я все как же молчал и дрожал. Часы, дни, месяцы провалились в эту черную дыру, куда не было ходу ни Сэму, ни волку. Чары в конце концов разрушил Бек. Он принес мне носовой платок; получить такой подарок было настолько странно, что я вернулся к реальности. Бек снова помахал платком у меня перед носом.

— Сэм. Твое лицо.

Я потрогал щеки; они были не столько мокрыми, сколько липкими от следов непрекращающихся слез.

— Я не плакал, — сказал я ему.

— Я знаю, — заверил меня Бек.

Я принялся возить платком по лицу, а Бек спросил:

— Можно кое-что тебе рассказать, Сэм? В голове у тебя много пустых коробочек.

Я недоуменно воззрился на него. И снова концепция оказалась настолько странной, что я заинтересовался.

— У тебя там много пустых коробочек, куда можно складывать разные мысли.

Бек протянул мне еще один платок — для второй половины лица.

Тогда я еще не успел проникнуться к Беку безоговорочным доверием; помню, я подумал, что он как глупо пошутил. Даже я сам услышал в собственном голосе подозрительность, когда спросил его:

— Какие мысли?

— Грустные, — пояснил Бек. — У тебя в голове много грустных мыслей?

— Нет, — ответил я.

Бек пожевал нижнюю губу.

— А у меня много.

Это признание меня потрясло. Я не стал задавать вопросов, но придвинулся поближе.

— Они такие грустные, что от них хочется плакать, — продолжал Бек. — Я и плакал, целыми днями.

Я еще подумал, что это наверняка вранье. Я не мог представить Бека плачущим. Он был как скала. Даже во время превращения, уже стоя на четвереньках, он казался уравновешенным, сдержанным, невозмутимым.

— Не веришь? Спроси Ульрика. Это ему приходилось меня утешать, — сказал Бек. — И знаешь, что я сделал с этими мыслями? Спрятал их в коробки. Разложил по коробкам у себя в голове, а коробки закрыл, замотал липкой лентой, задвинул в угол и накрыл одеялом.

— Мысленным скотчем? — уточнил я с ухмылкой. Мне ведь было всего восемь лет.

Бек улыбнулся странной отсутствующей улыбкой, которую я тогда не понял. Теперь-то я знал, что это было облегчение: ему удалось вытянуть из меня шутку, пусть и жалкую.

— Да, мысленным скотчем. И накрыл мысленным одеялом. И теперь мне больше не приходится думать о грустных вещах. Если захочется, я всегда могу открыть эти коробки, но чаще всего предпочитаю держать их запечатанными.

— И как пользоваться этим мысленным скотчем?

— Нужно вообразить его. Вообразить, как будто складываешь все грустные мысли в коробки и обматываешь мысленным скотчем. А потом представить, как задвигаешь коробки в самый дальний уголок, чтобы не спотыкаться о них каждый раз, и накидываешь на них одеяло. У тебя бывают грустные мысли, Сэм?

Я представил себе пыльный угол, заставленный коробками. Такими большими, высокими, из которых можно мастерить домики, со сваленными наверху рулонами скотча. Рядом лежали бритвы, чтобы в любой миг можно было разрезать их и меня тоже.

— Про маму, — прошептал я.

На Бека я не смотрел, но краем глаза заметил, как он сглотнул.

— А еще? — спросил он еле слышно.

— Про воду. — Я закрыл глаза, и вода заплескалась передо мной, так что следующее слово далось мне с большим трудом. — Про...

Я коснулся своих шрамов.

Бек нерешительно протянул ко мне руку. Я не отстранился, и тогда он обнял меня за плечи, а я уткнулся ему в грудь, чувствуя себя таким маленьким, восьмилетним, сломленным.

— Про меня, — закончил я.

Бек долго молчал, обнимая меня. С закрытыми глазами казалось, что, кроме стука его сердца, в мире ничего больше не осталось, потом он сказал:

— Убери в коробки все, кроме себя самого, Сэм. Ты нам нужен. Пообещай мне, что останешься здесь имеете с нами.

Мы долго сидели так, а когда поднялись, все мои грустные мысли были надежно упрятаны в коробки, а Бек стал моим отцом.

Я сегодняшний вышел на задний двор, улегся на громадный старый пенёк и стал смотреть на звезды. Потом закрыл глаза и медленно разложил все свои тревоги по коробкам, по очереди заклеивая их. Тяга Коула к саморазрушению в одну, Тома Калперера — в другую. В коробку отправился и голос Изабел, потому что сейчас я просто не в силах был думать еще и об этом.

С каждой коробкой мне становилось чуть легче, чуть проще дышать.

Единственное, от чего я не смог заставить себя избавиться, была тоска по Грейс. Она осталась при мне. Ее я заслужил. Заработал.

После этого я остался просто лежать на пне.

Давным-давно пора было спать, ведь с утра ждала работа, но я знал, чем все закончится. Стоило закрыть глаза, как ноги наливались болью, как будто я пробежал марафон, а веки начинали подергиваться, стремясь открыться. Я сразу вспоминал, что нужно записать в память телефона чей-нибудь номер, или давал себе слово разложить наконец выстиранное белье, уже неделю ожидающееся в корзине.

А еще я думал, что нужно все-таки поговорить с Коулом.

Пень в диаметре был лишь немногим меньше моего роста; должно быть, дерево — на самом деле их было два, просто они срослись, — до того, как его срубили, было по-настоящему исполинским. Местами его поверхность покрывали черные отметины — следы фейерверков, которые Пол с Ульриком

напускали, пользуясь им как постаментом. В детстве я любил считать годовые кольца. Это дерево прожило на свете дольше нас всех.

В вышине неслись по кругу бесчисленные звезды, точно замысловатый мобиль, сконструированный великанами. Меня затягивало туда, в космос, к воспоминаниям. Вот так же на спине я лежал давным-давно, когда на меня напали волки. Это было в другой жизни. Только что я был один, мое утро и моя жизнь тянулись передо мной, как кадры из фильма, где каждая последующая секунда лишь немногим отличается от предыдущей. Чудо бесшовной незаметной метаморфозы. А в следующий миг появились волки.

Я вздохнул. В вышине среди звезд летели куда-то по своим делам спутники и самолеты, с северо-запада медленно напозла гряда облаков, вынашивающая в своем чреве молнию. Мысли мои перескакивали с настоящего — твердой поверхности дерева под лопатками — на прошлое — ранец, сплюснутый подо мной, и волки вокруг, все глубже вжимающие мое тело в снежный сугроб. Мама тогда упаковала меня в синюю зимнюю куртку с белыми полосками на рукавах и варежки, такие пушистые, что в них невозможно было шевелить пальцами.

Воспоминания были как немая кинолента. Я видел, как беззвучно шевелятся мои губы и ручки-прутики семилетнего меня отбиваются от волчьих морд. Я смотрел на себя словно откуда-то со стороны и видел синю-белую куртку, подмятую черным волком. Между его расставленными лапами она казалась пустой, как будто я уже исчез, освободившись от бремени земной жизни.

— Взгляни-ка, Ринго.

Мои глаза распахнулись. До меня не сразу дошло, что рядом со мной на пне, поджав ноги, сидит Коул, черный силуэт на фоне темно-серого по сравнению с ним неба. В руках он держал мою гитару, с таким видом, как будто она была утыкана шипами.

Он ударил по струнам и затянул своим низким хриплым голосом:

— «Я влюбился в нее летом, — тут он неловко перешел на другой аккорд и подпустил в голос надрыва, — в мою прекрасную летнюю девушку».

У меня запыхали уши: это были мои собственные стихи.

— Я нашел твой диск. — Коул долго разглядывал гитарный гриф, потом извлек из струн новый аккорд. Все до одного пальца, впрочем, он поста вил неправильно, так что звук вышел крайне немелодичный. Он добродушно усмехнулся и посмотрел на меня. — Когда рылся в твоей машине.

Я только головой покачал.

— «Она соткана из жаркого лета, моя прекрасная летняя девушка», — продолжил Коул, сопроводив свои слова еще одним скверным аккордом. — Знаешь, Ринго, — произнес он дружелюбным тоном, — пожалуй, я вполне мог бы кончить как ты, если бы мои родители устроили мне такую же веселую жизнь, а оборотни читали викторианскую поэзию вместо сказок на ночь. — Он взглянул на мое лицо. — Ой, только не начинай страдать.

— И не думал даже, — отозвался я. — Ты опять пил?

— По-моему, я выпил в доме уже все, что булькало. Поэтому — нет.

— Зачем ты полез в мою машину?

— Затем, что тебя там не было, — ответил Коул и повторил тот же самый аккорд. — Ужасно приставучая штука, ты не замечал? «Я мечтаю быть с ней и зимой, с моей прекрасной летней девушкой». Но во мне слишком мало тепла для моей прекрасной летней девушки».

Я принялся разглядывать самолет, который полз по небу, помаргивая огоньками. Я хорошо помнил, как написал эту песню. Это случилось за год до того, как мы с Грейс познакомились по-настоящему. Это была одна из тех песен, которые родились сами собой, сумбурные и скомканные. Помню, как я сидел с гитарой в изножье кровати, пытаюсь приспособить музыку к стихам, пока мелодия не улетучилась из памяти. Я напевал ее в душе, закрепляя в памяти. Мурлыкал, складывая выстиранное белье в подвале, поскольку не хотел, чтобы Бек слышал, что я пою про какую-то девушку. И все это время страстно хотел невозможного, того, чего хотелось всем мам: не заканчиваться вместе с летом.

Коул прекратил пение и сказал:

— Конечно, в миноре было бы лучше, но у меня не получается.

Он попытался изобразить другой аккорд. Гитара протестующе загудела.

— Гитара подчиняется только своему хозяину, — сказал я.

— Да, — согласился Коул, — но Грейс здесь нет. — Он хитро ухмыльнулся и сыграл тот же самый аккорд ре мажор. — Это единственное, что я могу сыграть. Посмотрите на меня. Я десять лет учился играть на фортепиано, но стоило мне взять в руки гитару, и я снова как желторотый младенец.

Я слышал альбом «Наркотики» и знал, что он исполнял клавишные партии, но представить Коула играющим на пианино почему-то оказалось на удивление трудно. Чтобы научиться играть на музыкальном инструменте, нужны трудолюбие и упорство. И усидчивость тоже не мешает.

В вышине меж двух туч сверкнула молния; в воздухе повисло гнетущее ощущение, какое бывает перед грозой.

— Ты ставишь пальцы слишком близко к ладовым порожкам, вот она и дребезжит. Отодвинь их подальше и прижми сильнее. Самыми кончиками пальцев, не всей подушечкой.

Собственное объяснение показалось мне довольно невнятным, но Коул передвинул пальцы и на этот раз сыграл аккорд безукоризненно, без дребезжания.

С мечтательным выражением глядя в небо, Коул пропел:

— Симпатичный парень на пеньке сидит... — Он покосился на меня. — Теперь давай ты.

Мы с Полом тоже любили такую игру. Но Коул меня разозлил. Сначала он издевается над моими песнями, а потом хочет, чтобы я ему подыгрывал.

После слегка затянувшейся паузы я нехотя добавил, практически на одной ноте:

— И, голову задрал, на спутники глядит...

— Неплохо, мальчик-эмо, — похвалил Коул.

От куда-то издали донесся раскат грома. Коул повторил ремажорный аккорд.

— У меня билет в один конец на свалку...

Я приподнялся на локтях. Коул ударил по струнам, и я пропел:

— Потому что каждую ночь я превращаюсь в собаку.

И поинтересовался у него:

— Ты что, как и собираешься все время играть один и тот же аккорд?

— Наверное. Он мне лучше всего удается. Я — певец одной песни.

Я протянул руку забрать у него гитару, чувствуя себя трусом. Соглашаясь участвовать в этой игре, я вроде как прощал его за события прошлой ночи, за то, что каждую неделю делал с домом, и то, что каждую минуту каждого дня делал с собой. И все же я взял у него гитару и легонько провел по струнам, проверяя, не расстроена ли она. Этот язык был знаком мне куда лучше, чем любой из тех, к которому я бы прибегнул в серьезном разговоре с Коулом.

Я сыграл фа мажор.

— Ну вот, уже лучше, — одобрительно кивнул Коул. Но петь дальше не стал. Вместо этого он улегся на мое место и устремил взгляд ввысь. Красивый и сосредоточенный, он, казалось, позировал какому-то модному фотографу, как будто вчерашнего при падка и не бывало. — Сыграй минорный аккорд.

— Который?

— Из песни про прощание.

Я взглянул на темнеющий лес и сыграл аккорд ля минор. Когда я закончил, какое-то время тишину нарушал лишь стрекот лесных насекомых.

Потом Коул сказал:

— Нет, спой по-настоящему.

Мне вспомнился насмешливый надрыв в его голосе, когда он пел мою песню.

— Нет. Я не... Нет.

Коул вздохнул, как будто предчувствовал отказ. Наверху снова пророкотал гром, словно возвещая о скором появлении грозовой тучи, которая нависала над верхушками деревьев — ни дать ни взять рука, прикрывающая что-то секретное. Рассеянно перебирая струны, поскольку это действовало на меня успокаивающе, я запрокинул голову. Поразительно: туча даже между вспышками молний была освещена изнутри, словно впитала в себя отраженный свет всех домов и городов, над которыми проплывала. В черном небе она выглядела какой-то ненастоящей: фиолетово-серая, с четко очерченными краями. Казалось невозможным, чтобы нечто подобное могло существовать в природе.

— Вот бедолаги, — произнес Коул, все так же глядя на звезды. — До чего же им, должно быть, надоело смотреть, как мы из раза в раз совершаем одни и те же ошибки.

Я вдруг почувствовал себя невероятным счастливым, ведь мне было чего ждать. Может, ожидание и действовало мне на нервы, требовало постоянно быть начеку, поглощало все мои мысли, но наградой за него была Грейс. А чего ждал Коул

— Ну? — поторопил меня Коул.

Я прекратил играть на гитаре.

— Что — ну?

Коул приподнялся и оперся на руки, продолжая смотреть в небо. Он запел, совершенно не стесняясь но, разумеется, с чего ему было стесняться? Я был аудиторией на две тысячи человек меньшей, чем та, к которой он привык.

— «Есть тысяча способов сказать "прощай". Есть тысяча способов дать волю слезам».

Я паял аккорд ля минор, с которого начиналась песни, и Коул сокрушенно улыбнулся, поняв, что сфальшивил. Я снова взял тот же самый аккорд, но только на этот раз запел, и тоже без всякого стеснения. Коул уже слышал мою запись в машине и потому не мог разочароваться.

Есть тысяча способов сказать «прощай».

Есть тысяча способов дать волю слезам.

Есть тысяча способов повесить шляпу на крюк, перед тем как выйти за дверь.

И вот говорю я: «Прощай, прощай».

Я кричу во весь голос это «прощай».

Потому что, когда обрету голос вновь, могу позабыть все слова.

Пока я тянул «прощай-прощай-прощай», Коул запел гармонии, которые я записал на своем диске. Гитара была немного расстроена — вторая струна, вечно с ней проблемы, — да и мы оба тоже слегка не в голосе, но это не портило ощущения расслабленности и возникшей между нами связи.

Как будто изношенный канат протянулся через разделявшую нас пропасть. Его прочности не хватило бы для преодоления бездны, но зато мне удалось понять, что пропасть эта не настолько широка, как я считал поначалу.

Под конец разошедшийся Коул принялся изображать шум толпы фанатов. Потом вдруг резко умолк и взглянул на меня, склонив голову набок. Он явно к чему-то прислушивался, глаза его сузились.

Потом и я услышал их.

Вдали выли волки. Их приглушенные голоса сливались в стройный хор, лишь на миг сбиваясь, прежде чем снова вернуться к гармонии. Сегодня их песнь была тревожной, но прекрасной — как будто они, как и все мы, ждали непонятно чего.

Коул все еще смотрел на меня.

— Это их вариация песни, — произнес я.

— Доработка не помешала бы, — отозвался Коул и взглянул на мою гитару. — Впрочем, и так тоже неплохо.

Мы сидели молча, слушая волчий вой, перемежаемый раскатами грома. Я пытался различить в общем хоре голос Грейс, но слышал лишь, как переключались волки, знакомые мне с детства. Я напомнил себе, что сегодня уже слышал ее настоящий голос по телефону. Ничего страшного, что в этом хоре ее нет.

— Только дождя нам и не хватало, — сказал Коул.

Я нахмурился.

— Возвращаемся обратно в барак. — Коул щелчком смахнул с плеча невидимую букашку и встал с пня. Он сунул большие пальцы рук в задние карманы джинсов и оглянулся в сторону леса. — Когда мы были в Нью-Йорке, Виктор...

Он запнулся. В доме трезвонил телефон. Я дал себе мысленный зарок расспросить его о Нью-Йорке, но когда добрался до телефона, оказалось, это Изабел. Она сообщила, что волки загрызли какую-то девушку, не Грейс, но все равно нужно включить телевизор.

Я включил его, и мы с Коулом застыли перед экраном. Он стоял, скрестив на груди руки, а я принялся переключаться с канала на канал.

Волки были во всех новостях. Когда-то давно в Морей-Фоллз волки загрызли девушку. Тогда в прессе об этом упомянули мимоходом. Преподносилось это как несчастный случай.

Теперь, десять лет спустя, когда погибла другая девушка, об этом трубили по всем каналам.

Звучало слово «истребление».

Это был кошмар.

Со всех сторон меня окружала непроницаемая чернота. Не населенная силуэтами чернота моей комнаты по ночам, а абсолютная, непроглядная чернота места, куда не проникает свет. На голую кожу текла вода: стегали колючие дождевые струи и падали тяжелые капли, срывавшиеся откуда-то сверху.

Я была человеком.

И понятия не имела, где нахожусь.

Внезапно темнота взорвалась ослепительным светом. Скорчившаяся и дрожащая, я успела разглядеть змеистую рогатину молнии, пополам расколовшую небо над черными ветвями деревьев в вышине, собственные мокрые и грязные пальцы, растопыренные перед лицом, и фиолетовые призраки древесных стволов повсюду вокруг.

И снова воцарилась чернота.

Я ждала. Я знала, что это произойдет, но все равно оказалась не готова, когда...

Удар грома прозвучал так, будто исходил откуда-то изнутри меня. Бабахнуло с такой силой, что я зажала уши ладонями и втянула голову в плечи, прежде чем разум успел возобладать над страхом. Это просто гром. Он ничего мне не сделает.

И все равно сердце грохотало в ушах.

Я распрямилась в этой черноте — темно было просто до боли — и обхватила себя руками. Каждая клеточка моего тела гнала меня на поиски укрытия, места, где было бы безопасно.

И снова молния.

Вспыхнувшее фиолетовое небо, узловатые ветки и чьи-то глаза.

И затаила дыхание.

Снова вернулась тьма.

Чернота.

Я закрыла глаза, но увиденное уже ослепительным негативом отпечаталось в мозгу: крупный зверь всего в нескольких шагах. Устремленный на меня взгляд немигающих глаз.

Все волосы на моих руках медленно встали дыбом, безмолвно предупреждая об опасности. Внезапно я снова превратилась в одиннадцатилетнюю девочку, сидящую на качелях с книжкой. Я подняла голову от книги и увидела глаза - а в следующий миг меня уже стащили с качелей.

И снова оглушительный удар грома.

Я вслушивалась, пытаюсь уловить волчью поступь.

Мир вновь озарила молния. Двухсекундная вспышка — и я их увидела. Глаза, бесцветные, сверкающие отраженным светом. Волчица. В трех ярдах от меня.

Это была Шелби.

Мир погрузился во тьму.

Я бросилась бежать.

16

СЭМ

Я проснулся.

Поморгал, на миг озадаченный полной иллюминацией посреди ночи. Мало-помалу в голове прояснилось, и я вспомнил, что сам не стал выключать свет в комнате: думал, не засну.

Однако же заснул — и теперь спросонья щурился на настольную лампу, отбрасывавшую косые тени. Блокнот, который я положил на грудь, съехал, строчки внутри плясали. Под потолком исступленно кружили на своих нитках бумажные журавлики, подхваченные потоками теплого воздуха из вентиляционных отверстий. Казалось, им отчаянно хочется вырваться из своих маленьких орбит.

Когда стало понятно, что заснуть снова уже не удастся, я высунул ногу из-под одеяла и большим пальцем включил проигрыватель дисков на столике в изножье кровати. Из динамиков полился гитарный перебор. Биение сердца эхом повторяло каждую ноту. Вот так же без сна я лежал до Грейс, когда еще жил в доме с Бекон и остальными. Тогда популяция бумажных воспоминаний в журавлином обличье не грозила еще перерасти свой ареал обитания: моя жизнь медленно, но верно близилась к

завершению, к тому дню, когда мне предстояло навеки перебраться в лес. Я в то время подолгу не мог заснуть, не помня себя от тоски.

Только тогда тоска была абстрактной. Мне хотелось того, что было для меня недостижимо: жизни после сентября, жизни после двадцати, жизни, в которой я больше времени был бы Сэмом, а не волком.

Теперь же предметом моей тоски было не воображаемое будущее, но конкретное воспоминание: и сижу в кожаном кресле в кабинете дома у Брисбенов с романом «Дитя человеческое»⁴, а Грейс за письменным столом делает домашнее задание, задумчиво покусывая колпачок ручки. Мы молчим, потому что в словах нет никакой необходимости, я слегка разомлел от уютного запаха выделанной кожи, сопения Грейс и скрипа ее стула. Негромко играет радио: сорок хитов поп-музыки, которые сливаются с фоном, пока Грейс не начинает фальшиво подтягивать припев.

Скоро заниматься ей надоедает, и она забирается ко мне в кресло.

— Подвинься, — велит она мне, хотя двигаться некуда, и щиплет за бок, пытаясь втиснуться рядом.

Я возмущаюсь.

— Прости, я не хотела сделать тебе больно, — шепчет она прямо мне в ухо, но поверить в искренность этого извинения трудно, потому что, когда просят прощения от всего сердца, обычно не кусаются.

Я награждаю ее щипком в ответ, и она, рассмеявшись, утыкается носом мне в ключицу. Ее рука протискивается между спинкой кресла и моей спиной и добирается до лопаток. Я делаю вид, что читаю, а она делает вид, что дремлет у меня на груди, хотя на самом деле исподтишка щиплет за лопатку, а я щекочу ее свободной рукой, и в конце концов она хохочет и мы принимаемся безостановочно целоваться.

Нет вкуса изумительней, чем вкус чьего-то смеха на твоих губах.

Вскоре Грейс засыпает у меня на груди по-настоящему. Я пытаюсь последовать ее примеру, но безуспешно. Тогда я снова берусь за книжку и, поглаживая Грейс по голове, начинаю читать под аккомпанемент ее мерного дыхания. Теплая тяжесть ее тела пригвозждает к земле разбегающиеся мысли, и в тот миг я чувствую себя нужным как никогда.

И сегодня, глядя на бумажных журавликов, настойчиво рвущихся прочь с привязи, я точно знал, чего хочу, потому что успел подержать это в руках.

Уснуть я так и не смог.

17

ГРЕЙС

Обогнать волчицу надежды не было.

В темноте мы обе видели не слишком хорошо, но у Шелби было преимущество — волчье чутье и волчий слух. А у меня — босые ноги, путающиеся в колючей траве, тупые ногти, слишком короткие для нападения, и легкие, которым отчаянно не хватало воздуха. В этом грозовом лесу я чувствовала себя совершенно беспомощной. И не могла думать ни о чем, кроме воспоминании о волчьих зубах на моем плече, горячем дыхании на лице о том, как жадно пил мою кровь снег.

Снова ударил гром, заставив сердце болезненно колотиться.

Паника не поможет.

«Успокойся, Грейс».

Спотыкаясь, я пробиралась вперед в промежутках между вспышками молнии, выставив перед собой руку. Отчасти для того, чтобы не наткнуться па что-нибудь, отчасти в надежде найти дерево с низко растущими ветками, на которое можно было бы набраться. Пальцы были моим единственным преимуществом перед Шелби. Но попадались мне одни корабельные сосны и могучие дубы, ветви у которых начинались футах в двадцати от земли, если не в пятидесяти.

А где-то за спиной была Шелби.

⁴ Роман английской писательницы Филлис Дороти Джеймс

Она знала, что я ее заметила, и потому не пыталась передвигаться бесшумно. Хотя в темноте волчица видела ничуть не лучше моего, я слышала, как она подбирается ко мне в промежутках между вспышками молний, ориентируясь на чутье и слух.

Не слышать ее было страшнее, чем слышать.

Сверкнула молния. Мне показалось, что я увидела...

Я застыла в безмолвном ожидании. Затаила дыхание. Волосы липли к лицу и плечам, одна мокрая прядь приклеилась в углу рта. Не поддаваться искушению убрать назойливую прядь оказалось сложнее, чем не дышать. Я стояла неподвижно и думала о том, как мне неудобно. Ступни болели. Перепачканные в грязи ноги щипало от воды. Наверное, я исцарапала их о колючки. Пустой желудок сводило от голода.

О Шелби я старалась не думать. Я напряженно вглядывалась в то место, где, как мне показалось, видела ключ к спасению, чтобы, когда снова сверкнет молния, наметить к нему курс.

Темное небо озарила новая молния, и на сей раз я отчетливо разглядела то, что, как мне показалось, увидела в прошлый раз: смутно различимые, но явственные очертания сторожки, где стая хранила припасы. Домик находился в нескольких десятках ярдов справа, чуть наверху, как будто на каком-то возвышении. Если удастся туда добраться, я смогу захлопнуть дверь у Шелби перед носом.

Лес погрузился во тьму, потом тишину расколол раскат грома. Он был таким оглушительным, что, казалось, еще на несколько последующих секунд нес другие звуки просто высосало из мира.

И этой беззвучной тишине я бросилась бежать, выставив руки перед собой и пытаюсь не сбиться с дороги. Шелби была уже совсем близко, я слышала, как хрустнула у нее под лапой ветка, когда она бросилась на меня. Я скорее чувствовала, чем слышала ее приближение. Рука наткнулась на волчий мех.

Я отскочила

и полетела

в никуда

цепляясь за воздух

в бесконечную черноту.

Оказывается, я кричала, но поняла это, только когда и легких закончился воздух и крик оборвался. Я ударилась животом обо что-то твердое и холодное и немедленно задохнулась. Едва я сообразила, что это вода, как уже нахлебалась.

Не было ни верха, ни низа, только чернота. Только вода, сомкнувшаяся вокруг меня. Мне было холодно, так холодно. Перед глазами поплыли цветные сполохи, ослепительно яркие в черноте. Отчаянная мольба мозга, лишённого кислорода.

Я из последних сил вынырнула на поверхность и принялась судорожно хватать ртом воздух. Рот был забит противной липкой жижей. Она стекала с колос по щекам.

И вышине пророкотал гром. Звук доносился откуда-то очень издалека, как будто я находилась где-то в центре земли. Меня била дрожь. Я потянулась и нащупала пальцами ноги дно. Там, где я стояла, вода доходила до подбородка. Она была грязная и ледяная, но я, по крайней мере, могла без усилий держать голову над поверхностью. Плечи мои ходили ходуном от холода.

И тут меня накрыла она. Медленная-медленная волна тошноты, которая зародилась под ложечкой и докатилась до горла. Холод. Он заявлял о себе, подавая моему телу команду превращаться.

Но превращаться было нельзя. Чтобы удерживать голову над водой в волчьем обличье, придется плыть. А плыть вечно я не смогу.

Нужно было поскорее выбраться на берег. Я не то поплыла, не то побрела вперед в холодной воде. Не может быть, чтобы отсюда не было выхода. Рука ткнулась в отвесный земляной обрыв, уходящий вертикально вверх. Нащупать, где он кончается, я не смогла. Желудок скрутился в узел.

«Нет, — сказала я себе твердо. — Никаких превращений. Не сейчас».

Я двинулась вдоль стены, ощупывая ее в поисках какой-нибудь возможности выбраться. Она бесконечно тянулась в обе стороны и вверх. Я попыталась уцепиться за что-нибудь, но пальцы лишь скребли слежавшуюся землю, а корни обрывались под моим весом, и я каждый раз падала обратно в холодную жижу. Меня била дрожь от холода и приближающегося превращения. Я закусила ледяную нижнюю губу, чтобы не тряслась.

Звать на помощь было бесполезно.

Но что еще мне оставалось? Превратиться в волчицу значило погибнуть. В волчьем облике я могла прожиться на воде лишь ограниченное время. Внезапно подобная смерть показалась мне чудовищной: в полном одиночестве, в чужом теле, которое никто никогда не сможет опознать.

Холод проникал под кожу, растекался по жилам, выпуская наружу дремавший во мне недуг. Нет, нет, мот. Но сопротивляться было бесполезно: кровь настучала в пальцах, кожа натянулась и вспухла, приобретая другую форму.

Вокруг меня с плеском заколыхалась вода: тело мое начало корежить.

Я звала Сэма, пока не позабыла человеческую речь.

18

СЭМ

— Так вот где творятся чудеса, — протянул Коул. — Когда ты наденешь трико?

Мы стояли у служебного входа «Корявой полки», книжного магазина, где я время от времени жил. Из-за грозы я толком не выспался, после вчерашних новостей на работу идти не хотелось, но просить отгул было уже поздно. Пришлось ехать. Впрочем, должен признать, что привычная рутина помогла мне слегка отвлечься от тревожных мыслей. Привычная, если не считать Коула. Обычно, отправляясь на работу, я оставлял его дома и не слишком об этом задумывался. Однако сегодня утром, готовясь уходить, оглянувшись, увидел его молчаливое наблюдение за моими сборами и спросил, не хочет ли он поехать со мной. Пока о приглашении я не пожалел, но ощущения все еще не утратили новизны.

Коул, шурясь, смотрел на меня с первой ступеньки небольшой лестницы, держась обеими руками за перила. На голове у него был тщательно уложенный беспорядок. В рассеянном утреннем свете он выглядел спокойным и расслабленным. Для отвода глаз.

— Трико? — переспросил я.

— Ну да, как у всех супергероев, — пояснил Коул. — Сэм Рот, оборотень ночью, специалист в области книготорговли днем. И еще, наверное, тебе нужен плащ.

— А как же, — отозвался я, отпирая дверь. — В нашей стране такой ужасающе низкий процент читающего населения, что без плаща не продашь и кулинарной книги. Если кто-нибудь придет, не маячь на виду, ладно?

— Те, кто ходит по книжным магазинам, меня точно не узнают, — хмыкнул Коул. — Главный вход в вашей лавке такой же затрапезный, как и служебный?

Все магазины на улице выходили в один и тот же узкий проезд, заставленный разрисованными помойными бачками, заросший пышным бурьяном и усеянный полиэтиленовыми пакетами, избежавшими гибели и зацепившимися за основания лестниц. Сюда не заходил никто, кроме владельцев и персонала; эта разруха мне даже нравилась — все было в таком состоянии, что я не чувствовал себя обязанным попытаться навести порядок.

— С этой стороны магазин все равно никто не видит, — пожал я плечами — Какая разница, как он выглядит?

— Примерно как шестой трек в альбоме. — Коул ухмыльнулся какой-то одному ему понятной шутке. Есть ли у нас план, мистер Фикс?⁵

Я открыл дверь.

— План? Я работаю до обеда. Изабел обещала забежать, рассказать, что ей удалось разузнать со вчерашнего вечера. Потом, может быть, я натяну тебе на голову мешок и мы сходим куда-нибудь перекусить.

Вся подсобка была завалена бумагой и коробками, приготовленными на выброс. Я аккуратистом никогда не был, а Кэрин, владелица магазина, завела замысловатую систему ведения документации, разобраться в которой было под силу лишь ей самой. Когда Грейс впервые увидела бедлам в подсобке, она пришла в ужас. Коул же принялся задумчиво разглядывать канцелярский нож и стопку перехваченных резинкой закладок, пока я включал свет.

— Положи, где взял, — велел я.

⁵ Цитата из мультсериала «80 дней вокруг света» (1972).

Пока я готовился к открытию магазина, Коул повсюду таскался за мной по пятам, заложив руки за спину, как сорванец, которому строго-настрого приказали ничего не испортить. Он выглядел тут совершенно чужеродно, холеный дерзкий хищник, крадущийся между залитых солнцем стеллажей, которые рядом с ним выглядели грубой поделкой деревенского плотника. Интересно, он сознательно напускал на себя такой вид или это было побочное действие его самоощущения? А еще больше меня занимал вопрос, может ли человек подобного склада, пламенное солнце, жить в таком городке, как Мерси-Фоллз.

Я перехватил пристальный взгляд Коула и смутился. Потом открыл переднюю дверь, настроил кассу, включил музыку. Обстановка магазина едва ли была в его вкусе, но когда он стал оглядываться вокруг, меня охватила гордость. В это место было вложено немало моей души.

Внимание Коула привлекла застланная ковром лестница в дальней части магазина.

— Что там, наверху? — поинтересовался он.

— Поэзия и кое-какие специальные издания.

А также воспоминания о нас с Грейс, слишком пронзительные, чтобы переживать их заново в эту минуту.

Коул взял с полки какой-то женский романчик, рассеянно его пролистал и сунул обратно. Он пробыл здесь пять минут и уже маялся от скуки. Я взглянул на часы, узнать, сколько осталось до того момента, когда Кэрин придет меня сменить. Внезапно эти четыре часа показались очень долгими. Из каких филантропических побуждений я притащил сюда Коула?

И тут, отвернувшись к кассе, я краем глаза кое-что заметил. Это был один из тех мимолетных взглядов, когда впоследствии изумляешься: как много, оказывается, ты успел ухватить за единственный миг. Один из тех взглядов, когда вместо ожидаемой, ничего не значащей картинкой получаешь моментальный снимок, намертво врезающийся в память. Это была Эми Брисбен, которая как раз в эту секунду проходила мимо нашей витрины к себе в студию. Одной рукой она придерживала ремешок сумочки, переброшенный через плечо, как будто опасалась, что та в любой миг может съехать. На ней был светлый газовый шарф, а на лице застыло отсутствующее выражение, какое принимают, когда хотят стать незаметной. По этому выражению я немедленно понял: она слышала про девушку, которую нашли в лесу, и теперь гадает, не Грейс ли это.

Я обязан был сказать ей, что это не ее дочь.

Вот только крови мне Брисбены попортили немало. Я прекрасно помнил, как Льюис Брисбен влепил мне оплеуху в больнице. Как меня посреди ночи вышвырнули из их дома. Как мне запретили видиться с Грейс, потому что им вдруг взбрело в голову изображать из себя заботливых родителей. Они лишили меня того немногого, что еще оставалось.

Но у Эми Брисбен было такое лицо... оно все еще стояло у меня перед глазами, хотя она уже прошла своей чеканной походкой мимо магазина.

Они пытались убедить Грейс, что я — мимолетное увлечение.

Я грохнул кулаком по ладони, потом еще и еще раз. Меня разрывало на части. Коул внимательно наблюдал за мной.

Это отсутствующее выражение... в последнее время у меня самого было точно такое же.

Они испортили ей последние дни, когда она еще оставалась человеком, еще была Грейс. А произошло это из-за меня.

Это было невыносимо. Я понимал, чего хочу, и осознавал, что в такой ситуации было бы правильным. Так вот, мои желания никак не могли быть отнесены к разряду правильных, и меня это мучило.

— Коул, — сказал я, — присмотри за магазином.

Коул обернулся, вскинув бровь.

Все во мне восставало против. В глубине души хотелось, чтобы Коул отказался и тем самым все решил за меня.

— Никто не придет. Я на секундочку. Честное слово.

Коул пожал плечами.

— Рви себе душу, пожалуйста.

Я поколебался еще секунду. Жаль, нельзя было сделать вид, что я заметил кого-то другого. В конце концов, она промелькнула за окном совсем быстро, и лицо у нее было полускрыто шарфом. Но Коул тоже узнал ее.

— Смотри, не устрой пожар!

Я выскочил на улицу и ослеп от неожиданно яркого солнца. В магазин оно почти не заглядывало, но улица просто купалась в сверкающих лучах. Я сощурился. Мать Грейс была уже почти в конце квартала.

И поспешил за ней, едва не сбив с ног сначала двух дам средних лет с кофейными стаканчиками и руках, щебечущих о чем-то, потом морщинистую старуху, курившую перед входом в комиссионный магазин, мотом вынужден был притормозить, уступая дорогу женщине, катившей перед собой широкую коляску с двойняшками. После этого мне пришлось припустить бегом; мысль о том, что Коул там один в магазине, не давала мне покоя. Мать Грейс двинулась через дорогу, даже не приостановившись перед переходом. Запыхавшись, я притормозил на углу, чтобы пропустить грузовик, и нагнал ее уже в темной нише перед входом в студию. Вблизи она походила на попугая в период линьки: выбившиеся из-под ободка волосы вились мелким бесом, блузка была заправлена кое-как, шарф съехал на одну сторону так, что один конец оказался намного длиннее другого.

— Миссис Брисбен, — выдохнул я, хватая ртом воздух. — Подождите.

Я не представлял себе, какое выражение лица у нее будет, когда она увидит, что это я, и готовился к отвращению или гневу. Но она просто посмотрела на меня, как... как на пустое место. Как на докучливую букашку.

— Сэм? — произнесла она, помолчав, как будто не сразу припомнила мое имя. — Мне некогда.

Она пыталась вставить ключ в замочную скважину; у нее ничего не выходило. Тогда она принялась рыться в сумочке в поисках другого ключа. Ее объемистая и цветастая лоскутная сумка была набита всевозможным барахлом; если бы я нуждался в доказательствах, что Грейс ей не дочь, хватило бы одной этой сумки. Миссис Брисбен продолжала копаться в своем бауле, не глядя в мою сторону. Ее полное пренебрежение — как будто я больше не заслуживал ни гнева, ни подозрения — заставило меня пожалеть о моем порыве побежать за ней.

Я отступил на шаг.

— Я просто подумал, вдруг вы не знаете. Это не Грейс.

Она так резко вскинула голову, что шарф съехал у нее с шеи окончательно.

— Мне Изабел сказала, — пояснил я. — Изабел Калперер. Это не Грейс. Та девушка, которую нашли в лесу.

Когда до меня дошло, что подозрительный ум в один момент не оставит от моей истории камня на камне, собственная затея показалась мне не такой уж и удачной.

— Сэм, — произнесла миссис Брисбен очень ровным тоном, как будто обращалась к сопливному мальчишке, склонному к выдумкам. Ее рука замерла над сумкой, неподвижные пальцы были растопырены, как у манекена. — Ты точно уверен, что это правда?

— Изабел скажет вам тоже самое, — заверил я. Она закрыла глаза. При виде ее боли я испытал мстительное удовлетворение и немедленно почувствовал себя последней скотиной. Это родителям Грейс всегда удавалось как нельзя лучше — заставляя меня стыдиться самого себя.

— Мне нужно возвращаться в магазин, — сказал я быстро, подняв ее шарф и протянув ей.

— погоди, — остановила меня она. — Зайди на минутку. У тебя ведь есть немного времени?

Я заколебался.

— Ах да, ты же работаешь, — ответила она за меня. — Ну конечно же. Ты... ты специально меня догнал, чтобы сказать?

Я принялся разглядывать собственные ботинки.

— Мне показалось, что вы не знаете.

— Я и не знала. — Она замолчала; я поднял голову и посмотрел на нее. Глаза у нее были закрыты, краем шарфа она водила по подбородку. — Знаешь, Сэм, что самое ужасное? Мне рассказали о гибели чьей-то дочери, а я могу только радоваться этому.

— Я тоже, — вздохнув, произнес я. — В таком случае я ничем не лучше вас, потому что я тоже очень, очень рад.

Миссис Брисбен взглянула на меня — по-настоящему, опустив руки и смотря прямо мне в лицо.

— Наверное, ты считаешь меня плохой матерью.

Я ничего не ответил, потому что она была права. Чтобы смягчить впечатление, я пожал плечами. Ничего ближе к лжи я изобразить просто не мог.

Она проводила взглядом проехавшую мимо машину.

— Ты, конечно, знаешь, что мы с Грейс сильно поругались, перед тем как она... перед тем как она заболела. Из-за тебя. — Она вопросительно взглянула на меня. Я ничего не ответил, и она

восприняла это как знак согласия. — До замужества у меня была куча дурацких увлечений. Мне нравилось, когда вокруг увивались мальчишки. И не нравилось быть одной. Наверное, я судила о Грейс по себе, но она совсем на меня не похожа. Ведь у вас все было серьезно?

— Очень, миссис Брисбен, — сказал я тихо.

— Ты точно не хочешь зайти? Трудно предаваться самобичеванию у всех на глазах.

Я подумал о Коуле там, в магазине. Потом перебрал в памяти людей, на которых наткнулся по пути сюда. Две дамы с кофе. Морщинистая продавщица из комиссионки. Мамаша с двойняшками. Шансы на то, что Коул вляпается в какую-нибудь историю, казались минимальными.

— Только на минутку, — предупредил я.

19

КОУЛ

Болтаться в одиночку в книжном магазине было не самым веселым занятием. Я немного побродил по залу, выискивая книги, в которых могло быть написано что-нибудь обо мне, потом пошаркал по ковру на лестнице против ворса, вытаптывая на нем свое имя, наконец принялся крутить радиоприемник в поисках чего-нибудь более-менее неомерзительного. Здесь все пахло Сэмом — впрочем, наверное, это он пах магазином. Чернилами, старым зданием и чем-то более забористым, чем кофе, но менее интересным, чем травка. Слишком уж вся эта обстановка была... высокоинтеллектуальная. Меня как будто окружали разговоры о чем-то совершенно мне неинтересном.

В конце концов я отыскал какую-то книженцию о том, как пережить все самое худшее в жизни, устроился на табуретке у кассы и, водрузив ноги на прилавок, принялся перелистывать ее. На тему «Как жить, если ты оборотень» ничего не обнаружилось. И выяснить «Как избавиться от одержимости» и «Как ужиться с самим собой» — тоже не удалось.

Над входной дверью звякнул колокольчик, но я не стал отрываться от книги, подумав, что это вернулся Сэм.

— А ты что здесь делаешь?

Пренебрежительный тон и запах духов сказал мне кто это, еще до того, как я поднял голову. Выглядела она сногшибательно. Губы у нее были совсем как клубничные леденцы, так и тянуло попробовать. Глаза густо накрашены, волосы отросли — я мог бы дважды обмотать эти платиновые пряди вокруг своего запястья, впрочем, не то чтобы я об этом мечтал. Она прикрыла за собой дверь, и ее леденцовые губы слегка приоткрылись.

— Добро пожаловать в «Корявую полку», — произнес я, вскидывая бровь. — Чем могу помочь? У нас большой выбор книг из раздела «Помоги себе сам».

— Ну, тебе ли о них не знать, — парировала Изабел. В руках у нее были два бумажных стаканчика, и она с размаху хлопнула их на прилавок подальше от моих ног. На ее лице, когда она взглянула на меня, было написано что-то вроде презрения. Или это был страх? Неужели Изабел Калперер способна испытывать страх?

— Чем Сэм вообще думает? Ты понимаешь, что кто угодно может пройти по улице и увидеть твое лицо сквозь витрину?

— Мне не жалко, пусть смотрят, — пожал я плечами.

— Всегда завидовала беспечным людям.

— Всегда завидовал тем, кто способен принимать так близко к сердцу чужие проблемы. — Внутри медленно разгоралось какое-то незнакомое чувство. Я с изумлением и даже с некоторой гордостью понял, что это гнев. Не помню, когда я в последний раз злился — кажется, это было во время какой-то из ссор с отцом, — поэтому, что влечет за собой эта эмоция, я тоже припоминал с трудом.

— Я не собираюсь мериться с тобой остроумием, — отрезала она.

Я взглянул на стаканчики с кофе, которые она принесла. Один для нее, другой для Сэма. Подобная щедрость была совсем не в духе Изабел, которую я знал.

— А с Сэмом мериться остроумием ты бы стала?

Изабел одарила меня долгим взглядом, потом покачала головой.

— Господи, ты настолько не уверен в себе?

Ответ на этот вопрос неизменно был положительным, но перспектива обсуждения моих не известных широкой публике изъяснов меня не возбуждала. Я наклонился, рассматривая стаканы. Изабел буравила меня убийственным взглядом. Я снял крышки и оглядел содержимое. В одном плескалось что-то такое, от чего подозрительно пахло здоровым образом жизни. Зеленый чай, наверное, или еще какая-нибудь дрянь. Во втором был кофе. Я сделал глоток. Вкус был горький и непонятный. Сахара и сивок в него добавили по минимуму, ровно столько, чтобы он стал годен для питья.

— Вообще-то это был мой кофе, — заметила она.

Я широко улыбнулся. Улыбаться мне не хотелось, но я скрыл это нежелание, улыбнувшись еще шире.

— Было ваше — стало наше. Так что мы почти квиты.

— Господи, Коул, о чем ты? Квиты за что?

Я молча смотрел на нее и ждал, когда она поймет. Пятьдесят очков, если через тридцать секунд. Двадцать, если через минуту. Десять, если вообще до нее дойдет. Изабел уставилась в окно, скрестив на груди руки, как будто опасалась, что на нас вот-вот налетят папарацци. Я прямо-таки чувял ее злость. Потрясающе. Все мои волчьи чувства обострились, по коже побежали мурашки. Глубоко скрытые инстинкты требовали как-то действовать. Драться. Бежать. Ни то ни другое не казалось подходящим. Она продолжала молчать. Тогда я покачал головой и изобразил, будто подношу к уху телефонную трубку.

— О. — Теперь уже Изабел покачала головой. — Ты серьезно? До сих пор злишься? Из-за того, что я не брала трубку? Брось, Коул. Я и не думала, что ты так к этому отнесешься. До чего же ты вредный.

— Вредный? — переспросил я. Пожалуй, я покривил бы душой, если бы сказал, что не почувствовал себя польщенным. Это слово было полно какой-то манящей силы. Вредный. — Да, вредный. Это одно из моих лучших качеств. Это ты потому, что я не стал с тобой спать? Странно. Обычно девицы злятся на меня, потому что я с ними переспал.

Она засмеялась своим резким отрывистым смешком — ха, ха, ха — и, процокав каблучками, обошла прилавок и остановилась ко мне вплотную. Ее дыхание обжигало мне лицо, голос дрожал от гнева.

— «Злюсь» я, как ты выразился, потому, что позавчера ночью вот так же стояла рядом с тобой и смотрела, как ты корчишься на полу и пускаешь слюни, вколов себе какую-то гадость. Один раз я вытащила тебя из этой ямы. Сейчас я сама на грани. Мне не нужен рядом человек с точно такими же проблемами. Ты тянешь меня за собой. А я пытаюсь выкарабкаться.

И снова я подпал под чары Изабел. Этот приступ откровенности — весьма к тому же кратковременный — выбил почву у меня из-под ног. Гнев вдруг куда-то испарился. Я медленно, по одной, снял ноги с прилавка и развернулся так, что оказался к ней лицом. Вместо того чтобы отодвинуться, она осталась стоять, где стояла, между моими ногами. Вызов. А может, капитуляция.

— Неправда, — заявил я. — Ты нашла меня на дне только потому, что сама там оказалась.

Она была так близко, я даже чувствовал запах ее помады. И не мог думать ни о чем, кроме того, что ее бедра от моих отделяют считанные дюймы.

— Я не собираюсь смотреть, как ты убиваешь себя, — отрезала Изабел. Еще минуту не было слышно ничего, кроме рева грузовика на улице. Глаза Изабел были прикованы к моим губам, потом она вдруг резко отвела взгляд. — Все, я не могу больше здесь находиться. Скажи Сэму, что я ему позвоню.

Она начала разворачиваться, и в этот миг я обхватил ее за бедра.

— Изабел. — Мои пальцы нечаянно скользнули по обнаженной коже над поясом ее джинсов. — Я не пытался убить себя.

— Кайф хотел словить?

Она дернулась прочь, но я держал крепко. Не настолько крепко, чтобы точно не дать ей сдвинуться с места, но и рывок ее был не настолько сильным; в общем, мы остались в том же положении.

— Я не пытался словить кайф. Я пытался превратиться в волка.

— Неважно. Это уже тонкости терминологии.

На меня Изабел не смотрела.

Я отпустил ее и поднялся. Мы очутились лицом к лицу. Я давно понял, что самое грозное оружие в моем арсенале — способность вторгаться в чужое личное пространство. Она повернула ко мне голову, и все исчезло, остались лишь мои глаза и ее глаза, и меня затопило ощущение правильности

происходящего, того, что я говорю нужные слова в нужное время нужному человеку, такое нечастое ощущение верности слов и их искренности.

— Я не собираюсь больше повторять это, так что советую тебе поверить мне с первого раза. Я ищу противоядие.

20

СЭМ

Она — Эми, я пытался думать о ней как об Эми, а не как о матери Грейс — с усилием открыла дверь и провела меня через сумрачный вестибюль в чуть более приглушенных, чем фасад здания, тонах в выразительно светлую студию, заставленную холстами. Свет лился сквозь стеклянную заднюю стену, выходящую на заброшенный пустырь, на котором стояли старые тракторы. Если закрыть глаза на вид, обстановка студии была элегантно профессиональной: светло-серые, как в музее, стены со свисающими с белого карниза по периметру потолка проволочными подвесами для картин. Эти самые картины висели на стенах и стояли в углах; некоторые из них, похоже, еще не успели окончательно просохнуть.

— Воды? — предложила Эми.

Я встал в центре комнаты, стараясь ни к чему не при касаться. Потребовалось время, чтобы уложить в голове контекст, в котором мне предлагают воду: для утоления жажды, а не с целью утопить.

— Спасибо, все в порядке, — сказал я.

Когда Эми в прошлый раз показывала мне свои картины, они выглядели странно и причудливо — животные в городской обстановке, любовники, раскрашенные всеми цветами радуги. Теперь же все полотна казались безжизненными. Даже если на них были изображены пейзажи — улочки и постройки, — они все равно производили впечатление необитаемых планет. Ни животных, ни любовников. Ничего, притягивающего взгляд. Единственное полотно, на котором разворачивалось хотя бы какое-то подобие действия, стояло у нее на мольберте. Огромное, с меня высотой, оно все было белого цвета, за исключением маленькой человеческой фигурки в нижнем левом углу. Девушка на картине сидела спиной к зрителю, понутив плечи, и по спине у нее рассыпались темно-русые волосы. Несмотря на то что лица видно не было, я сразу же узнал Грейс.

— Давай устрой мне сеанс психоанализа, — сказала Эми, заметив, что я разглядываю картины.

— Я пытаюсь завязать с этим, — пошутил я, но шутка показалась мне предательством, как вчера ночью, когда я подхватил предложенную Коулом игру «продолжи песню», хотя следовало бы надавать ему по шее. Я вступал в соглашение с врагом.

— Тогда просто скажи, что думаешь, — попросила она. — Ты действуешь мне на нервы, Сэм. Я когда-нибудь это тебе говорила? Наверное, стоило сказать. Ладно, скажу сейчас. Ты никогда ничего не говорил, когда был с Грейс, а я не понимала, как это воспринимать. Со мной все разговаривают. Я могу разговорить кого угодно. Чем дольше ты молчал, тем больше я ломала голову, в чем дело.

Я посмотрел на нее. Я понимал, что тем самым лишь подтверждаю ее точку зрения, но все равно не находил нужных слов.

— Ох, теперь ты нарочно морочишь мне голову, — продолжала она. — О чем ты думаешь?

В голове у меня крутилось множество мыслей, но большинству из них не следовало превращаться в слова. Все они были гневные, обличительные. Я повернулся к нарисованной Грейс, отгородившейся от меня спиной.

— Я думал о том, что это совсем не та Грейс, которую я знал.

Эми подошла и остановилась рядом со мной. Я отодвинулся. Я старался сделать это незаметно, но она все равно заметила.

— Ясно. Видишь ли, это единственная Грейс, которую знала я.

— Она тут очень одинокая, — произнес я медленно. — И замерзшая.

Знать бы, где она сейчас.

— Независимая. Упрямая. — Эми вдруг вздохнула и отошла от меня так резко и неожиданно, что я вздрогнул. — Я не считаю себя такой уж плохой матерью. Мои родители не давали мне вообще никакой свободы. Они читали все книжки, которые читала я. Ходили на все мероприятия, на которые ходила я. Установили строгий комендантский час. Я жила под микроскопом, пока не уехала в колледж. С тех пор я ни разу не была дома. И до сих пор с ними не разговариваю. Они все еще рассматривают

меня под увеличительным стеклом. — Он изобразила руками окуляры бинокля. — Я думала, у нас с Льюисом все здорово. Когда Грейс захотелось самостоятельности, мы не возражали. Врать не стану - я тоже рада была вернуться к своей обычной жизни. Но она отлично справлялась. Все жаловались, что их дети вечно проказничают и плохо учатся. Если бы Грейс начала плохо учиться, и разговор с ней был бы другой.

Это прозвучало не как признание, а как заявление художника. Конфликт, изложенный в благопристойном виде для прессы. Я не смотрел на Эми. Я смотрел на Грейс на картине.

— Вы бросили ее совсем одну.

Повисло молчание. Наверное, она не ожидала такого обвинения. Или просто не ждала возражений.

— Это неправда.

— Я верю тому, что она сама мне говорила. Я видел, как она плакала из-за вас двоих. И это было искренне. Грейс не склонна устраивать представления.

— Она никогда ни о чем не просила, — сухо произнесла Эми.

Вот теперь я посмотрел на нее — пригвоздил своими желтыми глазами. Я знал, что ей неуютно — под моим взглядом неуютно становилось всем.

— Правда?

Эми выдерживала мой взгляд в течение нескольких секунд, потом отвела глаза. Наверное, она уже пожалела, что пригласила меня зайти.

Но когда она взглянула на меня снова, в глазах у нее стояли слезы, а нос некрасиво покраснел.

— Ладно, Сэм. Будем до конца откровенны. Знаю, порой я вела себя как эгоистка и видела то, что хотела видеть. Но это дорога с двусторонним движением, Сэм: Грейс тоже не была самой ласковой дочерью в мире.

Она отвернулась и вытерла нос краешком блузки.

— Вы ее любите? — спросил я.

Она склонила голову к плечу.

— Больше, чем она меня.

Я ничего не ответил. О силе чувств Грейс к родителям мне не было известно. Мне захотелось, чтобы вместо меня она сама сейчас очутилась здесь, и этой студии.

Эми вышла в примыкающую ванную и принялась громко сморкаться. Вернувшись, она остановилась в нескольких шагах от меня и промокнула платком. На лице у нее было странное выражение, какое бывает у людей, когда они собираются сделать, что то необычайно для них важное.

— А ты ее любишь? — спросила она.

Уши у меня запылали, хотя смущения я не испытывал

— Я же здесь, — ответил я.

Она прикусила нижнюю губу и уткнулась взглядом в пол. И потом, не глядя на меня, задала еще один вопрос:

— Где она сейчас?

Я не шелохнулся.

После долгого молчания она вскинула на меня глаза.

— Льюис считает, что ты ее убил.

Я не почувствовал ровным счетом ничего. Еще нет. Тогда это были всего лишь слова.

— Из-за твоего прошлого, — продолжала она. — Он говорит, ты был слишком тихий и слишком странный, и вообще во всем виноваты твои родители. После этого ты просто не мог остаться нормальным и убил Грейс, когда узнал, что ей запретили с тобой видеться.

Кулаки у меня дернулись сжаться, но я подумал, что это будет плохо выглядеть, и усилием воли заставил руки расслабиться. Они гирями повисли по бокам, распухшие и чужие. Эми неотрывно смотрела на меня, оценивая реакцию.

Я знал, что она хочет слов, но мне нечего было ей сказать. Поэтому я лишь молча покачал головой.

Она печально улыбнулась.

— Я так не считаю. Но тогда... где же она, Сэм?

В груди шевельнулся червячок тревоги. Не знаю из-за чего — то ли из-за этого разговора, то ли из-за запаха краски, то ли из-за того, что Коул остался один в магазине, но мне стало не по себе.

— Я не знаю, — ответил я честно.

Мать Грейс коснулась моего локтя.

— Если найдешь ее раньше нас, — сказала она, — передай ей, что я люблю ее.

Я подумал о Грейс и смятом платье в цветочек, которое поднял с земли. О Грейс, рыскавшей сейчас где-то в чаще леса.

— Что бы ни случилось? — уточнил я, хотя едва ли любые ее уверения смогли бы убедить меня. Я расцепил руки: сам того не осознавая, я все это время тер большим пальцем шрамы у себя на запястье.

Голос Эми не дрогнул.

— Что бы ни случилось.

Я ей не поверил.

21

ИЗАБЕЛ

Коул Сен-Клер был такой человек, которому ты верил и не верил одновременно. Он был грандиозен, и казалось ему под силу совершить невозможное. Но при этом был просто скотиной и абсолютно не вызывал доверия.

Беда в том, что мне хотелось ему верить.

Коул сунул руки в задние карманы джинсов, словно в доказательство того, что и пальцем не собирается меня трогать, если только я сама не сделаю первый шаг. На фоне стеллажей с книгами он выглядел сошедшим с плаката, какие можно увидеть в библиотеках, — где знаменитости пропагандируют чтение. «Коул Сен-Клер призывает: ни дня без книги!» Вид у него был до крайности довольный собственным духовным величием.

Он вообще был чертовски хорош.

Мне вдруг вспомнилось дело, которое не так давно пел мой отец. Подробности я не очень помнила — если не ошибаюсь, это вообще было несколько дел, объединенных в одно, — какого-то придурка, в прошлом осужденного, обвиняли в новом преступлении. И мама тогда сказала что-то вроде: поверь человеку на слово. Ответ отца врезался мне в память навсегда, ведь это были первые и единственные умные слова, которые я от него услышала: «Человеческая суть не меняется. Меняется лишь то, что с ней делают».

Выходит, если папочка был прав, значит, за этими серьезными зелеными глазами, устремленными на меня, был все тот же Коул, способный, как и прежде, валяться на полу мертвецки пьяным и собираться с духом, чтобы покончить с собой. Не знаю, могла ли я принять это.

— И в качестве лекарства от превращения в оборотня ты выбрал... эпилепсию? — произнесла я наконец.

Коул равнодушно фыркнул.

— О, это всего лишь побочный эффект. С этим я разберусь.

— Ты мог умереть.

Он улыбнулся широкой ослепительной улыбкой, отлично зная, насколько она широка и ослепительна.

— Но не умер же.

— Все равно, — уперлась я, — это ничем не отличается от попытки самоубийства.

— Рисковать — не значит пытаться совершить самоубийство, — отмахнулся Коул. — Иначе всех скайдайверов давным-давно упекли бы в психушку.

— У скайдайверов есть парашюты, или с чем там они прыгают!

Коул пожал плечами.

— А у меня есть вы с Сэмом.

— Мы даже не знали, что ты... — Я умолкла, услышав зазвонивший у меня в сумочке телефон. Я вытащила его, отодвинулась от Коула и взглянула на экранчик. Папа. Сейчас как никогда кстати было воспользоваться автоответчиком, но после вчерашней выволочки я не могла не взять трубку. Чувствуя на себе взгляд Коула, я ответила.

— Что там еще у тебя?

— Изабел?

Голос у отца был удивленный и... торжествующий одновременно.

— Ну да, если только у тебя нет еще одной дочери, — отозвалась я. — Кстати, это многое бы объяснило.

Отец пропустил шпильку мимо ушей. Во всяком случае голос у него остался все таким же подозрительно благодушным.

— Я случайно набрал твой номер. Вообще-то я собирался и позвонить маме.

— А позвонил мне. А зачем она тебе понадобилась? Что-то ты слишком веселый, — сказала я. Коул вскинул брови.

— Последи за языком, — бросил отец автоматически. — Мне только что позвонил Маршалл. Та девушка стала последней каплей. Как ему сообщили, нашу стаю исключают из перечня охраняемых животных и устраивают отстрел. На этот раз все будет на уровне штата. Больше никаких местных с ружьями. Отстрел будет производиться с вертолета. Они сделают все как надо, как в Айдахо.

— Это уже точно решено? — спросила я.

— Осталось только назначить время, — отозвался отец. — Когда изыщут ресурсы и живую силу.

Почему-то последнее предложение прозвучало для меня как окончательный приговор — эти «ресурсы и живая сила» настолько вписывались в лексикон придурка Маршалла, что я так и представила, как отец повторяет услышанное пять минут назад по телефону.

Это был конец.

Лицо Коула утратило недавнее выражение ленивой самоуверенности. Видимо, моя интонация насторожила его, потому что он не сводил с меня внимательных глаз. Я почувствовала себя раздетой и отвернулась.

— Ты в курсе, когда это будет? Хотя бы примерно? — спросила я отца.

Он сказал что-то в сторону. Его собеседник засмеялся, и отец засмеялся в ответ.

— Что? Слушай, Изабел, я не могу больше говорить. Примерно через месяц, так мне сказали. Но мы будем пытаться повернуть все побыстрее. Думаю, тут вопрос в пилоте и в оцеплении. Увидимся дома. Э-э... а почему ты не в школе?

— Я в туалете, — соврала я.

— Ох. Не обязательно было брать трубку, если ты на занятиях. — Я услышала, как отца кто-то позвал. — Все, мне пора. Пока, котенок.

Я захлопнула крышку телефона и уставилась на стеллаж с книгами. Прямо передо мной стояла биография Тедди Рузвельта.

— Котенок, — вскинул брови Коул.

— Не начинай.

Я повернулась, и мы молча посмотрели друг на друга. Не знаю, как много он слышал. Чтобы уловить суть, хватило бы пары фраз. Что-то в лице Коула все еще вызывало у меня странное чувство. Как и прежде, жизнь всегда была для него маленькой шуткой, которую он находил слегка забавной, но и главным образом неудачной. Однако теперь, в свете ноной информации, Коул казался... неуверенным. На пару секунд мне показалось, будто открылась потайная дверца куда-то внутрь его души, а потом звякнул входной колокольчик и дверца захлопнулась.

На пороге стоял Сэм. Дверь за ним плавно закрылась.

— Скверные новости, Ринго, — сказал Коул, снова становясь прежним, — Мы все умрем.

Сэм вопросительно взглянул на меня.

— Мой папаша добился своего, — пояснила я. — Они готовят охоту. Дело только за вертолетом.

Сэм долго стоял на пороге, только желваки играли на щеках. На лице у него застыла странная решимость. «Закрото» — гласила обратная сторона дверной таблички у него за спиной.

Молчание тянулось слишком долго, и я собиралась уже сказать что-нибудь, когда Сэм произнес до странности чужим голосом:

— Я забираю Грейс из леса. Всех остальных тоже, но ее в первую очередь.

Коул вскинул голову.

— Думаю, в этом я смогу тебе помочь.

После многодневного дождя в лесу было слякотно и тихо. Коул шел впереди; судя по уверенной походке, дорога была ему хорошо знакома. Изабел с неохотой отправилась на занятия, а когда Кэрин сменила меня в магазине, мы с Коулом поспешили в дом Бека. Пока мы ехали, Коул изложил мне свой блестящий план по поимке Грейс: ловушки.

Оказывается, все это время, пока я представлял, как Коул целыми днями громит дом, он на самом деле пытался ловить животных. Волков. Пожалуй, Коул был настолько непредсказуем, что удивляться не стоило ничему.

— Сколько у тебя этих штуковин? — спросил я, пока мы пробирались по лесу.

Я мог бы думать о новости, которую сообщила Изабел, но заставил себя сосредоточиться на дороге. Мир так отсырел, что без полной концентрации было не обойтись. Стоило ухватиться за какую-нибудь ветку, как на меня обрушивался водопад капель, ноги разъезжались на раскисшей земле.

— Пять, — ответил Коул и остановился, чтобы постучать ботинком о ствол дерева. От подошвы комьями начала отваливаться грязь. — Приблизительно.

— Приблизительно?

Коул двинулся дальше.

— Я подумываю поставить еще одну, на Тома Калперера, — бросил он, не оборачиваясь. Пожалуй, я был с ним согласен.

— И что ты будешь делать, когда кого-нибудь поймаешь?

Коул вступил в кучу сухого оленьего помета и с преувеличенным отвращением фыркнул.

— Выясню, что заставляет нас превращаться. И действительно ли ты исцелился.

Удивительно, как это он до сих пор не взял у меня кровь на анализы.

— Может быть, — задумчиво произнес Коул, — я попрошу тебя поучаствовать в паре добровольных экспериментов.

Пожалуй, я стал понимать его лучше, чем думал сам.

— Может, не стоит? — осторожно сказал я. Пока мы шли, я уловил какой-то мимолетный запах, напомнивший мне о Шелби. Я остановился, медленно обернулся кругом, опасливо переступил через ярко-зеленую ползучую колючку.

— Что ты делаешь, Ринго? — спросил Коул.

— Мне показалось, я почувал...

Я замялся. Как объяснить ему это, я не знал.

— Белую волчицу? Бешеную?

Я посмотрел на него. На лице у него застыло проницательное выражение.

— Да. Шелби, — подтвердил я. Запах исчез. — Скверно. Ты видел ее в последнее время?

Коул коротко кивнул. У меня упало настроение. Я не видел Шелби уже много месяцев и наивно надеялся, что она ушла из леса. Такое иногда случалось. Почти в любой стае находился изгой, которого третировали, не подпускали к еде, всячески выживали из иерархии. Такие волки нередко уходили за сотни миль, чтобы основать другую стаю где-нибудь подальше от своих мучителей.

Когда-то давным-давно в стае Пограничного леса таким изгоем, омега-самцом был Салем, старый волк, которого я уже не застал человеком. Однако, пока сражался с менингитом, я насмотрелся на Шелби достаточно, чтобы понять — она совсем низко пала в глазах Пола, а следовательно, и в глазах стаи. Такое впечатление, будто он откуда-то знал, как она изводила нас с Грейс.

— И что в этом скверного? — поинтересовался Коул.

Рассказывать желания не было. Заговорить о Шелби значило извлечь все эти воспоминания из коробок, в которые я тщательно их упаковал, а этого мне не хотелось.

— Шелби предпочитает быть волчицей, — тщательно подбирая слова, пояснил я. — Она... у нее было тяжелое детство, и она не совсем нормальная.

Едва я произнес эти слова, как возненавидел себя за них — ведь ровно то же самое мать Грейс только что сказала обо мне.

— Прямо как Бек любит, — хмыкнул Коул.

Он развернулся и двинулся по следу, который оставила Шелби; миг спустя я последовал его примеру, хотя мысли мои были далеко.

Мне вспомнилось, как Бек привел Шелби в дом. Он тогда просил нас оставить ее в покое на некоторое время и не мешать. К сожалению, мы так и не смогли дать ей что-то такое, в чем она нуждалась. Миновали месяцы. Стоял точно такой же теплый день, как сегодня. Бек попросил:

— Ты не мог бы сходить посмотреть, что там затеяла Шелби?

Он не подозревал, что она на самом деле что-то затеяла, иначе пошел бы сам.

Я нашел ее перед, домом, у подъездной дорожки. Услышав мои шаги, она вскинула свою белокурую голову, но увидела, что это я, и как ни в чем не бывало вернулась к своему занятию. Ко мне она относилась как к воздуху: ни плохо, ни хорошо. Как к чему то само собой разумеющемуся. Поэтому никак не отреагировала, когда я подошел прямо к тому месту, где она сидела на корточках.

В руке у нее был карандаш; им она ковырялась и чьих то внутренностях, вытягивая кончиком свернутые кольцами кишки. Они походили на червей. Посреди этого месива маслянисто поблескивал зеленым какой-то орган. На другом конце кишок, всего в нескольких дюймах, дергался и сучил ногами скворец, пригвожденный к земле карандашом Шелби, на который были намотаны его внутренности.

— Вот что мы с ними делаем, когда их едим, — сказала Шелби.

Я стоял столбом, пытаюсь уловить в ее голосе хотя бы искорку какого-то чувства. Она указала на развороченную птичью грудку вторым карандашом, который держала в другой руке. Карандаш был мой, из моей комнаты. Я недавно его заточил. Мысль о том, что она побывала в моей комнате, почему-то ужаснула меня сильнее, чем несчастная птица, бьющаяся в пыли на обочине асфальтовой дорожки.

— Это ты сделала? — спросил я, хотя и сам знал, что она.

Шелби и ухом не повела.

— Вот тут у них мозг, — произнесла она. — У страуса глаз больше, чем мозг.

Она показала на птичий глаз. Острый грифель коснулся блестящей черной пленки, и внутри у меня что-то натянулось. Скворец лежал совершенно неподвижно. По развороченным внутренностям пробегала рябь пульса.

— Нет... — начал я.

Шелби воткнула мой карандаш прямо скворцу в глаз. На губах у нее играла улыбка, мечтательная улыбка, не имевшая ничего общего с радостью. Не поворачивая головы, она покосилась в мою сторону.

Я прирос к своему месту, сердце у меня колотилось, как будто это я был ее жертвой. Собственное дыхание отдавалось в ребрах тошнотворными судорожными толчками. Глядя на Шелби и скворца, эту черно-бело-красную картину, я уже не мог вспомнить, что такое счастье.

Беку я так никогда об этом и не рассказал.

Меня удерживал стыд. Я не остановил ее. Это был мой карандаш. Наказанием была эта картина, запечатлевшаяся в моей памяти навсегда. Я повсюду носил ее с собой, и эта ноша была в тысячу раз тяжелее маленького птичьего тельца.

*И что за чудище,ждавшись часа,
Ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?⁶*

Как бы мне хотелось, чтобы Шелби была мертва. Как бы хотелось, чтобы этот запах, на который двигались мы с Коулом, был ее призраком, воспоминанием о ней, а не предвестником. Когда-то давно меня бы вполне устроил просто ее уход из леса на поиски другой стаи, но я больше не был тем Сэмом. Теперь я надеялся, что она там, откуда не возвращаются.

Но запах, который источал этот чертов подлесок, был слишком уж сильным. Она жива. Она побывала здесь. Совсем недавно.

Я остановился и прислушался.

— Коул, — позвал я.

Он мгновенно остановился — видимо, что-то в моем голосе насторожило его. Какое-то время ничего не происходило. Лишь ворчливо вздыхал, пробуждаясь от зимнего сна, лес, щебетали по деревьям птицы, да залиристо лаяла где-то вдали собака. Потом послышался какой-то слабый тревожный звук. И если бы мы не остановились, шум наших шагов заглушил бы его. Но теперь я явственно различил визг и поскуливание попавшего в беду волка.

— Это одна из твоих ловушек? — негромко спросил я Коула.

Тот покачал головой.

Звук повторился. Под ложечкой у меня похолодело от дурного предчувствия. По-моему, это была не Шелби.

⁶ Йейтс У. Б. Второе пришествие. Перевод Г. Кружкова. 143

Я прижал палец к губам, и Коул мотнул подбородком — мол, понял. Если где-то поблизости был раненый зверь, я не хотел спугнуть его, пока мы не подошли достаточно близко, чтобы помочь.

Внезапно мы оба превратились в волков в человеческом обличье — бесшумных и настороженных. Как когда-то во время охоты, мои шаги стали широкими и пружинистыми, ступни едва касались земли. Умение подкрадываться не пришлось восстанавливать сознательно. Я лишь сбросил тонкий налет человеческого, и оно вернулось, как будто только и ждало, когда потребуется снова.

Под ногами чавкала липкая скользкая грязь. Вытянув в стороны руки, чтобы не потерять равновесие, я начал спускаться в неглубокий овраг. Ноги скользили, оставляя бесформенные следы. Я остановился. Прислушался. За спиной ругнулся Коул, едва не полетевший кувырком. Потом снова заскулил волк. В его голосе было такое отчаяние, что у меня защемило сердце. Я подобрался поближе.

Сердце грохотало в ушах.

Чем ближе я подбирался, тем больше убеждался: что-то не так. До меня доносилось не только волчье поскуливание, но и плеск воды. На дне оврага не было реки, а до озера было далеко. И все равно слышался плеск.

В вышине звонко щебетала какая-то птица, ветерок колыхал листву, открывая глазу ее бледную изнанку. Коул смотрел на меня, но взгляд его был устремлен куда-то мимо; он прислушивался. С тех пор как мы с ним познакомились, волосы у него успели отрасти, цвет лица стал лучше. Как ни удивительно, здесь, в чаще леса, подобранный и настороженный, он выглядел совершенно органично. Порыв ветра осыпал нас лепестками, хотя нигде поблизости ни одного цветущего дерева видно не было. Стоял совершенно обычный весенний день, типичный для наших лесов, но почему-то дыхание перехватывало, и я не мог думать ни о чем, кроме того, что запомню этот миг на всю жизнь.

И вдруг меня охватило четкое и явственное ощущение — я тону. Вода, холодная и илистая, смыкалась над моей головой, щиплет ноздри, тугим кольцом опоясывает легкие.

Это был обрывок воспоминания, никак не связанный с настоящим. При помощи таких волки общались друг с другом.

И тут я понял, где волк. Не пытаюсь больше быть бесшумным, я преодолел последние несколько ярдов.

— Сэм! — рявкнул Коул.

Я едва успел вовремя остановиться. Почва ушла из-под правой ноги и с плеском полетела в воду. Я отступил на безопасное расстояние и вытянул голову, глядя вниз.

Под ногами желтела глина, яркий цветной мазок на фоне темной листвы. Внизу зиял провал, совсем свежий, судя по обнаженным древесным корням, похожим на скрюченные ведьмины пальцы, которые торчали из стен обрыва. Должно быть, свод подземной полости не выдержал ливня, и земля просела, образовав неровную вымоину. Глубиной она была футов восемь-десять, а может, и все пятнадцать, на глаз не определить. На дне плескалась какая-то желто-оранжевая жижа, достаточно густая, чтобы оставаться на стенах, но достаточно жидкая, чтобы в ней можно было утонуть.

В этой жиже плавал волк. От грязи мех у него слипся иголками. Он больше не скулил, просто болтался в воде. Не барахтался даже. Шкура у него была покрыта таким толстым слоем грязи, что я не мог определить, кто это.

— Ты там живой? — прошептал я.

При звуке моего голоса волк судорожно забился и, вскинув голову, посмотрел на меня.

Грейс.

Я превратился в радиоприемник, настроенный на все радиостанции одновременно: столько мыслей сразу, что ни от одной нет толку.

Теперь мне бросились в глаза свидетельства ее борьбы: отметины от когтей на мягкой глине чуть выше уровня воды, вывороченные комья грязи по краям, гладкая полоса в том месте, где она снова и снова соскальзывала обратно вниз. Она явно была здесь довольно давно, и когда взглянула на меня, я увидел, что она устала бороться. И глаза у нее были совершенно разумные, печальные, полные понимания. Если бы не холодная вода, запершая ее в теле волка, она, скорее всего, была бы человеком.

Это лишь многократно все усложняло.

Коул рядом со мной задумчиво засопел.

— Может, сбросить туда что-нибудь, на что он мог бы взобраться? Или хотя бы...

Он недоговорил, а я уже двинулся в обход вымоины в поисках чего-нибудь подходящего. Но пока Грейс оставалась в волчьем обличье, как я мог ей помочь? До края воды было по меньшей мере шесть футов, и даже если бы мне удалось отыскать какое-нибудь длинное бревно или доску, чтобы

спустить в воду, — возможно, в сторожке могло найтись что-нибудь подобное, — это должно было быть что-то такое, по чему она смогла бы пройти, ведь вскарабкаться ей было не под силу. И вообще, каким образом уговорить ее пройти по этому чему-нибудь? Даже будь у нее руки и пальцы, задача была бы нелегкой, но хотя бы не совсем невыполнимой.

— Это все без толку. — Коул наподдал ногой толстый сук. Кроме пары корявых трухлявых сосен, потрепанных бурями и временем, никаких других деревьев поблизости от ямы не было. — Дома нет ничего пригодного?

— Лестница, — сказал я.

Впрочем, чтобы сбегать за ней и вернуться, нужно было минут тридцать. Вряд ли Грейс продержалась бы эти тридцать минут. В тени сосен было холодно, а в воде, думаю, и того холоднее. Я не знал, при какой температуре наступает переохлаждение. Я присел на краю провала, чувствуя себя совершенно беспомощным. То же самое чувство, как во время припадка у Коула, медленно отравляло меня.

Грейс подобралась к ближайшему ко мне концу ямы и попыталась найти точку опоры. Лапы у нее тряслись от изнеможения. Ей не удалось даже на дюйм приподняться над водой, а ее лапы уже соскользнули по мокрой земле. Она с трудом удерживала голову над водой, дрожащие уши висели тряпочками. Обессиленная, замерзшая, смирившаяся со своим поражением.

— Мы не успеем принести лестницу, — сказал Коул. — Он уже почти выдохся.

При мысли о том, что гибель Грейс уже близка, внутри у меня все оборвалось.

— Коул, это Грейс, — убитым голосом сказал я.

Он почему-то посмотрел на меня, а не на нее, и вид у него сделался странный.

Внизу, в яме, волчица вскинула на меня свои карие глаза.

— Грейс, — попросил я, — не сдавайся.

Похоже, мои слова придали ей силы: она снова принялась барахтаться. В этой мрачной решимости Грейс была настолько узнаваема, что больно было смотреть. Она подплыла к другому краю ямы и снова попыталась выбраться, упершись одним плечом в скользкую грязь и царапая другой лапой отвесную стену над поверхностью воды. Задними лапами она упиралась во что-то под водой. Вся вытянувшись, с подрагивающими мускулами, она налегала на глиняную стену. Один глаз она прикрыла, чтобы в него не летела грязь, другой смотрел прямо на меня. Оттуда, из-под слоя грязи, из-под волчьей шкуры, из-под всего остального глядела на меня душа Грейс.

И тут стена поползла вниз. Увлекаемая каскадом грязи и песка, волчица полетела в воду. Ее голова скрылась в мутной жиже.

Нескончаемо долгий миг бурая поверхность воды была абсолютно неподвижна.

За те несколько секунд, которые понадобились Грейс, чтобы вырваться на поверхность, решение было принято.

Я сбросил куртку, подошел к краю обрыва и, прежде чем успел подумать о множестве ужасных последствий, шагнул вниз.

За спиной у меня запоздало ахнул Коул.

Я наполовину съехал, наполовину упал в воду. Ступня коснулась чего-то скользкого, и не успел я решить, дно это или просто коряга, как с головой очутился под водой.

Я сообразил закрыть глаза, лишь когда их уже нащипало от песка. В наступившей черноте время прекратило свой бег, превратившись в отвлеченное понятие, потом я нащупал дно и вынырнул из-под воды.

— Сэм, дубина ты стоеросовая, — выругался Коул.

В его голосе звучало восхищение; похоже, я все-таки поступил опрометчиво.

Вода доходила мне только до ключиц. Она была склизкой, как ил, и обжигающе холодной. Я меня словно живьем содрали кожу. Остались только кости и ледяная вода, проникающая сквозь них.

Грейс жалась к противоположной стене, с трудом удерживая голову над водой. В ее глазах настороженность боролась с чем-то таким, что ее волчья морда не могла выразить до конца. Теперь, когда я мог оценить глубину промоины, стало понятно: она стоит на задних лапах, опираясь о стену, чтобы экономить силы.

— Грейс, — позвал я, и при звуках моего голоса трудноуловимое нечто в ее глазах переплавилось в страх. Я попытался не принимать его на свой счет; волчьи инстинкты брали свое, и неважно, что всего миг назад ее глаза светились человеческим разумом.

Прыгая в яму, я собирался посадить ее наверх; похоже, план придется пересмотреть. Сосредоточиться было очень трудно; я так замерз, что мурашки отзывались жгучей болью. Все мои намертво усвоенные инстинкты торопили выбираться из ямы, пока я не превратился в волка.

Как же мне было холодно.

Коул присел на корточки на краю ямы. Я чувствовал снедавшее его беспокойство, слышал невысказанный вопрос, но не знал, как ответить.

Я двинулся к Грейс, просто чтобы оценить ее реакцию. Она инстинктивно отпрянула и потеряла равновесие. Ее голова скрылась под водой, и на этот раз ее не было на протяжении нескольких ударов сердца. Когда же она наконец вынырнула, то безуспешно попыталась отыскать прежнее место, но у нее ничего не вышло. Она слабо забарахталась, с трудом удерживая ноздри над поверхностью воды. Времени у нас оставалось не много.

— Мне спуститься? — спросил Коул.

Я покачал головой. Мне было так холодно, что я скорее выдохнул, чем произнес вслух:

— Слишком... холодно. Ты... превратишься... в волка.

Волчица рядом со мной тихонько заскулила.

«Грейс, — попросил я ее про себя, закрыв глаза. — Пожалуйста, вспомни, кто я такой».

Я открыл глаза.

Ее не было. По воде расходилась в разные стороны ленивая рябь.

Я рванулся вперед, увязая в илистом дне и шаря руками подводой. Одна мучительная секунда проходила за другой, а мне не попадалось ничего, кроме ила и коряг. Яма, выглядевшая сверху такой маленькой, казалась теперь бескрайней и бездонной.

В голове крутилась одна и та же мысль: «Я не успею ее найти, и она погибнет». Погибнет в считанных дюймах от меня, захлебнется этой бурой жижей. И мне придется жить с этим до конца своих дней.

Потом мои пальцы наткнулись наконец на что-то более материальное. Я ощутил под ладонями шершавый мокрый мех и, подхватив ее под брюхо, потащил из-под воды.

Напрасно я боялся, что она меня укусит. Она безвольно повисла на моих руках, совсем легкая в воде, жалкая и сломленная. Голем из глины и прутьев, холодная, как труп, после проведенных в яме нескольких часов. Из ноздрей пузырилась бурая жидкость.

Руки у меня неукротимо тряслись. Я уткнулся лбом в ее грязную щеку. Она даже не вздрогнула. И почувствовал под шкурой ее ребра. Она снова вздохнула, обдав меня запахом грязной стоялой воды.

— Грейс, — прошептал я. — Это еще не конец.

Она хрипло дышала. В голове у меня роились бесчисленные идеи и планы: как бы мне поднять ее повыше над водой, как бы согреть ее, как бы продержат над водой, пока она хоть немного не наберется сил, как было бы хорошо, если бы Коул принес лестницу, — но ни одна из мыслей не задержалась надолго. Придерживая голову Грейс над жидкой грязью, я топтался на месте, ощущая под подошвами то, на чем она стояла все это время.

Я вскинул глаза на край ямы. Коула не было.

Я не знал, что и думать.

Медленно я нащупал толстый скользкий корень, оперся на него и привалился к стене, держа на руках Грейс. Я прижимал ее к себе, чувствуя странно учащенное биение ее сердца рядом с моим. Внезапно она задрожала, не знаю уж, то ли от страха, то ли от изнеможения. Как выбираться из ямы, тоже было непонятно.

Одно я знал твердо: ее я не отпущу.

23

КОУЛ

В волчьем облике бег не требовал усилий. Каждый мускул был создан для него. Каждая частица волчьего тела вносила свой вклад в плавное, непрерывное движение, а волчий разум не беспокоился о том, что тело может устать. Поэтому ты бежал, как будто собирался бежать вечно, а потом просто останавливался.

В человеческом обличье я казался себе медлительным и неуклюжим. От ног в такую слякоть было мало толку: к подошвам липла всякая дрянь и приходилось периодически останавливаться и стряхивать ее. Когда я добрался до точки назначения, сторожки, то совершенно запыхался, а колени ныли от подъема в гору. Впрочем, времени на передышку не было. Я уже почти придумал, что захвачу с собой из сторожки, если не наклюнется идея получше. Я распахнул дверь и заглянул внутрь. Скарб, который прежде представлялся мне крайне практичным, теперь казался дурацким и бестолковым. Пластиковые контейнеры с одеждой. Коробки с едой. Вода в бутылках. Телевизор. Одеяла.

Я принялся срывать крышки с корзин, помеченных надписью «Экипировка», в поисках какого-нибудь кабеля, эластичного троса, веревки, королевского питона — чего угодно, что можно было бы обмотать вокруг контейнера и соорудить из него импровизированный подъемник для волков. Ничего подобного не обнаружилось. Это был детский сад для оборотней. Закуски и экипировка для сна.

Я выругался вслух.

Наверное, надо было не экономить время, а бежать сразу в дом.

Мне представился Сэм в яме, дрожащий, с Грейс на руках.

Перед глазами вдруг встало непрошеное воспоминание: остывшее тело Виктора на дне другой ямы, присыпанное землей. Это была всего лишь игра моего воображения, притом не вполне честная — Виктора хоронили завернутым, — но ее оказалось достаточно. Хоронить еще одного волка в компании с Сэмом я не собирался. В особенности Грейс.

Я начинал понимать одну вещь про Сэма и Грейс — причину, по которой Сэм оказался не в состоянии функционировать без нее. Дело в том, что такого рода любовь способна существовать, лишь когда влюбленные все время рядом друг с другом. Если одна половина уравнения уходит, умирает или оказывается чуть менее идеальной в своей любви, их история становится самой жалкой и трагической историей на свете, смехотворной в своей абсурдности. Без Грейс Сэм превратился в шутку, лишённую соли.

«Думаю, Коул. Какой ответ подсказывает логика?»

Голос отца.

Я закрыл глаза, представил себе яму, Сэма с Грейс, себя самого наверху. Все просто. Иногда чем проще, тем лучше.

Открыв глаза, я схватил два контейнера и, перевернув их и вывалив на пол все содержимое, подобрал только полотенце. Потом сложил контейнеры один в другой, бросил полотенце внутрь, а крышки сунул под мышку. Такое впечатление, что самым грозным оружием в моей жизни всегда становились самые безобидные вещи: пустые пластмассовые контейнеры, чистый диск, шприц без маркировки, моя улыбка в темной комнате.

Я захлопнул за собой дверь.

ГРЕЙС

Мертвая, я плавала в воде, которая была глубже меня и шире меня.

Я была

пузырями на губах

илом во рту

черной звездой

мгновением

еще мгновением

а потом стала

«Грейс».

Мертвая, я плавала в воде, которая была холоднее меня и сильнее меня.

«Держись».

Тепло его тела проникало под кожу

разрывало ее

«Пожалуйста, если ты меня понимаешь»

Я выворачивалась наизнанку

Все вокруг было желто-золотым, это золото разливалось по моей коже

«Держись».

Я
старалась
держаться
Я
старалась

КОУЛ

Когда я вернулся, в яме стояла зловещая тишина, и я был почти уверен, что найду Сэма с Грейс мертвыми. Когда-то я поймал бы это чувство и написал песню, но те времена давно прошли.

К тому же Сэм с Грейс были живы. Сэм вскинул голову, когда я подобрался к краю промоины. Волосы у него в беспорядке прилипли к голове; обычно такое поправляешь машинально, но у Сэма, разумеется, обе руки были заняты. Плечи его ходуном ходили от холода, подбородок он прижимал к груди. Если бы я не знал, что у него в руках, никогда бы не догадался, что этот маленький черный силуэт — живой волк.

— Поберегись! — предупредил я.

Сэм вскинул глаза, и я сбросил в яму оба контейнера. Он поморщился: брызги разлетелись во все стороны с такой силой, что попали даже на меня. Ледяные капли на коже заставили живущего во мне волка поднять голову, но это ощущение было мимолетным и рассеялось практически сразу. Странно было в такой миг вспомнить о том, что в конце концов я все-таки превращусь обратно в волка. Для этого мне не придется вкалывать себе какую-нибудь дрянь или ставить над собой очередной эксперимент. Я просто не смогу это предотвратить.

— К-коул? — произнес Сэм в замешательстве.

— Забирайся на контейнеры. Может, хватит даже одного. Она тяжелая?

— Нет.

— Тогда попробуй передать ее мне.

Нетвердой походкой он двинулся к ближайшему контейнеру, который покачивался на поверхности воды. Чтобы воспользоваться им как ступенькой, нужно было загнать его под воду и перевернуть дном кверху. Не выпуская из рук Грейс, Сэм попытался ухватиться за край. Ее голова безвольно мотнулась в сторону. Было совершенно ясно, что с Грейс на руках ему с контейнером не справиться, а отпустить Грейс значило утопить ее.

Сэм остановился, безучастно глядя на бултыхающийся в воде контейнер. Руки у него тряслись под тяжестью тела Грейс, в остальном же он был совершенно неподвижен. Слегка склонив голову набок, он посмотрел не то на воду, не то на что-то в ее глубине. Плечи его были устало опущены. Виктор научил меня распознавать смысл этого. В переводе на любой человеческий язык — «сдаюсь».

Иногда ты сидишь сложа руки и предоставляешь, действовать другим, а иногда принимаешься сам командовать парадом. Но, по правде говоря, отсиживаться так эффектно у меня не получалось никогда.

— Осторожно! — предупредил я и, не дав Сэму опомниться, не то слетел, не то съехал в яму.

На краткий миг я был полностью дезориентирован, не понимая, сколько еще буду лететь и когда готовиться к столкновению с водой, потом проехался рукой по отвесному склону и в следующее мгновение с головой ухнул в грязную жижу.

— Твою мать! — ахнул я, потому что вода оказалась обжигающе холодной.

На чумазом лице Сэма отразилась неуверенность, но все же до него дошло, что я задумал.

— Лучше т-тебе п-поспешить.

— Думаешь? — спросил я.

Впрочем, Сэм был прав: холодная вода уже тянула ко мне свои пальцы, уже пыталась пробудить дремавшего внутри волка. Я наклонил первый контейнер, и под весом хлынувшей в него воды тот пошел ко дну. Вслепую, пытаясь удержать поднимающегося внутри меня голову волка, я развернул контейнер кверху дном и утопил его в ил на дне. Подтянул к себе второй, подождал, пока он наполнится водой, взгромоздил его боком поверх первого. Поймал плавающую рядом крышку, накрыл контейнер сверху.

— Держи, чтобы не развалилось, — сказал Сэм. — Сейчас я возьму ее поудобнее и...

Он не закончил, но все было понятно и без слов. Он перехватил Грейс половчее и поставил ногу на нижний контейнер. Я поддержал его свободной рукой. Его кожа была точно той же температуры, что и вода. Грейс у него на руках была похожа на мертвую собаку. Сэм забрался на верхний контейнер. Конструкция опасно пошатнулась; если бы не я, контейнеры перевернулись бы под тяжестью.

— Живее, — прошипел я.

Господи, какая же холодина; я никак не мог к ней привыкнуть. Такими темпами я очень скоро превращусь в волка, а это в мои планы не входило, во всяком случае прямо сейчас. Я ухватился за край контейнера. Сэм уже балансировал на верхнем, плечи у него находились на одном уровне с краем ямы. На миг он закрыл глаза, шепнул «прости» и выбросил безжизненное тело волчицы из ямы на сухой песок. Она пролетела всего несколько футов, но я видел, что это причинило ему боль. Он обернулся ко мне. Его все еще била дрожь.

Во рту появился знакомый привкус, предвестник превращения.

— Вылезай сначала ты, — сквозь стиснутые, чтобы не лязгали, зубы выдавил Сэм. — Не хватало только еще тебе превратиться в волка.

Вовсе не я был сейчас главным, вовсе не мне было совершенно необходимо выбраться из этой ямы, но Сэм произнес это таким тоном, что возражать не приходилось. Он сполз с контейнеров и грузно плюхнулся в воду рядом со мной. Все внутренности у меня связались в узел размером с мою голову; он то ослабевал, то снова натягивался. Такое впечатление, будто от солнечного сплетения изнутри к горлу пытались прорваться чьи-то пальцы.

— Полезай, — велел Сэм.

Кожа на голове натянулась и пошла мурашками. Сэм протянул руку и сжал мою челюсть с такой силой, что стало больно. Он взглянул мне в глаза, и я ощутил, как волк внутри меня принял этот вызов, подчиняясь инстинктивному жесту, который придал приказу Сэма власти. Этого Сэма я не знал.

— Полезай, — приказал Сэм. — Живо!

Мне оставалось только подчиниться. Я полез на контейнеры. Меня начало корезить, но пальцы уже нащупали край ямы. С каждой секундой я чувствовал себя все больше человеком и все меньше волком, несмотря на то что мой собственный запах преследовал меня, запах почти превращения. Меня обдавало им при каждом повороте головы. Немного помедлив, чтобы собраться с силами, я ползком выбрался на берег. Двигался я не так сексуально, как обычно, но все равно был доволен. В нескольких шагах от меня лежала на боку Грейс. Шевелиться она не шевелилась, но дышала.

Позади меня Сэм с грехом пополам забрался на первый контейнер и долго пытался найти устойчивое положение.

— Я... у меня будет всего секунда, прежде чем эта штукавина развалится, — начал Сэм. — Ты не мог бы...

— Понял, — отозвался я.

Сэм ошибся: секунды у него не оказалось. Едва он успел вскарабкаться на второй контейнер, как вся конструкция начала крениться. Он распрямился, и практически в тот же миг я схватил его за руку. Контейнеры полетели в воду с глухим плеском, и Сэм вскинул вторую руку. Я поймал ее, уперся ногами в тонкую землю и попятился назад. Не будь

Сэм таким тощим и жилистым, мы оба ухну ли бы обратно к вымоину.

Но все-таки мы выбрались. Я полулежал на земле, опершись на локти, и тяжело дышал, весь с ног до головы в липкой грязи. Сэм присел рядом с Грейс. Кулаки у него сжимались и разжимались, и между пальцев каждый раз вспухали маленькие шарики глины. Волчица лежала спокойно, но дышала часто и неровно.

— Ты не обязан был туда прыгать, — сказал Сэм.

— Еще как обязан, — возразил я.

Я вскинул на него глаза и увидел, что он тоже смотрит на меня. В сумеречном лесу его глаза казались очень светлыми. Поразительно волчьи глаза. Я вспомнил, как он схватил меня за челюсть и приказал выбираться из ямы, взывая к моим волчьим инстинктам. Последний раз мне вот так смотрели в глаза и приказывали слушать и не отвлекаться, когда я впервые превратился в волка. Голос принадлежал Джеффри Беку.

Сэм протянул руку и коснулся бока Грейс; его пальцы скользнули и по шерсти, повторяя очертания ребер.

— Есть одно стихотворение, — произнес он. — «Wie lange braucht man jeden Tag, bis man sich kennt».

Он все водил и водил пальцем по волчьим ребрам, пока волчица не приподняла голову, чем-то обеспокоенная. Сэм сложил руки на коленях.

— Это означает: «Сколько нужно времени, день за днем, чтобы узнать друг друга». Я был к тебе несправедлив.

На слова Сэма мне было ровным счетом наплевать и в то же время нет.

— Прибереги своих колбасников с их виршами для Грейс, — помолчав, отозвался я. — У меня от них мороз по коже.

— Я серьезно, — сказал Сэм.

— Я тоже, — не глядя на него, произнес я. — Даже исцелившийся, ты все равно псих ненормальный.

Сэм не засмеялся.

— Прими мои извинения, Коул, и я больше не буду возвращаться к этой теме.

— Отлично. — Я поднялся и бросил ему полотенце. — Извинения приняты. В твою защиту могу сказать, что я не очень заслуживаю справедливого отношения.

Сэм бережно укутал волчицу полотенцем. От его прикосновения она дернулась, но была слишком обессилена, чтобы сопротивляться по-настоящему.

— Меня не так воспитывали, — сказал он наконец. — Доброе отношение не требуется заслуживать. А вот чтобы заслужить жестокое отношение, нужно постараться.

Мне вдруг подумалось, что, будь здесь Изабел, разговор вышел бы иной. Она не согласилась бы с Сэмом. Впрочем, в случае с Изабел жестокость и доброта подчас ничем не отличались друг от друга.

— И вообще, — начал Сэм, но продолжать дальше не стал, а подхватил Грейс на руки. Она была так плотно спелената, что не могла бы шелохнуться, даже если бы у нее оставались на это силы. Сэм зашагал к дому.

Вместо того чтобы последовать за ним, я вернулся к краю промоины и посмотрел вниз. Контейнеры покачивались в жидкой грязи, так плотно облепленные илом, что первоначальный цвет уже не угадывался. На гладкой поверхности воды не прослеживалось никакого движения, трудно было понять, какая там глубина.

Я сплюнул в яму. Грязь была очень густой, и от моего плевка даже не пошла рябь. Окончить в такой свои дни было бы чудовищно. Мне вдруг подумалось, что все испробованные мной способы уйти были легкими. Когда-то, лежа на полу и твердя в пустоту: «Хватит-хватит-хватит-хватит-выруби меня», я так не считал. Я никогда не думал, что умерен, и обличье Коула, а не кого-нибудь другого на самом деле привилегия.

24

ИЗАБЕЛ

Пока Джек не погиб, наши родители обожали навязывать нам свои желания. Они выбирали время, когда мы с наибольшей вероятностью собирались чем-то заняться, иногда выполнением домашнего задания, но чаще чем-нибудь интересным с друзьями — например, если мы собирались в кино на какую-нибудь долгожданную премьеру, попадание было практически стопроцентным, — и похищали нас.

После чего везли в «Иль помодоро». Если кто-то еще не догадался, «Иль помодоро» на языке макаронников означает «помидор». До дыры, в которой находится «Иль помодоро», часа полтора езды от Мерси-Фоллз, и это о многом говорит, поскольку Мерси-Фоллз сам по себе та еще дыра. Вы спросите, какой смысл тащиться из одной дыры в другую? А вот какой. В то время как большинству смертных мой отец известен как акула юриспруденции, которая проглатывает оппонентов, не пережевывая, я знаю правду, и заключается она в том, что в руках итальянских официантов, которые подают ему хлебные палочки с чесноком под вкрадчивое пение какого-то тенора, он превращается в безобидного котенка.

Я еле отсидела положенное время в школе, мечтая поскорее очутиться в доме Бека и посмотреть, что там затеяли и Сэм с Коулом, а также имея еще миллион планов на вечер. Конечно, я должна была предвидеть, что обстановка как нельзя больше располагает к родительскому похищению. Однако с

последнего раза миновало уже больше года, поэтому я оказалась не подготовлена и сдалась практически без боя.

Едва я вышла за порог школы, как зазвонил телефон. Разумеется, это был отец. Чтобы не навлекать, из себя его праведный гнев, пришлось взять трубку. Открыв телефон, я сделала Маккензии знак идти дальше без меня. Она помахала мне рукой, даже не оглянувшись.

— Ну, что там у тебя? — буркнула я и нажала кнопку на электрическом ключе из чистого интереса, откроется машина с такого расстояния или нет.

— Когда закончишь, нигде не задерживайся, езжай напрямик домой, — сказал отец. На заднем плане зажурчала вода и послышался щелчок — мама закрыта косметичку. — Мы едем в «Иль помодоро». Ждем только тебя.

— Ты шутишь? — осведомилась я. — Домашних заданий еще полно, а завтра рано вставать. Поезжайте без меня, устройте себе романтический ужин. Отец разразился своим безжалостным смехом. «Ха.Ха.Ха».

— Мы будем там не одни, Изабел. У нас небольшой праздник. Все хотят тебя видеть. Столько времени прошло. — На заднем плане мама произнесла что-то неразборчивое. — Мама говорит, если ты поедешь с нами, она оплатит смену масла на твоей машине.

Я распахнула дверцу своего джипа и с отвращением ступила в лужу. Поразительно слякотная выдалась неделька. В лицо ударил теплый воздух — признак наступившей весны. Потеплело настолько, что, увы, воздух в запертой машине стал нагреваться.

— Она уже обещала мне оплатить смену масла, когда просила забрать ее вещи из химчистки.

Отец передал мой ответ матери. Возникла пауза.

— Она говорит, что отвезет тебя в Дулут на какое-то мелирование. Постой, ты собралась красить волосы? Я не большой поклонник...

— Я не хочу никуда ехать, — перебила я его. — У меня были свои планы. — В голову мне вдруг пришла одна мысль. — Что вы отмечаете на этот раз? Это как-то связано с отстрелом волков?

— Ну, вообще-то да, но мы не будем обсуждать это весь вечер, — сказал отец. — Будет весело. Будем...

— Прекрасно. Я еду. Передай маме, что я больше хочу подстричься, а не покраситься. Только не у того недоумка, от которого она без ума. Вечно он делает из меня какую-то тетку. По-моему, он учился стричь на ситкомах девяностых.

Я плюхнулась в машину и завела двигатель, стараясь не думать о предстоящем вечере. Ради Сэма с Грейс я была готова на то, чего ни за что не стала бы делать ни для кого другого.

— Рад это слышать, Изабел, — сказал отец.

Я хмуро уставилась на руль. Впрочем, я верила отцу.

Каждый раз, когда мы бывали в «Иль помодоро», я задавалась вопросом, что они подмешивают в еду, из-за чего мои родители так прикипели к этому ресторанчику. Все таки мы были калифорнийцы, наученные вроде отличать приличное заведение от неприличного, однако же почему-то сидели за столом, покрытым скатертью в красно-белую клетку, слушая жалкие попытки какой-то незадачливой выпускницы колледжа изобразить оперную арию, изучали меню и угощались четырьмя различными сортами хлеба, ни один из которых не имел ровным счетом никакой отношения к Италии и выглядел исключительно по-миннесотски. В зале было темно, низкий потолок оклеен звукоизолирующими панелями. Итальяно-американский склеп с привкусом песто.

И приложила все возможные усилия, стараясь оказаться за столом рядом с отцом, поскольку всего приглашенных было человек пятнадцать, а я согласилась присутствовать на этом сборище исключительно ради того, чтобы узнать, о чем он будет говорить. И тем не менее между нами все-таки вклинилась некая дама по имени Долли. С другой стороны от меня уселся ее сынок; укладку он, видимо, делал, сунув голову в аэродинамическую трубу. Я грызла хлебную палочку и очень старалась не соприкоснуться локтями с соседями.

Что-то перелетело через стол и приземлилось аккуратно в моем декольте. Напротив меня сидела точно такая же жертва аэродинамического туннеля — очевидно, братец первого. Он ухмылялся и переглядывался с моим соседом. Долли, не замечая ничего вокруг, болтала с моей матерью — та сидела по другую руку от отца.

Я наклонилась через стол к стрелку.

— Еще один раз, — произнесла я достаточно громко, чтобы перекрыть певца, Долли, маму и запах хлебных палочек, — и я продам душу твоего первенца дьяволу.

Я откинулась на спинку своего стула, и тот парень, что сидел рядом со мной, сказал:

— Он был не прав, прости.

Впрочем, я видела, что на самом деле он думает: «Отличная затравка для разговора, спасибо, братишка!» Грейс, разумеется, стала бы утверждать, что он просто пытался проявить вежливость; она всегда думала о людях хорошо. А вот Джек согласился бы со мной.

На самом деле трудно было не вспоминать, как мы были тут в прошлый раз. Джек сидел за столом напротив меня, спиной к уставленному бутылками с вином стеллажу на месте этого самого балбеса. В тот вечер он вел себя как полный придурок, хотя этого я предпочла бы не помнить. Когда я начинала вспоминать, до чего же он меня временами выводил из себя, то вроде и не горевала по нему, как должна бы. Поэтому я стала представлять, как он выглядел, улыбающийся и чумазый, на подъездной дорожке к нашему дому, хотя чем дальше, тем больше убеждалась, что вызываю в памяти не саму его улыбку, а свое воспоминание о ней. И вообще, когда я слишком сильно об этом задумывалась, начинала казаться себе невесомой и оторванной от реальности.

Певица допела арию и под вежливые аплодисменты и перебралась на небольшую сцену в углу ресторана, где принялась совещаться с другой девицей в столь же непотребном костюме. Отец воспользовался этой возможностью и постучал по бокалу ложечкой.

— Прошу тех, кто пьет, поднять бокалы. Я хочу произнести тост, — провозгласил он, приподнявшись со своего места. — За Маршалла, который верил в то, что это осуществимо. И за Джека, которого с нами нет. — Он помолчал, потом продолжил. — Но который не успокоился бы, пока ему тоже не налили бы вина, будь он здесь.

Тост был дурацкий, пусть и совершенно справедливый, но я позволила Долли и своему соседу чокнутся бокалами о мой стакан с водой. Парень, сидевший напротив, тоже потянулся ко мне чокнуться, но я с ухмылкой убрала свой бокал. Крошку из декольте я собиралась вытащить позже.

Зычный, в отличие от отцовского, голос Маршалла был слышен даже с другого конца стола. Это был убедительный голос конгрессмена, каким хорошо произносить что-то вроде: «Необходимо облегчить налоговое бремя среднего класса», «Спасибо за ваш вклад в наше общее дело» и «Дорогая, не могла бы ты принести мне свитер с уточкой?»

— А вы знаете, что у вас тут самые опасные волки во всей Северной Америке? — громко и осведомленно он непринужденным тоном и широко улыбнулся, как будто радовался возможности поделиться с нами этой информацией. Узел галстука у него был ослаблен, словно для того, чтобы продемонстрировать — он здесь среди друзей, а не на работе. — Пока эта стая не начала орудовать в Мерси-Фоллз, в Северной Америке насчитывалось всего два подтвержденных случая нападения волков со смертельным исходом. Всего. На людей, разумеется. На западе, правда, было зарегистрировано довольно много случаев нападения на домашний скот, поэтому в Айдахо и выдали квоту на двести двадцать волков.

— Столько волков охотники могут убить? — уточнила Долли.

— В точку, — подтвердил Маршалл с внезапно прорезавшимся миннесотским акцентом.

— Ничего себе, — отозвалась Долли. — У нас тут что, тоже столько волков?

В разговор изящно вмешался мой отец. В сравнении с Маршаллом его манера говорить была более утонченной, более интеллигентной. Разумеется, все происходило в «Иль помodoro», так что об утонченности можно говорить весьма условно, и тем не менее.

— Нет-нет, по предварительным оценкам, численность стаи в Мерси-Фоллз составляет от двадцати до тридцати животных. Не больше.

Интересно, как воспринял бы этот разговор Сэм. До чего они с Коулом додумались, если вообще додумались до чего-то? Мне вспомнилось непривычно решительное выражение на лице Коула, когда я заходила к нему в лавку и почувствовала себя мелкой и неполноценной.

— Почему же тогда наша стая представляет такую опасность? — поинтересовалась Долли, уткнувшись подбородком в кольцо собственных пальцев.

Я проделывала этот трюк достаточно часто, так что сразу узнала его в ее исполнении. Заинтересованное невежество как нельзя лучше помогает привлечь к себе внимание.

— Они не боятся людей, — пояснил отец и сделал знак одному из официантов подавать еду. — Главное, что удерживает волков вдали от людских поселений, это страх, а если страха нет, они превращаются и опасных хищников. В прошлом в Европе и Индии орудовали волчьи стаи, наводившие

своими нападениями на людей ужас на всю округу. Голосу него был бесстрастный: призрак Джека не тревожил его. У отца появилась цель, и, пока не добьется своего, он не отступит. Это был прежний папа, властный и резкий, и все же в конечном счете таким отцом можно было гордиться и благоговеть перед ним. Таким я его не видела с тех самых пор, как погиб Джек.

Я вдруг с горечью поняла, что, если бы на кону не стояла жизнь Сэма, Грейс и Коула, я бы сейчас была счастлива, даже сидя в «Иль помодоро». Мои родители улыбались и болтали, как прежде. Жизнь волчьей стаи была не такой уж и непомерной платой за все это. Я могла вернуть себе родителей — но ценой потери всех моих настоящих друзей.

— Нет-нет, в Канаде их популяция достаточно многочисленна, — втолковывал отец какому-то мужчине, сидевшему напротив него.

— Здесь нет никакой подтасовки, — добавил Маршалл, потому что никто не сказал бы этого, если бы не он. Возразить ему никто не смог.

Певица затынула новую арию, и все подскочили от неожиданности. Губы Маршалла явственно произнесли: «О господи!», но слова утонули в оглушительном сопрано.

Я почувствовала, как завибрировал у бедра телефон, и в тот же миг за шиворот мне приземлилась еще одна крошка. Я вскинула голову и увидела ухмыляющуюся физиономию придурка напротив. Пение было слишком громким, и он бы все равно не услышал моих слов. Это было очень кстати, поскольку никаких приличных слов у меня все равно не осталось. Более того, каждый раз, когда я смотрела в его сторону, я снова и снова думала о Джеке и о том, что мы сейчас говорим о животных, убивших его, а не о том, что он никогда больше не переступит порог этого ресторана.

Я вздрогнула от очередного прикосновения, на этот раз к волосам в районе виска. Это был мой сосед.

— У тебя что-то в волосах, — перекрывая пение, прокричал он.

Я вскинула обе руки, чтобы он перестал.

Отец, перегнувшись через стол, добродушно перекрикивался с Маршаллом, пытаясь заглушить арию, подозрительно напоминавшую Бизе.

— С воздуха все видно как на ладони, — разобрала я.

Я вытащила телефон и открыла его. При виде номера Сэма сердце у меня ухнуло куда-то в пятки. Он прислал сообщение, полное опечаток.

«мы ее нашдди. чуть ен угробились но коул всезх спас, я подумал ты захочегшь знать, с».

Больше не никаких имен. Сэм умел включать мозг, когда хотел. Впрочем, видеть слово «спас» применительно к Коулу было странно. Прямо рыцарь какой-то. Я попыталась набрать ответное сообщение, спрятав телефон под стол, подальше от глаз моего услужливого соседа и его мамыши. Написала, что сейчас в ресторане, пытаюсь выяснить подробности, перезвоню позже. Или заеду. Когда я набрала «заеду», меня вдруг снова кольнуло странное чувство вины, причину которого я и сама не могла бы назвать.

Пение прекратилось, и вокруг зааплодировали. Долли вскинула руки к самому лицу и хлопала у меня под ухом, но отец с Маршаллом продолжали разговаривать, склонившись друг к другу через стол, как будто никакого пения никогда и не было.

—... выкурим их из леса, как в прошлый раз, только теперь у нас будет больше людей, благословение штата, Службы охраны диких животных, и все такое прочее, а когда они окажутся на открытом пространстве, снайперы на вертолетах сделают свое дело.

— Говоришь, в Айдахо таким образом истребили девяносто процентов? — спросил Маршалл.

Он задумчиво водил по тарелке с закусками вилкой, как будто делал пометки.

— На остальных можно плюнуть, — сказал отец. — Без стаи они все равно не выживут. Поодиночке много не нахотишься.

Телефон снова завибрировал в руке, и я щелкнула крышечкой. Опять Сэм.

«ядумал ей конец изабел. дло сих пор отойти не мгоу».

Придурок напротив засмеялся, и я поняла, что он снова запустил в меня чем-то, хотя я этого не почувствовала. Смотреть на него не хотелось, невыносимо было видеть его лицо на том месте, где год назад сидел Джек. От всего этого меня вдруг затошнило. И не в фигуральном, а в буквальном смысле. Надо было срочно уходить из-за стола, пока не опозорилась.

Я отодвинула стул, задев Долли, в этот момент задающую очередной идиотский вопрос, и принялась пробираться к выходу между столов, певцов и закусок, приготовленных из морских гадов, которые никогда не водились в окрестностях Миннесоты.

Я прошла в уборную — это была комната, обставленная совершенно по-домашнему, а не обычные для ресторана кабинки — и закрылась там. Потом привалилась к стенке, зажав рот рукой. Но тошнота вдруг отступила. Из глаз полились слезы.

Надо было держать себя в руках, меня ждали за столом, а если я появлюсь с распухшим красным носом и заплаканными глазами, все догадаются, что со мной случилось, но остановиться я не могла. Я давилась слезами и судорожно хватала ртом воздух между всхлипами. Из головы не шел Джек, сидящий за столом и ведущий себя как полный придурок, отец, разглагольствующий о снайперах на вертолетах. Да еще мучила мысль о том, что Грейс чуть не погибла, в то время как я ничего даже не подозревала. Вдобавок эти мальчишки-дебилы, швыряющие крошки мне в вырез, который, наверное, все-таки был слишком откровенным для семейного ужина. То, как Коул с высоты своего роста смотрел на меня, лежащую в постели. И последняя капля — прямое и сбивчивое сообщение Сэма про Грейс.

Джека больше нет, отец всегда добивается того, что хотел, я хочу Коула Сен-Клера и ненавижу его одновременно, и никто, никто на целом свете не будет испытывать ко мне таких чувств, какие испытывал к Грейс Сэм, когда отправлял это сообщение.

Я сидела на полу, прижавшись спиной к шкафчику под раковиной, и вспоминала, как язвительно разговаривала с Коулом, когда нашла его, совершенно раздавленного, на полу в доме Бека — не в этот раз, а раньше, когда он сказал мне, что должен выбраться из своего тела или покончить с собой. Тогда он казался мне слабым и безвольным эгоистом. Но теперь я его понимала. Если бы сейчас, в эту самую минуту, я услышала от кого-то: «Изабел, я могу все это прекратить, на, прими вот эту таблетку»... я могла бы ее принять.

В дверь постучали.

— Занято, — отозвалась я, злясь на себя за чужой хриплым голос.

— Изабел?

Мама.

Я так рыдала, что выбилась из дыхания.

— Сейчас выйду, — пообещала я, стараясь говорить спокойно.

Ручка повернулась. В спешке я забыла запереться.

Мама вошла в уборную и закрыла за собой дверь. Я уставилась в пол, чувствуя себя униженной некуда. Единственное, что я видела, были ее ноги. На ней были те самые туфли, которые я ей купила. К горлу снова подступили слезы, я попыталась проглотить их, но они прорвались наружу странным сдавленным звуком.

Мама присела на пол рядом со мной. От нее пахло розами, как и от меня. Она уткнулась локтями в колени и потеряла ладонью сосредоточенное лицо — лицо доктора Калперер.

— Я скажу им, что тебя вырвало, — сказала мама. Я уткнулась лицом в ладони.

— Я выпила три бокала вина и не могу вести машину. — Она вытащила ключи и опустила их так, чтобы я могла видеть их сквозь пальцы. — Зато ты можешь.

— А как же папа?

— Папа может поехать с Маршаллом. Два сапога пара.

Я вскинула на нее глаза.

— Меня все увидят.

Она покачала головой.

— Мы выйдем через ближнюю дверь. Тебе не придется проходить мимо стола. Я им позвоню. — Она вытащила из сумочки носовой платок и вытерла мне подбородок. — Ненавижу этот проклятый ресторан.

— Хорошо, — сказала я.

— Хорошо?

— Хорошо.

Она поднялась, и я протянула ей руку.

— Только не надо сидеть на полу, ладно, а то подхватишь ротавирус, стафилококк или еще какую-нибудь заразу. Почему у тебя за шиворотом какие-то крошки?

Я осторожно вытащила из выреза мусор и встала перед зеркалом рядом с мамой. Наши отражения были до странности похожи, только мое было заплаканное и растрепанное, а ее — нет. Полная противоположность тому, что происходило на протяжении всех этих двенадцати месяцев, которые привели нас к этому моменту.

— Ладно, — сказала я. — Пойдем отсюда, пока опять петть не начали.

ГРЭЙС

Как приходила в себя, я не помню. Просто вдруг поняла, что жива. Я уселась, шурясь от режущего света, и обхватила лицо ладонями. Все тело болело — не как после превращения, а как будто я попала под оползень. Подо мной был неприятно холодный кафельный пол. Установить время суток не представлялось возможным: в помещении не было окон, а ряд ослепительных лампочек над раковиной превращал все вокруг в вечный день.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы собраться с силами и оглядеться по сторонам, а потом переварить увиденное. Ванная. Забранная в рамку открытка с горным пейзажем над раковиной. Душевая кабина вместо ванны. Закрытая дверь. И тут меня осенило: это же верхняя ванная в доме Бека! Ого. Значит, я все-таки сумела вернуться в Мерси-Фоллз. К Сэму.

Слишком ошарашенная, чтобы радоваться, я поднялась на ноги. Кафельный пол под моими ступнями был весь в грязи. От одного взгляда на эти тошнотворно-желтые разводы я закашлялась, захлебываясь несуществующей водой.

Краем глаза я засекала какое-то движение и застыла на месте, прикрыв рот ладонью. Но это оказалось всего лишь мое собственное отражение в зеркале: оттуда, прижав к губам пальцы, смотрела на меня широко раскрытыми глазами голая Грейс с выступающими ребрами. Я опустила руку и потрогала нижнее ребро, и тут, словно по команде, в животе заурчало.

— Видок у тебя диковатый, — прошептала я своему отражению просто ради того, чтобы посмотреть, как будут двигаться мои губы. Манера говорить у меня осталась моя собственная. Это радовало.

На краю раковины я увидела ровную стопку одежды, сложенной с предельной аккуратностью человека, который либо только и делал, что складывал белье, либо не делал этого никогда прежде. Одежда была из моего рюкзака, та самая, которую я захватила из дома неизвестно сколько месяцев назад. Я натянула любимую белую футболку с длинными рукавами, а поверх нее голубую с короткими, радуясь, как при встрече со старыми друзьями. Потом джинсы и носки. Жаль, не было ни лифчика, ни обуви — они остались в больнице, или куда там из больницы отправляют вещи, снятые с истекающих кровью девушек.

В сухом остатке выходило следующее: я стала оборотнем, а перед этим едва не умерла, но больше всего меня сейчас волновало не это, а то, что придется ходить без лифчика.

Под одеждой обнаружилась записка. При виде знакомого почерка Сэма, убористого и практически неразборчивого, у меня защемило сердце.

Грейс, мне и в страшном, сне не могло присниться, что придется закрыть мою девушку в ванной. Но мы не знали, как еще нам быть, пока ты не превратишься обратно в человека. Оставляю тут твою одежду. Двери не заперты, ты сможешь открыть их, как только у тебя появятся пальцы. Не терпится наконец тебя увидеть. С.

Счастье. Так называлось это чувство. Я сжала записку в руке и попробовала вспомнить события, о которых писал Сэм. Попыталась восстановить в памяти, как меня затащили в ванную, как принесли из леса. Это оказалось примерно тоже самое, что припоминать имя какого-нибудь актера, мельком увидев смутно знакомое лицо на экране. В мозгу брезжило что-то неопределенное, упорно отказывавшееся оформляться в мысль. А потом вдруг без предупреждения нахлынули воспоминания о тьме и грязи. Шелби. Я вспомнила Шелби. Мне пришлось сглотнуть тугой ком, стоящий в горле, и снова взглянуть на себя в зеркало. Лицо у меня было испуганное, пальцы прикрывали горло.

Испуганное лицо в зеркале мне не понравилось, оно было не мое, а какой-то другой, незнакомой мне девушки. Я стояла перед раковиной и аккуратно собирала себя по кусочкам, пока из зеркала на меня не начала смотреть та Грейс, которую я знала. Лишь тогда я нажала на ручку двери. Как Сэм и обещал, она оказалась не заперта, и я вышла в коридор.

К моему изумлению, оказывается, уже наступила ночь. Снизу доносился шум бытовой техники, шелест теплого воздуха, выходящего из вентиляционных отверстий, — звуки, которые издает жилой дом, когда думает, что никто не слышит. Насколько мне помнилось, комната Сэма находилась слева от

меня, но за открытой дверью было темно. Справа в конце коридора виднелась еще одна открытая дверь, из которой лился свет. Я решительно двинулась в ту сторону, прошлепав мимо фотографий, с которых улыбались Бек и все остальные, и, как ни странно, коллекции носков, в художественном беспорядке прибитых к стене.

Остановившись на пороге, я взгляделась в ярко освещенную комнату и узнала спальню Бека. Впрочем, еще полсекунды спустя я поняла, что у меня нет веских причин приписывать эту комнату Беку. Яркие зеленые и голубые тона, темное дерево, строгие линии. Настольная лампа на тумбочке у кровати освещала стопку биографических книг и очки. Во всем этом не было ничего, указывающего на владельца. Это была просто очень скромная и уютная комната, в том же самом смысле, в каком скромным и уютным казался сам Бек.

Однако на кровати лежал не Бек, а Коул. Он растянулся поперек, свесив вниз ноги в ботинках. Рядом лежала корешком вверх небольшая книжка в кожаной обложке. С другой стороны в беспорядке были разбросаны какие-то бумаги и фотографии.

Похоже, Коул уснул в этом беспорядке. Я попятилась, но, когда под моей ногой скрипнула разошедшая половица, он промычал в голубое одеяло что-то нечленораздельное.

— Не спишь? — спросила я.

— Не-а.

Я подошла ближе и остановилась в изножье кровати, и он повернулся ко мне лицом. Эта чистая, аккуратная, чужая комната с ее строгой цветовой гаммой, зажженной настольной лампой и атмосферой бесхозности напоминала гостиничный номер. Ноги у меня начинали мерзнуть; обувь была бы как нельзя более кстати.

Коул поднял голову и посмотрел на меня. Каждый раз его лицо вводило меня на миг в состояние ступора, настолько он был красив. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы избавиться от этого ощущения и разговаривать с ним как с обычным человеком. Он же не виноват, что таким родился. Я собиралась спросить его, где Сэм, но после секундного размышления решила, что невежливо будет просто воспользоваться Коулом как справочным.

— Это комната Бека? — поинтересовалась я. Коул вытащил из-под одеяла руку и показал мне большой палец.

— Почему ты здесь спишь?

— Я не спал. — Коул перевернулся на спину. — Сэм никогда не спит. Я пытаюсь разгадать, в чем его секрет.

Я примостилась на краю кровати. От мысли о том, что Сэм снова перестал спать, мне стало грустно.

— Ты в этих бумагах ищешь его секрет?

Коул рассмеялся. Смех у него был отрывистый, дробный, как будто взятый из какого-то его альбома.

— Нет, это все секреты Бека. — Одной рукой он нащупал записную книжку в кожаном переплете. — Вот его дневник. — Вторую руку он положил на разбросанные бумаги, и я увидела, что и сам он лежит на бумагах. — Закладная на дом, завещания, документы на трастовый фонд, медицинские карточки и рецепты на препараты, которыми Бек пытался вылечить стаю.

Существование подобных документов стало для меня неожиданностью, хотя и не должно было бы. Все это были вещи, доискиваться которых Сэм не стал бы — факты не слишком его интересовали, — и потом, скорее всего, он знал обо всем этом с детства и считал информацию бесполезной.

— Думаешь, Бек был бы доволен, что ты роешься в его вещах?

Я улыбнулась, чтобы смягчить вопрос.

— Его здесь нет, — отрезал Коул, но потом, похоже, решил пояснить свой короткий ответ и добавил серьезно: — Бек хотел, чтобы я занял его место. А потом ушел. Это единственный известный мне способ что-то узнать. И это куда проще, чем изобретать велосипед.

— Я думала, Бек хотел, чтобы его место занял Сэм. — Я тут же поняла, почему так произошло. — А-а. Наверное, он считал, что Сэм уже не превратится в человека, поэтому и завербовал тебя.

Вернее, поэтому он завербовал нового человека. Почему его выбор пал именно на Коула, уже другой вопрос. Должно быть, в какой-то момент он увидел этого парня и решил, что из него выйдет хороший вожак для стаи. Увидел в Коуле что-то от себя самого. Мне казалось, я тоже это вижу. Может, Сэм и напоминал Бека манерой двигаться, зато Коул напоминал его... силой духа? Или своей уверенностью?

Коул обладал такой же, как у Бека, твердостью характера; там, где Сэм проявлял мягкость, Коул был непреклонен.

Коул опять разразился своим резким смехом. И снова в нем слышалась бравада, но, пообщавшись с Изабел, я усвоила, что под налетом цинизма иной раз скрываются усталость и одиночество. Конечно, таких высот в улавливании нюансов, как у Сэма, я до сих пор не достигла, но это несложно было увидеть, если присмотреться.

— Слово «завербовал» так благородно звучит, — произнес Коул, усаживаясь на кровати по-турецки. — На ум сразу приходят люди в форме, наше дело правое, защита американских идеалов. Бек хотел спасти меня от гибели, поэтому и выбрал. Он думал, что я собираюсь покончить с собой, и решил спасти.

Нет уж, я не дам ему вешать мне лапшу на уши.

— Люди кончают с собой каждый день, — сказала я. — В одной только Америке таких случаев тридцать тысяч в год или около того. Ты действительно считаешь, будто он выбрал тебя именно поэтому? Я — нет. Это просто не логично. Совершенно ясно, что из всех возможных людей он выбрал именно тебя по особой причине, особенно если учесть, что ты знаменитость, так что это вообще было рискованно. А я говорю о разумной причине. Разумной.

Коул вдруг улыбнулся мне широкой улыбкой, изумительной в своей реальности.

— Ты мне нравишься, — заявил он. — Можешь остаться здесь.

— А где Сэм?

— Внизу.

— Спасибо, — сказала я. — Слушай... Оливия не появлялась?

Выражение его лица не изменилось, он явно ничего об этом не знал. У меня упало сердце.

— Кто? — переспросил он.

— Еще одна волчица, — пояснила я. — Моя подруга, ее тоже в прошлом году укусили. Мы с ней ровесницы.

При мысли об Оливии, переживающей в лесу то же, что пришлось пережить мне, у меня защемило сердце.

По лицу Коула промелькнуло странное выражение, но оно было слишком мимолетным, и я не успела никак его истолковать. Я не слишком хорошо разбиралась в чужих выражениях. Он отвел глаза, собрал в кучку какие-то бумаги, подровнял стопку и положил ее на место, после чего она немедленно развалилась снова.

— Не видел.

— Ясно, — сказала я. — Пойду тогда поищу Сэма.

Я двинулась к двери, ощущая, как в груди разливается нервный холодок. Сэм тут, я тоже тут, и я вполне прочно вернулась в свое человеческое обличье. Меня вдруг охватил иррациональный страх: а если при теперешней нашей встрече все будет как-то по-другому? А вдруг то, что я чувствую, не будет соответствовать тому, что я увижу, или его чувства ко мне успели измениться? А вдруг нам придется заново начинать все с чистого листа? Я понимала беспочвенность своих страхов и в то же время была уверена, что не избавлюсь от них, пока снова не увижу Сэма.

— Грейс, — окликнул меня Коул, когда я была уже на самом пороге.

Я остановилась. Он пожал плечами.

— А, неважно.

Когда я вышла в коридор, Коул уже снова растянулся на постели посреди бумаг, окруженный всем, что осталось после Бека. Под толщей всех этих чужих воспоминаний и слов так легко было растеряться и пойти ко дну, но его, как бакен на воде, поддерживала на плаву боль, которая поселилась здесь раньше его.

Всякий раз, когда я куда-нибудь везла родителей, мое водительское мастерство почему-то утрачивалось. Несмотря на мой стаж за рулем, стоило кому-то из них усестись на пассажирское место, как я начинала тормозить слишком резко, поворачивала раньше времени и неизменно задевала кнопку

включения дворников, когда тянулась настроить радио. И хотя всегда терпеть не могла разговаривать с людьми, которые не способны меня услышать (единственным выдающимся исключением был Сэм Рот), в присутствии родителей я почему-то принималась брюзжать по поводу медлительности едущих впереди, высмеивать дурацкие надписи на чужих номерных табличках и отпускать язвительные комментарии в адрес любителей включать поворотники чуть не за две мили до нужного поворота.

Именно поэтому, увидев в свете фар на обочине впереди наполовину съехавший в кювет грузовик, я фыркнула:

— Ювелирная парковка, ничего не скажешь.

Мама, разомлевшая и благодушная от выпитого вина и позднего времени, вдруг встрепенулась.

— Притормози рядом, Изабел. Вдруг им нужна помощь?

Мне сейчас хотелось только оказаться дома и позвонить Сэму или Коулу, узнать, как там Грейс. До дома оставалось всего две мили. Какая несправедливость со стороны мироздания! В свете фар злополучный грузовичок выглядел как-то подозрительно.

— Мама, ты сама учила меня никогда не останавливаться на шоссе, чтобы, не дай бог, не изнасиловали или какой-нибудь демократ не задурил голову.

Мама покачала головой и вытащила из сумочки пудреницу.

— Ничего подобного я не говорила. Это вполне в духе твоего отца. — Она откинула крышку и взглянула на себя в зеркальце. — Я бы сказала «либертарианец».

Я сбросила скорость до черепашьяй. Грузовик — это оказался пикап — был припаркован так небрежно, будто принадлежал пьянице, который выскочил проблеваться с перепоя.

— И вообще, чем мы можем им помочь? У нас не получится... сменить покрывку.

Я умолкла, пытаюсь придумать, чего ради кому-то могла понадобиться остановка на шоссе, если не для того, чтобы проблеваться.

— Там полицейский, — сказала мама.

И точно, рядом на обочине стояла еще и полицейская машина; ее просто не было видно из-за грузовика.

— Возможно, им нужна медицинская помощь, — добавила мама будничным тоном.

Мама постоянно мечтала о том, чтобы кому-нибудь понадобилась медицинская помощь. Когда я была маленькой, она всегда рвалась оказать первую помощь, если кто-то ушибался на детской площадке. Если мы заходили перекусить в ресторан быстрого питания, она бдительно следила за поварами на тот случай, если на кухне разразится какое-нибудь несчастье. В Калифорнии она неизменно останавливалась, увидев на улице аварию. Как у супер-героя, ее коронной репликой была: «Никому не нужна помощь? Я врач!» Отец как-то попросил меня быть к матери снисходительней, потому что из-за семейных проблем ее путь к врачебному диплому был тернистым и теперь она просто радовалась возможности сообщить окружающим о своей профессии. Положим, я понимала ее тягу к самореализации, но думала, что она уже давно избавилась от этого комплекса.

Я, вздохнув, притормозила позади грузовика. Парковка удалась мне несколько лучше, чем его водителю, но и только. Мама проворно выскочила из джипа, я, хотя и помедленней, последовала за ней. На задке грузовика красовались три наклейки: «Все в армию», «Положи трубку и держись за руль» и, как ни парадоксально, «Хочу в Миннесоту».

С другой стороны грузовика полицейский разговаривал с рыжеволосым мужчиной в белой футболке и подтяжках, которые были для него необходимостью с его пивным брюхом и плоской задницей. Еще интереснее было то, что сквозь открытую дверцу я заметила на водительском сиденье пистолет.

— Доктор Калперер, — тепло произнес полицейский.

Маменька пустила в ход свой карамельный голос — он обволакивал вас очень медленно, и вы не сразу понимали, что вас душат.

— Офицер Хейфорт. Я остановилась посмотреть, не нужна ли вам моя помощь.

— Что ж, весьма достойно с вашей стороны. — Хейфорт сунул пальцы за ремень портупей. — Это ваша дочь? Красавица, вся в мать.

Маменька принялась отнекиваться. Хейфорт настаивал. Рыжеволосый мужик переминался с ноги на ногу. Разговор зашел о москитах. Рыжеволосый мужик сказал, сезон еще впереди. Он называл их кровососами.

— Зачем вам оружие? — спросила я. Все как по команде уставились на меня. Я пожала плечами.

— Просто интересуюсь.

— Судя по всему, мистер Лундгрэн решил взять контроль за численностью волков в свои руки и устроить ночную охоту, — сказал Хейфорт.

— Ну, вы же теперь знаете, что все было совсем не так, — возразил рыжеволосый мистер Лундгрэн. — Я просто случайно на него наткнулся и стрелял из грузовика. Это не одно и то же.

— Надо полагать, — согласился Хейфорт. — Но у нас на руках мертвое животное, а после захода солнца палить из чего ни попадя не разрешается никому. Тем более из револьвера тридцать восьмого калибра. И вам это прекрасно известно, мистер Лундгрэн.

— Погодите, — перебила его я. — Вы убили волка?

Я сунула руки в карманы. Хотя было не так уж и холодно, меня била дрожь.

Хейфорт махнул в сторону грузовика и покачал головой.

— Муж сказал мне, что охотиться на них запрещено до начала отстрела с воздуха, — вмешалась мама. В ее карамельном голосе зазвучали стальные нотки. — Чтобы не спугнуть их раньше времени, иначе они могут затаиться.

— Это правда, — подтвердил Хейфорт.

Я отошла к канаве, на которую указал Хейфорт. Рыжий мужик проводил меня унылым взглядом. Мертвый зверь лежал в траве на боку.

«Милый Боженька, а также святой Антоний, я знаю, что без конца донимаю вас кучей дурацких просьб, но на этот раз дело очень важное. Пожалуйста, пусть это окажется не Грейс».

Хотя я знала, что она должна сейчас находиться в безопасности с Сэмом и Коулом, но подошла ближе с замиранием сердца. Ветер ерошил густой мех. На бедре виднелось маленькое окровавленное отверстие, на лопатке другое, и еще одно, самое последнее, у основания черепа. Пуля вышла с другой стороны у макушки — зрелище не самое приятное. Если бы я хотела взглянуть зверю в глаза, пришлось бы опуститься на корточки, но я не стала утруждаться.

— Это койот, — возмутилась я.

— Так точно, мэм, — добродушно подтвердил Хейфорт. — Здоровый, правда?

Я вздохнула с облегчением. Даже такая горожанка до мозга костей, как я, в состоянии была отличить волка от койота. Пожалуй, мистер Лундгрэн все-таки выпил лишнего, или ему просто захотелось опробовать новый пистолет.

— У вас ведь не часто бывают подобные дела? — поинтересовалась у Хейфорта мама. Таким тоном она задавала вопросы, когда хотела разузнать что-то для отца, а не для себя самой. — Я имею в виду самоуправство. Или вы просто не предаете подобные вещи огласке?

— Мы делаем все, что в наших силах, — заверил ее Хейфорт. — В массе своей люди относятся с пониманием. Никто не хочет испортить охоту. Но я не удивлюсь, если случится еще пара-тройка подобных инцидентов. Парни есть парни. — С этими словами он кивнул на мистера Лундгрэна, как будто тот был глухим. — Как я уже сказал, мы делаем все возможное.

Вид у мамы был не слишком удовлетворенный.

— Я говорю своим пациентам то же самое, — с прохладцей в голосе произнесла она и нахмурилась, глядя на меня. — Не трогай его, Изабел.

Можно подумать, я собиралась. Я отошла от канавы и встала рядом с ней.

— Вы, случайно, не пили сегодня, доктор? — поинтересовался Хейфорт, когда мама уже собралась было идти. Выражение лица у обоих было совершенно одинаковое. Враждебность под медоточивой маской любезности.

Мама одарила его ослепительной улыбкой.

— Пила. — Она помолчала, чтобы он успел осмыслить ее ответ. — Впрочем, за рулем моя дочь. Идем, Изабел.

Мы вернулись к машине, и, едва успев закрыть дверь, мама сказала:

— Остолопы. Терпеть не могу этого человека. Надеюсь, это научит меня сдерживать свои благородные порывы.

Я ни на миг ей не поверила. Да она выскочит из машины еще до того, как та остановится, в следующий же раз, когда ей покажется, что она чем-то можем помочь. Не интересуюсь, нужна она там или нет,

По-моему, я превращалась и точную копию моей мамочки

— Мы с папой подумываем вернуться обратно в Калифорнию, — сообщила мама. — Когда все это кончится.

Я едва не уехала в кювет.

— И когда вы собирались рассказать мне об этом?

— Когда появится какая-то определенность. Меня приглашают на работу в несколько мест; все будет зависеть от того, какую нагрузку они могут предложить и за сколько удастся продать дом.

— Еще раз, — упрямо повторила я севшим голосом, когда вы собирались рассказать мне об этом?

Голос у мамы стал несколько озадаченный.

— Послушай, Изабел, ты так или иначе собиралась уехать в колледж, а практически все колледжи из твоего списка находятся там. Тебе ближе будет навещать нас. Я думала, тебе никогда здесь не нравилось.

— Не нравилось. Не нравится. Просто у меня в голове не укладывается, что вы ничего не рассказали мне, пока...

Я не знала, как завершить предложение, поэтому умолкла.

— Пока что?

Я всплеснула одной рукой. Всплеснула бы и двумя, но одной нужно было держать руль.

— Ничего. Калифорния. Класс. Ура.

Я представила, как упакую всю теплую одежду в коробки, опять начну тусоваться, буду жить в месте, где каждый встречный не будет в курсе чудовищной истории моего погибшего брата. Променяю Грейс, Сэма и Коула на жизнь, полную развлечений, теплых дней и учебников. Да, колледж в Калифорнии всегда фигурировал в моих планах на будущее. Похоже, будущее наступило раньше, чем я ожидала.

— Как-то слабо верится, что этот человек принял койота за волка, — задумчиво произнесла мама, когда я уже сворачивала к нашему дому.

Мне вспомнилось, как мы впервые приехали сюда. Я тогда подумала, что в таком месте только фильмы ужасов снимать. Теперь, когда я увидела оставленный мною в комнате свет, дом показался мне словно сошедшим со страниц детской книги — огромный особняк с единственным желтым окошком на верхнем этаже.

— У них нет вообще ничего общего, — договорила между тем мама.

— Знаешь, — сказала я, — некоторые люди видят исключительно то, что хотят видеть.

27

ГРЭЙС

Сэма я обнаружила на крыльце, он стоял, облокотившись на перила, — темный силуэт, еле различимый фоне черного ночного неба. Поразительно, каким образом Сэму при помощи одного только разворота плеч и наклона подбородка удавалось выразить такую бездну эмоций. Даже я, для которой улыбка всегда была всего лишь улыбкой и не таила в себе никакого подтекста, с первого взгляда различила бессилие и грусть в очертаниях его спины, и полусогнутом левом колене, в том, как он поставил на ребро свою худую ступню.

Меня вдруг охватили странная робость, неуверенность и волнение, совсем как в тот раз, когда мы с ним только познакомились.

Не зажигая фонаря над дверью, я встала рядом с ним у перил, не зная, что сказать. Хотелось скакать, от радости, броситься к нему на шею, молотить кулаками по его груди и улыбаться во весь рот. А может, плакать. Я не очень понимала, как поступают в подобных случаях.

Сэм обернулся ко мне, и в скудном свете из окна я увидела, что подбородок у него зарос щетиной.

В мое отсутствие он повзрослел. Я протянула руку и коснулась его колючего подбородка. Он грустно улыбнулся.

— Больно? — поинтересовалась я.

Как же мне не хватало вот этой возможности прикоснуться к нему.

— С чего ты взяла?

— Ну, я же глажу против роста волос.

Я водила рукой по его небритой щеке и чувствовала себя невероятно счастливой. Все было ужасно, но одновременно замечательно. Мне хотелось улыбнуться, и, наверное, глаза у меня уже

улыбались, потому что он тоже улыбнулся, слегка неуверенно, как будто не понимал, как ему поступить.

— Кстати, — добавила я, — привет.

Вот теперь Сэм улыбнулся по-настоящему и негромко сказал:

— Привет, ангел.

Своими тощими руками он обхватил меня за шею, а я обняла его и сжала изо всех сил. Я любила целоваться с Сэмом, но с этим ощущением не мог сравниться ни один поцелуй. Его дыхание в моих волосах и моя щека, прижатая к его груди. Вместе мы каким-то образом становились более сильным существом, Сэмом-и-Грейс.

Не выпуская меня, Сэм спросил:

— Ты поела чего-нибудь?

— Съела бутерброд. А еще я нашла шлепанцы. Не для еды, разумеется.

Сэм негромко рассмеялся. Слышать его было такое счастье, я так истосковалась по его голосу.

— Мы с Коулом как-то бестолково ходим по магазинам.

Уткнувшись носом в его футболку — от нее пахло кондиционером для белья, — я пробормотала:

— Терпеть не могу ходить за продуктами. Каждую неделю одно и то же. Если когда-нибудь буду богатой, найму кого-нибудь, чтобы делал это за меня. И вообще, для этого ведь не обязательно быть богатым. Мне не нужен большой дом. Главное — найти человека, который ходил бы в магазин.

Сэм задумался. Все это время он так и продолжал меня обнимать.

— Думаю, в магазин все ходят сами.

— Ну, королева английская, уж наверное, по магазинам не ходит.

Я почувствовала на макушке его теплое дыхание.

— Зато она каждый день ест одно и то же. Заливное из угря, сэндвичи с пикшей и булочки с мармайтом⁷.

— Она небось вообще не знает, что такое мармайт, — хмыкнула я.

— Это страшная гадость, которую мажут на хлеб. Мне Бек рассказывал. — Сэм разжал руки и взялся за перила. — Тебе не холодно? — спросил он, внимательно глядя на меня.

До меня не сразу дошел скрытый смысл. «Ты не собираешься превращаться?»

Я прекрасно себя чувствовала и не ощущала никаких признаков близкого превращения. Я покачала головой и встала рядом с ним у перил. Какое-то время мы молча стояли в темноте и смотрели в ночь. Когда я покосилась на Сэма, то увидела, как судорожно стиснуты его руки. Он так крепко сжал большой палец левой руки в правой, что тот побелел.

Я положила голову ему на плечо. Лишь тонкая ткань футболки отделяла мою щеку от его кожи. Сэм вздохнул — в этом вздохе не было печали — и сказал:

— По-моему, там северное сияние.

Не поднимая головы, я взглянула в ту сторону, куда он указывал.

— Где?

— Вон там. Над деревьями. Такое розоватое. Я прищурилась. В темном небе мерцали мириады звезд.

— Наверное, это огни бензоколонки. Там как раз «Квикмарт».

— Это унылая и приземленная мысль, — заявил Сэм. — Я бы предпочел что-нибудь волшебное.

— В северном сиянии волшебства ничуть не больше, чем в «Квикмарте», — заупрямилась я.

Я писала в школе реферат про северные сияния, поэтому кое-что знала по этой теме. Хотя не могу не признать, все эти концепции насчет солнечного ветра и заряженных частиц, создающих для нас световое шоу, были для меня слишком мудренными, и легче было думать, будто это — результат магии.

— Эта мысль тоже унылая и приземленная.

Я подняла голову и взглянула на него.

— От этого оно не становится менее прекрасным.

— Если это в самом деле не «Квикмарт». — Сэм задумчиво взглянул на меня, и мне вдруг стало как-то не по себе. — Ты не устала? — спросил он неохотно, как будто вспомнил о правилах вежливости. — Если хочешь, пойдём в дом.

⁷ Мармайт — пряная пищевая паста, приготовляемая из концентрированных дрожжей с добавлением трав и специй, традиционная британская закуска.

— Я не устала, — сказала я. — Просто хочу немного побыть с тобой. Пока не начались всякие сложности.

Он нахмурился, глядя в ночь. Потом выпалил:

— Давай посмотрим, действительно ли это северное сияние.

— У тебя есть личный самолет?

— У меня есть личный «фольксваген», — гордо ответил он. — Нужно поехать в какое-нибудь темное место. Подальше от «Квикмарта». В миннесотскую глушь. Согласна?

На лице у него играла робкая улыбка, которую я так любила. Сто лет ее не видела.

— Ключи у тебя при себе? — спросила я. Он похлопал себя по карману.

— А Коул? — кивнула я на второй этаж.

— Он сейчас дрыхнет без задних ног, как и все приличные люди в это время суток, — сказал Сэм.

Я не стала говорить ему, что Коул не спит. Он заметил, как я замялась, но неверно истолковал мое колебание.

— Ты у нас прагматик. Это плохая идея? Я что-то засомневался. Может быть, и плохая.

— Нет, я хочу. — Я крепко сжала его руку. — Мы ведь ненадолго.

Мы уселись в «фольксваген», стоявший на темной дорожке. Двигатель с ревом завелся. Казалось, мы затеваем что-то более значительное, чем погоня за сполохами в небе. Это могла быть поездка куда угодно в поисках волшебства. Сэм на полную мощность включил печку, а я отодвинула сиденье — кто-то до упора выдвинул его вперед. Сэм на миг сжал мою руку, потом положил ладонь на рычаг переключения передач и дал задний ход.

— Ну как, ты готова?

Я широко улыбнулась ему. Впервые за все время после больницы, да и еще с более ранних времен, я чувствовала себя прежней Грейс, той, которая способна была сделать все, что задумала.

— Я с рождения готова.

Мы понеслись по улице. Сэм протянул руку и одним пальцем погладил меня по краешку уха. Машину повело в сторону. Сэм поспешно посмотрел обратно на дорогу и, посмеиваясь над собой, выравнивал руль.

— Смотри в окно, — велел он мне. — Я, кажется, забыл туда дорогу. Так что будешь говорить мне, куда ехать. На сияние. Я тебе доверяю.

Я прижалась лицом к стеклу и прищурилась на отблески света в темном небе. Поначалу непонятно было, откуда исходит свечение, так что я направила Сэма на самую темную дорогу, подальше от городских огней. Потом находить дорогу стало легче. С каждым поворотом мы все больше и больше удалялись от дома Бека, от Мерси-Фоллз, от Пограничного леса, пока внезапно не очутились на расстоянии многих миль от наших жизней. Мы неслись по прямой, точно стрела, дороге под бескрайним куполом неба, испещренным мириадами звезд, и вокруг был необъятный мир. В такую ночь несложно было поверить, что еще не так давно люди могли видеть при одном только звездном свете.

— В тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, — начала я, — произошла солнечная буря такой силы, что при свете возникшего в результате северного сияния люди могли читать.

Сэм даже не усомнился в правдивости моих слов.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что интересовалась.

Он снова улыбнулся. Это была легкая застенчивая улыбка, которая означала, что он восхищен переразвитым левым полушарием моего мозга.

— Расскажи мне еще что-нибудь, чем ты интересовалась.

— Случались северные сияния такой силы, что телеграфисты отключали батареи и работали от энергии сияния, — продолжила я.

— Быть того не может, — отозвался Сэм, но я видела, что он мне верит. — Расскажи еще что-нибудь интересное.

Я коснулась его руки, лежавшей на рычаге переключения передач. Провела большим пальцем по запястью, покрывшемуся пупырышками «гусиной» кожи. Мои пальцы нащупали шрам, неестественно гладкий в середине и бугристый, рубцеватый по краям.

— Я ничего не ощущаю, — сказал Сэм. — Кожа потеряла чувствительность.

Мои пальцы сомкнулись на его запястье, и я почувствовала, как бьется у него пульс.

— Мы могли бы продолжить, — сказала я.

Сэм промолчал, и я подумала, что он не понял меня. Потом он взялся за руль обеими руками, и при свете приборной панели я увидела оставшуюся у него под ногтями грязь. В отличие от меня он не сбросил свою грязную шкуру.

— О чем ты думаешь? — спросила я.

Когда он наконец ответил, голос у него был хриплый, как будто ему пришлось долго выталкивать слова наружу.

— О том, что год назад я бы не согласился. — Сэм сглотнул. — А сейчас, если бы можно было, я бы так и сделал. Представляешь?

Я представляла. Представляла жизнь где-нибудь вдаль от Мерси-Фоллз, с чистого листа, где были бы только мы вдвоем. Но едва только эта картина нарисовалась в моем воображении — носки Сэма, развешанные на батарее, крошечный кухонный стол, заваленный моими книгами, грязные кофейные чашки в раковине, — как я немедленно подумала о том, что пришлось бы оставить: Рейчел, Изабел и Оливию — и моих родителей. Я покинула их так окончательно, благодаря сомнительному чуду превращения, что весь мой былой гнев теперь как-то поостыл и отступил на второй план. У них больше не было власти над моим будущим. И ни у кого не было, кроме погоды.

И тут вдруг я увидела за окном сполох северного сияния, чистый и яркий, и никакая бензоколонка тут была ни при чем.

— Сэм, Сэм! Смотри! Поворачивай, поворачивай! Поехали туда!

Слева от нас в черном небе неторопливо разворачивалась извилистая розовая лента. Она пульсировала и наливалась цветом, словно живая. Сэм свернул налево, на узкую каменистую дорогу, уходившую куда-то за нескончаемые черные поля. Машину подбрасывало на рытвинах и ухабах, под колесами скрежетал гравий. Мы с разгону влетели в какую-то колдобину, так что у меня клацнули зубы, а Сэм ойкнул дрожащим от тряски голосом.

— Остановись тут! — велела я.

Поле тянулось во все стороны на многие акры. Сэм поставил машину на тормоз, и мы стали смотреть на небо сквозь лобовое стекло.

Прямо над нами в вышине полыхало северное сияние. Точно искрящаяся розовая дорога, оно вилось в воздухе и исчезало за деревьями, окаймленное с одной стороны более темным фиолетовым ореолом. Сполохи переливались и таяли, становились то ярче, то бледнее, расцветали и угасали. Сейчас сияние представляло собой единую ленту, тропу в небеса, а через миг оно уже разделялось на множество полос, эдакую армию света, марширующую все дальше и дальше на север.

— Хочешь выйти? — спросил Сэм.

Я уже дергала за ручку дверцы. Едва я очутилась снаружи, как от холода застучали зубы, но пока я чувствовала себя вполне нормально. Сэм обошел машину спереди и присел на капот. Я присоединилась к нему. Железо было теплое от двигателя, буфер между мной и ночной прохладой.

Стоя рядом, мы смотрели наверх. Чистое поле, чернеющее вокруг, превращало небо в безбрежный океан. Чувствуя волчицу внутри себя и Сэма рядом, я ощущала нас обоих неотъемлемой частью этого мира, этой ночи, этой непостижимой загадки. Сердце непонятно почему забилось быстрее. Я вдруг четко осознала, что Сэма от меня отделяют считанные дюймы, что он любит эту красотой вместе со мной. Перед лицом у него белело облако пара.

— Когда видишь это так близко, трудно поверить, — у меня почему-то перехватило горло, — что тут нет никакого волшебства.

Сэм поцеловал меня.

Поцелуй пришелся на краешек губ, поскольку голова у меня была все еще запрокинута, но это был самый настоящий поцелуй, совсем не осторожный. Я повернулась к нему, чтобы он мог поцеловать еще раз, как следует. Губам было горячо от его непривычно колючей щетины, а когда он коснулся моей руки, меня словно током прострелило от ощущения его загрубевшей кожи на моей. Все мои чувства странно обострились, я жадно впитывала происходящее. Непонятно, каким образом то, что мы проделывали столько раз, способно было вызывать такие новые, такие незнакомые и пугающие эмоции.

Пока мы целовались, не имело значения то, что всего несколько часов назад я была волком и превращусь в волка опять. Не имело значения, что вокруг нас поджидали тысячи ловушек. Важно было одно: наши соприкасающиеся носы, его мягкие губы, томление внутри меня.

Сэм отстранился и уткнулся лицом мне в шею. Он так крепко обнимал меня, что тяжело было дышать, край капота больно впивался в бедро, но я ни за что на свете не отстранилась бы.

Сэм что-то сказал, но я не разобрала слов.

— Что? — переспросила я.

Он отпустил меня и посмотрел на мою руку, лежащую на капоте машины. Потом прижал большой палец к моему указательному и принялся рассматривать их, как будто это было что-то невиданное.

— Я скучал по твоему лицу, — произнес он негромко, но в лицо мне при этом почему-то не смотрел.

Над нами мерцали и переливались цветные сполохи. У них не было ни начала, ни конца, но все равно почему-то казалось, будто они покидают нас. Я снова задумалась про грязь под ногтями у Сэма, про царапину на его виске. Что еще произошло, пока я была в лесу?

— Я тоже скучала по своему лицу, — отозвалась я.

Мне казалось, это будет смешно, но ни один из нас не засмеялся. Сэм убрал руку и снова устремил взгляд на северное сияние. Он все смотрел и смотрел на небо, словно ни о чем не думал, и я вдруг поняла, как жестоко себя повела. Почему я не сказала ему ни одного ласкового слова после того, как он наговорил кучу таких слов мне? Не сказала ему вообще: ничего, что он ждал услышать после столь долгой разлуки! Но момент был уже упущен, и теперь все мои слова прозвучали бы пошло. Я хотела сказать ему, что люблю его, но при одной мысли о том, чтобы произнести это вслух, мне почему-то стало не по себе. Не знаю почему; ведь я любила его, любила так сильно, до боли в сердце.

Но я не знала, как сказать ему об этом. Поэтому я молча протянула руку, а Сэм так же молча ее взял.

СЭМ

Когда мы вышли из машины, игра сполохов показалась еще более впечатляющей, как будто холодный воздух вокруг нас двигался и переливался розовым и фиолетовым. Я вытянул свободную руку вверх, словно мог дотянуться до неба. Было холодно, но холодно по-хорошему, бодряще. Небо у нас над головой было таким ясным, что видно было каждую звездочку, которая смотрела на нас из вышины. Теперь, когда я поцеловал Грейс, я мечтал прикоснуться к ней. На ее теле было еще столько мест, которых я не касался: нежная кожа на сгибе локтя изнутри, впадинка прямо над бедром, линия ключицы. Мне отчаянно хотелось еще раз поцеловать ее, хотелось завладеть ею с ног до головы, но вместо этого мы взяли за руки и медленно развернулись, запрокинув головы и глядя в бескрайнюю высь. Казалось, мы то ли падаем куда-то, то ли летим.

Я разрывался между желанием вынырнуть из этого мига и устремиться к чему-то большему и желанием остановить мгновение, сохранить навсегда ощущение предвкушения чего-то большего и абсолютной безопасности. Как только мы вернемся в дом, охота на волков снова станет реальностью, а я не готов к этому.

Грейс вдруг ни с того ни с сего спросила:

— Сэм, ты женишься на мне?

Я вздрогнул и посмотрел на нее, но она все так же не отводила глаз от неба, как будто задала ничего не значащий вопрос о погоде. Впрочем, взгляд у нее был сосредоточенный, напряженный, никак не низавшийся с небрежным тоном.

Не знаю, какого ответа она ждала. Меня вдруг разобрал смех. Я внезапно понял, что она права — да, ее не будет со мной в холодное время года, но она не умирает, я не потерял ее навсегда. И сейчас она со мной. Все остальное в сравнении с этим казалось незначительным, преодолимым, вторичным.

Мир вдруг стал добрым и полным надежды. Передо мной открылось будущее, и оно оказалось ровно таким, каким я хотел его видеть.

Грейс явно ждала ответа. Я притянул ее к себе, и мы очутились лицом к лицу под сполохами северного сияния.

— И ты еще спрашиваешь?

— Просто уточняю, — возразила Грейс. Но с ее губ уже рвалась улыбка, робкая и искренняя, потому что она прочитала мои мысли. Ветер трепал выбившуюся из хвоста прядь светлых волос у нее на киске; мне казалось, ей должно быть щекотно, но она даже не поморщилась. — Ну, не жить же нам в грехе.

И вот тогда-то я все-таки рассмеялся, хотя будущее таило в себе множество опасностей, — потому что я любил ее, а она любила меня, и мир вокруг был прекрасен, озаренный розовым светом.

Грейс поцеловала меня, совсем легонько.

— Скажи «хорошо».

Она уже начинала дрожать.

— Хорошо, — сказал я. — Договорились.

Слова казались чем-то вещественным, материальным.

— Ты правда этого хочешь? — уточнила она. — Если не хочешь, не надо.

— Я правда этого хочу.

Мой голос не мог передать всю искренность этого желания.

— Тогда ладно, — сказала Грейс. Она казалась довольной и умиротворенной, уверившись в глубине моих чувств. Негромко вздохнув, она переплела свои пальцы с моими. — А теперь вези меня домой.

28

СЭМ

Едва мы вернулись в дом, как Грейс упала в мою постель и мгновенно уснула. Мне оставалось лишь позавидовать ей. Она лежала неподвижно, погруженная в глубокий сон, как смертельно уставший человек. А я не мог присоединиться к ней, все внутри меня бодрствовало. Я снова и снова прокручивал в памяти все события этого долгого дня, пока они не слились в единое целое, так что невозможно было разделить их обратно по минутам.

Поэтому я оставил Грейс наверху и тихонько спустился вниз. Очутившись на кухне, я вытащил из кармана ключи от машины и выложил их на стол. Казалось каким-то неправильным, что кухня выглядела точно так же, как и всегда. После сегодняшнего вечера все должно было измениться. Наверху бубнил телевизор; если не считать этого, ничто не напоминало о присутствии Коула. Я был рад одиночеству. Счастье и горечь переполняли меня настолько, что не хотелось ни с кем говорить. Я до сих пор чувствовал на своем плече щеку Грейс и видел перед собой ее лицо, когда она смотрела на звезды и ждала моего ответа. Я не готов был пока спугнуть это воспоминание, заговорив вслух.

Я сбросил куртку и пошел в гостиную — Коул оставил включенным и здешний телевизор, хорошо хоть без звука. Я выключил его и взял с кресла гитару. Побывав на улице, она запылилась; на корпусе в одном месте появилась зазубрина, видимо, то ли я, то ли Коул посадил ее по неосторожности.

«Прости», — попросил я гитару про себя, потому что вслух разговаривать все еще не хотелось. Я принялся негромко перебирать струны. Из-за перепада температур между домом и улицей она слегка расстроилась, но не так сильно, как я ожидал. Играть вполне было можно, хотя пришлось немного повозиться с настройкой. Я перекинул через плечо ремень, знакомый и привычный, как любимая рубашка, и вспомнил улыбку Грейс.

И начал играть вариации аккорда соль мажор, самого чудесного аккорда, известного человечеству. Я был бесконечно счастлив. Я мог бы жить внутри этого аккорда вместе с Грейс, если бы она не была против. Этот аккорд был выражением всего самого хорошего, самого безоблачного в моей душе. Это был второй аккорд, которому обучил меня Пол, сидя на этом самом выдавшем виды клетчатом диване. Первым был ми минор.

— Потому что, — проходя через комнату, вставил цитату из одного из самых любимых своих фильмов Бек, — у каждого в жизни бывают дождливые дни.

Теперь это воспоминание отзывалось легкой болью в сердце.

— Потому что, — поправил Пол, — в каждой песне бывают минорные аккорды.

Мрачный ми минор не представлял сложностей в освоении даже для новичка вроде меня. Безмятежный соль мажор давался куда труднее. Но в исполнении Пола радость, казалось, не требовала никаких усилий.

Я вспоминал сейчас именно этого Пола, не того, который распластал меня на снегу в детстве. Как и Грейс, которую я помнил такой, какая она сейчас спала наверху, а не волчицей с глазами Грейс, которую мы обнаружили в яме с водой.

Я столько времени прожил в страхе и в воспоминаниях о страхе.

Все, хватит.

Я ударил по струнам и двинулся по коридору к ванной. Свет там уже горел, так что мне не пришлось прерываться, чтобы включить его. Я встал на пороге, глядя на пустую ванну.

В глазах потемнело, нахлынули воспоминания. Я упрямо продолжал играть песню о настоящем, чтобы заглушить прошлое. Я стоял, не сводя глаз с пустой ванны.

Вода всколыхнулась и замерла
красная от крови

Гитара своей тяжестью пригвоздила меня к полу. Струны холодили пальцы, напоминая, что я живу здесь и сейчас. Наверху спала Грейс.

Я перешагнул через порог. Какое-то движение напугало меня; это оказалось мое собственное отражение в зеркале. Я остановился и взгляделся в свое лицо.

вода, пропитывающая полосатую футболку
это не сэм
три два

Я упорно повторял и повторял си мажор. В голове неотступно звучало: «Я влюбился в нее летом, в мою прекрасную летнюю девушку». Я держался за слова Грейс. «Ты на мне женишься?»

Грейс столько сделала, спасая меня. Настала моя очередь что-то предпринимать.

Ни на миг не переставая бить по струнам, хотя сам сейчас петь был не способен, я подошел к ванне, остановился перед ней и заглянул внутрь. Какое-то время она была самым обыкновенным, ничуть не примечательным предметом, пустой емкостью, ждущей заполнения.

Потом у меня зазвенело в ушах.

Перед глазами встало лицо матери.

Не могу.

Пальцы нащупали струну «соль» и без моего участия принялись играть все возможные вариации аккорда, все песни, которые они способны были сыграть, пока мои мысли были заняты другим. Песни, которые были частью чего-то большего, нежели я сам, частью какого-то бесконечного источника радости, прикоснуться к которому мог кто угодно.

Я заколебался. Стены давили на меня, дверь, казалось, осталась далеко позади.

Я встал в ванну; подошвы ботинок со скрипом скользнули по сухой поверхности. Сердце гулко заколотилось в груди. В голове с гудением роились пчелы. За один миг я прожил тысячу разных мгновений: мгновения, когда меня полоснули по венам бритвой, мгновения, когда моя жизнь утекала вместе с водой в сточную трубу, мгновения, когда чужие руки заталкивали меня под воду. Но в тот же миг Грейс поддерживала мою голову над поверхностью воды, голос Грейс просил меня прийти в себя, Грейс держала мою руку.

А важнее всего был вот этот самый миг. Миг, когда я, Сэм Рот, пришел сюда по своей собственной воле, вооруженный музыкой, сильный, наконец-то сильный.

Рильке писал:

*Ведь среди зим есть бесконечная одна
Что, перезимовав, придется сердцу пережить⁸.*

Час спустя Коул нашел меня сидящим по-турецки в пустой ванне. Я снова и снова играл аккорд соль мажор и распевал песню, которой не пел никогда прежде.

29

СЭМ

*разбуди меня
разбуди меня, ты сказала*

*но я тоже спал
и видел сны*

⁸ Рильке Р. М. Сонеты к Орфею. Перевод О. Слободкиной.

*но теперь я пробуждаюсь
все еще пробуждаюсь*

я вижу солнце

30

ГРЭЙС

Я вздрогнула, просыпаясь, и резко открыла глаза.

В комнате было темно и тихо, и я была уверена, что только что спала. Так, может быть, мне только снилось, что кто-то стоит у моей постели?

— Сэм? — прошептала я, думая, что заснула всего несколько минут назад, и это он разбудил меня, когда пришел ложиться.

Сэм невнятно пробормотал что-то во сне. Я только сейчас поняла, что все это время меня грело не одеяло, а Сэм под боком. В обычных обстоятельствах этот маленький подарок — его близость — сначала заставил бы мое сердце учащенно забиться, а потом снова убаюкал, но сейчас я была совершенно уверена, что кто-то миг назад стоял у моей кровати, и поэтому, обнаружив Сэма дрыхнущим без задних ног рядом со мной, испугалась еще больше. Полоски у меня на загравке встали дыбом. Мало-помалу глаза привыкли к темноте, и я различила под потолком бумажных журавликов — они колыхались и подрагивали на своих ниточках, приводимые в движение невидимым ветром.

Я услышала какой-то звук.

Его нельзя было назвать грохотом. Это был прерванный грохот, как будто что-то свалилось, но было поймано. Я затаила дыхание и прислушалась — шум донесся откуда-то снизу, — и была вознаграждена еще одним приглушенным ударом. В гостиной? Или это на заднем дворе что-то упало?

— Сэм, проснись, — с тревогой позвала я и, обернувшись, вздрогнула. В темноте поблескивали глаза Сэма: он не спал и молча прислушивался. Как я.

— Ты слышал? — прошептала я.

Он кивнул. Я не столько увидела его кивок, сколько услышала шуршание волос по подушке.

— В гараже? — предположила я. Он снова кивнул.

Новая приглушенная возня подтвердила мое предположение. Мы с Сэмом выскочили из постели; оба до сих пор были в той одежде, в какой ездили смотреть северное сияние. Сэм спустился по лестнице и двинулся по коридору; я шла за ним и поэтому первой увидела, как из нижней спальни появился Коул. Волосы у него торчали, как колючки у кактуса. Я и раньше не думала, что он тратит на придание им такого вида какое-то время — не хватало еще, чтобы беспечные рок-звезды прилагали усилия, чтобы выглядеть как беспечные рок-звезды, — но теперь мне стало совершенно очевидно: стоять торчком — их естественное состояние и ему приходится прилагать усилия для их укрощения. На нем были одни только спортивные штаны. Вид у него был скорее раздраженный, чем встревоженный.

— Что за чертовщина? — негромко произнес он низким спросонья голосом.

Какое-то время мы все втроем стояли босиком и прислушивались. Все было тихо. Сэм провел рукой по волосам, забавно взъерошив их. Коул прижал палец к губам и махнул в сторону кухни, откуда был проход в гараж. Если не шуметь, там все еще была слышна какая-то возня.

Коул вооружился шваброй, которая стояла за холодильником. Я выбрала нож из подставки на кухонном столе. Сэм покосился на нас и отправился в гараж с голыми руками.

Перед дверью мы остановились, ожидая нового шума. Миг спустя снова раздался грохот, громче, чем в прошлые разы, вернее, даже не грохот, а металлический лязг. Коул взглянул на меня и вздернул брови; потом распахнул дверь, а я одновременно зажгла в гараже свет.

И что же открылось нашим глазам?

А ничего.

Мы озадаченно переглянулись.

— Есть тут кто? — спросила я в воздух.

— Все это время тут стояла вторая машина, и ты об этом ни словом не обмолвился?! — с обидой в голосе сказал Коул Сэму.

Наш гараж, как и большинство гаражей, был под завязку набит разнообразным вонючим хламом, который неохота держать в доме. Большую часть места занимал уродливый «БМВ» — универсал красного цвета, запылившийся от долгого простоя, но были здесь также и совершенно необходимая в хозяйстве газонокосилка, верстак, заваленный оловянными солдатиками, а над притолокой была приколочена номерная табличка с аббревиатурой штата Вайоминг, на которой красовалась надпись «Бек 89». Я пристально взглянула на машину.

— Тише! Смотрите! — прошептала я.

К капоту машины была прислонена мотококса. Обойдя парней, я переступила порог гаража и тут заметила, что капот слегка приоткрыт. Я нажала на крышку.

— Это так и было?

— Да. Во всяком случае, последние десять лет, — подойдя, успокоил меня Сэм.

«БМВ» не была воплощением прекрасного, а в гараже едко пахло какой-то химической дрянью. Сэм показал на перевернутый ящик с инструментами, валявшийся рядом с задним колесом.

— Зато вот это так не было. — Он вздрогнул. — Послушайте!

Под днищем машины происходила какая-то возня. Я собралась было присесть, но Сэм перехватил мою руку и опустил перед машиной на корточки, чтобы посмотреть.

— Обалдеть, — сказал он. — Там енот.

— Бедняга, — пожалела я зверька.

— Он вполне может быть разносчиком бешенства, — сухо напомнил мне Коул.

— Заткнитесь, — вежливо попросил Сэм, продолжая рассматривать что-то под днищем машины. — Я соображаю, как вытащить его оттуда.

Коул обошел меня и остановился рядом с Сэмом со шваброй наперевес.

— А меня куда больше интересует, каким образом он пробрался внутрь.

Он обошел машину сзади и остановился перед боковой дверью гаража. Она была слегка приоткрыта. Он постучал по двери.

— Шерлок нашел улику.

СЭМ

— Лучше бы Шерлок нашел способ вытурить оттуда этого красавца, — сказал я.

— Или красавицу, — встрял Коул, и Грейс одобрительно на него посмотрела.

С кухонным ножом в руке вид у нее был решительный и сексуальный; это была какая-то другая, незнакомая мне Грейс. Ее веселая пикировка с Коулом, возможно, должна была бы пробудить во мне ревность, но я испытывал радость — лучшее доказательство того, что Коул для меня становился другом. Люди обычно лелеют тайные мечты о том, чтобы передружить всех своих друзей между собой.

Я прошлепал в переднюю часть гаража. Песок и острые камешки больно впивались в босые подошвы. Я потянул вверх дверь гаража, она с оглушительным лязгом уехала под потолок, и моему взгляду открылась темная подъездная дорожка со стоящим на ней «фольксвагеном». Пейзаж был мрачный и пустынный. Прохладный ночной воздух, напоенный ароматом распускающихся почек и терпкой листвы, охлаждал голые руки и пятки, а хмельная смесь свежего ветра и безбрежной ночи будоражила кровь и затрагивала какие-то струны внутри меня. На миг я задохнулся от подкатившей к горлу сладкой тоски.

Усилием воли я заставил себя повернуться обратно к Коулу и Грейс. Коул уже шуровал ручкой швабры под днищем, а Грейс смотрела в ночь, и на лице у нее было написано то же самое, что чувствовал сейчас я. Она перехватила мой взгляд, но выражение ее лица не изменилось. Мне показалось... показалось, она знает, что я сейчас испытываю. Впервые за очень долгое время я вспомнил, как ждал ее в лесной чаще, ждал, когда она наконец тоже станет волчицей и мы сможем быть вместе.

— А ну вылезай оттуда, поганец мелкий, — произнес Коул, обращаясь к забившемуся под машину зверьку. — Я видел такой замечательный сон.

— Может, мне попытаться вытолкнуть его чем-нибудь с другой стороны? — предложила Грейс, на миг задержав на мне взгляд, прежде чем отвернуться.

— Только не ножом, это уже перебор, — сказал я, отходя в сторону от гаражной двери. — Вон там стоит метла.

Она взглянула на нож и сунула его в купальню для птиц — свидетельство еще одной провалившейся попытки Бека как-то облагородить участок.

— Терпеть не могу енотов, — заметил Коул. — Вот почему твоя идея переселить волков в другое место слегка утопична, Грейс.

Грейс вооружилась метлой и с мрачной решимостью сунула ее щетинистой частью под днище.

— По-моему, это не вполне уместная аналогия.

Из-под днища «БМВ» высунулась полосатая морда. Спасаясь от швабры Коула, енот выскочил из-под машины, стрелой промчался мимо открытой двери и забился за садовую лейку с другой стороны.

— Вот ведь тупая животиная, — с изумлением констатировал Коул.

Грейс подошла поближе и осторожно пошевелила лейку. Енот на миг заколебался, потом рванул назад под машину. Во второй раз пробежав совсем рядом с открытой дверью, Грейс, рьяная поклонница логики, взмахнула свободной рукой.

— Дверь же совсем рядом. И во всю стену.

Коул с чрезмерным, на мой взгляд, рвением снова принялся орудовать под днищем ручкой швабры. Перепуганный таким натиском енот бросился обратно за лейку. От него исходил едкий запах страха, сравнимый по силе с неприятным запахом его шкуры и слегка заразительный.

— Вот почему, — Коул упер швабру в пол и сразу стал похож на Моисея в спортивных штанах, — еноты до сих пор не захватили мир.

— Вот почему, — в тон ему произнес я, — в нас до сих пор стреляют.

Грейс посмотрела на забившегося в угол енота. Ей явно было его жалко.

— Потому что у них не развита логика.

— Потому что у них не развито пространственное мышление, — поправил я. — Логика волкам не занимать. Просто она не такая, как у людей. У них отсутствует пространственное мышление. Как и чувство времени, и чувство границ. Пограничный лес слишком маленький для нас.

— Поэтому нужно переселить их в какое-нибудь место получше, — кивнула Грейс. — В место с меньшей плотностью населения. И с меньшей плотностью томов калпереров.

— Томы калпереры будут везде и всегда, — в один голос произнесли мы с Коулом, и Грейс невесело улыбнулась.

— Это должно быть достаточно отдаленное место, — продолжал я. — И оно не должно никому принадлежать, разве только нам самим, но для этого мы недостаточно богаты. К тому же нельзя, чтобы там уже обитали другие волки, иначе высока вероятность того, что за первое время они убьют много наших. Там должно быть много дичи, в противном случае мы просто-напросто вымрем от голода. И потом, я не очень хорошо понимаю, каким образом мы отловим двадцать с лишним волков. Коулу ни одного до сих пор не удалось поймать, как он ни пытался.

Выражение лица у Грейс стало упрямое, а это значило, что к ее чувству юмора сейчас взывать бесполезно.

— У тебя есть предложения получше?

Я пожал плечами.

Коул почесал голую грудь ручкой швабры.

— А знаете, их ведь переселили сюда каким-то образом.

Мы с Грейс во все глаза уставились на него.

— Бек начал вести дневник, когда только превратился в волка, — нарочито неторопливо протянул Коул, явно привычный цедить по капле то, что жаждали услышать другие. — Но дневник начат не в Миннесоте.

— Ладно, — сказала Грейс, — допустим. И где же?

Коул указал шваброй на номерную табличку над притолокой двери, ту самую, на которой значилось «Бек 89».

— Потом туда начала возвращаться популяция истинных волков и, как Ринго и сказал, принялась истреблять волков «по совместительству», после чего он решил, что единственный выход — переселиться.

Я почему-то чувствовал, будто меня предали. Нет, Бек не врал мне о том, откуда он родом, просто я никогда не спрашивал его прямо, всегда ли он жил здесь, в Миннесоте. И эта номерная табличка всю жизнь висела здесь, на виду. Просто... Вайоминг. Коул, сующий свой нос в чужие дела, знал о Беке то, чего не знаю я. Внутренний голос твердил: это потому, что ему, в отличие от меня, хватило порохи прочесть дневник Бека. Другой голос возражал, что мне делать этого не стоило.

— И как, написано там, каким образом он это организовал? — спросил я.

Коул посмотрел на меня со странным выражением.

— Немного.

— Что значит — «немного»?

— Написано только, что им очень помогла Ханна.

— Никогда не слышал ни про какую Ханну, — сказал я, чувствуя недоверие в собственном голосе.

— Ты и не мог о ней слышать, — отозвался Коул с тем же самым странным выражением. — Бек пишет, что она пробыла волчицей совсем недолго, но почему-то очень быстро потеряла возможность превращаться обратно в человека. Она перестала превращаться в тот самый год, сразу же после того, как они перебрались сюда. Как он пишет, ей лучше других волков удавалось помнить свою человеческую жизнь. Ненамного. Но она помнила лица и возвращалась в те места, где бывала человеком, только в волчьем облике.

Теперь я понял, почему он так на меня смотрел. Грейс тоже смотрела на меня. Я отвел взгляд.

— Давайте уже вытурим отсюда этого енота.

Мы еще немного постояли молча, слегка очумелые от недосыпа, пока до меня не дошло, что откуда-то рядом со мной доносится еще какой-то шум. Некоторое время я прислушивался, склонив голову набок и пытаюсь определить источник.

— Эй, смотрите! — воскликнул я.

Из-за пластикового мусорного бачка в двух шагах настороженно смотрел на меня еще один, более крупный енот. И, очевидно, куда более сообразительный, если ему удалось спрятаться так, что я даже не заподозрил его присутствия. Грейс вытянула шею, пытаюсь разглядеть из-за машины, куда я смотрю.

В руках у меня ничего не было, поэтому пришлось действовать голыми руками. Я взял бачок за ручку и очень медленно придвинул его к стене, вынуждая енота покинуть свое укрытие с другой стороны.

Зверек рванул вдоль стены и выскочил в открытую дверь. Без малейшей заминки. Прямоком в открытую дверь.

— Их что, было два? — изумилась Грейс — А...

Она не договорила; первый енот, воодушевленный успехом своего более сообразительного сородича, бросился за ним следом. На этот раз без захода к лейке.

— Пф, — фыркнула она. — Ну, хотя бы не три. Теперь он понял, что такое дверь.

Я пошел закрыть дверь, но остановился как вкопанный: заметив выражение лица Коула. Он смотрел вслед енотам, задумчиво сведя брови, и в кои-то веки явно не думал о том, чтобы произвести наилучшее впечатление на окружающих.

Грейс открыла было рот что-то сказать, потом перехватила мой взгляд и умолкла.

С минуту мы молчали. Где-то вдали начали выть колки, и волоски у меня на загривке встали дыбом.

— Вот вам и ответ, — сказал Коул. — Вот что сделала Ханна. Вот каким образом мы выведем волков из леса. — Он обернулся ко мне. — Кому-то из нас придется показать им дорогу.

31

ГРЕЙС

Когда я проснулась утром, у меня было полное ощущение, что я нахожусь в летнем лагере.

Когда мне было тринадцать, бабушка купила мне путевку в лагерь на две недели. Это был лагерь для девочек «Голубое небо». Мне очень понравилось: целых две недели каждый день был расписан по минутам, каждая минута учтена, все пункты программы определены заранее и распечатаны на красочных листовках, которые по утрам подсовывали в наши домики. Полная противоположность жизни моих родителей, у которых одна мысль о расписании вызывала смех. Это было фантастически здорово; я тогда впервые поняла, что счастье бывает не только такое, каким видится моим родителям. Но самое главное — лагерь не был домом. Моя зубная щетка оказалась грязной, потому что мама забыла купить перед отъездом пластиковый футляр и пришлось сунуть ее в маленький кармашек

рюкзака. Спать на двухъярусной койке оказалось ужасно неудобно. Кормили вкусно, но все было слегка пересолено, и ждать от обеда до ужина приходилось слишком долго; в отличие от дома здесь не приходилось думать о том, чтобы пойти на кухню и перехватить что-нибудь. В общем, было весело, непривычно и ровно настолько неидеально, чтобы на некоторое время выбить меня из колеи.

А теперь я находилась в доме Бека, у Сэма в спальне. Не могу сказать, чтобы я чувствовала себя здесь как дома — слово «дом» до сих пор ассоциировалось с подушками, от которых пахло моим шампунем, с зачитанными романами Джона Бьюкена, купленными на библиотечной распродаже и от этого вдвойне дорогими для меня, с журчанием воды и жужжанием бритвы, которыми сопровождалась папины сборы на работу, с негромким монотонным бормотанием радио в маминей студии и с бесконечно комфортной логикой моей устоявшейся жизни. Вот только возврата в этот дом, наверное, уже не было.

Я уселась в постели с чугунной после сна головой и с изумлением увидела, что Сэм лежит рядом, лицом к стене, неловко вывернув пальцы. Ни разу еще на моей памяти я не просыпалась раньше его. Мне стало не по себе. Успокоилась я, лишь когда увидела, как его грудь вздымается и опадает под дурацкой футболкой.

Я выбралась из постели, ожидая, что он вот-вот проснется; мне и хотелось, и не хотелось этого. Однако он продолжал спать в странно изогнутом положении, как будто его бросили на постель и он так и остался в этой позе.

Невыспавшаяся до звенящей обостренности всех чувств, я дольше, чем ожидала, шла до коридора и не сразу сообразила, где ванная. Ни расчески, ни зубной щетки у меня не было, я поискала, во что бы переодеться, но нашла лишь одну из футболок Сэма с логотипом какой-то неизвестной рок-группы. Я почистила зубы его щеткой, убеждая себя, что это ничуть не противнее, чем целоваться с ним, и даже почти в это веря. Потом увидела рядом с подозрительного вида бритвой расческу и причесалась.

Приведя себя в порядок, я посмотрелась в зеркало. Меня не оставляло чувство, что я живу не с той его стороны. Время здесь не имело никакого значения.

— Нужно сообщить Рейчел, что я жива, — произнесла я вслух.

Мои слова прозвучали вполне разумно — пока я не представила во всех красках, во что это может вылиться.

Снова заглянув в комнату — Сэм все еще спал, — я спустилась на первый этаж. С одной стороны, мне хотелось, чтобы он встал, но, с другой стороны, приятно было побыть в одиночестве, зная при этом, что ты не одна. Мне вспомнилось, как я любила читать или делать домашнее задание, пока Сэм был занят чем-то своим со мной рядом. Вместе, но молча, как два спутника на соседних орбитах.

Внизу в гостиной на диване спал Коул, закинув руку за голову. Я вспомнила, что где-то в подвале должна быть кофеварка, на цыпочках вышла в коридор и начала спускаться по лестнице.

В подвале было довольно уютно, но как-то бестолково; при искусственном освещении терялось всякое ощущение времени. Снова очутиться в подвале было странно; меня охватила непонятная грусть.

В последний раз я была здесь после аварии, разговаривала с Бекем, когда Сэм превратился в волка. И тогда понадеялась когда-нибудь еще его увидеть. А теперь Бек навеки утратил человеческий облик.

Я включила кофеварку и опустилась в кресло, в котором сидела во время того разговора с Бекем.

Всю стену за его креслом занимали полки с книгами, которые ему никогда больше не суждено прочитать. Впрочем, и все остальные стены тоже были заставлены книжными стеллажами. Кофеварка примостилась на единственном свободном от книг пятачке. Интересно, сколько их здесь всего? Сколько книг умещается на футе полки? Десять? Я подсчитала, что книг должно быть около тысячи. А может, и больше. Даже со своего моего места я видела, как аккуратно организована вся библиотека — документалистика по темам, затрепанные романы по авторам.

Хорошо бы, когда мне будет столько же лет, сколько Беку обзавестись такой библиотекой. Не этой, своей собственной. Пещерой из слов, которую я обустроила бы для себя собственноручно. Я не знала, осуществимо ли это теперь.

Я со вздохом поднялась и бродила вдоль стеллажей, пока не наткнулась на полку с учебной литературой. Взяла несколько книг и уселась с ними на пол, осторожно пристроив рядышком чашку с кофе. Не знаю, сколько я так сидела, погруженная и чтение, пока не услышала негромкий скрип. Вскинув глаза, я увидела чьи-то босые пятки, спускающиеся по ступенькам. Это оказался Коул, лохматый и заспанный, с отпечатавшимся на щеке следом подушки.

— Привет, Брисбен, — буркнул он.

— Привет, Сен-Клер, — отозвалась я.

Коул отключил кофеварку от сети и притащил ее туда, где сидела я. Добавив мне кофе, он налил чашку себе, молчаливый и серьезный. Потом повернул голову и пробежал глазами названия книг, которые я вытащила.

— Что, решила перейти на заочное обучение? Ничего себе чтение с утра.

Я втянула голову в плечи.

— Это все, что нашлось у Бека.

Коул принялся читать дальше.

— «Как освоить программу колледжа экстерном». «Дистанционное обучение». «Специальная программа для оборотней: как получить образование, не покидая подвала». Это тебя волнует? Школа, я имею в виду.

Я вскинула на него глаза. Я сама не ожидала услышать в своих словах такую горечь. Вообще не думала, что испытываю нечто подобное.

— Нет. Ну ладно. Да, волнует. Я хотела пойти в колледж. Хотела закончить школу. Мне нравится учиться.

Я запоздало вспомнила, что сам Коул предпочел учебе в колледже «Наркотику», и замаялась, не зная, как объяснить, с каким нетерпением ждала отъезда в колледж. Как описать воодушевление, которое охватывало меня, когда я просматривала программы учебных курсов — всю эту массу возможностей, — или удовольствие открыть новенький учебник и свежую, пахнущую типографской краской тетрадь. Притягательную возможность оказаться в компании людей, которые тоже любят учиться. Жить в крохотной квартирке, которая принадлежала бы мне единолично, была бы моей и только моей вотчиной.

— Наверное, это сейчас немодно, — добавила я, отчего-то чувствуя себя глупо.

Но Коул с задумчивым видом уткнулся в свою чашку и пробормотал:

— Мм, учится. Я и сам люблю это дело. — Он вытащил из стопки одну их книг и наугад раскрыл ее. Заголовок гласил «Как познать мир, не вставая с кресла»; рядом с ним был изображен человек, занятый именно этим. — Ты помнишь все, что произошло и в больнице?

Ему явно хотелось, чтобы я начала его расспрашивать. Ну, я и начала. Он в подробностях пересказал мне события того вечера, начиная с момента, когда меня стало рвать кровью и они с Сэмом отвезли меня в больницу, до того, как он выдвинул гипотезу, которая стала моим спасением. А потом рассказал, как мой отец ударил Сэма.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Но папа же не по-настоящему его ударил? Ну, то есть, он просто...

— Нет, он от души ему врезал, — возразил Коул.

Я сделала глоток кофе. Не знаю, что поразило меня большее: то, что папа ударил Сэма, или то, какую уйму всего я пропустила, пока валялась на больничной койке и была занята превращениями. Внезапно время, которое я провела в волчьем обличье, показалось мне еще более потерянными — эти часы выпали из жизни навсегда. Словно у меня ни за что ни про что отобрали половину жизни.

Я перестала думать об этом и начала думать о том, что папа ударил Сэма.

— По-моему, — произнесла я, — меня это злит. Сэм не дал ему сдачи?

Коул рассмеялся и подлил себе еще кофе.

— Значит, я на самом деле не исцелилась, — сказала я.

— Нет. Ты просто не превратилась в волчицу, а это не одно и то же. Сен-клеры — надеюсь, ты не возражаешь, я решил назвать волчий токсин в честь себя любимого, чтобы удобнее было присуждать мне Нобелевскую премию мира, или Пулитцеровскую, или как там она называется, — все это время накапливались в твоём организме.

— Значит, Сэм тоже не исцелился.

Я поставила чашку на пол и отодвинула книги в сторону. Выходит, все, через что мы прошли, было напрасно. Это уже слишком. Большая библиотека и красный кофейник становились практически недостижимыми.

— Ну, — отозвался Коул, — тут я ничего не скажу. В конце концов, он... О, а вот и наш чудомальчик. Доброе утро, Ринго.

Сэм спустился почти бесшумно и теперь стоял у подножия лестницы. Ступни у него были красные после душа. Его появление самую капельку развеяло мой пессимизм, несмотря на то, что не решало ни одной из нерешенных проблем.

— Мы как раз говорили об исцелении.

Сэм прошлепал ко мне.

— От чего?

Он по-турецки уселся рядом со мной. Я предложила ему кофе; в ответ он вполне ожидаемо покачал головой.

— Ни от чего. О твоём исцелении. О средстве, которое я ищу. Я постоянно думаю о том, каким образом ты форсируешь свои превращения.

Сэм поморщился.

— Не форсирую я никаких превращений.

— Не часто, Ринго, — согласился Коул. — Но все-таки.

И душе моей забрезжила надежда. Может быть, именно Коулу будет под силу понять, каким образом все это происходит с волками Пограничного леса. Меня же он спас.

— Как в тот раз, когда ты отбил меня у волков, — подхватила я его мысль. — И потом, в клинике, когда мы заразили тебя менингитом. — Та ночь в клинике, где работала мать Изабел, казалась теперь такой далекой. И снова нахлынуло воспоминание о грусти. — Ты ничего об этом не выяснил?

Коул принялся разглагольствовать об адреналине, сен-клерах в организме и о том, что он пытается использовать необычные превращения Сэма для борьбы с волчьим токсином.

— Но если все дело в адреналине, тогда, чтобы превратиться в волка, было бы достаточно, чтобы кто-то тебя напугал, — заметила я.

Коул пожал плечами.

— Я пытался делать себе инъекции эпинефрина, то есть чистого адреналина. Это сработало, но с трудом.

Сэм нахмурился; видимо, его одолевали те же мысли, что и меня: «сработало, но с трудом» звучало несколько угрожающе.

— Мой мозг реагирует на него как-то не так, — пояснил Коул. — Холод или повышение уровня сен-клеров в организме вызывают превращение по-другому. Это трудно воспроизвести, когда не понимаешь толком, как все происходит. Все равно что пытаться нарисовать слона, ориентируясь по шуму, который он производит в пещере по соседству.

— Ну, тебе хотя бы удалось понять, что там слон, это уже само по себе поразительно, — заметил Сэм. — Бек и все остальные не смогли даже правильно определить вид. — Он поднялся и протянул мне руку. — Пойдем готовить завтрак.

Но Коул еще не закончил.

— А, Бек просто не хотел этого видеть, — пренебрежительно махнул он рукой. — Ему нравилось быть волком. Знаете, если бы всем этим занимался мой отец, он нащелкал бы КТ и МРТ, воткнул полторы тысячи электродов, использовал пару флаконов какой-нибудь ядовитой медицинской дряни, пару-тройку автомобильных аккумуляторов и, загубив трех или четырех оборотней, нашел способ нас исцелить. Он в своем деле ас.

Сэм опустил руку.

— Зря ты так про Бека.

— Так — это как?

— Как будто он...

Сэм запнулся и с напряженным видом посмотрел на меня, как будто пытался найти подсказку в выражении моего лица. Я поняла, что он хотел сказать. «Такой же, как ты». На губах Коула заиграла самая слабая из его жестких улыбок.

— А знаешь что? — Коул указал на кресло, в котором любил сидеть Бек. Мне подумалось, что и ему тоже довелось говорить с Беком в этом подвале. Мысль о существовании между Коулом и Беком каких-то отношений, о которых нам ничего не было известно, почему-то вызвала у меня странное чувство.

— Давай ты расскажешь мне, кем Бек был для тебя, а я расскажу, кем он был для меня. А потом ты, Грейс, рассудишь, чья версия правдоподобней.

— Мне кажется, не... — начала я.

— Я знал его двенадцать лет, — перебил меня Сэм. — А ты — двенадцать секунд. Моя версия выигрывает.

— Правда? — осведомился Коул. — И он рассказывал тебе, каким был адвокатом? Рассказывал про свою жизнь в Вайоминге? Про свою жену? Про то, где нашел Ульрика? Про то, что он пытался с собой сделать, когда на него вышел Пол?

— Он рассказывал мне, как стал волком, — сказал Сэм.

— И мне тоже, — вклинилась я, пытаюсь как-то поддержать Сэма. — Он сказал, что его укусили в Канаде, а с Полом он встретился в Миннесоте.

— И что он поехал в Канаду, чтобы покончить там с собой, а Пол укусил его, помешав сделать это? — уточнил Коул.

— Он рассказал именно то, что тебе нужно было услышать, — возразил Сэм.

— А тебе он рассказал байку про поход и про то, что с Полом он познакомился уже здесь, в Миннесоте, потому что именно это нужно было услышать тебе, — парировал Коул. — Объясни мне, каким образом в эту картину вписывается Вайоминг — ведь об этом он не рассказывал ни тебе, ни мне. Он перебрался из Канады в Мерси-Фоллз не потому, что узнал о существовании здешних волков. В этом правды не больше, чем в рассказе о том, как его укусили в походе. В рассказе для тебя он опустил лишние подробности, не хотел упасть в твоих глазах. В рассказе для меня он опустил лишние подробности, посчитав их несущественными. Только не говори мне, будто ты ни разу не сомневался в нем, Сэм. Этот человек сначала устроил так, чтобы тебя укусили, а потом усыновил тебя. Эта мысль не могла не приходиться тебе в голову.

Сердце у меня разрывалось от жалости к Сэму, но он не отвел взгляда. Лицо его было непроницаемо.

— Она мне приходила.

— И что же ты думаешь по этому поводу? — поинтересовался Коул.

— Не знаю, — ответил Сэм.

Коул поднялся и подошел к Сэму вплотную. В этом движении было что-то угрожающее.

— Разве тебе не хочется спросить об этом его самого?

К чести Сэма, никакого страха он не выказывал.

— Все равно это уже невозможно.

— Ну а если бы было возможно? — продолжал допытываться Коул. — Если бы он мог вернуться на пятнадцать минут? Я могу найти его. Я могу найти его, и у меня есть кое-что, способное заставить его превратиться обратно в человека. Ненадолго. Но времени на разговор хватит. Должен признаться, я тоже хочу задать ему пару вопросов.

Сэм нахмурился.

— С собой можешь делать что угодно, но на человека, который не давал на это своего согласия, я не полез.

Коул был явно разочарован.

— Это же адреналин, а не перепихон на скорую руку после выпускного вечера.

Сэм был непреклонен.

— Рисковать угробить Бека только ради того, чтобы спросить, почему он не рассказал мне о своей жизни в Вайоминге? Я не собираюсь этого делать.

Ответ был совершенно предсказуем, Коул не мог не понимать, что Сэм ответит именно так. Но на губах Коула снова заиграла та же слабая жесткая улыбка, едва заметная на его лице.

— Если мы поймем Бека и превратим его в человека, возможно, у меня получится запустить его программу заново, — сказал он. — Как с Грейс. Стал бы ты рисковать его жизнью ради этого?

Сэм ничего не ответил.

— Скажи «да», — продолжал Коул. — Скажи, чтобы; я нашел его, и я это сделаю.

Вот почему, подумалось мне, Сэм с Коулом вечно не ладят. Потому что когда доходит до дела, Коул из благих побуждений принимает скверные решения, а Сэм не может это оправдать. Вот и сейчас Коул искушал Сэма тем, чего ему хотелось больше всего на свете, только в нагрузку к этому шло то, чего он хотел меньше всего. Не знаю, какой ответ мне хотелось бы от него услышать.

Сэм сглотнул и, обернувшись ко мне, спросил негромко:

— И что мне ответить?

Все, что я могла бы ему сказать, он прекрасно знал и без меня. Я скрестила руки на груди. Я могла придумать тысячу доводов за и ровно ту же тысячу доводов против, но все они разбивались о тоскливое лицо Сэма.

— Тебе жить с последствиями твоего решения, — сказала я.

— Он все равно погибнет там, в лесу, — отозвался Коул.

Сэм отвернулся от нас обоих и, сцепив руки на затылке, принялся разглядывать бесчисленные корешки книг на полках.

— Хорошо. Валяй. Найди его.

Я встретила с Коулом глазами и задержала на нем взгляд.

Наверху засвистел чайник, и Сэм, ни слова не говоря, зашагал по лестнице, чтобы выключить его. Мне показалось, он рад был ухватиться за этот повод уйти из подвала. При мысли о том, чтобы попробовать вернуть Беку человеческое обличье, у меня тревожно засосало под ложечкой. Слишком легко я позабыла, на какой риск мы шли каждый раз, когда пытались выяснить что-то новое про себя.

— Коул, — начала я. — Бек для него все. Это не игрушки. Не делай ничего, в чем ты не уверен, ладно?

— Я всегда уверен в том, что делаю, — отчеканил он. — Просто я не всегда уверен в том, что все непременно должно заканчиваться хеппи-эндом.

32

ГРЭЙС

Первый день в человеческом обличье я провела странно. Мне было неудобно без обычной одежды и привычного распорядка, не давала покоя мысль о том, что волчица внутри меня способна в любой миг заявить права на мое тело. В каком-то смысле я даже рада была неопределенности положения свежее испеченного волка, поскольку знала: в конечном итоге все придет к завязанному на температуру режиму превращений, как это было с Сэмом, когда мы с ним только познакомились. А я любила холод. И не хотела его бояться.

В попытке вернуть жизнь в привычную колею я предложила устроить нормальный ужин, что оказалось несколько более затруднительно, чем я предполагала. Сэм с Коулом забили кладовки странным набором продуктов, большую часть которых можно было описать как полуфабрикаты для приготовления в микроволновке, и лишь незначительную — как ингредиенты. Но я нашла все необходимое для приготовления оладий и яичницы — еды, уместной, на мой взгляд, в любой ситуации, — и Сэм без звука принялся мне помогать, в то время как Коул растянулся на полу в гостиной и уставился в потолок.

Я оглянулась через плечо.

— Что он делает? Дай мне, пожалуйста, лопатку.

Сэм передал мне лопатку.

— Наверное, у него кипят мозги.

Он потянулся через мое плечо достать тарелки и, на миг прижавшись ко мне всем телом, положил мне руку на талию, чтобы удержать на месте. В глазах у меня потемнело от желания.

— Эй, — сказала я, и он обернулся ко мне со стопкой тарелок в руке. — Поставь их на стол и вернись обратно.

Сэм двинулся ко мне, но в этот миг я краем глаза заметила какое-то движение.

— Ч-ш-ш... что это там такое? — спросила я почти шепотом. — Стоп!

Он замер и, проследив за направлением моего взгляда, увидел то, что привлекло мое внимание: какое-то животное, крадущееся через задний двор. На траву падал свет из двух кухонных окон. На миг я потеряла зверя из виду, но потом снова увидела у накрытого брезентом гриля.

На миг сердце вдруг стало легче перышка, потому что это была белая волчица. В белую волчицу превратилась Оливия, а я так давно ее не видела.

Но тут Сэм выдохнул: «Шелби!» Она пошевелилась, и я поняла, что Сэм прав. В ней не было ни капли той гибкой грации, которой обладала в волчьем обличье Оливия, а когда белая волчица вскинула голову, движение было отрывистым, настороженным. Она взглянула на дом глазами, которые определенно не могли принадлежать Оливии, потом присела и пустила струйку на ножку гриля.

— Мило, — заметила я.

Сэм нахмурился.

Мы молча наблюдали, как Шелби переместилась от гриля в центр двора и снова пометила территорию. Она была одна.

— По-моему, у нее обострение, — сказал Сэм.

За окном Шелби остановилась и долго стояла, глядя на дом. Меня вдруг охватила необъяснимая уверенность, что она смотрит на нас, хотя мы для нее должны были быть всего лишь неподвижными силуэтами за стеклом, если она вообще нас различала. Но даже отсюда я видела, как ошетинился у нее загривок.

— Она ненормальная.

Мы оба вздрогнули, когда позади нас раздался голос Коула.

— Что ты имеешь в виду? — уточнила я.

— Я не раз замечал ее, когда ходил ставить лопушки. Она ничего не боится и коварна, как черт.

— Ну, это я и без тебя знала. — Я с содроганием вспомнила тот далеко не прекрасный вечер, когда она бросилась на меня через стекло. А потом и ее глаза во время грозы. — Она столько раз пыталась меня убить, что я уже сбилась со счета.

— Она напугана, — негромко заметил Сэм. Он все еще наблюдал за Шелби, чей взгляд теперь был прикован к нему одному. Мне стало сильно не по себе. — Напугана, одинока, сердита и ревнует. С появлением тебя, Грейс, и Коула, и Оливии стая стремительно меняется, а ей просто некуда падать ниже. Она теряет все.

Оладья на сковороде начала подгорать. Я сдернула сковороду с конфорки.

— Не нравится мне, что она здесь ошивается.

— Думаю... думаю, у тебя нет причин для беспокойства, — сказал Сэм. Шелби стояла все так же неподвижно, глядя на его силуэт за стеклом. — Уверен, она во всем винит меня.

Шелби неожиданно вздрогнула, и в тот же миг над задним двором разнесся голос Коула:

— Пошла вон, дрянь паршивая!

Она скрылась в темноте еще до того, как хлопнула задняя дверь.

— Спасибо, Коул, — сказала я. — Это был просто гениальный ход.

— Я и сам гений, — отозвался Коул. Сэм все еще хмурился, глядя в окно.

— Я все думаю, а она не...

Зазвонил телефон, и он не договорил. Коул снял трубку, взглянул на индикатор номера и, поморщившись, молча передал трубку мне.

На индикаторе высветился номер Изабел.

— Да, — сказала я.

— Грейс.

Я ждала какого-нибудь замечания относительно моего превращения в человека, чего-нибудь бесцеремонного и саркастического. Но она произнесла только «Грейс».

— Изабел, — ответила я, чтобы ответить хоть что-нибудь.

Я взглянула на Сэма; вид у него был озадаченный, зеркальное отражение моего собственного выражения лица.

— Сэм там с тобой?

— Да. Ты... ты хочешь с ним поговорить?

— Нет. Я просто хотела убедиться, что ты... — Изабел запнулась. В трубке послышался какой-то шум. — Грейс, Сэм тебе рассказал, что в лесу нашли мертвую девушку? Загрызенную волками?

Я взглянула на Сэма, но он не слышал, что говорила Изабел.

— Нет, — с беспокойством отозвалась я.

— Грейс. Ее опознали.

Я замерла.

— Это Оливия.

Оливия.

Оливия.

Оливия.

Восприятие вдруг болезненно обострилось. Разом бросились в глаза все окружавшие меня мелочи. Висящая на холодильнике фотография мужчины рядом с каяком. Дурацкий магнитик в виде зуба с названием стоматологической клиники и телефоном. Щербатая столешница выцветшей тумбы

вплотную к холодильнику. Древняя стеклянная бутылка из-под кока-колы с торчащими из нее на манер букета карандашом и ручкой. Подтекающий кран, из которого каждые одиннадцать секунд выкатывалась капля и огибала вентиль по часовой стрелке, прежде чем набиралась мужества оторваться и упасть в раковину. Никогда прежде я не обращала внимания на то, что все в этой кухне в теплых тонах. Коричневый, красный и оранжевый цвета столешниц, шкафчиков и кафеля и выцветшие фотографии, приколотые к дверцам шкафов.

— Что ты сказала? — вскинулся Сэм. — Что ты ей сказала?

Я не могла сообразить, почему он задает этот вопрос мне, хотя я никому ничего не говорила. Я недоуменно нахмурилась и увидела, что он держит в руке телефонную трубку, хотя не помнила, когда передала ее ему.

«Какая же я ужасная подруга!» — подумалось мне, ведь я совсем ничего не чувствовала. Просто стояла, разглядывая кухню, и размышляла о том, что если бы это была моя кухня, я постелила бы на пол какой-нибудь коврик, тогда ноги так не мерзли бы на голом полу. Наверное, я просто никогда не любила Оливию, ведь меня даже не тянуло заплакать. Я думала про коврики, а вовсе не про то, что ее больше нет.

— Грейс, — позвал Сэм. Краем глаза я заметила, как Коул куда-то пошел с трубкой в руке, разговаривая на ходу. — Что мне для тебя сделать?

Странный вопрос, подумала я.

— У меня все в порядке.

— Нет, не в порядке, — возразил Сэм.

— В порядке, — повторила я. — Я не плачу. Мне вообще не хочется.

Я заправила волосы за уши, перехватила их за спиной, как будто собиралась завязывать хвост, сжала в кулаке.

— Еще захочется, — пообещал Сэм мне на ухо. Я положила голову ему на плечо; она вдруг стала невероятно тяжелой и отказывалась подниматься.

— Нужно позвонить людям и выяснить, все ли у них в порядке. Нужно позвонить Рейчел и Джону. И Оливии тоже.

Я запоздало сообразила, что сказала, и открыла рот, как будто это могло вернуть мои слова обратно и заменить их чем-то более разумным.

— Ох, Грейс.

Сэм коснулся моего подбородка, но его жалость показалась мне чем-то не имеющим ко мне никакого отношения.

Коул продолжал говорить по телефону, и такого голоса я никогда не слышала у него прежде.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь.

33

СЭМ

В ту ночь бессонницей страдала Грейс. А я чувствовал себя пустой чашкой, которая покачивалась на волнах дремоты, накрываясь в разные стороны и зачерпывая очередную порцию. Прошло совсем немного времени, прежде чем чашка наполнилась до краев и пошла ко дну.

В комнате было темно, если не считать огоньков гирлянды, опоясывающих ее под потолком, точно крошечные созвездия на клаустрофобическом небе. Я все хотел отключить ее, но усталость нашептывала что-то в уши и отвлекала меня. Понятия не имею, почему я чувствовал себя таким усталым, хотя перед этим наконец-то проспал целую ночь. Такое впечатление, будто с возвращением Грейс мое тело вновь вошло во вкус и не могло насытиться сном.

Грейс сидела рядышком, прислонившись спиной к стене и спрятав ноги под одеяло, и тыльной стороной ладони водила по моей груди, но даже это не могло заставить меня стряхнуть с себя сонливость.

— Эй, — пробормотал я и отяжелевшей рукой коснулся ее плеча. — Давай-ка тоже ложись и спи.

Она распрямила пальцы и коснулась моих губ; Лицо у нее было задумчивое, в полумраке она казалась не похожей на саму себя, как будто под маской Грейс скрывался кто-то другой.

— Да мысли всякие в голове крутятся.

Это состояние было мне так знакомо, что я приподнялся на локте; ее пальцы соскользнули с моих губ обратно на грудь.

— Ляг полежи, — сказал я. — Так будет легче.

Вид у нее был печальный и неуверенный; она казалась маленькой девочкой. Я уселся в постели и притянул ее к себе. Мы улеглись рядом, она положила голову мне на грудь, где только что была ее рука. От нее пахло моим шампунем.

— Она не выходит у меня из головы, — прошептала Грейс; теперь, когда мы не смотрели друг на друга, видимо, признание далось ей легче. — А еще я думаю, что мне нужно домой, но не хочу туда возвращаться.

Я не знал, что ей сказать. Мне тоже не хотелось, чтобы она возвращалась домой, но я понимал: здесь ей находиться не стоит. Будь она обычным человеком, я убеждал бы ее поговорить с родителями. Мы нашли бы выход, мы заставили бы их понять, насколько у нас все серьезно, и я проводил бы ночи без нее, пока она не вернулась бы ко мне в мирных условиях. Это было бы тяжело, но я бы справился. Я говорил ей, что хочу, чтобы у нас все было по-человечески, и не собирался отступить от своего слова.

Но сейчас по-человечески у нас не получалось. Грейс больше не была обычным человеком, и она не хотела возвращаться к родителям, а я не был уверен, как они отреагируют, поэтому ей лучше было оставаться здесь. Расплата за наше краденое счастье была неминуема, но я все равно не готов был отказаться от него. Я перебирал ее волосы, пока пальцы не наткнулись на небольшой колтун. Я бережно распутал его и начал снова.

— Я тебя и не заставляю.

— В конце концов все равно придется как-то решать этот вопрос, — отозвалась Грейс. — Ох, вот если бы мне уже было восемнадцать и мы с тобой уже были женаты! И вообще, надо было давным-давно от них съехать. Тогда не пришлось бы изобретать очередное вранье.

По крайней мере, я был не единственным, кто считал, что правда придется им не по вкусу.

— Все равно, — произнес я решительно, — сию секунду мы ничего не решим.

И немедленно понял, что чуть ли не дословно повторил довод Грейс, которым она неоднократно пользовалась, пытаясь отвлечь меня от дурных мыслей и заставить поспать.

— Просто голова кругом идет, — вздохнула Грейс. — Расскажи мне какую-нибудь историю.

Я прекратил перебирать ее волосы, потому что это монотонное занятие убаюкивало меня.

— Историю?

— Ну, помнишь, ты рассказывал мне, как Бек учил тебя охотиться?

Я попытался вспомнить какие-нибудь забавные случаи, что-то, не требовавшее особых объяснений. Рассмешившее бы ее. Все, что было связано с Бекем, теперь казалось замаранным. Отравленным подозрением. Все, чего я не видел собственными глазами, теперь вызывало сомнения.

Я порывлся в памяти в поисках чего-нибудь иного и сказал:

— Тот «универсал» был у Ульрика не первой машиной. Когда я только здесь появился, у нас был небольшой «форд-эскорт». Коричневый. Жутко уродливый.

Грейс вздохнула, как будто готовилась слушать увлекательную сказку на ночь, и сжала в кулаке мою футболку. Всю сонливость у меня тут же как рукой сняло, и я, чувствуя себя негодяем, мгновенно нарисовал в воображении еще как минимум четыре куда менее невинных и самоотверженных способа утешить расстроенную девушку.

Я сглотнул и заставил себя сосредоточиться на своем повествовании.

— У нее вечно что-то отваливалось. На ухабах она скребла днищем. Видимо, глушителем. Как-то раз Ульрик сбил опоссума и протащил его за машиной до самого дома.

Грейс бесшумно рассмеялась; так смеешься, когда знаешь, что от тебя этого ждут.

— И пахло от нее тоже вечно не пойми чем. То перегретыми тормозами, то паленой резиной, то как будто от опоссума под днищем так и не удалось избавиться до конца.

Я умолк, вспоминая все поездки, которые мне довелось совершить на пассажирском сиденье этой машины, все минуты ожидания, пока Ульрик выбегал за пивом в какой-нибудь магазин или Бек ковырялся под капотом, чертыхаясь и спрашивая у меня, какого рожна мы не поехали на его собственной машине. Это было еще в те дни, когда Ульрик много времени проводил в человеческом обличье, его комната располагалась по соседству с моей, и по утрам я просыпался от шумных занятий любовью, хотя был совершенно уверен, что Ульрик там один. Об этом я Грейс рассказывать не стал.

— Потом я ездил на этой машине в книжный магазин, — продолжил я. — Ульрик купил «БМВ» у одного мужика, который торговал розами на обочине дороги в Сент-Поле, а «эскаорт» перешел ко мне. Через два месяца после того, как получил права, я пробил колесо.

Мне тогда было шестнадцать в самом наивном смысле этого слова: я ехал домой, пребывая одновременно в жгучем восторге и в ужасе оттого, что впервые сам еду на машине с работы, и когда шина лопнула с оглушительным шумом, похожим на ружейный выстрел, я решил: всё, мне конец.

— Ты умел менять колеса? — поинтересовалась Грейс в своем всегдашнем тоне.

— Да я не знал, с какой стороны к нему подойти. Пришлось съехать на обочину, в грязь, и по телефону, который мне недавно подарили на день рождения, вызывать на помощь Бека. Это был мой первый звонок по этому телефону, и звонил я затем, чтобы сказать, что не умею менять колеса. Абсолютно немужественный поступок.

Грейс снова негромко рассмеялась.

— Немужественный, — эхом повторила она.

— Немужественный, — заверил ее я, радуясь этому смеху, и вернулся к своим воспоминаниям.

Бек долго не приезжал, потом наконец приехал — его подвез Ульрик по дороге на работу. Не обращая внимания на мой унылый вид, он жизнерадостно помахал мне из окошка своего «БМВ»:

— Пока, малы-ы-ыш!

Его машина растворилась в сгущающихся сумерках, только красные неоновые огоньки были еще какое-то время видны в снежно-сером мире.

— В общем, Бек приехал, — произнес я вслух и только тогда понял, что все-таки без Бека в моей истории не обошлось, как я ни старался. — Он сказал: «Ну вот, угробил все-таки машину?» На нем было несколько слоев свитеров, перчаток и шарфов, но, несмотря на все это, он уже начинал дрожать. Он посмотрел на спущенную шину и присвистнул. «Ничего себе. Ты что, наехал на лося?»

— Ты наехал? — спросила Грейс.

— Нет, — покачал я головой. — Бек посмеялся надо мной и показал, где лежит запаска, и...

Я не договорил. Вообще-то я собирался рассказать Грейс, как Ульрик, когда в конце концов решил продать злополучный «эскаорт», поджарил четыре фунта бекона и сложил его в багажник, перед тем как показывать машину потенциальным покупателям. Просто он вычитал где-то, что агенты по недвижимости, чтобы продать дом женщине, пекут там печенье. Но вместо этой истории я почему-то переключился на другую и начал говорить о том, как улыбка на губах Бека померкла, едва задние фонари машины Ульрика скрылись за холмом, и он превратился в волка, не успев даже произнести до конца мое имя. А я так и остался стоять столбом с бесполезной монтировкой в руках, глядя на валяющуюся на обочине кучку шарфов, свитеров и перчаток.

— И что?

Я судорожно попытался сообразить, нельзя ли повернуть эту историю на более жизнеутверждающие рельсы, но тут вспомнил еще об одном аспекте, о котором не думал много лет.

— Бек превратился в волка. А я остался стоять на обочине с монтировкой в руках как последний болван.

Я подобрал с земли его куртку и несколько рубашек, стряхнул с них грязный снег, бросил комком на заднее сиденье «эскаорта». Позволил себе от души хлопнуть дверью. Потом сцепил руки за головой и отвернулся от дороги и от машины. До меня еще не дошло, что я остался без Бека. Зато я прекрасно понял, что застрял в глуши посреди дороги.

Грейс негромко вздохнула, жалея того, шестнадцатилетнего Сэма, хотя этому Сэму понадобилось немало времени, чтобы сообразить, чего он на самом деле лишился всего за несколько минут.

— Какое-то время я стоял, глядя на бесполезный хлам в багажнике — в числе прочего Ульрик возил там хоккейную маску, и она таранилась на меня, как будто хотела сказать: «Ты идиот, Сэм Рот». А потом у меня за спиной затормозила машина — я напрочь забыл об этом и вспомнил только сейчас, Грейс, — и кто, как ты думаешь, остановился спросить, не нужна ли мне помощь?

Грейс потерялась носом о мою футболку.

— Не знаю. И кто же?

— Том Калперер, — сказал я.

— Да ты что! — Грейс отстранилась и посмотрела на меня. — Правда?

Теперь она казалась куда больше похожей на саму себя, и волосы у нее были взъерошены от лежания на моей груди, и глаза оживленно поблескивали в темноте. Моя рука была у нее на талии, и

мне отчаянно хотелось проскользнуть ей под футболку и пробраться вверх по ложбинке вдоль позвоночника до лопаток, чтобы она позабыла обо всем, кроме меня.

Но я не решался сделать первый шаг. Не мог понять, где мы находимся. Что ж, я всегда умел ждать.

— Да, — произнес я, вместо того чтобы поцеловать ее. — Это был Том Калперер.

Грейс снова опустила голову мне на грудь.

— Обалдеть.

«Ты — парнишка Джеффри Бека, — заметил Том Калперер. Даже в скудном вечернем свете я отметил, что его джип покрыт коркой из наледи, песка и соли — снегрязи, так всегда именовал эту смесь снега и грязи Ульрик, — и что мы с «эскортом» оказались в полукруглом озере света от его фар. — Сэм, верно? — добавил он после некоторого размышления. — Похоже, тебе нужна помощь».

Я вспомнил, что подумал тогда — какое облегчение услышать свое имя, произнесенное таким будничным тоном. Помогает забыть то, как оно прозвучало из уст Бека, когда он превращался в волка.

— Он помог мне, — произнес я вслух. — Он тогда был совсем другим человеком. Думаю, они тогда только сюда переехали.

— А Изабел с ним была? — поинтересовалась Грейс.

— Изабел не помню. — Я задумался. — Я изо всех сил пытаюсь не считать его злым человеком, Грейс. Из-за Изабел. Не знаю, какого я был бы о нем мнения, если бы не волки.

— Если бы не волки, — заметила Грейс, — ни ты, ни я вообще о нем не задумывались бы.

— Вообще-то в этой истории должен был фигурировать бекон, — признался я. — Я хотел, чтобы ты развеселилась.

Она тяжело вздохнула, как будто придавленная тяжестью всего мира. Я понимал, каково ей сейчас.

— Ничего страшного. Выключи гирлянду, — ответила она и потянулась укрыть нас одеялом. От нее исходил слабый запах волка, и я подумал, что утро она вряд ли встретит в человеческом обличье. — Я уже морально готова закончить этот день.

Гораздо менее сонный, чем до нашего разговора, я протянул руку и выдернул из розетки провод от гирлянды. Комната погрузилась в темноту, а миг спустя Грейс прошептала, что любит меня. Голос у нее был немного печальный. Я крепко обнял ее, жалея, что любить меня так непросто.

Я прошептал в ответ, что тоже люблю ее, но она уже размеренно дышала. А я так и не заснул. Я лежал и думал о Томе Калперере, о Беке и о том, что оба они были совсем не такими, какими казались на первый взгляд. Перед моими глазами снова и снова вставал Калперер с уже покрасневшим от холода носом, шагающий ко мне сквозь снежную тьму, готовый без раздумий помочь совершенно чужому мальчишке сменить колесо в ледяной вечер. А в промежутке между этими вспышками в памяти всплывали волки, сжимающие вокруг меня кольцо зимним утром, собирающиеся швырнуть мое маленькое тельце на снег и бесповоротно изменить мою жизнь.

За все это следовало благодарить Бека. Это Бек решил забрать меня. Задолго до того, как мои родители решили, что я им не нужен, он задумал забрать меня у них. Они лишь облегчили ему задачу.

Я не понимал, как умудрялся жить с этим знанием—и оно не разъело меня изнутри, не отравило все счастливые воспоминания детских лет. Не разрушило все то хорошее, что было у нас с Бекон.

Я не понимал, как один и тот же человек может быть богом и дьяволом. Как у него получается уничтожить и спасти тебя одновременно. Все, что я представлял собой, все плохое и хорошее во мне было делом его рук — разве мог я понять, любить его или ненавидеть?

Посреди ночи Грейс проснулась с широко раскрытыми глазами. Ее била дрожь. Она произнесла мое имя, как Бек тогда на обочине дороги, а потом, как Бек, оставила меня ни с чем, если не считать кучки одежды и тысячи вопросов, на которые я не знал ответа.

34

ИЗАБЕЛ

В семь утра меня поднял с постели звонок на сотовый. На экранчике отобразился номер Сэма. Обычно в это время я уже собираюсь в школу, но сейчас были выходные, а это значило, что я лежала на постели, надевая кроссовки. Я девушка тщеславная, а бег придает ногам шикарную форму.

Я открыла телефон.

— Да?

Не знаю, что я ожидала услышать.

— Так я и знал, — послышался в трубке голос Коула. — Так я и знал, что ты возьмешь трубку, если будешь думать, что это Сэм.

— О господи. Ты это серьезно?

— Серьезнее не бывает. Можно мне зайти?

Я соскочила с кровати, подошла к окну и выглянула наружу. В самом конце подъездной дорожки виднелся краешек уродливого «универсала».

— Это твой драндулет там торчит?

— Тут воняет, — сообщил Коул. — Я пригласил бы тебя выйти и поговорить со мной в машине без посторонних ушей, но воняет так, что хоть топор вешай. Не знаю уж, что это такое.

— Что тебе нужно, Коул?

— Твою кредитку. Мне нужно заказать рыболовную сеть, кое-какие железяки и пару транквилизаторов. Тех, что продают без рецепта, клянусь. Только все это нужно мне прямо сейчас.

— Ты решил пошутить?

— Я сказал Сэму, что могу поймать Бека. Хочу устроить западню из ямы, которую обнаружила Грейс, весьма кстати в нее свалившись, а в качестве приманки положить туда любимую еду Бека, которую он весьма кстати упомянул в своем дневнике в связи с историей с пожаром на кухне.

— Ты все-таки решил пошутить. Или я сейчас разговариваю с психом.

— Запах — лучшее средство пробудить воспоминания.

Я вздохнула и улеглась обратно на постель, прижимая телефон к уху.

— И как все это поможет вам избежать отстрела, который устраивает мой отец?

В трубке возникла пауза.

— Бек уже однажды переселил стаю в другое место. Я хочу расспросить его об этом.

— При помощи рыболовной сети, кое-каких железяк и транквилизаторов?

— Ну, если ничего не получится, так хоть развлекусь.

Я устремила взгляд в потолок. Давным-давно Джек забросил туда комок пластилина, и он до сих пор висел на стыке между стеной и скатом мансардного потолка.

Я вздохнула.

— Ладно, Коул, уговорил. Встретимся у боковой двери, рядом с лестницей, по которой ты поднимался в прошлый раз. Только припаркуй свою колымагу, чтобы не попала на глаза моим родителям, когда проснутся. И не шуми.

— Я никогда не шумлю, — сообщил Коул, и телефон у меня в руке смолк.

В ту же секунду дверь комнаты распахнулась.

Я повернула голову и ничуть не удивилась, увидев на пороге Коула. Он вошел в комнату и осторожно прикрыл за собой дверь. В брюках-карго и простой черной футболке он выглядел как звезда, но я уже начинала подозревать, что дело было в нем, а не в одежде. В моей комнате посреди всех этих легких струящихся покрывал и занавесок, блестящих подушек и бесчисленных зеркал он казался чужим, неуместным, но и тут, как я опять же начинала подозревать, дело было в нем, а вовсе не в окружающей его обстановке.

— Значит, сегодня ты Барби-бегунья, — прокомментировал он.

Я вспомнила, что успела натянуть шорты и беговые кроссовки. Он подошел к туалетному столику и пшикнул в воздух моими духами. Отражение Коула в зеркале помахало рукой, разгоняя белесое облачко.

— Сегодня я Барби без чувства юмора, — отрезала я.

Коул взял со столика мои четки, погладил одну из бусин большим пальцем. Жест казался привычным, хотя мне трудно было представить себе Коула Сен-Клера входящим под своды церкви без того, чтобы его не поразили громы небесные.

— Я думала, боковая дверь заперта.

— Не так уж и крепко.

И закрыла глаза. Смотреть на него было... утомительно. Стало так тягостно, как было в «Иль помодоро». Наверное, мне стоило уехать куда-нибудь, где никто бы меня не знал, и начать все заново, чтобы освободиться от всех прошлых решений, разговоров, ожиданий, связанных со мной.

Заскрипела кровать: Коул плюхнулся на нее и растянулся рядом со мной. От него пахло чистотой — кремом для бритья и морской свежестью, — и я поняла, что он, видимо, собирался с особым тщанием. Эта мысль вызвала у меня странное ощущение.

Я снова закрыла глаза.

— Как Грейс? После того, как узнала про Оливию?

— Не знаю. Ночью она превратилась в волчицу, так что пришлось запереть ее в ванной.

— Мы с Оливией не были подругами, — призналась я. Почему-то мне показалось важным, чтобы он узнал об этом. — Я ее и не знала толком.

— Я тоже. — Коул помолчал, потом произнес уже другим тоном: — Мне нравится Грейс.

Он сказал это как-то очень серьезно, и на миг мне показалось, что он произнес эту фразу с нажимом на «Грейс»; я даже растерялась, не уверенная, как это понять. Но потом он пояснил:

— Мне нравится, как она ведет себя с Сэмом. Мне кажется, я никогда не верил в любовь. Всегда считал, это одна из бородатых уловок Джеймса Бонда, которую он придумал, чтобы затащить в постель очередную красотку.

Несколько минут мы молча лежали бок о бок. За окном начали просыпаться птицы. Дом был объят тишиной: утро выдалось не настолько холодное, чтобы включились обогреватели. Не думать о Коуле, который, хоть и молча, лежал совсем рядом, было очень сложно — слишком хорошо от него пахло и слишком хорошо я помнила, как он целуется. Точно так же хорошо я помнила, как стала свидетельницей поцелуя Сэма и Грейс, а больше всего — как он прижимал ее к себе, когда они целовались. Думаю, когда целовались мы с Коулом, это выглядело не так. При мысли об этом в ушах у меня зашумело, а в груди снова стеснилось от желания и от неуверенности, что это правильно — хотеть Коула. Мне стало стыдно, я почувствовала себя грязной и одновременно счастливой, как будто я уже капитулировала.

— Коул, я устала, — призналась я. Понятия не имею, зачем я это сделала.

Он ничего не ответил. Просто лежал, такой притихший, каким я никогда его не видела.

Раздраженная его молчанием, я попыталась подавить искушение спросить его, слышал он меня или нет.

Тишина была такой глубокой, что я услышала, как его губы разомкнулись перед тем, как он наконец ответил:

— Иногда меня тянет позвонить домой.

Я уже привыкла к тому, что Коул был не в состоянии думать ни о ком другом, кроме себя, любимого, но ниже, по-моему, падать было уже некуда. Секунду назад он перечеркнул мое признание своим.

— Я представляю, — продолжал он, — как позвоню домой и скажу маме, что я не умер. Представляю, как позвоню папе и спрошу, не хочет ли он поболтать о том, что при менингите происходит в человеческом организме на клеточном уровне. Или как позвоню Джереми — он был нашим басистом — и скажу ему, что я жив, но не хочу, чтобы меня разыскивали. Как скажу родителям, что я не умер, но никогда больше не вернусь домой.

Он надолго умолк, и я решила, что он все сказал. Молчание затянулось, даже утренняя дымка уже начала рассеиваться, и в мою воздушную пастельную комнату начали проникать первые краски дня.

Потом он произнес:

— Но при одной только мысли об этом на меня накатывает усталость. Так было перед тем, когда я сбежал. Легкие будто заполнены свинцом. Я, кажется, не могу даже подумать о том, чтобы испытывать к кому-то какие-то чувства. Словно я жажду либо их смерти, либо моей собственной, поскольку мне невыносимо все, что нас связывает. Это еще до того, как я успеваю снять трубку. Усталость просто невозможная, хочется уснуть и никогда не просыпаться. Но теперь я понимаю, что это не из-за них со мной такое творится. Это все из-за меня.

Я ничего не ответила. Я думала о том озарении, которое снизошло на меня в уборной в «Иль помodoro». О желании покончить со всем, почувствовать себя свободной, избавиться от всех желаний. И о том, насколько точно Коул описал усталость, поселившуюся во мне.

— Я — часть того, что ты в себе ненавидишь, — произнес Коул. Это не был вопрос.

Разумеется, он был частью того, что я в себе ненавидела. Все вокруг было частью этого. Он лично был тут ни при чем.

Он сел на постели.

— Я пойду.

Я почувствовала тепло, исходившее от матраса в том месте, где он только что лежал.

— Коул, — спросила я, — как ты думаешь, меня можно полюбить?

Коул неподвижно смотрел перед собой, и на миг у меня промелькнула странная мысль — вот так он выглядел, когда был моложе, и так же будет выглядеть, когда станет старше. Как будто мне удалось украдкой подглядеть его будущее. Сердце защемило.

— Почему нет, — сказал он. — Только ты ведь не подпустишь никого к себе близко.

Я закрыла глаза и сглотнула.

— В моем понимании не бороться и сдаться — одно и то же.

Веки у меня были крепко зажмурены, но из левого глаза все равно выкатилась жгучая слезинка. Как же я была зла, что ей удалось сбежать. Как же я была зла.

Матрас подо мной накренился: Коул придвинулся ближе. Я скорее почувствовала, чем увидела, как он склонился ко мне. Его дыхание, теплое и размеренное, коснулось моей щеки. Второй раз. Третий. Четвертый. Не знаю, чего мне хотелось. Потом он перестал дышать, а еще через миг его губы коснулись моих.

Этот поцелуй не имел ничего общего с нашими прежними поцелуями — жадными, нетерпеливыми, отчаянными. Он не имел ничего общего вообще ни с одним поцелуем в моей жизни. Он был таким невесомым, что казался скорее воспоминанием о поцелуе, таким бережным, что походил скорее на мимолетное касание чьих-то пальцев. Мои губы дрогнули и разомкнулись; это был поцелуй-шепот, а не поцелуй-крик. Коул коснулся моей щеки, большим пальцем провел по нежной коже под челюстью. Это прикосновение не говорило: я хочу большего. Оно говорило: я хочу именно этого.

Все происходило в абсолютной тишине. По-моему, мы оба даже не дышали.

Коул медленно отстранился. Я открыла глаза. Его лицо было непроницаемым, как всегда, когда происходило что-то для него важное.

— Вот так я целовал бы тебя, если бы любил.

Он поднялся, совсем не похожий на звезду, подобрал ключи от машины — они вывалились у него из кармана. Вышел и закрыл за собой дверь, не глядя на меня.

В доме было так тихо, что я слышала, как он поднимается по лестнице, сначала медленно и нерешительно, а потом — бегом.

Я прижала ладонь к тому месту на шее, которого касались пальцы Коула, и закрыла глаза. Не хотелось ни бороться, ни сдаться. Никогда не думала о существовании еще и третьей возможности, а если бы и додумалась до этого, нипочем не догадалась бы, что она как-то связана с Коулом.

С моих губ, которые только что целовал Коул, сорвался шумный протяжный вздох. Потом я уселась на постели и достала кредитную карту.

35

СЭМ

Наутро мне не особенно хотелось идти на работу, поскольку надвигался конец света, но выдумать более-менее убедительный предлог для Кэрин не удалось, поэтому я вышел из дома и поехал в Мерси-Фоллз. Кроме того, слышать, как Грейс в теле волчицы дерет стены нижней ванной, было жутко, так что легче было уехать, хотя я и упрекал себя в малодушии. Если я не был свидетелем ее паники, это еще не значило, что она не испытывала ее в мое отсутствие.

День выдался погожий, впервые за всю неделю ничто не предвещало дождя. Небо было сказочное, ярко-голубое, каким оно бывает только в первые летние месяцы, и листва на деревьях отливала всеми оттенками зелени — от ядовитых кислотных тонов до густых, темных, практически не отличимых от черного. Вместо того чтобы, как обычно, припарковаться за магазином, я поставил машину на Мейн-стрит, достаточно далеко от центра города, потому что не хотел платить за парковку. Впрочем, в Мерси-Фоллз до центра отовсюду рукой подать. Куртку я оставил на переднем сиденье, сунул руки в карманы и зашагал в магазин.

Мерси-Фоллз городок не богатый, но достаточно своеобразный, благодаря чему центр в нем вполне преуспевающий. Его очарование вкупе с близостью к живописному Пограничному водопаду привлекает туристов, а туристы везут с собой деньги. Многочисленные модные магазинчики,

сосредоточенные в нескольких кварталах, призваны облегчить карманы гостей города от груза наличности. В основном все они принадлежат к числу тех заведений, в которые мужья не заходят, предпочитая ждать жен в машине или коротать время в магазине бытовой техники на Гривс-стрит, но я все равно на ходу поглядывал в витрины. Я старался держаться поближе к краю тротуара, подставляя лицо лучам утреннего солнца. Оно ласкало кожу, словно в утешение после всех событий этой ужасной и замечательной недели.

Я миновал магазин, торговавший одеждой и всякими безделушками, потом вдруг остановился, вернулся и застыл перед витриной. За стеклом красовался безголовый манекен в белом сарафане, совсем простеньком, на тонких лямках, со свободным поясом, из какого-то легкого материала, который, по-моему, называется «шитье». Я представил себе Грейс в этом сарафане, едва прикрывающем колени, вообразил узкие лямочки на ее плечах, треугольник обнаженной кожи под ключицами. Представил ее бедра под тонкой тканью, почти как наяву ощутил, как будет сминаться под моими ладонями материал, когда я притяну ее к себе. Это было платье для беззаботной жизни, для лета, чтобы босиком ходить по траве и по плечам рассыпались светлые волосы, выгоревшие до соломенной белизны на жгучем солнце.

Я долго стоял, глядя на этот сарафан и тоскуя по тому, что он собой символизировал. Глупо, наверное, было думать о таких вещах сейчас, когда так много стояло на кону. Три раза я порывался двинуться прочь, пойти дальше своей дорогой. И каждый раз образ Грейс — в развевающемся на ветру платье, облепившем грудь и живот, — не давал мне сдвинуться с места.

В общем, я его купил. В кошельке у меня лежало четыре двадчатки — за прошлую неделю Кэрин заплатила мне наличными, — а из магазина я вышел без трех из них, зато с сарафаном в пакетике. Я вернулся к машине, оставил его в багажнике, а потом пошел обратно в «Корявую полку», глядя себе под ноги. Меня одновременно грело и пугало то, что я купил подарок, стоивший больше, чем я зарабатываю за день. А вдруг ей не понравится? Может, лучше было бы отложить эти деньги на кольцо. Даже если она не шутила и действительно хотела выйти за меня замуж, что казалось совершенно невозможным, о кольце я пока как-то не задумывался. Я понятия не имел, сколько оно может стоить, так что, наверное, пора было начинать копить деньги. А вдруг я скажу ей о подарке, а она подумает, будто это кольцо, и разочаруется? Я внезапно почувствовал себя одновременно самым старым и самым несмышленым девятнадцатилетним существом на планете — какие кольца в моем возрасте и почему я раньше об этом не подумал? И потом, Грейс с ее практичной натурой вполне может рассердиться, что я покупаю ей подарки вместо того, чтобы как-то предотвратить охоту.

Все эти мысли крутились у меня в голове, пока я шел до книжного. Пора было открываться, но мыслями я сейчас был очень далеко отсюда, и магазин показался мне одиноким местом, затерянным во времени. Была суббота, поэтому через час после открытия появилась Кэрин. Уединившись в крохотной подсобке, она принялась подбивать счета. С Кэрин я чувствовал себя легко; приятно было знать, что она в магазине, пусть мы и не разговаривали.

Покупателей не было, я маялся от безделья, поэтому вернулся обратно в подсобку. Солнце било в окна, тянуло свои длинные руки к полкам. Я прислонился к косяку, кожей ощущая упоительно горячие лучи.

— Привет, — сказал я.

Кэрин уже успела обложиться горами счетов и книжных каталогов. Она вскинула на меня глаза и приветливо улыбнулась. Кэрин мне нравилась: она была из тех женщин, которые всегда в ладу с самими собой и окружающим миром, хоть в спортивной одежде, хоть в жемчугах. Если Кэрин и поменяла мнение обо мне после исчезновения Грейс, она никак этого не выказывала. Жаль, я не мог сказать ей, как нуждался в таком ее отношении к жизни, в этой неизменной доброжелательности.

— У тебя счастливый вид, — заметила она.

— Правда?

— Счастливее, чем раньше. Покупателей много было?

Я пожал плечами.

— Да нет, никто не приходил. Я подмел пол. И отмыл витрину от отпечатков маленьких ручек.

— Дети. И кто только их заводит? — развела руками Кэрин. Это был риторический вопрос — Если будет потеплее, народ потянется, — продолжала рассуждать она вслух. — А если выйдет сиквел Тейт Флаэрти, они вообще косяками пойдут. Может, стоит к выходу «Резни в Джуно»⁹ оформить витрину в аляскинском стиле? Как думаешь? Я поморщился.

⁹ Джуно — столица штата Аляска.

— Мне кажется, Миннесота и так только что покончила с аляскинской темой.

— Гм. Ты прав.

Я подумал о своей гитаре, о сполохах северного сияния в ночном небе, о песнях, которые необходимо было сочинить в связи с последними несколькими днями.

— Может, использовать биографии музыкантов? — предложил я. — Если придумать из этого витрину, будет очень ничего.

Кэрин ткнула в мою сторону ручкой.

— Выбирай кандидатуру. — Она опустила ручку и побарабанила кончиком по бумаге перед собой. Этот жест внезапно напомнил мне Грейс — Сэм, я знаю, что Бек... болен и тебе сейчас не до того, но ты уже определился с колледжем?

Я захлопал глазами и сложил руки на груди. Она посмотрела на них с таким видом, как будто рассчитывала прочесть в них мой ответ.

— Я... я пока не задумывался об этом, — промямлил я. Но мне не хотелось, чтобы она считала, что у меня нет стремления к развитию, поэтому я пояснил: — Я пока жду. Хочу узнать, какой колледж выберет Грейс.

И немедленно прикусил язык, запоздало сообразив, что этого говорить не следовало приблизительно по трем различным причинам. И самой главной из них было то, что Грейс официально считалась пропавшей без вести.

На лице Кэрин, однако, не отразилось ни жалости, ни замешательства. Она лишь молча посмотрела на меня задумчивым взглядом, твердо сжав губы и касаясь большим пальцем подбородка. Мне вдруг показалось, что ей откуда-то все известно про нас и она просто делает вид, будто нам с Бекком удалось ее одурачить.

«Лучше не спрашивай».

— Я просто подумала, если ты не собираешься поступать прямо сейчас, я бы попросила тебя перейти на полную ставку.

Этого я услышать не ожидал, поэтому ничего не ответил.

— Я знаю, о чем ты думаешь. О том, что это не такие уж большие деньги. Я буду платить тебе два доллара в час.

— Это для вас слишком много.

— Ты продаешь для нас уйму книг. Если ты будешь за прилавком постоянно, мне будет спокойнее. Когда ты здесь, я могу не волноваться о том, что происходит в магазине.

— Я...

Я был искренне благодарен ей за предложение. Не потому, что мне нужны были деньги. Мне нужно было доверие. Щекам стало тепло, губы против воли растянулись в улыбке.

— Ну, то есть мне немного совестно, что тебе из-за меня придется на год отстрочить поступление в колледж, — продолжала Кэрин, — но если ты все равно собираешься ждать...

Дверь, звякнув, открылась. Надо было идти в зал. Я обрадовался этой возможности. Не потому, что разговор был мне неприятен или неудобен. Наоборот. Нужно было переварить все это, справиться с нахлынувшими эмоциями, чтобы ни выражение лица, ни голос не подвели меня, когда я отвечу. Я боялся показаться неблагодарным.

— Можно мне подумать?

— Я очень бы удивилась, если бы ты не стал раздумывать, — усмехнулась Кэрин. — Ты слегка предсказуем, Сэм.

Я широко ухмыльнулся и вышел в зал. Вот почему, когда увидел перед собой полицейского, я все еще улыбался.

Моя улыбка померкла. На самом деле какое-то мгновение она еще играла на моих губах, растянутых в стороны, хотя чувств, которые ее вызвали, уже не было. Полицейский мог явиться за чем угодно. Он мог прийти, чтобы поговорить с Кэрин. Или задать какой-нибудь незначительный вопрос.

Но я был уверен, что он здесь не за этим.

Я узнал Уильяма Кенига. Кениг был молод, элегантен и очень хорошо осведомлен. Мне хотелось думать, что наши предыдущие встречи склонят чашу весов в мою пользу, но по его лицу я прочел все, что хотел знать. У него было чересчур непроницаемое выражение, как у человека, которого заставили пожалеть о его доброте.

— А тебя не так-то просто отыскать, Сэм, — заметил Кениг, когда я медленно приблизился к нему. Мои руки бесполезными придатками висели по бокам.

— Правда? — Я весь ошетинился, готовясь к защите, хотя тон у него был шуточный. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня отыскивали. И вообще чтобы мною чрезмерно интересовались.

— Я говорил, что тебя нужно искать здесь, — продолжал Кениг.

Я кивнул.

— Вполне справедливое предположение.

Мне казалось, нужно спросить у него что-то вроде: «Чем могу вам помочь?», но на самом деле я не хотел этого знать. Больше всего сейчас мне хотелось остаться в одиночестве и переварить все произошедшее со мной за последние трое суток.

— Вообще-то у нас есть к тебе пара вопросов, — сообщил Кениг.

Входная дверь снова звякнула, и в магазин вошла женщина. В руках у нее была гигантская фиолетовая сумка, на которую я не мог не таращиться.

— Где у вас книги из серии «Помоги себе сам»? — спросила она.

Стоявшего передо мной полицейского она словно и не заметила. Может, люди только и делают, что беседуют с полицейскими? Вообразить это было сложно.

Если бы не Кениг, я начал бы рассказывать ей, что абсолютно любую книгу можно отнести к этой категории, и попросил уточнить, что именно она хочет найти. И она ушла бы из магазина с четырьмя книгами вместо одной; обычно мне это удавалось. А теперь я просто ткнул пальцем:

— Вон там. У вас за спиной.

— Давай-ка проедем в отделение, — сказал Кениг. — Ради твоего же блага.

Ради моего блага. Скверно.

— Сэм? — окликнул меня Кениг. Я понял, что до сих пор таращусь на фиолетовую сумку, хозяйка которой неторопливо прогуливалась по магазину. Ей кто-то позвонил, и она громко говорила в трубку.

— Ладно, — отозвался я. — То есть у меня нет выбора?

— Выбор у тебя есть, — возразил Кениг. — Но лучше все-таки не доводить дело до ордера.

Я кивнул. Слова. Нужно было что-то сказать. Что говорят в таких случаях? Я подумал о Кэрин, которая сидела в подсобке в полной уверенности, что в торговом зале все в полном порядке, раз там сейчас я.

— Мне нужно предупредить хозяйку, что я ухожу. Можно?

— Разумеется.

Я вернулся в подсобку, спиной чувствуя его присутствие.

— Кэрин, — сказал я, прислонившись к косяку. Произнести это небрежным тоном мне не удалось, но я хотя бы попытался. Обычно я не обращался к ней по имени, и сейчас оно прозвучало как-то фальшиво. — Простите. Мне нужно ненадолго отлучиться. Офицер Кениг... они там хотят задать мне пару вопросов.

На какие-то секунды выражение ее лица оставалось неизменным, потом оно вдруг все как-то посуровело.

— Что-то они хотят? Они сейчас здесь?

Она выбралась из-за стола, и я отодвинулся, чтобы она могла выйти на порог и убедиться, что Кениг стоит в проходе между стеллажами и разглядывает одного из бумажных журавликов, которых я прицепил к перилам балкона.

— Что происходит? — осведомилась она отрывистым деловитым тоном, который пускала в ход, когда приходилось иметь дело со скандальным покупателем. Таким образом она давала собеседнику понять, что шутить не намерена, и демонстрировала полную беспристрастность. Мы называли это «включить деловую Кэрин». Этот тон превращал ее в совершенно иного человека.

— Мэм, — извиняющимся тоном произнес Кениг; это была естественная реакция на деловую Кэрин. — У одного из наших следователей есть кое-какие вопросы к Сэму. Он попросил меня привезти его, чтобы побеседовать с глазу на глаз.

— Побеседовать, — повторила Кэрин. — Беседа будет из тех, которые лучше вести в присутствии адвоката?

— Это целиком и полностью зависит от Сэма. Но в настоящее время его ни в чем не обвиняют.

«В настоящее время».

Мы с Кэрин оба это услышали. «В настоящее время» значило «пока что». Она взглянула на меня.

— Сэм, позвонить Джеффри?

Должно быть, лицо меня выдавало, потому что она сама ответила на свой вопрос.

— С ним сейчас не связаться?

— Все будет в порядке, — пообещал я ей.

— Мне кажется, это похоже на притеснение, — сказала Кэрин Кенигу. — Он — легкая мишень, потому что не такой, как все. Если бы Джеффри Бек был сейчас в городе, думаете, мы бы с вами тут сейчас разговаривали?

— При всем моем уважении, мэм, — заметил Кениг, — если бы Джеффри Бек был в городе, мы бы, скорее всего, допрашивали его.

Кэрин поджала губы. Вид у нее был расстроенный. Кениг вышел из прохода между стеллажами и указал мне на дверь. Теперь я увидел, что перед магазином стоит полицейская машина, припаркованная вторым рядом.

Я был безмерно благодарен Кэрин за то, что вступилась за меня. Что ей была небезразлична моя судьба

— Сэм, звони мне, — сказала она. — Если тебе что-нибудь понадобится. Если будет не по себе. Хочешь, я поеду с тобой?

— Все будет в порядке, — повторил я.

— Все будет в порядке, — заверил ее Кениг. — Мы никого не пытаемся загнать в угол.

— Простите, что так вышло, — сказал я Кэрин. Обычно по субботам она забегала на несколько часов с утра, а потом оставляла магазин на попечение того, чья в тот день была смена. А теперь я испортил ей весь день.

— Ох, Сэм. Ты не сделал ничего плохого. — Кэрин подошла ко мне и крепко обняла за плечи. От нее пахло гиацинтами. — Надеюсь, дело того стоит, — сказала она Кенигу, выключив деловую Кэрин, потому что в ее голосе прозвучали обвинительные нотки. Кениг повел меня по проходу к двери. Я всей кожей чувствовал, что женщина с большой фиолетовой сумкой провожает меня взглядом, не отрывая от уха телефон. Звук в динамике был настроен достаточно громко, чтобы мы оба услышали, как женщина на том конце провода воскликнула:

— Его что, арестовали?

— Сэм, — бросил мне Кениг на ходу. — Просто расскажи правду.

Он не представлял, о чем просил.

36

КОУЛ

Выйдя из дома Калпереров, я поехал куда глаза глядят. У меня была старая «БМВ» Ульрика, кое-какие деньги, и не было никого, кто отговорил бы меня ехать.

По радио передавали записи группы, которая как-то раз работала у нас на разогреве. Живьем они так лажали, что по сравнению с ними я чувствовал себя просто виртуозом, а в то время добиться этого было не так-то просто. Надо было поблагодарить их, раз на их фоне мы смотрелись выигрышно. Солиста звали не то Марк, не то Майк, не то Мак, не то Абель или как-то в этом роде. После концерта он подошел ко мне, в стельку пьяный, и признался, что я оказал на него самое большое влияние. Я заметил сходство.

Теперь, миллион лет спустя, диджей сообщил, что эта песня — единственный хит группы. Я гнал машину дальше. Телефон Сэма, лежащий в кармане, и не думал даже звонить, но в кои-то веки мне было на это плевать. Меня не покидало чувство, как будто я оставил Изабел сообщение, которое не требовало ответного звонка. Я сказал ей все, что хотел, и этого было достаточно.

Окна были опущены, я выставил руку наружу, навстречу ветру. Ладонь стала влажной от тумана. По обеим сторонам двухполосной дороги тянулся миннесотский пейзаж: чахлые сосны, беспорядочные валуны, плоские домишки и озера, проблескивавшие там и сям между деревьями. Мне подумалось, что обитатели Мерси-Фоллз решили строить уродливые дома, стараясь уравновесить величие природы. Чтобы не случилось взрыва или еще чего-нибудь подобного от переизбытка живописности.

Из головы не шло признание, которое я сделал Изабел. Про то, как сложно для меня позвонить родным. Это была почти правда. Мысль о звонке родителям казалась невозможной и непереносимой. Если представить их и меня в виде кругов диаграммы Венна, у нас с ними не было ни единой точки пересечения.

А вот Джереми позвонить можно было бы. Джереми, прирожденному басисту и йогу. Интересно, как он поживает без нас с Виктором? Мне хотелось думать, что он взял свои деньги и отправился путешествовать по Индии или еще в какие-нибудь экзотические края. В Джереми было одно неоспоримое достоинство — он, как и Виктор, понимал меня лучше всех прочих. Вот чем была «Наркотика» на самом деле — способом понять Коула Сен-Клера. Виктор и Джереми потратили много лет жизни, помогая мне донести до сотен тысяч зрителей всю боль моего существования.

Они часто это делали и вполне могли обойтись без меня. Мне вспомнилось одно интервью, на котором они справились с этой задачей так хорошо, что мне вообще не пришлось отвечать ни на один вопрос. Интервью проходило в нашем гостиничном номере. Оно было назначено на утро, поскольку днем у нас был самолет. Виктор был похмельный и злой. Джереми за крошечным стеклянным столиком ел мюсли. В номере был узенький балкончик с видом в никуда, я открыл дверь и лежал на бетонной плите. До этого я качал пресс, положив ноги на нижнюю перекладину ограждения, но сейчас просто смотрел на расчерченное белесыми выхлопами самолетов небо. Интервьюер сидел по-турецки на незаправленной постели. Он был молодой, ретивый, с ежиком торчащих волос на голове. Звали его Ян.

— Так кто пишет большую часть ваших песен? — попытался Ян. — Или это совместное творчество?

— О, это совместное творчество, — отозвался Джереми, небрежно растягивая слова. Южный акцент он подцепил в то же время, когда приобщился к буддизму. — Коул пишет стихи, а я иду ему за кофе, потом Коул пишет музыку, а Виктор идет ему за бубликами.

— Значит, большую часть песен все-таки пишешь ты, Коул? — Ян возвысил голос, чтобы мне на балконе было лучше слышно. — Откуда ты черпаешь вдохновение?

Если смотреть вверх, со своего места я мог видеть либо кирпичные стены домов на той стороне улицы, либо квадратный лоскут бесцветного неба над головой. Когда лежишь на спине, все города выглядят одинаково.

Джереми отшвырнул остатки завтрака; крошки с шорохом разлетелись по столу.

— Он не будет отвечать на этот вопрос, — отозвался со своей кровати Виктор таким тоном, как будто у него был ПМС.

Ян был неподдельно озадачен; можно подумать, до меня ему никто не отказывал.

— Почему?

— Просто не будет, и все. Он терпеть не может этот вопрос, — сказал Виктор. Ноги у него были босые, он пощелкал костяшками пальцев. — Это дурацкий вопрос, чувак. Из жизни, откуда еще? В ней мы все черпаем вдохновение.

Я нацарапал что-то у себя в блокнотике. Он был левшой и держал ручку как-то неловко, как игрушечный Кен, которому неправильно приставили руку. Надеюсь, он сделал себе пометку никогда больше не задавать этот вопрос.

— Ладно. Гм. Ваш альбом «Или-или» только что вошел в горячую десятку журнала «Биллборд». Что вы думаете по поводу такого невероятного успеха?

— Я собираюсь купить своей матери «БМВ», — заявил Виктор. — Нет, лучше сразу Баварию. Это ведь там делают «БМВ»?

— Успех — дело случая, — изрек Джереми.

— Следующий альбом будет еще лучше, — объявил я.

Раньше я не говорил этого вслух, а теперь сказал, так что это была правда.

И снова Ян нацарапал что-то в своем блокнотике. Следующий вопрос он задал по бумажке.

— Э-э... это значит, что вы вытеснили из десятки альбом «Хьюман партс министри», который продержался там более сорока недель. Прошу прощения, сорок одну. Клянусь, в окончательном варианте интервью никаких опечаток не будет. Джоуи, их солист, сказал, что, по его мнению, «Взгляд вверх-вниз» продержался в топе так долго, потому что многие люди идентифицировали себя с ее словами. Как мы считаете, слушатели идентифицируют себя со словами «Или-или»?

«Или-или» была про Коула, которого я слышал па мониторах на сцене, и Коула, который ночами напролет мерил шагами гостиничные коридоры. Вот что представляла собой «Или-или»: знание, что меня окружают взрослые, живущие каждый своей жизнью, какую я и не мог для себя представить. Это был неумолчный гул внутри меня, который требовал каких-то поступков, хотя я не находил ничего, что стоило бы делать или имело бы какое-то значение. Душевный зуд — словно муха, снова и снова бьющаяся в оконное стекло. Тщетность взросления, пьеса для фортепиано, сыгранная впервые. Первый раз, когда я повел Энджи на свидание и она вырядилась в кардиган, в котором стала похожа на свою

мать. Это были дороги, ведущие в тупик, и карьеры, оканчивающиеся местом в офисе и песнями, которые рвались наружу по ночам в спортивных залах. Это было осознание того, что такое настоящая жизнь, в которой мне нет места.

— Нет, — сказал я. — Думаю, все дело в музыке.

Джереми прикончил свои мюсли. Виктор хрустнул костяшками. Я смотрел на самолет размером с муравья, который нес куда-то по небу людей размером с микробов.

— Я читал, что в детстве ты пел в церковном хоре, Коул, — порывшись в своих записях, произнес Ян. — Ты до сих пор исповедуешь католичество? А ты, Виктор? Что ты, Джереми, не католик, я знаю.

— Я верю в Бога, — заявил Виктор.

Получилось у него не слишком убедительно.

— А ты, Коул? — не унимался Ян.

Я смотрел в пустое небо, дожидаясь очередного самолета. Альтернативой было разглядывание голых стен домов. «Или-или».

— Вот что мне известно о Коуле, — с расстановкой произнес Джереми, как будто вещал с трибуны. — Религия Коула — добиваться невозможного. Он не верит в существование чего-то невозможного. Он не верит в «нет». Коул только того и ждет, чтобы кто-нибудь сообщил ему о невыполнимых задачах, и тут же кидается выполнять их. Что угодно. Суть не важна, главное, чтобы побольше трудностей. Я расскажу вам об истоках этого явления. В начале был океан и пустота, и Господь сотворил из океана мир, а из пустоты — Коула.

Виктор рассмеялся.

— Я думал, ты буддист, — заметил Ян.

— Временами, — сказал Коул.

Добиваться невозможного.

Сосны по обеим сторонам дороги были такие высоченные, что казалось, будто я несусь по туннелю, ведущему к центру Земли. Мерси-Фоллз затерялся где-то далеко позади.

Мне снова было шестнадцать, и дорога лежала передо мной, полная бесчисленных возможностей. Я чувствовал себя очистившимся, пустым, прощенным. Я мог ехать до скончания века, куда угодно. Мог стать кем захочу. Но я слышал зов Пограничного леса, и впервые за долгое время мне не казалось, что быть Коулом Сен-Клером — тяжкий крест. У меня появилась задача, цель, и цель эта была как раз невыполнимой: найти средство исцеления.

Я был к ней так близок.

Дорога мелькала под колесами, уходя вдаль, рука заледенела на ветру. Впервые за долгое время я ощущал себя полным сил. Лес заполнил пустоту, которая была мной, бездну, которую, как я считал, невозможно заполнить, унял тоску, которую невозможно утолить, и лишил меня всего — а я и не знал прежде, что хотел бы сохранить все это.

В конечном итоге я был Коулом Сен-Клером, прорезавшимся из новой кожи. Мир лежал у моих ног, и день простирался во все стороны на мили вперед.

Я вытащил из кармана телефон Сэма и набрал номер Джереми.

— Джереми, — сказал я.

— Коул Сен-Клер, — отозвался тот медленно и небрежно, как будто ничуть не удивился. На том конце провода повисла пауза. А поскольку он знал меня, ему не пришлось дожидаться, когда я произнесу это сам. — Ты ведь больше не вернешься?

Допрашивали меня на кухне.

Отделение полиции в Мерси-Фоллз оказалось маленьким и явно не приспособленным для проведения допросов. Кениг провел меня мимо зала, битком набитого диспетчерами — все они умолкли на полуслове и вытаращились на нас, — и двух кабинетов, заставленных столами, за которыми, уткнувшись в компьютеры, сидели люди в форме, в крошечную комнатку с раковиной, холодильником

и двумя торговыми автоматами. Было время обеда, и в воздухе стояла убийственная смесь запахов разогретой в микроволновке мексиканской еды и рвоты. Жарко было как в парилке.

Кениг указал мне на светлый деревянный стул перед складным столиком, а сам принялся убирать со столешницы какие-то салфетки, тарелку с недоеденным лимонным пирожным и банку газировки. Отправив все это в мусорку, он вышел за дверь и встал спиной ко мне. Со своего места я видел лишь его коротко стриженный затылок. Волоски на шее у него росли в нечеловечески идеальном порядке. Пониже линии роста волос темнел шрам от ожога, уходящий за воротник форменной рубашки. Мне вдруг подумалось: ведь за этим шрамом тоже стоит какая-то история — возможно, не столь драматическая, как связанная с моими запястьями, но все же история, — и мысль о том, что у каждого есть такая история, стоящая за отметиной на теле или в душе, вдруг придавила меня к земле усталой тяжестью всех этих нерассказанных прошлых.

Кениг негромко переговаривался с кем-то в коридоре. До меня долетали только обрывки слов.

— Сэмюэль Рот... нет... ордер... тело?.. Что он найдет.

В желудке мгновенно всколыхнулась волна дурноты, подхлестнутая жарой. Раз за разом она вздымалась и опадала снова, и меня вдруг охватило ужасное предчувствие, что, несмотря на жару, вернее именно из-за нее, я сейчас превращусь в волка прямо здесь, в этой тесной клетушке, из которой нет выхода.

Я положил голову на руки; от стола пахло старой едой, но он охлаждал кожу. Живот крутило, и впервые за несколько месяцев я почувствовал себя в своем обличье крайне неудобно.

«Пожалуйста, только не превращайся. Только не превращайся», — стучало в голове в такт дыханию.

— Сэмюэль Рот?

Я вскинул голову. На пороге стоял полицейский с одутловатым лицом и чудовищными мешками под глазами. От него разило табаком. В этой комнате все было как нарочно рассчитано, чтобы стать пыткой для моего волчьего чутья.

— Моя фамилия Хейфорт. Не возражаешь, если Кениг будет присутствовать при нашем разговоре?

Я опасался, что голос подведет меня, поэтому лишь молча кивнул в ответ, не отрывая рук от стола. В груди было пусто и гулко.

Хейфорт выдвинул стул и уселся напротив меня — выдвигать пришлось довольно далеко, чтобы уместилось его внушительное брюшко. При себе у него были блокнот и папка с какими-то бумагами; он положил их на стол перед собой. На пороге вырос Кениг со скрещенными на груди руками. В моих глазах он был куда больше похож на полицейского, очень официальный и подтянутый, и тем не менее в его присутствии мне стало спокойнее. Слишком уж очевидную радость перспектива моего допроса вызывала у пузатого детектива.

— Мы сейчас зададим тебе парочку вопросов, — произнес он, — а ты ответишь как можно точнее, идет?

Его жизнерадостный голос совершенно не вязался с выражением лица. Я кивнул.

— Где сейчас находится твой папа, Сэм? Джеффри Бека давно уже никто не видел, — спросил Хейфорт.

— Он болен, — ответил я.

Во второй раз эта ложь далась мне легче.

— Очень жаль, — сказал Хейфорт. — И чем же?

— Рак. — Я уставился взглядом в стол и пробормотал: — Он сейчас проходит лечение в Миннеаполисе.

Хейфорт сделал пометку у себя в блокноте. Лучше бы он этого не делал.

— Адрес клиники знаешь?

Я пожал плечами, стараясь, чтобы этот жест был проникнут печалью.

— Я потом помогу выяснить, — подал голос Кениг.

Хейфорт и это записал.

— По какому поводу меня допрашивают?

Я подозревал, что все это на самом деле связано не с Беком, а с Грейс, а мне не очень-то улыбалось угодить под арест по делу об исчезновении человека, которого я этой ночью держал в своих объятиях.

— Ну, раз уж ты спросил... — Хейфорт вытащил из-под блокнота папку, достал оттуда фотографию и положил ее передо мной.

Это был сделанный крупным планом снимок ступни. Девичьей ступни, тонкой и удлиненной. Кроме ступни там была и голая нога, присыпанная палой листвой. Между пальцами запеклась кровь.

Я перестал дышать.

Хейфорт положил поверх первой фотографии еще одну.

Я поморщился и отвернулся, испытывая облегчение и ужас одновременно.

— Ты можешь что-нибудь об этом рассказать?

Это была пересвеченная фотография обнаженной девушки, бледной, как снег, и худой, как щепка, распростертой на земле. Вместо лица и шеи у нее было кровавое месиво. Я знал ее. Когда мы виделись в прошлый раз, она была загорелая и улыбалась. И дышала.

«Ох, Оливия. Как мне жаль».

— Зачем вы мне это показываете?

Смотреть на снимок было невыносимо. Оливия не заслуживала гибели от волчьих зубов. Никто не заслуживал такой гибели.

— Мы надеялись, ты нам расскажешь. — Хейфорт принялся выкладывать передо мной все новые и новые фотографии, на каждой из которых тело было снято в другом ракурсе. Я взмолился про себя, чтобы он перестал. — Поскольку ее нашли в нескольких ярдах от границы земельного участка Джеффри Бека. Голую. После довольно продолжительного отсутствия.

Обнаженное плечо в запекшейся крови. Бледная кожа, испачканная землей. Ладонь, распахнутая навстречу небу. Я зажмурился, но картинка перед глазами никуда не исчезла. Она буравила мозг, проникала в каждую клетку тела, готовясь стать содержанием моих ночных кошмаров.

— Я никого не убивал, — выдавил я. Слова казались фальшивыми, как будто я произнес их на незнакомом языке с такой неверной интонацией, что все вместе они потеряли всякий смысл.

— О, это работа волков, — сказал Хейфорт. — Они ее растерзали. Но я не думаю, что раздели ее тоже они.

Я открыл глаза, но на фотографии смотреть не стал. На стене висела пробковая доска с кнопками, к которой было прикреплено объявление: «Убедительная просьба мыть после себя микроволновку. Администрация».

— Клянусь, я не имею к этому никакого отношения. Я не знал, где она. Это не я. — Но внутри у меня разрасталась свинцовая уверенность, что я знаю, кто это сделал. — Зачем мне могло понадобиться это делать? — добавил я.

— Честно говоря, сынок, я понятия об этом не имею, — сказал Хейфорт. Не знаю, с чего вдруг он назвал меня сынком, потому что весь его тон совершенно не вязался с таким обращением. — Это сделал какой-то ненормальный ублюдок, и понять, какие мысли крутились при этом в его башке, мне сложно. Я знаю одно: за прошлый год исчезли две молодые девушки, и с обеими ты был знаком. Одну из них ты видел последним. Твой приемный отец нот уже несколько месяцев нигде не объявлялся, и ты, по-видимому, единственный, кому известно его местонахождение. Теперь неподалеку от твоего местожительства появляется труп девушки, голой и до крайности истощенной. Похоже, она стала жертвой полного психа. А сейчас передо мной сидит парень, которого пытались убить собственные родители. Говорят, это будь здоров как влияет на психику. Скажешь что-нибудь по этому поводу?

Все это было произнесено неторопливо и добродушно. Кениг внимательно рассматривал гравюру с кораблем, который не имел никакого отношения к абсолютно сухопутной Миннесоте.

Когда Хейфорт начал говорить, в груди у меня зажглась крошечная искорка гнева, и с каждым мгновением эта искорка разгоралась все больше и больше. Мне столько пришлось пережить, а он сводит это все к одному предложению! Я вскинул голову и перехватил взгляд Хейфорта. Его зрачки слегка сузились, и я понял, что его, как и всех остальных, пугают мои желтые глаза. Внезапно меня охватило леденящее спокойствие, и в своем голосе я уловил интонации Бека.

— А в чем вопрос-то? Я думал, вы хотели услышать, где я находился какое-то время, или каковы мои отношения с отцом, или клятву, что ради Грейс я сделал бы невозможное. Но по-моему, вам очень хочется, чтобы я бросился защищать свое душевное здоровье. Я не знаю, какие преступления я, по вашему мнению, совершил. Вы обвиняете меня в похищении девушек? В убийстве моего отца? В том, что я развлекаюсь, расписывая трупы? Или просто считаете меня психом?

— Эй, эй, — вскинул руку Хейфорт. — Я ни в чем вас не обвиняю, мистер Рот. Умерьте ваш юношеский пыл, вас никто и ни в чем не обвиняет.

Мне не было стыдно, что я сказал ему неправду в начале допроса, ведь он без зазрения совести пытался обмануть меня сейчас. Не обвиняет он, как же.

— Что вы хотите от меня услышать? — Я сгреб все фотографии мертвой девушки — Оливии — и придвинул их к нему. — Это ужасно. Но я тут совершенно ни при чем.

Хейфорт оставил фотографии лежать на месте и, развернувшись на стуле, многозначительно посмотрел на Кенига, но тот никак не отреагировал. Тогда он повернулся обратно ко мне. Под тяжестью его тела стул закрипел и защелкал. Хейфорт потер отекавший глаз.

— Я хочу знать, где находятся Джеффри Бек и Грейс Брисбен, Сэмюель. Я слишком давно занимаюсь этим ремеслом, чтобы верить в совпадения. И знаешь, какой общий фактор во всех этих случаях? Ты!

Я ничего не сказал. Никакой я не общий фактор.

— Ну что, расскажешь все по-хорошему или мне придется действовать по-плохому?

— Мне нечего вам рассказывать, — отрезал я. Хейфорт долго смотрел на меня, как будто дожидался, когда я чем-нибудь себя выдам.

— Думаю, твой отец оказал тебе медвежьей услугу, когда научил всем этим адвокатским штучкам, — произнес он наконец. — Это все, что ты хочешь мне сказать?

Я хотел сказать очень многое, но только не ему. Если бы на его месте был Кениг, я сказал бы ему, что-то не хотел такой судьбы для Грейс. Что скучаю по Беку. Что он был мне не приемным отцом, а просто отцом. Что я не знал ничего про Оливию, а просто пытался удержаться на плаву. Мне хотелось, чтобы они оставили меня в покое, и ничего более. Я смогу сам со всем справиться.

— Да, — произнес я вслух.

Хейфорт недовольно посмотрел на меня. Не знаю, поверил он мне или нет.

— Думаю, на сегодня мы закончили, — после долгого молчания сказал он. — Уильям, позаботишься о нем, ладно?

Кениг отрывисто кивнул, и Хейфорт поднялся. Когда он скрылся в коридоре, дышать сразу стало легче.

— Я отвезу тебя обратно к машине. — Кениг скупым жестом сделал мне знак подниматься.

Я встал и с каким-то удивлением обнаружил, что пол под моими ногами не разверзся. Зато колени у меня подгибались.

Я двинулся по коридору следом за Кенигом, но тут у него зазвонил телефон и он остановился.

— Постой, — сказал он, вытащив телефон и взглянув на экранчик. — Я должен ответить. Уильям Кениг, слушаю. Хорошо, сэр. Погодите. Что случилось на этот раз?

Я сунул руки в карманы. Голова у меня кружилась, я был как пьяный от этого допроса, от голода, от фотографий Оливии. Из диспетчерской слева доносился зычный голос Хейфорта. Диспетчеры засмеялись над какой-то его остротой. У меня не укладывалось в голове, как он способен так переключаться: только что пылал праведным гневом из-за убитой девушки, а секунду спустя как ни в чем не бывало балагурит с коллегами.

Кениг по телефону пытался убедить кого-то, что если жена забрала его машину, то это не воровство, ведь хотя они и разъехались давным-давно, машина все равно считается совместно нажитым имуществом.

— Привет, Том, — донеслось до меня.

В Мерси-Фоллз проживали, наверное, десятки Томов. Но я мгновенно понял, что это за Том. Узнал по запаху одеколона и мурашкам, которые забегали по коже.

В диспетчерской было окошко, выходившее в коридор с противоположной стороны от нас, и я увидел Тома Калперера. Он позвякивал ключами в кармане куртки — «фермерской» куртки, которые еще называют «грубыми» и «классическими», стоят они по четыреста долларов, и носят их обычно люди, которые ферму хорошо если видели из окна своего лендровера». У него было серое, осунувшееся лицо человека, не спавшего ночь, но голос звучал ровно и спокойно. Адвокатский голос.

Я попытался решить, что лучше: рискнуть нос к носу столкнуться с Калперером или выносить тошнотворную вонь на кухне. Меня подмывало сбежать.

— Том! — воскликнул Хейфорт. — Здорово, чертяка. Постой, дай я тебя впущу. — Он выскочил из диспетчерской, прошел по искривленному коридору туда, где стоял Калперер, и открыл ему дверь. Он хлопнул Калперера по плечу. Разумеется, они были знакомы.

— Ты здесь по работе или какие-то проблемы?

— Зашел посмотреть отчет коронера, — отозвался Калперер. — Что сказал парнишка Джеффри Бека?

Хейфорт отступил в сторону, чтобы Калперер мог увидеть меня.

— Легко на помине, — заметил Калперер.

Вежливо было бы поздороваться. Я промолчал.

— Как твой старик? — поинтересовался Калперер. Ирония так и сочилась из его вопроса, не только потому, что ему совершенно точно было на это глубоко плевать, но и потому, что словечко «старик» было совершенно не из его лексикона и в этом чувствовался явный сарказм. — Я удивлен, что он сейчас не с тобой.

— Он был бы здесь, если бы мог, — ответил я холодно.

— Я говорил с Льюисом Брисбеном, — сообщил Калперер. — Предложил ему свои услуги в качестве адвоката.

Мне не хотелось даже думать о масштабе последствий, если Том Калперер выступит адвокатом и поверенным Брисбенов. В любом случае теплые отношения с ними в ближайшем будущем мне не светили. Да и вообще какие бы то ни было отношения.

— Ты как, совсем умом тронулся? — с изумлением в голосе спросил Том Калперер, и я спохватился, что слишком долго молчу, не заботясь о выражении своего лица, поглощенный собственными переживаниями. Он покачал головой, не столько издевательски, сколько поражаясь странности недотеп вроде меня. — Послушайся доброго совета, проси, чтобы тебя признали невменяемым. Боже, храни Америку. Бек всегда любил чокнутых.

Хейфорт, к его чести, попытался не улыбнуться. Кениг захлопнул телефон. Глаза у него сузились.

— Господа, — объявил он, — я намерен отвезти мистера Рота обратно к его машине, если он вам больше не нужен.

Хейфорт покачал головой, медленно и внушительно.

Калперер повернулся ко мне, не вынимая рук из карманов. В его голосе не было злости. Разумеется, с чего ему злиться — у него на руках все козыри.

— Когда в следующий раз увидишь своего отца, — сказал он, — передай ему, что через четырнадцать дней никого из его драгоценных волков не останется. Надо было давным-давно это сделать. Не знаю, в какие игры вы все играете, но с ними покончено.

Во взгляде, которым он проводил меня, не было мстительности. Лишь боль раны, которую слишком часто бередят и она не успевает затянуться. Мне ли было судить его? Он не знал правды. Не мог знать. Он считал, что они самые обычные животные, а мы беспечные соседи, эксцентричные любители волков, не задумывающиеся о безопасности окружающих.

Но видел я и то, что он не остановится, пока не истребит всех нас.

Кениг взял меня за локоть и через плечо оглянулся на Калперера.

— По-моему, вы путаете отца с сыном, мистер Калперер.

— Возможно, — согласился тот. — Впрочем, вы ведь знаете пословицу про яблочко и яблоньку.

Народная мудрость подтверждалась.

— Нам пора, — отрезал Кениг.

38

ГРЭЙС

Сэм задерживался.

Я не стала бы тревожиться.

Без него я не находила себе места в доме Бека и мучилась от своей бесполезности; когда я была волчицей, меня, по крайней мере, так не терзала бесцельность собственного существования. Я никогда прежде не сознавала, какую значительную часть моего времени занимали домашние задания, стряпня, наши безумные затеи с Рейчел, и снова совместное приготовление домашних заданий с Оливией, походы в библиотеку и починка разболтавшейся доски на крыльце, потому что у папы никогда не доходили до нее руки. Чтение было наградой за работу, а без работы я никак не могла уговорить себя сесть за книгу, хотя в подвале у Бека нашлась бы литература на любой вкус.

Прежде я думала только о том, чтобы закончить школу с хорошими отметками и получить право выбирать любой колледж. А потом, когда встретила Сэма, к этому списку прибавилось еще сохранение его человеческого облика.

Теперь все это утратило актуальность.

Образовалось слишком много свободного времени, и оно потеряло всю свою привлекательность.

Та кое со мной случалось, когда не нужно было ходить в школу. Мама сказала как-то, что, когда у меня нет занятий, мне нужно принимать успокоительное.

Тогда я подумала, что она перегнула палку, но теперь поняла: ее слова не были лишены основания. Я перестирала все шесть одежек, которые были у меня здесь, перемыла скопившуюся в раковине посуду и в конце концов позвонила Изабел — единственному человеку, с которым могла сейчас обмыться. Я чувствовала, что если не поговорю сию минуту с кем-нибудь, то начну плакать из-за Оливии, а от этого никому лучше не будет.

— Скажи мне, почему не стоит сообщать Рейчел, что я жива, — сказала я, едва Изабел взяла трубку.

— Потому, что она сойдет с ума от радости, потом у нее случится нервный срыв, она устроит сцену, обо всем узнают ее родители, а она не сможет сказать им неправду и в конце концов об этом узнают все, — скороговоркой перечислила Изабел. — Еще вопросы будут? Нельзя.

— У Рейчел есть голова на плечах.

— Она узнала, что ее подругу загрызли волки. Какая голова на плечах?

Я ничего не ответила. Не сойти с ума можно было, только думая о гибели Оливии как о чем-то абстрактном. Если я начинала размышлять о том, как это случилось, какой мучительной должна была быть ее смерть и какой незаслуженной она была... если начинала представлять, как сама лежала бы па снегу и волки рвали меня на части, не окажись среди них Сэм и не останови он их... В голове моей не укладывалось, как Изабел смогла произнести это вслух. Я не повесила трубку только потому, что понимала — стоит сделать это, и я окажусь один на один с картинами гибели Оливии, снова и снова всплывающими в сознании.

— По крайней мере, так было со мной, когда умер Джек, — добавила Изабел. — Я не стала бы говорить про голову на плечах.

Я сглотнула.

— Грейс, не принимай это так близко к сердцу. Это факт. Чем скорее ты смиришься с фактами, тем лучше для тебя. А теперь выбрось это из головы. Почему тебе непременно нужно сообщить о себе Рейчел?

Я моргала, пока не рассеялась влажная пелена перед глазами. Слава богу, Коул сейчас меня не видел. Он считал меня железной леди, и мне не хотелось его разубеждать. Только Сэму я могла позволить увидеть меня такой раздавленной, ведь Сэм чувствовал то же, что и я.

— Потому, что она моя подруга и я не хочу, чтобы она думала, будто я умерла, — сказала я Изабел. — И потому, что мне хочется с ней поговорить! Она вовсе не такая безмозглая, какой ты ее считаешь.

— Как сентиментально, — произнесла Изабел. Без всякой подколки. — Ты просила меня сказать, почему это плохая идея, я и сказала. И своего мнения не изменю.

Я вздохнула. Вздох получился дрожащий и куда более печальный, чем я рассчитывала.

— Прекрасно, — отчеканила Изабел, как будто я на нее наорала. — Валяй, звони ей. Только не надо потом обвинять меня, если она не вынесет правды. — Она рассмеялась, словно над какой-то шуткой, которая была понятна только одной ей, потом продолжила: — Я бы на твоём месте не стала рассказывать ей про жизнь в лесу, сообщила бы только, что жива. Ну, то есть, конечно, если ты ко мне прислушаешься. — Я всегда к тебе прислушиваюсь. Кроме тех случаев, когда не прислушиваюсь.

— Узнаю Грейс. Так-то лучше. Я уж начала думать, что ты совсем раскисла.

Я улыбнулась про себя, потому что это, пожалуй, были самые искренние слова, которые мне доводилось слышать от Изабел. Внезапно в голову мне пришла одна идея.

— Можешь еще кое-что для меня сделать? — спросила я Изабел.

— Ну, начинается.

— Другого способа выяснить это я не знаю. Я даже не очень уверена, что это вообще возможно выяснить, не возбудив подозрений. Если кому-то и под силу, то только тебе.

— Продолжай, Грейс, продолжай. Люблю комплименты.

— А еще у тебя красивые волосы, — сказала я, и она рассмеялась своим жестким смехом. — Я хочу узнать, дадут ли мне аттестат, если я пойду в летнюю школу.

— Разве для этого не нужно быть человеком? Впрочем, там в этом году такие болваны, что их и за людей-то считать не хочется.

— Я пойду туда, — твердо сказала я. — Я уже довольно давно не превращалась. Думаю, должно получиться. Как только меня перестанут считать пропавшей без вести.

— Знаешь, что тебе понадобится? — спросила Изабел. — Хороший адвокат.

Я уже задумывалась об этом. Не знаю, что закон штата Миннесота говорил о беглых несовершеннолетних гражданах, к которым, полагала, теперь отношусь и я. Получить такое клеймо на всю жизнь казалось ужасно несправедливым, но все-таки не смертельным.

— Я как раз знаю одну девочку, у которой отец именно этим и занимается.

Вот теперь Изабел рассмеялась по-настоящему.

— Я все разужнаю, — пообещала она. — Только ты можешь беспокоиться о том, чтобы закончить школу в свободное от превращений в дикого зверя время. Вот уж правду говорят, как волка ни корми, он все равно в лес смотрит. Хм... забавный каламбур получается.

— Рада, что смогла тебя позабавить, — притворившись оскорбленной в лучших чувствах, произнесла я.

— А уж я-то как рада, — снова рассмеялась Изабел.

39

СЭМ

На сей раз Кениг сделал мне знак садиться на переднее сиденье полицейской машины. На солнце она превратилась в настоящую душегубку, и Кениг врубил кондиционер на полную мощность. Струя воздуха была такой холодной, что в лицо то и дело били крохотные капельки влаги. Волк, дремавший внутри меня, даже не шелохнулся. В салоне пахло хвойным очистителем.

Кениг выключил радио. Это была станция, передававшая рок 70-х годов прошлого века.

Я думал о том, что Калперер готовится отстреливать мою семью с вертолета.

Тишину время от времени нарушало потрескивание рации в нагрудном кармане у Кенига. В животе у меня громко заурчало, и Кениг, перегнувшись через меня, потянул крышку «бардачка». Внутри обнаружилась упаковка крекеров и два шоколадных батончика.

Я взял крекеры.

— Спасибо, — сказал я.

Они были предложены таким образом, что я не испытал никакой неловкости.

— Я знаю, что Хейфорт ошибается, — произнес Кениг, не глядя на меня. — Я знаю, какой между всеми этими вещами общий фактор, и это не ты.

Я понял, что он не свернул к книжному. Мы удалялись от Мерси-Фоллз, а не приближались к нему.

— И что же это? — спросил я. Меня охватило какое-то предчувствие. Он мог сказать «Бек», или «Пограничный лес», или еще что-нибудь. Впрочем, едва ли.

— Волки, — произнес Кениг.

У меня перехватило дыхание. Сквозь потрескивание помех в рации пробился голос диспетчера.

— Семнадцатый, прием!

Кениг нажал кнопку на корпусе рации и наклонил голову к плечу.

— Я везу пассажира. Выйду на связь, когда освобожусь.

— До связи, — отозвалась диспетчер.

Он немного подождал, а потом произнес, все так же не глядя на меня:

— А теперь расскажи мне правду, Сэм, потому что времени ходить вокруг да около больше нет. Расскажи мне то, о чем ты не стал говорить Хейфорту. Где Джеффри Бек?

Громкий шорох шин перекрывал даже гул кондиционера. Мы были где-то далеко от Мерси-Фоллз. Мимо летели деревья, и мне вспомнился день, когда я ехал забрать Грейс из магазина «Охота и рыбалка». Казалось, это было миллион лет назад.

Я категорически не мог ему доверять. Он абсолютно не был готов к правде, а даже если бы и был, заповедью номер один в стае было никому о нас не рассказывать. В особенности офицеру полиции, который только что присутствовал при том, как меня обвиняли в похищении и убийстве людей.

— Я не знаю, — пробормотал я еле слышно.

Кениг сжал губы и покачал головой.

— Я присутствовал при первой охоте на волков, Сэм. Это было противозаконно, и я сожалею об этом. Гибель Джека Калперера всколыхнула весь город. Тогда их гнали через лес к озеру. В ту ночь я видел волка и никогда в жизни этого не забуду. На сей раз они собираются выгнать волков из леса и перестрелять их всех до единого с воздуха. Я своими глазами видел все документы. А теперь я снова задам тебе этот вопрос, и ты скажешь мне правду, потому что, кроме меня, волкам и тебе никто не поможет. Только не надо юлить, Сэм. Где Джеффри Бек?

Я зажмурился.

Перед глазами у меня стояло мертвое тело Оливии. И лицо Тома Калперера.

— Он в Пограничном лесу.

Кениг с шумом выдохнул.

— И Грейс Брисбен тоже, — произнес он. — Я не ошибся?

Я продолжал сидеть с закрытыми глазами.

— И ты, — продолжал Кениг. — Ты тоже там был. Скажи мне, что я спятил. Скажи, что я ошибаюсь. Скажи, что, когда в ту ночь я видел волка с глазами Джеффри Бека, мне все это почудилось.

Вот теперь я открыл глаза. Мне нужно было видеть выражение, с которым он произнес эти слова. Он смотрел прямо перед собой, и брови у него были нахмурены. Он выглядел совсем мальчишкой, и даже полицейская форма казалась не такой грозной.

— Вы не ошиблись, — произнес я.

— И никакого рака у него тоже нет.

Я покачал головой. Кениг не повернул головы, но еле заметно кивнул, словно каким-то своим мыслям.

— А следов Грейс Брисбен нет, потому что она не исчезла, а...

Кениг запнулся. Он не мог заставить себя произнести эти слова вслух.

Я поймал себя на том, что для меня все зависит от этого мгновения. От того, закончит он предложение или нет. От того, докопался он до правды, как когда-то Изабел, отгородился от нее, искадил, пытаюсь втиснуть в рамки какой-нибудь религии, или подменил чем-то другим, вписывающимся в менее странную картину мира, как поступили мои родители.

Я не сводил с него глаз.

— А превратилась в волчицу. — Взгляд Кенига был устремлен на дорогу, но руки теребили обивку руля. — Мы не можем найти ни ее, ни Бека, потому что они превратились в волков.

— Да.

Кениг покачал головой.

— В детстве отец рассказывал мне истории про волков. Он утверждал, что в колледже у него был друг оборотень, а мы смеялись над ним. С ним никогда нельзя было сказать наверняка, рассказывает ли он байку или говорит правду.

— Это правда.

Наша тайна облаком висела в воздухе между нами. Сердце у меня колотилось. Я прокручивал в памяти все наши с Кенигом разговоры и пытался понять, изменилось ли мое отношение к нему. Не изменилось.

— Почему тогда — у меня в голове не укладывается, что я это спрашиваю, но все-таки, — почему они не превращаются в людей, если всей стае грозит гибель?

— Мы не можем превращаться по собственному желанию. Это зависит от температуры. Зимой волки, летом люди. С каждым годом мы проводим и человеческом обличье все меньше и меньше времени, пока в конце концов не превращаемся в волков навсегда. В волчьем обличье мы не помним себя людьми, — Я нахмурился. Каждый день, проведенный с Коулом, делал последнее утверждение все менее правдивым. Странно было чувствовать, как что-то, так долго бывшее для тебя незыблемым, начинает понемногу изменяться. Все равно как если бы сила притяжения перестала действовать по понедельникам. — Разумеется, это крайне упрощенное объяснение. Но по сути все обстоит именно так.

Слышать выражение «крайне упрощенное объяснение» из собственных уст тоже было странно; просто Кениг сам выражался очень официально.

— Значит, Грейс...

— Не объявляется потому, что при такой погоде ее состояние пока нестабильно. Как она объяснит все родителям?

Кениг задумался.

— Вы рождаетесь такими?

— Нет, все происходит как в старых добрых фильмах ужасов. Методом укуса.

— А Оливия?

— Ее укусили в прошлом году.

Кениг негромко фыркнул.

— Уму непостижимо. Я ведь знал. Я раз за разом натыкался на подтверждения этого факта, но не мог поверить. А когда Грейс Брисбен исчезла из больницы, оставив в палате только окровавленную ночную рубашку... врачи сказали, она умирала и не смогла бы покинуть больницу без посторонней помощи.

— Ей нужно было превратиться в волчицу, — сказал я негромко.

— Все в отделе обвиняли тебя. Попытались найти способ тебя распять. И Том Калперер в первых рядах. Хейфорт и все остальные прямо из кожи вон лезли, чтобы ему угодить. — В его голосе прорезалась горечь, и я вдруг увидел его в совершенно ином свете. Без формы, дома, с банкой пива, с собакой или перед телевизором. Обычным человеком, а не безликим существом в форме, каким я всегда его считал. — Они были бы очень рады повесить на тебя всех собак.

— Это не может не радовать, — отозвался я. — Потому что я могу лишь до посинения твердить им, что ничего не совершал. Пока Грейс не будет достаточно стабильна, чтобы появиться снова. А Оливия...

Кениг помолчал.

— Почему они ее убили?

Мне все время мерещилась Шелби, из головы не шел ее взгляд, устремленный на меня сквозь кухонное окно, отчаяние и гнев, которые я в нем различил.

— Думаю, никаких «их» там не было. За всем этим стоит одна волчица. Она раньше уже нападала на Грейс. И на Джека Калперера тоже она напала. Никто другой не стал бы убивать девушку. Летом уж точно. Летом другой еды полно.

Я должен был попытаться очень осторожно задвинуть воспоминания об истерзанном теле Оливии куда-нибудь в глубь сознания.

Минуту-другую мы ехали молча.

— Значит, ситуация следующая, — произнес Кениг, и я восхитился, что он даже сейчас выражался как полицейский. — У них есть разрешение на отстрел всей стаи. Четырнадцать дней — это не очень много. Ты утверждаешь, что часть из них вряд ли сможет превратиться в людей до этого срока, а часть не способна превращаться в людей совсем. Выходит, речь идет о массовом убийстве.

Ну наконец-то. Слышать подобное определение плана Калперера было отрадно и жутко одновременно.

— Вариантов у нас не так много. Можно объявить об истинной природе волков, но...

— Мне кажется, это не очень удачная идея, — поспешно произнес я.

— И я как раз собирался сказать, что это не кажется мне разумным. Оповестить жителей Мерси-Фоллз о том, что в окрестностях обитает стая волков, переносящих неизлечимое инфекционное заболевание, когда мы только узнали о гибели девушки...

— Это добром не кончится, — договорил за него я.

— Другой вариант — попытаться поднять на защиту волчьей стаи «зеленых», не упоминая при этом, что это не обычные волки. В Айдахо такое не сработало, да и сроки, думаю, слишком короткие, но...

— Мы думали переселить их, — сказал я. Кениг замер.

— Продолжай.

Я замешкался, подбирая слова. Кениг говорил так четко и логично, и меня опять охватило чувство, что я должен разговаривать так же.

— Куда-нибудь подальше от людей. Но с другой стороны... этим мы можем еще больше усугубить ситуацию, если не будем знать, как к этому отнесутся люди. И я не представляю, как поведет

себя стоя на новом месте, если не будет границ. Я не понимаю, надо ли попытаться продать дом Бека и купить землю, или еще что-то. У нас не хватит денег выкупить всю территорию. У волков огромный ареал обитания. Так что всегда есть вероятность осложнений.

Кениг побарабанил пальцами по рулю, сощурился. Повисло долгое молчание. Я был этому рад. Я нуждался в этом. Последствия моей откровенности казались предсказуемыми.

— Мне кое-что пришло в голову, я только еще не до конца это продумал, — сказал наконец Кениг. — У меня есть земля, в нескольких часах езды к северу от Пограничного водопада. Она принадлежала моему отцу. Я ее унаследовал.

— Я... не надо...

— Это полуостров, — перебил меня Кениг. — Довольно большой. Раньше там была база отдыха, но она давно закрыта из-за старых семейных дрызг. Территория огорожена. Изгородь там не самая лучшая, между деревьями просто натянута рабица, но ее можно укрепить.

Он посмотрел на меня, а я на него, и я понял, что у нас обоих появилась одна и та же мысль: возможно, это выход.

— Я не уверен, что полуостров, даже большой, сможет прокормить целую стаю. Придется их подкармливать, — сказал я.

— Ну так подкармливай, — отозвался Кениг.

— А туристы?

— Там рядом отработанные карьеры, — сказал Кениг. — Добывающая компания не работает с семьдесят шестого года, но землю они оставили за собой. Поэтому с базой ничего и не вышло.

Я прикусил губу. Поверить в надежду было трудно.

— Все равно остается проблема, как их туда переправить.

— Нужно тайком, — посоветовал Кениг. — Том Калперер не согласится, что переселение — подходящая альтернатива истреблению.

— И без промедления, — добавил я.

Но я не мог не думать о том, как давно и безуспешно Коул пытается поймать хотя бы одного волка, сколько всего времени уйдет, чтобы переловить всех двадцать с лишком волков, и каким образом мы переправим их всех на расстояние в несколько часов езды.

Кениг молчал.

— Возможно, идея не такая уж и хорошая, — произнес он наконец. — Но ты можешь считать это запасным планом.

Запасным планом. План предполагал возможность осуществления каких-то действий, а я вовсе не был уверен в их возможности. Но что еще нам оставалось?

40

ГРЕЙС

Бесконечный день наконец завершился, когда Сэм вернулся домой с пиццей и неуверенной улыбкой. За едой он пересказал мне все, о чем они говорили с Кенигом. Мы сидели по-турецки на полу в его комнате, включив настольную лампу и рождественскую гирлянду и поставив посередине между нами коробку с пиццей. Настольная лампа стояла рядом с наклонной стеной, плавно переходившей в скат крыши, и стена так преломляла свет, что комната казалась теплой и похожей на пещеру. Сэм включил магнитола у кровати, и негромкий хрипловатый голос что-то пел под аккомпанемент фортепиано.

Сэм принялся пересказывать мне все события этого дня, каждый раз проводя пальцами по полу туда-сюда, как будто хотел убрать с дороги предыдущий пункт, прежде чем приступить к следующему. Все шло наперекосяк, я была в полной растерянности, но не могла не думать о том, как мне нравится смотреть на него в этом тусклом желтом свете. Он был уже не тем нежным мальчиком, каким я его встретила, но его угловатое лицо, быстрые жесты, манера в задумчивости закусывать нижнюю губу — до чего же я все это любила.

Сэм спросил меня, что я думаю.

— О чем?

— Обо всем. Что будем делать?

Его вера в мою способность разложить все по полочкам просто поражала. Столько всего навалилось сразу: Кениг, раскрывший тайну волков, переселение, ставшее возможным, мысль о том, чтобы доверить наши судьбы человеку, который был едва нам знаком. Разве есть уверенность, что он сохранит нашу тайну?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужен еще кусок пиццы, — отозвалась я. — Коул будет есть?

— Он сказал, что решил поголодать, — ответил Сэм. — Я не стал спрашивать зачем. Вид у него был вполне довольный.

Я стащила сырную корочку; Сэм забрал остальное. Я вздохнула. Мысль о том, чтобы покинуть Пограничный лес, пугала.

— Думаю, не обязательно перебираться туда насовсем. На полуостров, я имею в виду. Может, потом мы придумаем что-нибудь получше, когда утихнет вся эта шумиха с отстрелом.

— Для начала нужно всех отловить.

Он закрыл коробку и принялся водить пальцем по логотипу на крышке.

— А Кениг не обещал помочь тебе разобраться с обвинением? Ну, в похищении меня? Он явно в курсе, что меня никто не похищал и не убивал, — сказала я. — Может, у него есть какие-нибудь мысли, как тебя оправдать?

Я не знаю. Он ничего не говорил. Я постаралась скрыть раздражение; на самом деле я злилась не на него.

— А тебе не кажется, что это важно?

— Наверное, я об этом догадываюсь. Но у волков есть всего две недели. О моем добром имени можно будет позаботиться и потом. Не думаю, что полицейские что-то на меня накопают, — сказал Сэм.

Впрочем, на меня он не смотрел.

— Я думала, тебя больше не подозревают. — Я нахмурилась. — Кениг же в курсе.

— Кениг в курсе. Но остальные-то нет. Не может же он сказать им, что я не виноват.

— Сэм!

Он пожал плечами, избегая моего взгляда.

— Сейчас я ничего не могу с этим сделать.

Мне больно было думать о том, как его допрашивали в полицейском участке. При мысли о том, что мои родители могли посчитать его способным причинить мне зло, становилось еще хуже. А уж мысль о том, что он может предстать перед судом за убийство, попросту не укладывалась в голову.

Внезапно меня посетила идея.

— Нужно связаться с моими родителями. — Мне вспомнился наш сегодняшний разговор с Изабел. — Или с Рейчел. Или еще с кем-нибудь. Нужно дать кому-то знать, что я жива. Нет мертвой Грейс — нет убийства.

— И твои родители все поймут и простят, — кивнул Сэм.

— Я не знаю, что они будут делать, Сэм! Но не собираюсь сидеть сложа руки и смотреть, как ты... как тебя сажают в тюрьму! — Я смяла салфетку и в сердцах швырнула в коробку. Мы и так уже чуть не потеряли друг друга, не хватало только, чтобы теперь еще оказались разлучены по милости чьих-то дурацких измышлений, а не непреодолимых обстоятельств. Да еще и Сэм сидел с виноватым видом, как будто считал себя в самом деле ответственным за мою предполагаемую гибель. — Может, у меня и ужасные родители, но это еще ужасней. Сэм посмотрел на меня.

— Ты им доверяешь?

— Сэм, ну не убьют же они меня, в конце-то концов! — рявкнула я.

И осеклась, прижав к щекам ладони.

В лице Сэма ничего не изменилось. Только салфетка, которую он очень аккуратно рвал на части, застыла в руках.

Теперь я спрятала в ладонях все лицо целиком. Я не могла заставить себя взглянуть на него.

— Прости, Сэм, — выдохнула я. — Прости, пожалуйста.

Перед глазами у меня стояло его застывшее лицо, остановившийся волчий взгляд.

Скрипнула половица — он поднялся. Я отвела руки от лица.

— Пожалуйста, не уходи, — прошептала я. — Прости меня, пожалуйста.

— Я купил тебе подарок, — сказал Сэм. — Он остался в машине. Я схожу за ним.

Он потрепал меня по макушке и бесшумно вышел, закрыв за собой дверь.

Когда он вернулся с платьем, я все еще чувствовала себя последней свиньей. Пока я вытаскивала подарок, Сэм сидел передо мной на коленях, точно кающийся грешник, и напряженно вглядывался в мое лицо. Сначала я почему-то решила, что в пакете откровенное белье, и когда обнаружила там миленький сарафанчик, почему-то испытала облегчение и разочарование одновременно. В последнее время я сама с трудом разбираюсь в своих эмоциях.

Я разгладила легкий материал рукой, глядя на тонкие ляточки. Это был наряд для жаркого беззаботного лета, до которого было еще очень далеко. Я вскинула глаза на Сэма и увидела, что он кусает губы, наблюдая за моей реакцией.

— Ты такой милый, — сказала я, чувствуя себя недостойной дрянью. — Ты не обязан был ничего мне покупать. Мне приятно думать, что ты думаешь обо мне, когда мы не вместе. — Я погладила его по щеке. Он повернул голову и поцеловал мою ладонь; от прикосновения его губ внутри у меня что-то сжалось. — Я пойду примерю? — севшим голосом спросила я.

В ванной я несколько долгих минут соображала, как оно надевается, хотя в этом не было ничего сложного. Я не привыкла носить платья и теперь казалась себе просто голой. Я забралась на край ванной, чтобы посмотреть в зеркало, и попыталась представить, что побудило Сэма взглянуть на это платье и сказать себе: «Надо взять его для Грейс». Он подумал, что оно мне понравится? Или решил, что оно выглядит сексуально? Или хотел сделать мне подарок и купил первое попавшееся на глаза? Я и сама не понимала, какая мне разница, попросил ли он у продавщицы что-нибудь такое, что понравится его девушке, или увидел на вешалке и представил, как оно будет выглядеть на мне.

Собственное отражение в зеркале показалось мне похожим на студентку, уверенную в себе и симпатичную. Хорошо знающую, как лучше себя подать. Я разгладила юбку; ткань липла к ногам и щекотала их. Тонкий материал обрисовывал очертания груди. Внезапно мне показалось чрезвычайно важным скорее вернуться в комнату и показаться Сэму. Чтобы он посмотрел на меня и прикоснулся ко мне.

Но когда я вернулась и переступила порог, меня охватила внезапная робость. Сэм сидел на полу с закрытыми глазами, прислонившись спиной к кровати, и слушал музыку. Казалось, мысли его бродили где-то далеко, но едва я прикрыла за собой дверь, как он открыл глаза. Я скорчила рожицу, спрятала руки за спину.

— Ну, что скажешь?

Он поднялся на ноги.

— Ого.

— Я только не смогла сама справиться с завязками на спине.

Сэм перевел дыхание и приблизился ко мне. Сердце у меня отчего-то отчаянно колотилось. Он взялся за концы завязок и завел их за спину, но вместо того, чтобы завязать, вдруг отпустил. Его руки скользнули по моей спине вверх. Сквозь тонкую ткань я чувствовала исходящий от его ладоней жар, как будто между ними и моей кожей ничего не было. Он уткнулся мне в шею. Я слышала, как он дышит, размеренно, напряженно.

— Ну как, тебе нравится? — прошептала я.

В следующий миг мы уже целовались — как не целовались давным-давно, как будто это было депо жизни и смерти. На мгновение я пожалела о том, что ела пиццу, но потом сообразила, что Сэм тоже ее ел. Его руки скользнули к моим бедрам, сминая легкую ткань, стирая все мои сомнения. Одного этого, одних его горячих ладоней, обжигающих мои бедра сквозь платье, оказалось достаточно, чтобы внутри все скрутилось в узел, тугой до боли. У меня вырвался вздох.

— Я могу перестать, если ты не готова, — сказал он.

— Нет, — ответила я — Не останавливайся.

Перебравшись на кровать, мы продолжили целоваться. Его прикосновения были бережными и осторожными, как в первый раз, как будто он не мог вспомнить, какую форму я имела прежде, и заново восстанавливал ее в памяти на ощупь. Он гладил мои лопатки под легкой тканью. Проводил ладонью по плечам. Его пальцы повторяли очертания моей груди под платьем.

Я закрыла глаза. У нас было немало забот, требовавших внимания, но сейчас я могла думать лишь о моих бедрах и о пальцах Сэма, ласкающих их под юбкой, взбивающих воздушную ткань вокруг моих ног, точно летние облака. Когда я открыла глаза, вокруг взметнулись сотни теней. Каждая из них была Сэмом или мной; не разберешь, кто есть кто.

КОУЛ

Новый состав получился натуральной отравой.

Уже за полночь я вышел на улицу. За порогом было черным-черно, но я прислушался, желая убедиться, что в темноте никто не скрывается. Живот сводило от голода; ощущение было мучительным, но в чем-то и радующим. Весомое доказательство того, что я делаю дело. Голодание до предела обострило все чувства, я ощущал себя натянутой до дрожи пружиной. В этом был этакий мазохистский кайф. Блокнот с записями я положил на крыльцо, чтобы Сэм знал, куда я ушел, если мне не доведется вернуться. Лес наполнился шорохами. Он не спал, даже когда спали все остальные.

Я приставил иглу к запястью с внутренней стороны и закрыл глаза.

Сердце уже трепыхалось, как кролик, попавший в силос.

Жидкость в шприце была бесцветной, как слюна, и прозрачной, как ложь. Очутившись в моих венах, она обернулась бритвами и песком, огнем и ртутью. Кто-то как будто полосовал ножом каждый позвонок в моем хребте. Ровно двадцать три секунды я гадал, неужели на этот раз все-таки допрыгался, еще одиннадцать секунд до меня доходило, что, возможно, все-таки нет. Следующие три секунды я жалел, что не остался в постели. Итого оставалось еще две секунды на то, чтобы выругаться про себя.

Я выскочил из своего человеческого тела, сбросив кожу так стремительно, что почувствовал, как она слетает с костей. Сердце взорвалось и разлетелось на куски. В вышине водили хороводы и сходились в одну точку звезды. Я пытался ухватиться за крыльцо, за стену, за землю — за что угодно, лишь бы оно было неподвижным. Блокнот слетел со ступеньки, я кувырком покатился следом за ним, а в следующий миг уже бежал куда-то.

Нашел. Я нашел состав, при помощи которого собирался вернуть Бека обратно.

Даже в волчьем обличье я исцелялся: суставы срастались обратно, кожа вдоль хребта затягивалась, клетки обновлялись с каждым моим размашистым скачком. Я представлял собой невероятный механизм. Волчье тело, в котором я был заключен, поддерживало во мне жизнь, но в то же время крало человеческие мысли.

«Ты — Коул Сен-Клер».

Кому-то из нас необходимо было сохранить способность мыслить по-человечески, если мы хотели переселить стаю. Необходимо было по меньшей мере оставить достаточно памяти, чтобы собрать волков в одно место, согнать в кучу. Должен был найтись способ заставить волчий мозг помнить простую задачу.

«Коул Сен-Клер».

Я пытался удержать в мозгу эту мысль. Я хотел ее удержать. Что толку добиться превращения, подчинить себе волка всего на несколько мгновений, если не выходит насладиться своим торжеством?

«Коул».

Я слышал все, что мог мне сказать этот лес. Ветер свистел в ушах. Лапы уверенно несли меня сквозь валежник и колючие заросли, когти клацали по выступающим острым камням. Земля пошла под уклон, образуя ров, и я одним скачком перемахнул через него. Не успев приземлиться, я понял, что не один. Еще полдюжины волков взмыли в воздух вместе со мной, серые тени в ночной темноте. Запах рассказал мне все о каждом, куда более надежный признак, чем имя. Моя стая. Окруженный сородичами, я чувствовал себя защищенным, уверенным, неуязвимым. Под ухом игриво щелкали челюсти, мелькали образы, передаваемые от одного к другому: ров, превращающийся в овраг; поле, изобилующее кроликами; небо, черное и бескрайнее, раскинувшееся над головой.

Лицо Сэма Рота.

Я заколебался.

Образы мелькали туда-сюда; теперь, когда основная часть стаи убежала вперед, улавливать их стало труднее. Мысли становились тем более бессвязными, чем сильнее я пытался удержать в сознании концепцию лица и имени.

«Сэм Рот».

Я перешел на шаг. Образ и слова крутились в голове, пока не утратили всякую связь друг с другом. Один из волков повернул обратно и ткнул меня мордой, я огрызнулся, но понял, что не хочу драться. Другой волк лизнул меня в морду, подтверждая главенство, о котором я и так уже начинал

догадываться. Через миг я снова огрызнулся на него, чтобы не шумел. Я бесшумно вернулся обратно по собственным следам, опустив морду к земле и наострив уши. Я и сам не до конца понимал, что ищу.

«Сэм Рот».

Медленно и настороженно я пробирался сквозь ночной лес, пытаюсь отыскать объяснение образу человеческого лица, который подкинули мне извне.

Шерсть на загривке вдруг почему-то встала дыбом.

В следующее мгновение на меня обрушилась неожиданная тяжесть.

Белая волчица сомкнула зубы на моем загривке, пока я пытался восстановить равновесие. Она застала меня врасплох, но хватка у нее была не слишком крепкая, так что я, зарычав, стряхнул ее. Мы принялись кружить на полусогнутых лапах. Она наострила уши, прислушиваясь к моим движениям: в темноте я был неразличим. Для меня же ее белая шкура была как зияющая рана. Всем своим видом она демонстрировала агрессию, и запаха страха я не улавливал. Впрочем, она была не очень крупной. Она отступит, а если и нет, борьба не будет долгой.

Я ее недооценил.

Когда она набросилась во второй раз, то обхватила лапами мой загривок, как будто хотела обнять, и вцепилась зубами в уязвимое место под челюстью. Я позволил ей повалить меня на спину и наподдал под брюхо задними лапами. Это ослабило ее хватку всего лишь на миг. Она действовала стремительно, четко и бесстрашно. Следующей ее целью было мое ухо, и я сперва почувствовал, как меня обдало жаром, а лишь потом понял, что потекла кровь. Я вырвался из ее зубов, в клочья раздирая шкуру. Мы бросились друг на друга. Вцепившись ей в горло, я принялся трепать ее, изо всех сил стискивая челюсти. Она ускользнула из моего захвата, как вода.

Теперь она вцепилась мне в висок, зубы проскребли по кости. Она оказалась более хваткой, и это перевесило все остальное.

Острая боль пронзила глаз.

В отчаянии я отступил, пытаюсь освободиться от нее, пока она не разодрала мне морду и не лишила глаза. Я не думал о гордости. Заскулив, я прижал уши, демонстрируя повиновение, но ее это не интересовало. Она издала рык, пробуравивший мне череп. Мой глаз грозил лопнуть от этой вибрации, если она не проткнула его раньше.

Ее зубы были уже совсем близко. Поджилки у меня тряслись. Я готовился к боли.

Внезапно она взвизгнула и выпустила меня. Я попятился, затряс головой. Половина морды у меня была в крови, глаз готов был вылезти из орбиты от боли. Белая волчица покорно припала к земле перед крупным серым волком. Чуть позади возвышался черный волк; уши у него стояли торчком. Это вернулась стая.

Серый обернулся ко мне, и я увидел, как уши белой, прижатые в знак повиновения, мгновенно встали торчком. Стоило ему отвернуться от нее, как она вся обратилась в непокорство. Всем своим видом она, казалось, говорила: «Я сдаюсь, но только пока ты смотришь». Ее немигающий взгляд был устремлен на меня. Это была угроза, теперь я понимал это. Она давала мне понять, что мое место в стае ниже ее собственного, а если я с этим не согласен, то в один прекрасный день мне придется снова с ней драться. Только тогда рядом может не оказаться стаи.

Я не готов был отступать.

Я ответил ей таким же взглядом.

Серый сделал несколько шагов в мою сторону, на ходу передавая мне образы моей разорванной морды. Потом аккуратно обнюхал мое ухо. Он был насторожен: от меня все меньше и меньше пахло волком и все больше и больше — тем, кем я становился, когда не был волком. Мое непостижимое тело спешило исцелить раны и вернуть человеческий облик. Чтобы удержать меня в теле волка, было недостаточно холодно.

Белая пристально смотрела на меня.

Времени почти не оставалось. В сознании снова все начинало плыть.

Серый позади меня зарычал, и я вздрогнул, но потом понял, что этот рык адресован белой. Он отступил в сторону, все еще рыча. Теперь рычал и черный волк. Белая попятилась назад. Шаг, другой. Волки расступались вокруг меня.

Все мое тело пронзила дрожь, отозвавшаяся острой болью под глазом. Я превращался в человека. Серый волк — Бек — зарычал на белую волчицу, тесня ее прочь.

Они спасали меня.

Белая волчица встретилась со мной взглядом в последний раз. В этой стычке.

ИЗАБЕЛ

Все выходные я прождала звонка Грейс и приглашения в дом Бека и лишь в понедельник наконец сообразила: она, скорее всего, ждет, когда я, по своему обыкновению, заявлюсь без приглашения. К этому времени как раз прибыла посылка с опасными игрушками для Коула, и я решила, что могу завезти ее и заодно повидаться с Грейс. Тогда это не будет выглядеть, как будто я приехала специально, чтобы увидеть Коула. Я всегда знала, что для меня хорошо, даже если это мне не нравилось.

Дверь открыл Коул, без рубашки и слегка вспотевший. Вид у него был такой, как будто он пытался производить раскопки голыми руками. Под левым глазом темнел синяк. На лице сияла улыбка, широкая и добродушная. Выглядело это восхитительно, несмотря на то что он явно забыл с утра причесаться, а из одежды на нем были только спортивные брюки. Все-таки присутствовало в Коуле что-то бесспорно театральное, даже в самых обыденных декорациях.

— Доброе утро, — поздоровался он и сощурился на солнце. — Да тут прямо настоящая Миннесота вокруг. А я и не подозревал.

День был изумительный, один из тех погожих весенних деньков, которые в Миннесоте запросто могли выдаться в промежутке как между неделями лютой стужи, так и посреди летней жары. В воздухе пахло самшитом, который там и сям произрастал вокруг дома.

— Утро давно закончилось, — сообщила я. — Твое барахло в машине. Ты не сказал, какое тебе нужно седативное средство, поэтому я купила самое убойное, что удалось найти.

Коул потер грудь грязной пятерней и вытянул шею, как будто ожидал увидеть с крыльца, что я привезла.

— До чего же хорошо ты меня знаешь. Заходи. Я только что сварил прорву кофе. Ночка у меня выдалась — не приведи господи.

В гостиной грохотала музыка; трудно было поверить, что Грейс находится где-то рядом.

— Я еще подумаю, зайти или нет, — заявила я. Коул галантно рассмеялся, как будто я решила покапризничать, и босиком пошел через лужайку к моему джипу.

— На заднем сиденье или на переднем?

— На самом дальнем.

Коробка была не такая уж и большая, я вполне могла бы и сама ее принести, но предпочла смотреть, как ее тащит Коул.

— Пойдем в мою мастерскую, милашка, — сказал Коул.

Я пошла за ним в дом. Внутри было прохладнее, чем на улице, и пахло паленым. Музыка гремела так, что дрожали стены; мне пришлось перекрикивать ее, чтобы Коул услышал.

— А где Сэм с Грейс?

— Ринго укатил куда-то на своей машине несколько часов тому назад. Грейс, видимо, с ним. Я не знаю, куда они поехали.

— И ты даже не спросил?

— Мы с ним вообще-то не женаты, — сообщил Коул и с усмешкой добавил: — Пока что.

Он ногой закрыл за собой дверь, поскольку обе руки были заняты коробкой, и распорядился:

— На кухню.

Под рев музыки я двинулась на кухню. Там паленым пахло еще сильнее. Выглядела кухня как после стихийного бедствия. Все горизонтальные поверхности были завалены стаканами, маркерами, шприцами, книгами. Надорванный пакет с сахаром скособочился, демонстрируя содержимое. Шкафчики были увешаны фотографиями волков Мерси-Фоллз в их человеческом обличье. Я очень старалась ни к чему не прикасаться.

— Что сгорело? — осведомилась я.

— Мой мозг. — Коул пристроил коробку на последний свободный пяточок по соседству с микроволновкой. — Прости за разгром. У нас сегодня на обед амитриптилин¹⁰.

¹⁰ Амитриптилин — сильнодействующий антидепрессант с выраженным седативным эффектом.

— А Сэм в курсе, что ты устроил у него на кухне нарколабораторию?

— Высочайшее соизволение Сэма Рота получено, да. Выпьешь кофе перед тем, как идти со мной ставить капкан?

Под подошвами моих сапог скрипел сахар.

— По-моему, я не говорила, что куда-то с тобой иду.

Коул внимательно осмотрел кружку изнутри, потом налил в нее кофе и поставил передо мной.

— Я читаю между строк. Сахар? Молоко?

— Ты что, под кайфом? Почему ты никогда не носишь рубашку?

— Я сплю голышом, — сообщил Коул и бухнул мне в кофе и сахар, и молоко. — Потом постепенно одеваюсь. Зря ты не зашла час назад.

Я бросила на него испепеляющий взгляд.

— Сообщаю также, что не под кайфом, — как ни в чем не бывало продолжал он. — Твой вопрос оскорбил меня до глубины души.

Оскорбленным он не выглядел.

Я сделала глоток кофе. Не так уж и противно.

— И над чем же ты на самом деле тут химичишь?

— Над чем-то, что не угрбило бы Бека. — Он каким-то образом умудрялся смотреть на реактивы с видом одновременно пренебрежительным и собственническим. — Знаешь, что было бы здорово? Если бы ты сегодня вечером помогла мне попасть в химическую лабораторию при вашей школе.

— Ты хочешь сказать, пробраться тайком?

— Я хочу сказать, что мне нужен микроскоп. В лаборатории из «лего» и пластилина много научных открытий не сделаешь. Мне нужно настоящее оборудование.

Я внимательно посмотрела на него. Этому Коулу, энергичному и уверенному, трудно было сопротивляться. Я нахмурилась.

— Я не стану помогать тебе пробираться тайком в мою школу.

— Ну и пожалуйста. Отдавай тогда обратно мой кофе.

Я не создавала, как сильно мне приходилось повышать голос, чтобы перекричать музыку, пока в промежутке между двумя песнями не наступила тишина и я не смогла говорить тише.

— Было ваше — стало наше, — отрезала я, повторяя слова, которые он сказал мне в книжном магазине. — Впрочем, я могла бы помочь тебе попасть в клинику, где работает моя мама.

— Ну ты лихая, — сказал он.

— Понятия не имею, что это значит.

— Я тоже. Сэм на днях так сказал. Мне понравилось, как это звучит.

В этом был весь Коул. Он встречал что-то такое, чего до конца не понимал, но что ему нравилось, и присваивал это себе.

Я порылась в своей миниатюрной сумочке.

— У меня есть для тебя еще кое-что.

Я протянула ему маленький железный «мустанг», черный и блестящий.

Коул взял его, поставил на ладонь и замер. Я и не знала, что он умеет быть совершенно неподвижным.

— Зуб даю, у него пробег будет побольше, чем у моего настоящего, — произнес он наконец.

Он покатил машинку вдоль края столешницы, негромко изображая шум двигателя. Добравшись до конца кухонного «островка», он вздернул ее в воздух.

— Только не проси у меня покататься на ней, все равно не дам, — сказал он.

— Я плохо смотрюсь в черной машине, — отозвалась я.

Коул неожиданно протянул руку и ухватил меня за талию. От удивления я распахнула глаза.

— Ты хорошо смотришься где угодно. На все сто, Изабел Калперер.

Он принялся пританцовывать. В следующее мгновение я тоже уже танцевала вместе с ним. Этот Коул был еще более убедителен, чем предыдущий. Это была его улыбка в физическом ее воплощении, состоящая из его рук, обнимающих меня, и его длинного тела, прижатого к моему. Я любила танцевать, но всегда делала это осознанно, контролировала движения тела. Сейчас же, когда грохотала музыка и со мной танцевал Коул, все, кроме музыки, исчезло, стало невидимым. Я сама стала невидимой. Мои бедра превратились в рокочущие басы. Руки на плечах Коула стали переливами синтезатора. Тело переплавилось в зубодробительный пульсирующий ритм.

Мысли были как вспышки между волнами музыки.

волна:

моя рука на животе Коула

волна:

наши бедра, притиснутые друг к другу

волна:

смех Коула

волна:

мы, превратившиеся в единое целое.

Я понимала, что Коул так гениально танцует, потому что это его работа, но менее поразительным от этого он не становился. И потом, он не пытался быть поразительным отдельно от меня — каждое движение его тела было направлено на то, чтобы мы двигались согласованно. В этом танце не было выпячивания его «я», только музыка и наши тела.

Когда дорожка закончилась, Коул отстранился от меня, тяжело дыша. На лице у него играла слабая полуулыбка. Я не понимала, как он смог остановиться. Мне хотелось танцевать, пока я не рухну от изнеможения. Хотелось сливаться с ним, пока никакая сила не сможет больше растащить нас обратно.

— Ты — наркотик, — выдохнула я.

— Уж кто бы говорил.

43

СЭМ

Грейс чувствовала себя в человеческом обличье более уверенно, и мы решились совершить вылазку из дома. Пока я бегал в долларовый магазинчик за носками и футболками для нее, она пряталась в машине. Я даже отважился заскочить кое за какими продуктами, список которых она мне набросала. Эти бытовые мелочи, создававшие иллюзию нормальной жизни, доставляли мне огромную радость. Омрачало ее только сознание того, что Грейс заперта в машине, официально объявленная пропавшей без вести, а я привязан к Пограничному лесу, все так же неотделимый от стаи, и оба мы узники в доме Бека, ожидающие смягчения приговора.

Мы отвезли покупки домой, а из списка Грейс я сложил журавлика и подвесил под потолком рядом с остальными. Он рвался к окну, подгоняемый воздушным потоком из вентиляционного отверстия, но когда я подтолкнул его плечом, оказалось, что длины веревочки хватило лишь на то, чтобы перепутаться с ниткой от соседнего журавлика.

— Я хочу повидаться с Рейчел, — сказала Грейс.

— Ладно.

Я взял ключи от машины.

К бывшей школе Грейс мы подъехали задолго до того, как закончились занятия, и долго сидели молча, ожидая звонка. Как только он прозвенел, Грейс юркнула на заднее сиденье, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза.

Было что-то зловещее и пугающее в том, чтобы сидеть у школы, глядя, как из нее группками выходят старшеклассники и отправляются на остановку ждать автобусов. Они шли по двое, по трое. Все вокруг было цветное, яркое: кислотных оттенков сумки у них на плечах, разноцветные рубашки с девизами команд, сочная зеленая листва на деревьях у стоянки. Окна в машине были закрыты, поэтому разговоров я не слышал, но и без звука все было понятно, так выразительно вскидывались в воздух руки, соприкасались плечи, запрокидывались от смеха головы. Слова тут были излишни, эти молодые люди вполне могли бы научиться общаться без них, если бы согласились молчать достаточно долго.

Я взглянул на часы на приборной панели. Мы стояли тут всего несколько минут, а казалось, что целую вечность. День выдался чудесный, куда более похожий на летний, чем на весенний. На голубом небе не было ни облачка, оно казалось невозможно высоким и далеким. Старшеклассники все продолжали и продолжали выходить из школы. Пока что мы не увидели ни одного знакомого лица. Мне вспомнилось, как я ждал на этой стоянке Грейс, давным-давно, когда мне еще приходилось прятаться от холода.

Я чувствовал себя неизмеримо старше их всех. Это были выпускные классы, так что тут вполне могли быть и мои ровесники, но это не укладывалось у меня в голове. Я не представлял себя одним из этих ребят, которые с рюкзаками на плечах ждали автобус или шли к своим машинам. Мне казалось, я никогда не был таким юным. Может, существовала где-то альтернативная вселенная, в которой Сэм Рот никогда не встречал волков, не терял родителей, никуда не уезжал из Дулута? Каким вырос бы этот Сэм, который ходил в школу, просыпался в рождественское утро, предвкушая подарки, целовал маму в день выпуска? Была бы у этого Сэма без шрамов на запястье гитара, девушка, счастливая жизнь?

У меня было такое чувство, будто я подсматриваю в замочную скважину. Мне захотелось уехать.

И тут я увидел Рейчел, в прямом коричневом платье и фиолетовых гольфах в полоску. Она решительно шагала к дальнему концу парковки. Одна. Я опустил стекло, чувствуя себя героем какого-нибудь детектива про маньяка-убийцу. «Парень окликнул ее из машины. Она подошла поближе; ей было известно, что полиция подозревает его в убийствах, но он всегда казался безобидным...»

— Рейчел! — окликнул я.

Глаза у нее расширились; ей не сразу удалось придать лицу более приветливое выражение. Она остановилась шагах в десяти от машины в позе пай-девочки.

— Привет! — поздоровалась она.

В глазах у нее застыла то ли настороженность, то ли печаль.

— У тебя есть минутка? Надо поговорить.

Рейчел оглянулась на школу, потом на меня.

— Ну да.

Ближе она так и не подошла. Это меня задело. Кроме того, это означало, что говорить придется громко, а этого мне совсем не хотелось.

— Ты не против, если мы будем разговаривать с чуть более близкого расстояния? — спросил я.

Рейчел пожалала плечами, но ближе не подошла.

Я вышел из машины, не заглушив мотор, и закрыл за собой дверцу. Рейчел не сдвинулась с места, но слегка свела брови.

— Как поживаешь? — спросил я негромко. Рейчел закусила губу и вскинула на меня глаза.

Вид у нее был такой печальный, что желание Грейс повидаться с ней перестало казаться мне столь уж опрометчивым.

— Мне очень жалко Оливию, — сказал я.

— И мне тоже, — ответила Рейчел в своей отважной манере. — Джон совсем раскис.

Я не сразу вспомнил, что Джон — брат Оливии.

— Рейчел, я здесь из-за Грейс.

— И в чем дело?

Голос у нее был настороженный. Я переживал из-за того, что она не доверяет мне, но, с другой стороны, для доверия у нее не было никаких оснований.

Я поморщился и посмотрел на толпу старшеклассников, рассаживающихся по автобусам. Выглядело это как картинка из рекламного буклета школы: безоблачное голубое небо, ярко-зеленая листва, ослепительно-желтые школьные автобусы. Рейчел лишь усугубляла впечатление: полосатые гольфы выглядели так, как будто их заказывали по каталогу. Рейчел и Грейс были подругами. Грейс считала, что она сможет хранить тайну. Не простую тайну, а нашу тайну. Я доверял суждению Грейс, но все равно открыть правду ее подруге оказалось на удивление сложно.

— Только я должен быть уверен, что ты умеешь хранить тайны, Рейчел.

— Про тебя говорят всякое, Сэм, — ответила Рейчел.

Я вздохнул.

— Знаю. Я слышал. Надеюсь, ты понимаешь, что я никогда не причинил бы Грейс зла, впрочем... ты не обязана мне доверять, Рейчел. Я просто хотел спросить: смогла бы ты сохранить в тайне что-то очень серьезное, по-настоящему серьезное? Только честно.

Я видел, что ей очень хочется отбросить свою настороженность.

— Я умею хранить секреты, — сказала она наконец.

Я закусил губу и на миг закрыл глаза.

— Я не считаю тебя убийцей, — произнесла она совершенно будничным тоном, как будто рассуждала о том, что сегодня не должно быть дождя, поскольку на небе ни облачка. — Если тебе от этого легче.

Я открыл глаза. Мне действительно стало легче.

— Ладно. В общем, я понимаю, что это прозвучит дико, но... Грейс жива, она здесь, в Мерси-Фоллз, и у нее все в порядке.

Рейчел вся подалась ко мне.

— Ты что, держишь ее связанной у себя в подвале?

Беда заключалась в том, что в каком-то смысле так оно и было.

— Очень смешно. Я не держу ее у себя против воли. Она скрывается и пока что не хочет объявляться. Все это довольно сложно объяснить...

— Боже мой, она беременна! — всплеснула руками Рейчел. — Так я и знала! Так и знала!

— Рейчел, — произнес я — Рейч. Рейчел!

Она продолжала возбужденно тараторить:

— Мы с ней столько раз все обсуждали, так нет же! Вот есть у нее голова на плечах или нет? С ума сойти. Она...

— Рейчел, — прервал ее я. — Она не беременна.

Она посмотрела на меня. По-моему, этот разговор начинал утомлять нас обоих.

— Ладно. Что тогда?

— Ну, это довольно трудно объяснить. Я даже не знаю, как тебе сказать. Может, лучше будет, если Грейс сама тебе все расскажет.

— Сэм, — заявила Рейчел, — у нас всех были уроки сексуального воспитания.

Я как в омут с головой бросился.

— Нет, Рейчел. Грейс просила меня сказать тебе «Питер с потрясными бицепсами». Понятия не имею, что это значит, но она сказала, тогда ты поймешь, что это она. На лице у Рейчел отразилась напряженная внутренняя борьба; видимо, она пыталась сообразить, не мог ли я вызнать эти слова каким-нибудь нечестным способом.

— Почему тогда Грейс не может поговорить со мной сама? — спросила она настороженно.

— Потому что ты не желаешь подходить к машине! Она не может выйти, а я могу. Она ведь считается пропавшей без вести, понимаешь? Если бы ты подошла к машине, когда я тебя окликнул, она помахала бы тебе рукой с заднего сиденья.

Она все еще мялась, и я потер лицо ладонями.

— Послушай, Рейчел, подойди и сама загляни в машину. А я постою здесь, чтобы ты не боялась, что я огрею тебя бутылкой по голове и затолкаю в багажник. Так тебе будет спокойней?

— Если ты отойдешь подальше, может быть, — ответила Рейчел. — Прости, Сэм, но я смотрю телевизор. Я знаю, как это случается.

Я потер переносицу.

— Послушай. Позвони на мой сотовый. Он в машине. И Грейс тоже. Она возьмет трубку, и ты сможешь сама с ней поговорить. Так тебе не придется подходить к машине.

Рейчел вытащила из кармана рюкзака свой мобильник.

— Говори номер.

Я продиктовал ей номер телефона, и она набрала его.

— Уже пошли гудки, — сказала она.

Я кивнул на «фольксваген». Из-за закрытой двери слышалось приглушенное пиликанье телефона.

— Никто не берет трубку, — обвинительным тоном заявила Рейчел.

В это же мгновение переднее окошко открылось и выглянула Грейс.

— Елки-палки, ребята, — громким шепотом произнесла она. — Вы столько времени тут торчите, что это уже начинает выглядеть подозрительно. Вы собираетесь садиться в машину или нет?

Глаза у Рейчел стали совершенно круглые. Я вскинул руки.

— Ну как, теперь ты мне веришь?

— Ты расскажешь мне, почему она ушла в подполье? — вопросом на вопрос ответила Рейчел.

Я кивнул на Грейс.

— Думаю, лучше будет, если она сама тебе обо всем расскажет.

Я-то думала, одного моего появления на сцене будет достаточно. Казалось бы, то, что я жива и здорова, должно было послужить исчерпывающим доказательством невинности Сэма, однако же, когда дошло до дела, Рейчел все еще колебалась. Чтобы уговорить ее сесть в машину, потребовалось еще несколько минут, даже после того, как она увидела меня.

— Если там у тебя Грейс, это еще не значит, что я тоже туда прыгну, — заявила Рейчел, с сомнением глядя на открытую заднюю дверцу. — Откуда мне знать, может, ты все это время пичкал ее у себя в подвале галлюциногенными грибами, а теперь собрался за меня взяться.

Сэм покосился на здание школы, щурясь на ярком солнце. Должно быть, он сейчас думал о том же, о чем и я, а именно о том, что в Мерси-Фоллз не осталось почти никого, кто доверял бы ему, и если его заметят на школьной парковке в обществе девушки, которая явно чувствует себя не в своей тарелке, дело может принять неприятный оборот.

— Я не очень понимаю, как отвечать на это обвинение, — сказал он.

— Рейчел, никто меня ничем не пичкал, — сказала я. — Садись в машину.

Рейчел нахмурилась, перевела взгляд обратно на Сэма.

— Не сяду, пока ты не объяснишь, почему скрываешься.

— Это долгая история.

Рейчел скрестила на груди руки.

— А ты в двух словах.

— Но это действительно долго объяснять.

Рейчел не сдвинулась с места.

— В двух словах.

Я вздохнула.

— Рейчел, я время от времени превращаюсь в волка. Только не теряй голову.

Она ждала какого-то продолжения, которое все бы объяснило. Но уложить объяснение в два слова, как она того хотела, я никак не могла.

— Почему я должна потерять голову? — осведомилась Рейчел. — Только потому, что ты спятила и несешь полный бред? Разумеется, ты превращаешься в волка. А я — в зебру. Смотри, какие полосы. Не успели еще сойти окончательно.

— Рейчел, — мягко произнес Сэм, — честное слово, когда мы тебе все объясним, это перестанет казаться бредом. Если ты дашь Грейсу шанс поговорить с тобой — где-нибудь вдали от посторонних ушей, — ты поймешь, что это действительно странно, но не невозможно.

Рейчел с ошеломленным видом посмотрела на него, потом снова на меня.

— Прости, Грейс, но я думаю, что позволить ему везти себя в его логово — не лучшая идея. — Она протянула Сэму руку, и он посмотрел на нее с таким видом, словно это было оружие. Она пошевелила пальцами, как будто досадуя на его непонятливость. — Я сама поведу машину.

— Ко мне... домой? — уточнил Сэм. Рейчел кивнула.

Вид у Сэма стал несколько ошарашенный, но, к чести его, голос ничем не выдавал волнения.

— Чем это отличается от того, если за рулем буду я?

— Не знаю! Мне так будет спокойнее. — Она все еще протягивала руку в ожидании ключа. — В кино никто не везет себя сам навстречу гибели.

Сэм посмотрел на меня. Во взгляде его читалось: «Грейс, на помощь!»

— Рейчел, — произнесла я твердо, — ты вообще когда-нибудь ездила на ручной передаче?

— Нет, — сказала Рейчел. — Но я быстро учусь.

Я закатила глаза.

— Рейчел.

— Грейс, ты не можешь не признать, что все это очень странно. Сама посуди. Ты исчезаешь из больницы, а Оливию... а потом Сэм внезапно появляется в твоём обществе. И галлюциногенные грибы кажутся все более и более правдоподобными, в особенности когда ты заводишь речь про волков. Следующим номером, очевидно, появится Изабел Калперер и сообщит, что сейчас всех нас похитят инопланетяне. Честное слово, этого моя нежная психика уже не вынесет. Я думаю... Я вздохнула.

— Рейчел.

— Прекрасно, — заявила она и, зашвырнув рюкзак на заднее сиденье, залезла следом.

Пока мы ехали к дому Бека — Сэм на водительском месте, я рядом с ним, Рейчел позади, — на меня вдруг ни с того ни с сего накатила острая тоска по дому, по моей потерянной жизни. Я не могла

понять, по чему так отчаянно скучаю — точно не по родителям, их ведь и раньше почти никогда не было рядом, — пока не сообразила, что приступ тоски спровоцировал приторно-сладкий клубничный запах шампуня Рейчел. Вот по чему я скучала. По дням и вечерам в обществе Рейчел, когда мы запирались у нее в комнате, или оккупировали кухню в доме моих родителей, или сопровождали Оливию в ее фотографических вылазках. Это была тоска не по дому, потому что для этого нужно иметь дом. Это была тоска по человеку. По жизни.

Я обернулась и протянула Рейчел руку. Она ничего не сказала, лишь молча взяла ее и крепко сжала. Так мы и ехали всю дорогу — я, сидя вполоборота, и она, чуть подавшись вперед, и наши руки оставались соединенными на спинке моего сиденья. Сэм тоже ничего не говорил, лишь время от времени извинялся, когда слишком резко переключался с одной передачи на другую и машина слегка дергалась.

Потом, когда мы уже поднялись в дом, я рассказала ей все, всю историю с самого начала, с того самого дня, когда волки стащили меня с качелей за домом и я едва не умерла от потери крови. И обо всем случившемся потом. Никогда еще я не видела Сэма таким взволнованным, но это меня не беспокоило. С того самого мгновения, когда в машине я взяла Рейчел за руку, я поняла, что дружба с ней — одна из тех вещей, которые мне нужно во что бы то ни стало сохранить в моей странной новой жизни.

45

ИЗАБЕЛ

Я была против серьезных правонарушений там, где можно обойтись мелкими. Попытка воспользоваться школьной лабораторией квалифицировалась как взлом с проникновением. Попытка воспользоваться запасным ключом от кабинета моей матери — как просто незаконное проникновение. Это подсказывал здравый смысл. Свой джип я оставила на парковке перед магазином на другой стороне дороги, чтобы никто, проезжая мимо клиники, не заметил ничего необычного. Из меня вышла бы первоклассная преступница. Впрочем, все еще было впереди, коль скоро вопрос с поступлением в медицинскую школу пока оставался открытым.

— Только ничего не разбей, — предостерегла я Коула, сделав ему знак идти первым. Впрочем, просить об этом Коула Сен-Клера было бесполезно.

Коул зашагал по коридору, с любопытством разглядывая плакаты на стенах. Эта клиника для малоимущих была маминым детищем; здесь мама принимала больных часть своего рабочего дня. Кроме того, она работала еще и в местной больнице. Когда мама только открыла эту клинику, стены были украшены живописными полотнами, которым не нашлось места у нас дома или которые попросту ей надоели. Ей хотелось, чтобы пациенты чувствовали себя как дома; она сказала это, когда мы только переехали в Мерси-Фоллз. После того как умер Джек, она избавилась от множества картин, висевших дома, а когда пришла в себя, забрала им на замену картины из клиники. Теперь стены клиники по большей части украшали произведения, которые я именovala шедеврами позднего фармацевтического периода.

— До самого конца и направо, — сказала я. — Не сюда. Это уборная.

Я заперла за собой дверь. Уже начинало темнеть, но это не имело никакого значения. Когда я включила гудящие люминесцентные лампы, комната превратилась в типичное больничное помещение, где что день, что ночь — все едино. Я всегда говорила маме, если она действительно хочет, чтобы в ее клинике пациенты чувствовали себя как дома, а не как в «Уолмарте», нормальные человеческие лампочки — куда лучший выбор.

Коул уже скрылся в крошечной лаборатории, и я медленно поплелась следом. Чтобы отвезти посылку, я не пошла на занятия, но все равно поднялась в обычное время. Потом помогала Коулу устанавливать ловушку, пытаясь не свалиться в промоину — Коул сказал, они вытащили оттуда Грейс. Потом поехала сюда, сказав родителям, что иду на собрание школьного совета, и ждала, пока клиника не закроется, чтобы можно было войти. Кроме того, за весь день мы почти ничего не ели, и я уже начинала чувствовать себя немного мученицей за дело оборотней. Я задержалась в регистратуре и заглянула в небольшой холодильник под стойкой. Там обнаружили две бутылки с соком, которые я и захватила с собой. Все лучше, чем ничего.

В лаборатории Коул уже устроился на стуле перед микроскопом. Одну руку он держал над головой, указывая пальцем в потолок. Через мгновение я сообразила, что он проколол палец, а руку вверх поднял, чтобы остановить кровотечение.

— Дать пластырь или тебе нравится изображать из себя статую Свободы? — поинтересовалась я.

Сок я поставила перед ним на стол, и после секундного размышления он открутил крышку и поднес бутылочку к губам. Потом помахал в воздухе окровавленным пальцем в знак благодарности.

— Я не нашел пластыри, — сказал Коул. — То есть я их и не искал. Это метанол? А, точно, метанол.

Я нашла ему пластырь и подкатила к столу второй стул. Катить пришлось недолго. Лаборатория на самом деле была кладовкой: вдоль стен тянулись полки и ящики, забитые образцами медицинских препаратов, коробками с ватными шариками, тампонами и шпателями, флакончиками с медицинским спиртом и перекисью водорода. Анализатор мочи, микроскоп, ротатор для пробирок. Для двух стульев и двоих человек места оставалось не так уж и много.

Коул размазал капельку крови по предметному стеклу и разглядывал его под микроскопом.

— Что ты ищешь? — спросила я.

Он не ответил; на лице у него было написано выражение такой глубокой задумчивости, что я усомнилась, слышал ли он меня вообще. Мне нравилось видеть его таким — когда он не изображал из себя ничего, а просто был Коулом, насколько мог. Он не стал сопротивляться, когда я взяла его за руку и промокнула кровь.

— Елки-палки, — сказала я, — чем ты так раскроил себе палец? Консервным ножом?

Я заклеила рану пластырем и выпустила его руку. Он немедленно принялся крутить ею какой-то регулятор на микроскопе.

Казалось, молчание длилось вечно, хотя на самом деле едва ли больше минуты. Коул оторвался от микроскопа, но на меня не смотрел. Он рассмеялся недоверчивым смешком, отрывистым и хрипловатым, потом сложил руки домиком и прижал их ко рту.

— Господи боже мой, — произнес он и снова рассмеялся все тем же коротким смешком.

Я почувствовала раздражение.

— Что там?

— Взгляни только. — Коул отъехал на своем стуле в сторону и подтащил меня вместе с моим к микроскопу. — Что ты видишь?

Я не рассчитывала ничего там разглядеть, поскольку понятия не имела, что должна увидеть. Но все же решила сделать ему приятное. Приложила глазом к окуляру и заглянула внутрь. Коул оказался прав: я мгновенно поняла, что он имел в виду. В поле зрения плавали десятки красных кровяных телец, прозрачных и ничем не примечательных. И две красные точки.

Я оторвалась от окуляра.

— Что это?

— Оборотень, — сказал Коул. Он покачивался на своем вращающемся стуле туда-сюда. — Я знал это. Знал.

— Что знал?

— Или у меня малярия, или так выглядит волк. Болтается там в моей крови. Я знал, что он ведет себя как малярия. Знал. Господи боже мой!

Он вскочил, не в силах усидеть на месте.

— Поздравляю, вундеркинд. И что это означает для волков? Можно от этого излечиться как от малярии?

Коул разглядывал плакат на стене. На нем в красках, каких не видывали со времен кислотных шестидесятых, были изображены стадии развития человеческого зародыша.

— Малярия не лечится, — отмахнулся он от меня.

— Не говори глупостей, — отрезала я. — Люди же от нее выздоравливают.

— Нет. — Коул обвел пальцем один из зародышей — Врачи просто не допускают смертельного исхода.

— Значит, говоришь, вылечить волков невозможно. Но есть способ не дать им... ты ведь уже не дал Грейс умереть. Я не понимаю, где здесь открытие.

— Сэм. Сэм — вот открытие. Это всего лишь подтверждение. Мне нужно еще немного поработать. Мне нужна бумага, — сказал Коул, поворачиваясь ко мне. — Мне нужно...

Он не договорил. Его эйфория постепенно улетучивалась. Меня охватило разочарование: открытие оказалось каким-то половинчатым и недоступным моему пониманию. А окружающая обстановка воскресила в памяти тот раз, когда мы с Грейс привели сюда Джека. А вместе с этим воспоминанием пробудились и горечь поражения, и боль утраты, от которых хотелось очутиться дома, в кровати, сжавшись в комочек.

— Поесть, — предположила я. — Выспаться. Мне, по крайней мере, точно не помешало бы. Убраться отсюда к чертовой матери.

Коул недоуменно нахмурился, как будто я предложила ему нечто невообразимое. Я поднялась, глядя на него.

— В отличие от вас, носителей зловредной волчьей заразы, мне утром нужно в школу. Тем более что сегодняшние занятия я пропустила, чтобы прийти сюда.

— Ты чего злишься?

— Да не злюсь, — отозвалась я. — Я устала. Наверное, просто хочу домой.

Впрочем, мысль поехать домой тоже не вызвала у меня радости.

— Нет, злишься, — возразил он. — Я почти у цели, Изабел. Я что-то нашупал. Я думаю... осталось совсем немного. Мне нужно поговорить с Сэмом. Если, конечно, он станет со мной разговаривать.

В эту минуту он был просто до предела вымотанным симпатичным парнем, а не рок-звездой с десятками тысяч поклонников по всему миру, которые ломали голову, куда он подевался, и не гением с таким гигантским мозгом, что он отказывался работать и пытался изобрести способы причинить вред самому себе.

Я смотрела на него и не могла избавиться от чувства, что мне нужно что-то от него или от кого-нибудь, а это, вероятно, означало, что ему тоже нужно что-то от меня или от кого-нибудь, но это открытие было сродни тому ощущению, которое я испытала, глядя на красные точки на предметном стекле. Кому-то они могли сказать много, но из этого не следовало, что несли в себе информацию и для меня.

И тут я услышала знакомый звук: щелкнул замок в двери в конце коридора. Кто-то пришел.

— Черт, черт, черт! — прошипела я. На поиск решения было две секунды. — Хватай манатки и живо под стол!

Коул сграбастал стекло, сок и обертку от пластыря. Я убедилась, что он забился под стол, выключила свет и нырнула следом.

Дверь в конце коридора со скрипом открылась, потом с лязгом захлопнулась. Я услышала мамин раздраженный вздох, достаточно громкий и драматический. Я очень надеялась, что ее разозлил только оставленный кем-то свет в коридоре.

Глаза Коула поблескивали в крошечной темноте отраженным светом из коридора. В тесном пространстве под столом мы упирались друг в друга коленями и наступали друг другу на ноги; невозможно было различить, где чье дыхание. Мы оба затихли, прислушиваясь к маминому продвижению. Ее каблуки процокали куда-то по направлению к регистратуре. На некоторое время она задержалась там — видимо, рылась в бумагах. Коул передвинул ногу так, чтобы мой сапог не упирался ему в щиколотку. В плече у него что-то хрустнуло. Одной рукой он уперся в стену у меня за спиной. Моя рука каким-то образом оказалась между его ног. Я убрала ее.

Мы ждали.

— Черт побери, — выругалась мама очень отчетливо.

Из коридора она вошла в одну из смотровых и принялась снова чем-то шуршать там. Под столом было темно, как в могиле. Глаза у меня никак не могли привыкнуть к темноте; казалось, что на двоих у нас с Коулом куда больше ног, чем нам положено. Мама уронила какие-то бумаги; они с глухим стуком ударились о смотровой стол и с шелестом разлетелись по полу. На этот раз мама не стала чертыхаться.

Коул поцеловал меня. Надо было запретить ему делать это, но я не хотела, чтобы он останавливался. Я сидела на полу, вжавшись в стену, и позволяла ему целовать меня снова и снова. Это был поцелуй из тех, от которых еще долго потом не опомниться. Если бы можно было собрать все наши поцелуи, с самой первой минуты, когда мы встретились, и рассмотреть их под микроскопом, я знаю, что бы там обнаружилось. В самом первом ничего не увидел бы даже эксперт, в следующем уже угадывались начальные признаки, которых в каждом последующем становилось все больше и больше, и наконец в этом, последнем, они стали бы видны даже невооруженным глазом. Признаки того, что мы,

скорее всего, никогда не излечимся друг от друга, но, быть может, у нас получится не дать этой болезни убить нас.

Я услышала стук маминых каблучков за миг до того, как в лаборатории вспыхнул свет. Последовал тяжкий вздох.

— Изабел? Ты?

Она отошла на несколько шагов, чтобы рассмотреть всю картину.

Коул отстранился, и теперь мы с ним, наверное, выглядели как два опоссума, забившихся за мусорный бачок. Я видела, как она цепким взглядом оценивает обстановку: мы оба полностью одеты, ничего не смято, шприцев в руках нет. Она взглянула на Коула; тот медленно улыбнулся в ответ.

— Ты... ты из... — Мама не договорила и впилась в него взглядом.

Я ожидала услышать слово «Наркотика», хотя и не подозревала, что мама увлекается чем-то подобным. Однако она произнесла:

— Ты — тот парень с лестницы. Который был у нас дома. Гольшом. Изабел, если я запретила тебе приводить его домой, это не значит, что нужно таскать его в клинику. Что ты делаешь под столом? Нет, я не желаю этого знать. Просто не желаю.

Я молчала, не зная, как правильно отреагировать на это.

Мама потерла бровь рукой, в которой был зажат заполненный убористым шрифтом бланк.

— Где твоя машина?

— На той стороне дороги, — ответила я.

— Разумеется. — Она покачала головой. — Я не стану говорить отцу, что видела тебя здесь, Изабел. Только, пожалуйста, не...

Чего именно мне не следовало делать, мама так и не сказала. Вместо этого она швырнула недопитую бутылку с моим соком в мусорное ведро у двери и снова выключила свет. Ее каблучки процокали по коридору, удаляясь, потом щелкнул замок и хлопнула дверь. Лязгнул засов.

В темноте Коул был невидим, но я все равно чувствовала его присутствие. Иногда зрение не играет большой роли.

Я почувствовала щекотку; до меня не сразу дошло, что это Коул катает по моей руке игрушечный «мустанг». Он смеялся себе под нос, заразительно, но приглушенно, как будто у нас еще были причины не шуметь. Добравшись до плеча, он развернул машинку и покатил ее обратно к ладони. Когда он смеялся, колеса слегка заносило.

Я подумала, что ничего более искреннего от Коула Сен-Клера еще не слышала.

46

СЭМ

Я и не подозревал, насколько привык к творящемуся вокруг кавардаку, пока наша жизнь не вошла в обыденную колею. Теперь, когда вернулась Грейс, а научные изыскания Коула стали более узконаправленными, наш быт каким-то образом приобрел налет нормальности. Я снова вернулся к человеческому режиму сна и бодрствования. Кухня превратилась обратно в место для принятия пищи: флакончики из-под медикаментов и исписанные вдоль и поперек клочки бумаги мало-помалу уступили место коробкам из-под сухих завтраков и чашкам с недопитым кофе. За три дня Грейс превратилась в волчицу всего однажды, да и то на три часа, после чего, честно отсидев все это время в ванной, на непослушных ногах вернулась в постель. Нынче, когда ночь в доме наступала по графику, дни почему-то стали казаться короче. Я ходил на работу, продавал книги перешептывающимся покупателям и возвращался домой с ощущением приговоренного к смертной казни, который получил отсрочку. Коул целыми днями пытался поймать кого-нибудь в свои ловушки и каждую ночь засыпал в другой комнате. По утрам Грейс подкармливала приبلудившуюся парочку енотов лежалой крупой, а по вечерам грустно просматривала в Интернете сайты колледжей или болтала с Рейчел. Мы все гонялись за ускользающим и недостижимым.

Про готовящийся отстрел волков говорили в новостях едва ли не каждый вечер.

Но я был... не до конца счастлив. Где-то на шаг от счастья. Я понимал, что живу не своей жизнью; это была какая-то жизнь взаимы. Как будто я взял ее поносить, пока не приведу в порядок свою собственную. Отстрел волков казался чем-то далеким и нереальным, но все равно висел над

душой постоянным напоминанием. Если я не знал, что делать, это еще не значило, что делать ничего не надо.

В среду я позвонил Кенигу и попросил объяснить, как добраться до полуострова, чтобы я мог должным образом исследовать его потенциал. Я так и сказал — «исследовать должным образом». Кениг всегда так на меня действовал.

— Я думаю, — ответил Кениг с нажимом на «думая», который означал, что на самом деле он точно это знает, — лучше будет, если я сам отвезу тебя туда. А то заедешь еще не на тот полуостров. Я могу в субботу.

До меня дошло, что он пошутил, только когда он уже повесил трубку. Надо было хотя бы посмеяться.

В четверг позвонили из газеты. Интересовались, что я могу сказать по делу об исчезновении Грейс Брисбен.

Ничего, был мой ответ. На самом деле все, что я мог сказать по этому поводу, было сказано прошлой ночью моей гитаре.

...нельзя потерять ту, которую сам завел не туда

много лет назад

прекрати искать

прекрати искать

Впрочем, песня была еще слишком сырой для обнародования, и я лишь молча повесил трубку.

В пятницу Грейс заявила, что едет на полуостров вместе с нами.

— Хочу, чтобы Кениг увидел меня собственными глазами. — Она сидела на кровати и разбирала выстиранные носки, пока я изобретал различные способы складывать полотенца. — Если он будет знать, что я жива, никакого дела об исчезновении не может быть.

Нерешительность неперевариваемым комом встала у меня в животе. Последствия такого поступка стремительно прокручивались в голове.

— Он скажет, что ты должна вернуться к родителям.

— Значит, поедем и покажемся им. — Грейс швырнула дырявый носок в конец кровати. — Сначала на полуостров, а потом к ним.

— Грейс? — произнес я, сам до конца не понимая, о чем ее прошу.

— Их вечно нет дома, — беспечно отозвалась она. — Если они там окажутся, значит, так суждено. И не смотри на меня так, Сэм. Я устала от этого... от этой неопределенности. Я не могу расслабиться, я постоянно жду, когда опустится топор. Я не собираюсь терпеть, чтобы тебя подозревали в... в... не знаю, в чем там тебя подозревают. В том, что ты похитил меня. Или убил. Неважно. У меня сейчас не так много возможностей, но это сделать в моих силах. Я не могу выносить, когда о тебе так думают.

— Но твои родители...

Грейс скатала шарик из носков, которые остались без пары. Неужели я все это время, сам того не подозревая, ходил в разных носках?

— До моего восемнадцатилетия осталась всего пара месяцев, Сэм, и тогда они больше не смогут требовать подчинения. У них есть выбор — пойти напролом и потерять меня навсегда, как только мне стукнет восемнадцать, или включить здравый смысл, и тогда, возможно, в один прекрасный день мы снова начнем с ними разговаривать. Не исключено. Это правда, что папа тебя ударил? Коул так сказал.

Ответ она прочитала на моем лице.

— Правда, — констатировала она со вздохом; с самого начала нашего разговора это было первое свидетельство того, что эта тема для нее болезненна. — Вот почему у меня не возникнет никаких проблем в разговоре с ними.

— Терпеть не могу ссориться, — пробормотал я.

Пожалуй, ничего более бесполезного в жизни я еще не говорил.

— Не понимаю, — произнесла Грейс, вытягивая ноги, — откуда у парня, который вечно ходит босиком, могло взяться такое количество непарных носков.

Мы оба как по команде уставились на мои босые ноги. Она протянула руку, словно могла дотянуться со своего места до моих пяток. Я перехватил ее руку и поцеловал в ладонь. От нее пахло маслом, мукой и домом.

— Ладно, — произнес я. — Будь по-твоему. Кениг, потом твои родители.

— Лучше планировать заранее, — сказала она.

Я не знал, правильно это или нет. Но у меня было такое чувство, что правильно.

47

ИЗАБЕЛ

Я не забыла о просьбе Грейс разузнать про летнюю школу, но мне пришлось поломать голову, придумывая, с какой стороны подступиться к этому делу. Если бы я сделала вид, что интересуюсь для себя, это вызвало бы подозрения. В конце концов способ нашелся благодаря счастливой случайности. Разбирая школьный рюкзак, я наткнулась на старую записку от мисс Маккей, которая в прошлом году была моей любимой учительницей. Сама по себе записка была ни о чем, но это не имело никакого значения. Написана она была в один из моих «сложных» периодов, как именовала их моя матушка. Мисс Маккей писала, что рада будет помочь мне, если я позволю. Это напомнило мне о том, что учительница всегда готова была дать дельный совет, не задавая при этом лишних вопросов.

К несчастью, я была не единственной, кто придерживался о мисс Маккей подобного мнения, поэтому после уроков к ней в кабинет, как обычно, выстроилась очередь. Поскольку преподавала она английскую литературу, для постороннего глаза это выглядело так, будто пятерым старшеклассникам до смерти приспичило во внеурочное время заняться углубленным изучением Чосера¹¹.

Дверь кабинета распахнулась, выпуская Хейли Олсен, и ее место заняла девица, стоявшая передо мной. Я продвинулась на шаг вперед и прислонилась к стене. Надеюсь, Грейс понимала, как много я для нее делаю. Сейчас я уже могла бы быть дома, предаваться там безделью. Утопать в грезах. В последнее время качество моих грез кардинально улучшилось.

За спиной у меня прозвучали чьи-то шаги, потом послышался стук сброшенного на пол рюкзака. Я обернулась.

Рейчел.

Рейчел казалась какой-то карикатурой на подростка. Все эти ее полосочки, нелепые балахоны, косички и хвостики, которые она сооружала у себя на голове, как и вообще вся манера подавать себя, производили впечатление жуткой застенчивости и наивности. Эдакая простушка не от мира сего. Впрочем, простушкой можно быть, а можно ее изображать. Я ничего не имею против ни того ни другого, но предпочитаю понимать, с кем общаюсь. Рейчел прекрасно знала, какое впечатление хочет производить на людей, и вела себя в точном соответствии с этим. Она была далеко не дура.

Рейчел перехватила мой взгляд, но сделала вид, что ничего не заметила. Впрочем, зерно подозрения уже было посеяно.

— Странно видеть тебя здесь, — бросила я.

Рейчел состроила гримаску, которая промелькнула и исчезла со скоростью кинематографического кадра: слишком стремительно, чтобы человеческий глаз успел ее воспринять.

— Странно.

Я склонилась к ней и понизила голос.

— Ты ведь здесь не затем, чтобы поговорить о Грейс?

Ее глаза расширились.

— Я уже и так хожу к психологу, но это не твое дело.

Крепкий орешек.

— Ясно. Не сомневаюсь, что так оно и есть. Значит, ты не собираешься ничего рассказывать мисс Маккей про нее и про волков, — протянула я. — Конечно, это была бы такая несусветная глупость, что и говорить не хочется.

Лицо Рейчел вдруг просветлело.

— Ты все знаешь.

Я лишь выразительно посмотрела на нее.

— Значит, это действительно правда. — Рейчел потерла плечо и принялась внимательно разглядывать пол у себя под ногами.

— Я все видела своими глазами.

Рейчел вздохнула.

¹¹ Джеффри Чосер (1343—1400) — английский поэт и дипломат, самая известная фигура английской средневековой поэзии.

— Кто еще знает?

— Никто. И так оно и останется впредь.

Дверь открылась и закрылась вновь. Вошел парень, который стоял передо мной; я была следующей. Рейчел раздраженно засопела.

— Послушай, я не сделала домашнее задание по английской литературе, поэтому и пришла. Так что я здесь вовсе не из-за Грейс. Пстой. Это значит, ты тут как раз из-за нее.

Я не очень понимала, каким образом она пришла к этому умозаключению, однако приходилось признать: она права. На миг мною овладело искушение рассказать Рейчел о просьбе Грейс разузнать для нее про летнюю школу, главным образом для демонстрации своего превосходства, ведь Грейс доверилась мне первой. Хвастовство всегда было моей слабостью. Впрочем, пользы от этого не было бы никому.

— Мне нужно уточнить кое-что по поводу зачетов, — отрезала я.

Мы стояли в неловком молчании людей, связанных общим знакомством и ничем более. Мимо прошла группа парней. Они смеялись и издавали дурацкие звуки, потому что были парнями, а большинство старшеклассников мужского пола именно так себя и ведут. В школе все так же пахло мексиканской едой. Я все так же продолжала прикидывать, как начать разговор с мисс Маккей.

Рейчел прислонилась к стене и, глядя на шкафчики напротив, произнесла:

— Это сразу как-то расширяет границы представлений о мире?

Ее наивный вопрос почему-то вызвал у меня раздражение.

— Это всего лишь еще один способ умереть.

Рейчел устремила взгляд куда-то мне в висок.

— Ты всегда по умолчанию включаешь стерву? Это прокатывает, пока ты молодая и симпатичная. Потом тебе останется разве что преподавать углубленный курс истории.

Я взглянула на нее и прищурилась.

— Про «девочку не от мира сего» можно сказать то же самое.

Рейчел улыбнулась от уха до уха с видом воплощенной невинности.

— То есть ты хочешь сказать, что считаешь меня симпатичной.

Да, Рейчел оказалась достойной противницей. Доставлять ей удовольствие видеть мою улыбку я не собиралась, но, боюсь, глаза меня выдали. Дверь распахнулась. Мы переглянулись. Все-таки Грейс могло куда меньше повезти с союзниками.

Переступив порог кабинета мисс Маккей, я подумала, что Рейчел все же была права. Границы моих представлений о мире с каждым днем становились все шире и шире.

48

КОУЛ

Еще один день, еще одна ночь. На улице было темно хоть глаз выколи. Мы — я и Сэм — находились в «Квикмарте» в нескольких милях от дома и не доезжая еще нескольких миль до Мерси-Фоллз. Это был круглосуточный магазинчик при автозаправке для растяп, которые на ночь глядя спохватывались, что забыли купить молока. Собственно, именно поэтому мы с ним здесь и оказались. Вернее, поэтому здесь оказался Сэм. Отчасти потому, что у нас не было молока, а отчасти потому, что я уже понял — Сэм не ложится спать, пока кто-нибудь не велит ему, а я этого делать не собирался. Обычно эту обязанность исполняла Грейс, но Изабел несколько минут назад позвонила и сообщила нам точную модель вертолета, с которого будет производиться отстрел. Конечно, нервы у всех были слегка натянуты. Грейс с Сэмом затеяли безмолвный спор, в котором участвовали одни лишь взгляды, и Грейс вышла победительницей, потому что она отправилась печь булочки, а Сэм, надувшись, принялся брэнчать на гитаре в углу дивана. Если эти двое когда-нибудь заведут детей, у тех просто для самозащиты должна быть непереносимость глютена¹².

Для булочек требовалось молоко.

¹² Глютен — особый белок, содержащийся в пшенице и придающий хлебу из пшеничной муки его особые свойства — «эластичность» и пышность.

Вот Сэм и поехал сюда за молоком, поскольку обычные супермаркеты закрываются в девять. Я, со своей стороны, поехал в «Квикмарт» из опасения, что если пробуду в доме Бека еще хотя бы секунду, то что-нибудь сломаю. С каждым днем я все глубже и глубже проникал в природу волков, но охота была уже почти на носу. Через несколько дней от всех моих экспериментов толку будет как от медицинских опытов на динозаврах.

Таким образом, мы и оказались в «Квикмарте» в одиннадцать вечера. Я ткнул в стойку с презервативами, но Сэм ответил мне взглядом, начисто лишенным какого-либо веселья. Видимо, он имел с ними дело или слишком редко, или слишком часто, чтобы находить в них что-либо смешное.

Не находя себе места, я отправился бродить между стеллажами. Маленькая затрапезная автозаправка казалась похожей на реальный мир. Реальный мир после того, как я развалил «Наркотику», исчезнув в компании Виктора. Реальный мир, в котором я улыбался в камеры наблюдения и в котором они иногда могли улыбнуться мне в ответ. Негромкая кантри-музыка лилась из динамиков, подвешенных рядом с указателями туалетов («Только для покупателей магазина»). К окнам подступала иззелена-черная ночь, какая бывает только за окнами автозаправок. Как будто мы одни не спали в сонном мире, и к тому же я никогда еще не чувствовал такой ясности сознания. Я покопался в шоколадных батончиках, которые назывались соблазнительней, чем были на вкус, по привычке пролистал таблоиды на предмет упоминаний обо мне, мазнул взглядом по стойке лекарств от простуды по завышенным ценам, которые больше никак ни влияли ни на мой сон, ни на способность управлять автомобилем, и понял, что здесь нет ничего из нужного мне.

Карман оттягивал маленький черный «мустанг», который подарила Изабел. Он не выходил у меня из головы. Я вытащил машинку из кармана и покатил по полке туда, где перед холодильником с молоком стоял Сэм, засунув руки в карманы куртки. Несмотря на то что молоко находилось прямо перед ним, на лице у него застыло нерешительное выражение; он явно был поглощен какими-то другими проблемами.

— Двухпроцентное — отличный компромисс между обезжиренным и цельным, если ты никак не можешь решить, какое брать, — подсказал я.

Мне хотелось, чтобы Сэм спросил про «мустанг», поинтересовался, какого черта я маюсь дурью. Я думал об Изабел, о флакончиках в двери холодильника, о том, как впервые превратился в волка, о темноте, подступающей к окнам.

— У нас почти не осталось времени, Коул, — сказал Сэм.

Электронный сигнал открывающейся двери не дал ему договорить, а мне — ответить. Я не стал оборачиваться, но по заливке у меня побежали мурашки. Сэм тоже не повернул головы, но выражение его лица изменилось. Стало напряженным. Вот на что я подсознательно отреагировал.

В мозгу роем пронеслись воспоминания. Волки в лесу, уши, встающие торчком и настороженно подрагивающие. Нос по ветру, запах оленя в воздухе, время охоты. Безмолвное согласие, что настало время действовать.

Кассир и вошедший вполголоса обменялись приветствиями. Сэм положил руку на ручку холодильника, но так и не открыл его.

— Может, не так уж нам и нужно это молоко, — сказал он.

СЭМ

Это был Джон Маркс, старший брат Оливии.

Общение с Джоном всегда давалось мне нелегко: мы были едва знакомы, и каждый разговор выходил натянутым. А теперь его сестра погибла, а Грейс считалась пропавшей без вести. Зря мы сюда потащились. Теперь ничего не оставалось, кроме как вести себя как ни в чем не бывало. Джон был явно на взводе. Когда он подошел к прилавку и стал рассматривать жевательную резинку, я остановился рядом с ним. От него пахло спиртным. Это было печально, ведь Джон казался таким юным.

— Привет, — произнес я еле слышно, просто из вежливости.

Джон отрывисто кивнул в ответ на мое приветствие.

— Как поживаешь. Это не был вопрос.

— Пять долларов двадцать один цент, — сказал кассир, худощавый мужчина с постоянно опущенными глазами. Я отсчитал купюры. На Джона я не смотрел. Только бы он не узнал Коула. Я покосился на глаз камеры наблюдения, взирающий на нас с потолка.

— Вы знаете, что это Сэм Рот? — спросил Джон.

До кассира не сразу дошло, что Джон обращается к нему. Он взглянул на мои убийственные желтые глаза, потом снова уткнулся в купюры, которые я выложил на прилавок, и вежливо ответил:

— Нет, не знаю.

Он прекрасно знал, кто я такой. Все это знали. Меня затопила волна симпатии к кассиру.

— Спасибо, — сказал я, забирая сдачу, благодарный ему не только и не столько за мелочь.

Коул отошел от прилавка. Пора было уходить.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил у меня Джон. Голос у него был несчастный.

У меня екнуло сердце. Я обернулся.

— Мне очень жаль Оливию.

— Расскажи мне, почему она умерла. — Джон шагнул ко мне на нетвердых ногах. В лицо ударил запах спиртного — крепкого, неразбавленного и совсем недавно выпитого, судя по запаху. — Расскажи, почему она там оказалась.

Я вскинул руку ладонью вниз, как бы говоря: «Стой. Не приближайся».

— Джон, я не зна...

Джон отпихнул мою руку. Коул встревоженно вскинулся.

— Не ври мне. Я знаю, что это ты. Знаю.

Он облегчил мне задачу. Я не умел врать, но сейчас это и не требовалось.

— Это не я. Я не имею к ее гибели никакого отношения.

— Шли бы вы вести такие разговоры на улицу! — заметил кассир.

Коул распахнул дверь. В помещение ворвался холодный ночной воздух.

Джон ухватил меня за грудки.

— Где Грейс? Почему из всех людей на свете именно моя сестра, почему именно Грейс? Почему ты выбрал их, ты, больной...

То ли по его лицу, то ли по голосу, то ли по захвату я понял, что он сейчас сделает, поэтому, когда он замахнулся, я вскинул руку и отразил его удар. Больше я ничего сделать не мог. Драться уж точно не собирался. Слишком уж много боли было в словах, которые силился и не мог произнести заплетающийся язык.

— Так, на улицу, — велел кассир. — С разговорами — на улицу. Всего доброго! Спокойной ночи.

— Джон, — сказал я, чувствуя, как рука наливается болью в том месте, где в нее врезался его кулак. В организме бушевал адреналин: горе Джона, напряжение Коула, моя собственная взвинченность подпитывали его. — Мне очень жаль. Но этим все равно ничего не исправить.

— Чертовски верно, — согласился Джон и бросился на меня.

Между нами внезапно вырос Коул.

— Все, идемте отсюда. — Он не был выше меня и Джона, но возвышался над нами обоими. Он смотрел на мое лицо, оценивая реакцию. — Давайте не будем устраивать разборок в магазине.

Джон буравил меня взглядом, и глаза у него были пустые, как у статуи.

— А ведь когда мы только познакомились, ты мне даже понравился, — бросил он. — Можешь себе такое представить?

Мне стало тошно.

— Пойдем, — сказал я Коулу и добавил, обращаясь к кассиру: — Спасибо еще раз.

Коул отвернулся от Джона. Движения его напоминали натянутую пружину.

За миг до того, как дверь хлопнулась, до нас донесся голос Джона.

— Все знают, что это сделал ты, Сэм Рот.

В ночном воздухе пахло бензином и древесным дымом. Где-то что-то горело. У меня было такое чувство, будто это горит волк во мне.

— Люди просто обожают тебя бить, — заметил Коул, все такой же сгусток энергии.

Мое настроение подпитывало Коула, а его — меня, и мы были волками, оба, я и он. В голове у меня было гулко и невесомо. «Фольксваген» стоял недалеко, в углу парковки. На водительской дверце белела длинная царапина. Ну, теперь я, по крайней мере, знал, что встреча с Джоном не была случайностью. В лакокрасочном покрытии отражались огни магазина. Ни один из нас не спешил сесть в машину.

— Придется тебе взять на себя эту задачу, — сказал Коул. Он распахнул пассажирскую дверцу и поставил ногу на подножку, через крышу наклонившись ко мне. — Вывести волков из леса. Я пытался. У меня не получается удержать в голове ни одну мысль, когда я в волчьем обличье.

Я поглядел на него. В кончиках пальцев закололо. Я забыл молоко на кассе. В голове снова и снова крутились мысли о том, как Джон замахнулся на меня, а Коул встал между нами, и о ночи, поселившейся во мне. У меня язык не поворачивался сказать: «Нет, я не смогу», потому что все казалось возможным.

— Я не хочу возвращаться. Я не могу это сделать, — все же вырвалось у меня.

Коул засмеялся, вернее, выдохнул одинокое «ха».

— В конце концов тебе все равно придется превратиться в волка, Ринго. Ты так до конца и не излечился. Мог бы заодно и спасти мир, пока варишься во всей этой каше.

Мне хотелось взмолиться: «Пожалуйста, не заставляй меня», но какое значение это имело для Коула, который проделывал с самим собой неизмеримо худшие вещи?

— Ты исходишь из предположения, что они меня послушают, — сказал я.

Коул оторвал ладони от крыши «фольксвагена»; дымчатые отпечатки пальцев испарились за считанные секунды.

— Мы все тебя слушаем, Сэм.— Он прыгнул на мостовую. — Просто ты не всегда с нами говоришь.

49

ГРЕЙС

В субботу Кениг заехал за нами, чтобы отвезти на полуостров.

Мы все приникли к окнам гостиной, глядя, как он въезжает на дорожку, ведущую к дому. Приглашать в дом полицейского, после того как мы так упорно пытались не попасться его коллегам, было как-то страшновато. Все равно как если бы Маугли пригласил Шер-Хана на чай с плюшками. Кениг подъехал к дому Бека в полдень, облаченный в строгую малиновую футболку поло и джинсы, которые он, похоже, тщательно отутюжил. Приехал он на идеально чистом сером пикапе «шеви», который тоже вполне мог отутюжить. Он постучал в дверь — это деловитое «тук-тук-тук» чем-то напомнило мне сухой и отрывистый смех Изабел, — и когда Сэм открыл, Кениг стоял на пороге, чинно сложив руки перед собой, как будто ждал вынесения приговора.

— Проходите, — сказал Сэм.

Кениг переступил через порог со сложенными все в том же профессиональном жесте руками. Словно что-то из другой жизни, мне вспомнилось, как я видела его в последний раз — он точно в такой же позе стоял перед нашим классом, и мы забрасывали его вопросами о волках. Оливия тогда еще склонилась ко мне и прошептала, что он милашка. А теперь он стоял у нас на пороге, а Оливия была мертва.

Оливия была мертва.

Я начинала понимать отсутствующее выражение, которое появлялось на лице у Сэма всякий раз, когда кто-то заводил речь о его родителях. Я тоже совсем ничего не чувствовала при мысли о том, что Оливии больше нет. Как будто душа у меня онемела и потеряла чувствительность, как шрамы на запястьях у Сэма.

Я поняла, что Кениг меня заметил.

— Здравьете, — сказала я.

Он сделал глубокий вдох, как будто собирался перед прыжком в воду. Я почти что угодно отдала бы, чтобы узнать, о чем он сейчас думает.

— Ну что ж, — произнес он. — Вот ты где.

— Да, — ответила я. — Вот она я.

Из кухни за спиной у меня вышел Коул, и Кениг свел брови к переносице. Коул улыбнулся в ответ своей жесткой решительной улыбкой. На лице Кенига медленно забрезжило узнавание.

— Ну разумеется. — Он скрестил руки на груди и обернулся к Сэму. Как бы он ни становился и ни складывал руки, что-то в его облике производило впечатление человека, которого трудно вышибить из седла. — И много еще пропавшего без вести народу обитает под твоей крышей? Элвис? Джимми

Хоффа? Амелия Эрхарт?¹³ Я предпочел получить бы полный список сразу, чтобы потом не было неожиданностей.

— Больше никого, — ответил Сэм. — Насколько мне известно. Грейс хотела бы поехать с нами, если можно.

Кениг немного поразмыслил.

— Ты тоже едешь с нами? — спросил он Коула. — Если да, придется убрать кое-какие вещи из кабины, иначе все не уместится. Кроме того, ехать нам долго, так что предлагаю всем, кому нужно, сходить в туалет сейчас.

И все. Разобравшись с правилами игры — я наполовину волк, наполовину человек, Коул — пропавшая рок-звезда, — он перешел непосредственно к делу.

— Я не еду, — покачал головой Коул. — У меня есть кое-какая работенка.

Сэм бросил на Коула предостерегающий взгляд. Должно быть, все дело было в том, что кухня наконец-то начала снова походить на кухню, и Сэм хотел, чтобы так оставалось и впредь.

Коул ответил туманно. Вернее, в своей обычной манере. Когда Коул не вел себя вызывающе, всегда казалось, что он чего-то недоговаривает.

— Прихвати с собой телефон. Вдруг мне понадобится с тобой связаться.

Сэм потер подбородок, как будто проверял, хорошо ли выбрит.

— Смотри, не спали дом.

— Хорошо, мамочка, — отозвался Коул.

— Ох, поехали уже, — сказала я.

Странная это была поездка. Мы совсем не знали Кенига, а он не знал ничего о нас, кроме того, о чем не было известно больше никому. Все осложнялось его странной доброжелательностью, мы пока не понимали, хорошо это для нас или нет. Трудно поддерживать беседу и быть благодарным одновременно.

Мы втроем втиснулись на сиденье в кабину: Кениг, Сэм и я. В салоне слегка пахло «Доктором Пеппером». Кениг ехал на восемь миль в час выше разрешенной скорости. Дорога шла на север-восток, и вскоре все признаки цивилизации остались позади. Небо над головой сияло безоблачной ласковой голубизной, все цвета казались перенасыщенными. Если здесь когда-то и была зима, местная природа ее не помнила.

Кениг ничего не говорил, лишь время от времени проводил ладонью по своему короткому «ежику». Он не совсем походил на того Кенига, которого я помнила, этот молодой парень в футболке ширпотребного малинового цвета, везущий нас в глушь на своем личном пикапе. Этот образ совершенно не совпадал с образом человека, которому я готова была довериться на этом этапе. Пальцы Сэма изображали на моем бедре гитарный аккорд.

Наверное, внешность и в самом деле обманчива, подумалось мне.

В кабине висело молчание. Некоторое время спустя Сэм заговорил о погоде. По его мнению, пока все шло довольно гладко. Кениг отвечал, что, возможно, оно и так, но поведение миннесотской погоды никогда не угадаешь заранее. Такая вот она капризная девушка. Мне почему-то приятно было слышать, как он сравнивает миннесотскую погоду с девушкой. Он казался каким-то более человечным. Потом Кениг поинтересовался планами Сэма насчет колледжа, и Сэм упомянул, что Кэрин предложила ему перейти на работу на полный день и он обещал ей подумать. Дело хорошее, заметил Кениг. Я подумала про курсы, лекции, семинары и успешность, измеряемую «корочками», и пожелала про себя, чтобы они сменили тему.

Кениг словно прочитал мои мысли.

— А как к вам попал Сен-Клер?

— Коул? Его нашел Бек, — сказал Сэм. — Это была благотворительность.

Кениг покосился на него.

— Для Сен-Клера или для Бека?

— В последнее время я и сам постоянно задаюсь этим вопросом, — ответил Сэм.

¹³ Джеймс Хоффа (1913-1975) — американский профсоюзный лидер, неожиданно исчезнувший при загадочных обстоятельствах. Амелия Эрхарт (1897-1937) — американский авиатор, одна из первых женщин-пилотов, первая женщина, перелетевшая Атлантический океан. Пропала без вести над Тихим океаном при попытке совершить кругосветный перелет.

Они с Кенигом переглянулись, и я с изумлением поняла, что Кениг общается с Сэмом как с равным, а если и не как с равным, то определенно как со взрослым. Я столько времени проводила с Сэмом наедине, что реакция окружающих на него или на нас с ним вместе всегда оказывалась потрясением. Трудно было представить, как один человек способен вызывать у разных людей такое количество разнообразных эмоций. Как будто в нем одном уживалось сорок разных Сэмов. Мне всегда казалось, окружающие видят во мне одно и то же, но теперь я задумалась: а вдруг для них тоже существовало сорок разных версий Грейс?

Мы все вздрогнули, когда у меня в сумке — я сложила туда смену одежды на случай, если буду превращаться, и книжку на тот случай, если понадобится изобразить занятость, — зазвонил телефон и Сэм попросил:

— Возьмешь трубку, Грейс?

Номер высветился незнакомый, и я растерялась. Телефон все звонил, и я показала дисплей Сэму. Тот в замешательстве покачал головой.

— Отвечать? — спросила я нерешительно.

— Это из Нью-Йорка, — сказал Кениг и снова устремил взгляд на дорогу. — Код нью-йоркский.

Эта информация ничем не помогла Сэму. Он пожал плечами.

Я открыла телефон и поднесла к уху.

— Слушаю?

На том конце провода послышался веселый мужской голос.

— Ой... э-э... Здравствуйте. А можно Коула?

Сэм захлопал глазами. Он явно тоже слышал этот голос.

— Вы, должно быть, ошиблись номером, — сказала я.

В голове у меня немедленно закрутились шестеренки: получалось, что Коул куда-то звонил с телефона Сэма. Домой? Неужели Коул звонил домой?

Голос остался столь же невозмутимым. Он звучал лениво и гладко, как подтаявший брусок масла.

— Да нет, не ошибся. Но я понимаю. Это Джереми. Мы вместе играли в группе.

— С этим человеком, которого я не знаю, — уточнила я.

— Да, — подтвердил Джереми. — Я хочу, чтобы вы кое-что передали Коулу Сен-Клеру, если можно. Передайте, что я сделал ему самый лучший подарок на свете и мне пришлось для этого изрядно попотеть, поэтому не хотелось бы, чтобы он просто разорвал обертку и выкинул подарок в ведро.

— Я слушаю.

— Через восемнадцать минут подарок выйдет в эфир в шоу Вилкаса. Родители Коула тоже будут слушать, я об этом позаботился. Вы меня поняли?

— Шоу Вилкаса? На каком это радио? — спросила я. — Только я вам ничего не обещала.

— Я знаю, о чем речь, — сказал Кениг, не отрываясь от дороги. — О Рике Вилкасе.

— О нем самом, — подтвердил в трубке Джереми; он, видимо, все услышал. — У кого-то отличный вкус. Вы уверены, что Коула нет поблизости?

— Нет, честное слово! — Я даже кивнула для убедительности, хотя он не мог меня видеть.

— Скажите мне одну вещь. Когда я в последний раз видел нашего бесстрашного героя Коула Сен-Клера, он был не в лучшем месте. Я бы даже сказал, в худшем из возможных мест. Я только хочу знать — он счастлив?

Я подумала о том, что мне известно о Коуле. Оказывается, у него есть друг, которого так волнует его судьба. Не мог Коул быть совсем уж конченным человеком, если кто-то из его прошлой жизни до сих пор так болел за него душой. Впрочем, может быть, он был таким замечательным до того, как покатился по наклонной плоскости, что этот друг не отвернулся от него даже тогда. Это одновременно изменило и не изменило моего мнения о Коуле.

— Он двигается в этом направлении.

Возникла непродолжительная пауза, потом Джереми спросил:

— А Виктор?

Я ничего не ответила. Джереми тоже молчал. Кениг включил радио и принялся искать нужную радиостанцию.

— Они оба умерли давным-давно, — сказал Джереми. — На моих глазах. Вам приходилось когда-нибудь видеть, как ваш друг превращается в живого мертвеца? Ох. Ничего не поделаешь, не всем дано воскресать из мертвых. «Двигается в этом направлении». — До меня не сразу дошло, что он

повторил мои собственные слова. — Этого мне достаточно. Передайте ему, чтобы включил шоу Вилкаса, пожалуйста. Он изменил мою жизнь. Я этого не забуду.

— Я не говорила, что в курсе, где он, — напомнила я.

— Я знаю, — отозвался Джереми. — Этого я тоже не забуду.

Он отключился. Я переглянулась с Сэмом. В лучах почти летнего солнца его глаза казались убийственно, нечеловечески желтыми. На миг я задалась вопросом, поднялась бы у его родителей рука попытаться убить кареглазого или голубоглазого мальчика. Сына, у которого не было бы волчьих глаз.

— Позвони Коулу, — попросил Сэм.

Я набрала номер дома Бека. Один длинный гудок сменялся другим, и когда я уже почти готова была повесить трубку, послышался щелчок, а секунду спустя раздалось:

— Да?

— Коул, — сказала я, — включи радио.

50

КОУЛ

Когда все только начиналось — а под «всем» я подразумеваю свою жизнь, — самоубийство было темой для шуток. «Если бы мне пришлось ехать в одной машине с тобой, я перерезал бы себе вены тупым ножиком». Эти слова имели примерно ту же степень реальности, что и существование единорога. Нет, даже еще меньше. Степень реальности совпадала с реальностью взрыва вокруг мультяшного койота. Десятки тысяч людей каждый день грозятся покончить с собой, а десятки тысяч других людей только смеются над этим, потому что, как в мультике, это забавно и неправдоподобно и выветривается из сознания еще до того, как выключаешь телевизор.

Потом стремление покончить с жизнью стало заболеванием, которое поражало других людей, если те жили в такой грязи, что способны были подхватить подобную инфекцию. Это была «не самая аппетитная тема для разговора за столом, Коул». Подобно гриппу, эта болезнь затрагивала лишь слабых. Те, кто подвергся угрозе заражения, не упоминали об этом вслух. Не хотели беспокоить окружающих.

Лишь в старших классах самоубийство стало возможностью. Не непосредственной вроде «я, возможно, загружу этот альбом, там такая забойная гитара, так и тянет танцевать», а в том смысле, в каком некоторые говорят, что, когда вырастут, наверное, станут пожарным, или астронавтом, или бухгалтером, который без выходных пропадает на работе, в то время как его жена крутит шашни с почтальоном. «Когда я вырасту, наверное, я стану самоубийцей».

Жизнь оказалась пирожным, которое аппетитно выглядело в витрине кондитерской, но обернулось опилками с солью, едва очутившись во рту.

Я хорошо смотрелся, когда пел «конец».

Мне пришлось основать «Наркотику», чтобы превратить самоубийство в цель жизни. В награду за оказанные услуги. К тому времени, когда название «Наркотика» научились выговаривать в России, Японии и Айове, все было наполнено смыслом и лишено его, и я устал ломать голову, как такое может быть одновременно. Меня снова мучил внутренний зуд, от которого я раздирал себя в кровь. Я поставил себе целью совершить невозможное, что бы это ни было, но обнаружил лишь, что невозможное — это ужиться с самим собой. Самоубийство превратилось в дату истечения срока годности, день, после которого не нужно будет больше пытаться.

Я думал, что приехал в Миннесоту умирать.

В два пятнадцать Рик Вилкас вернулся в эфир после первого перерыва на рекламу. В музыкальном мире Рик был богом; как-то раз мы выступали у него на шоу живьем, а потом он попросил меня подписать постер для его жены. По его словам, она соглашалась заниматься любовью исключительно под нашу песню «Тонущий корабль (Ко дну)». Я написал под своим портретом «Возмущай спокойствие» и поставил автограф. В эфире Вилкас был эдаким закадычным другом, который за кружечкой пива делится с тобой секретами, предварительно ткнув локтем в бок.

Вот и сейчас из динамиков в комнате Бека лился его задушевный голос.

— Все, кто слушает нашу передачу, знают — черт, да это знают все, кто слушает радио, — что Коул Сен-Клер, солист «Наркотики» и автор потрясающих песен, уже вот почти год — десять месяцев?

в общем, что-то в этом роде — считается пропавшим без вести. Ай, знаю, знаю — режиссер закатывает глаза. Что бы ты там ни говорил, Бадди, может, он был раздолбаем номер один, но песни писать он умел.

Ну вот я и услышал свое имя по радио. Я не сомневался, за последний год оно было произнесено в эфире не раз, но поймал этот момент я впервые. Я ждал, что почувствую укол сожаления, вину или боль, но не чувствовал ровным счетом ничего. «Наркотика» стала бывшей подружкой, чье фото больше не вызывает в душе никакого отклика.

— Так вот, похоже, у нас есть кое-какие новости о нем, и вы узнаете их первыми, — продолжал Вилкас. — Коул Сен-Клер не умер, ребята. И даже не в плену у шайки поклонниц или у моей жены. Мы только что получили от его агента заявление. Оказывается, у Сен-Клера возникли проблемы со здоровьем из-за употребления наркотиков — кто бы мог подумать, что у солиста «Наркотики» могут быть проблемы с наркотой, ну и ну! — и они с товарищем по группе без лишнего шума отправились за границу в реабилитационную клинику. По утверждению агента, сейчас он вернулся в Штаты, но просит не трогать его, пока он не решит, что будет делать дальше. Ну вот, теперь вы все знаете, ребята. Коул Сен-Клер жив. Нет-нет, не благодарите меня пока. Скажете «спасибо» потом. Теперь будем надеяться на триумфальное турне в честь воссоединения группы. Моя жена будет на седьмом небе. Коул, если ты сейчас нас слушаешь, не спеши, соберись с мыслями. Рок подождет.

Вилкас поставил одну из наших песен. Я выключил радио и почесал тубы. Ноги затекли от сидения на корточках перед стереосистемой.

Еще полгода назад ничего хуже для меня и быть не могло. Тогда мне ничего не хотелось больше, чем считаться пропавшим без вести или погибшим, разве что на самом деле пропасть без вести или умереть.

— Значит, теперь ты возродился официально, — подала голос с дивана Изабел.

Я снова включил радио, чтобы застать конец песни. Моя левая рука покоилась на колене ладонью вверх, и я чувствовал себя так, будто на ладони передо мной лежит весь мир. Словно я только что совершил побег из тюрьмы.

— Угу, — сказал я. — Похоже на то.

51

СЭМ

Как только увидел полуостров, я понял, что решение найдено.

Не то чтобы въезд был особенно впечатляющим. Он представлял собой ворота из грубо обтесанных бревен с выжженным на поперечине названием «База отдыха "Найф-лейк"»; по обеим сторонам от ворот тянулась деревянная изгородь. Кодовый замок никак не желал поддаваться, и Кениг негромко выругался, но в конце концов ворота все же открылись. Кениг повел нас вдоль изгороди, чтобы показать место, где штaketник сменялся рабицей, через каждые несколько футов прибитой к стволу очередного дерева скобами. Он вел себя вежливо и деловито, ни дать ни взять агент, демонстрирующий потенциальным покупателям дорогой земельный участок.

— А как тут обстоит дело с водой? — поинтересовался я.

Грейс рядом со мной прихлопнула комара. Их здесь было великое множество, несмотря на прохладную температуру. Я порадовался, что мы приехали днем, а не вечером, а то нас просто сожрали бы.

Кениг подергал за проволочную сетку; она была надежно прикреплена к шершавой сосновой коре.

— Тут же озеро рядом, я разве не говорил? Хотите взглянуть?

Я не был в этом уверен, поскольку не знал, что ожидаю увидеть. В вышине кричал дрозд, эти звуки, правда, больше походили на скрип ржавых качелей. Где-то поодаль пела еще какая-то птица, как будто кто-то раскатисто тянул «рр», за ней еще одна и еще — бесконечное наслоение деревьев и птиц, какое бывает в тех местах, где на сотни акров окрест нет ни единого человеческого следа. Стоя в этом вековом бору, куда давным-давно не ступала нога человека, я чуял стадо оленей, копошащихся бобров и мелких грызунов, чьи норы пронизывали каменистую почву, и по коже у меня разбежались мурашки возбуждения. Давно уже я не чувствовал себя настолько волком.

— Я хочу, — встряла Грейс — Если вы не возражаете.

— За этим мы сюда и приехали, — пожал плечами Кениг и зашагал сквозь чашу своей по обыкновению уверенной походкой. — Только не забудьте потом проверить, нет ли на вас клещей.

Я двинулся следом, предоставив Грейс вникать во все детали здешней жизни, а сам пытался представить здесь стаю. Лес был густой и труднопроходимый; все вокруг заросло папоротником, под которым скрывались ямы и большие камни. Изгородь защищала полуостров от проникновения крупных животных, поэтому, в отличие от Пограничного леса, здесь не было звериных троп. Тут у волков не окажется соперников. Ничто не будет им угрожать. Кениг был прав: если мы все-таки решим переселять волков, лучшего места не найти.

Грейс сжала мой локоть, наделав по пути ко мне столько шума, что до меня дошло, насколько я отстал.

— Сэм, — произнесла она, слегка задыхаясь, как будто на уме у нее было то же, что и у меня. — Ты видел домик?

— Я разглядывал папоротники, — отозвался я.

Она ухватила меня под руку и рассмеялась звонким счастливым смехом, которого я не слышал уже давным-давно.

— Папоротники, — повторила она и стиснула мою руку. — Ну ты даешь. Идем.

Держаться за руки в присутствии Кенига было очень странно, возможно, потому, что он первым делом обратил на это внимание, когда мы выбрались на поляну с домиком. Очутившись на открытом пространстве, он натянул на голову бейсболку для защиты от слепней — почему-то вид у него от этого стал более, а не менее официальный — и остановился перед потемневшим деревянным строением, которое показалось мне громадным. Оно было сколочено из грубо обтесанных бревен и выглядело в точности так, как, по представлениям туристов, должен выглядеть дом в Миннесоте.

— Это и есть база?

Кениг двинулся вперед, на ходу отбрасывая мусор с бетонной дорожки, которая вела к зданию.

— Угу. Раньше она выглядела намного приличнее.

Я ожидал — нет, даже не ожидал, а надеялся — увидеть крошечную лачугу, осколок былой жизни базы, в которой члены стаи могли бы укрываться, когда превращались в людей. Почему-то, когда Кениг упомянул базу отдыха, мне и в голову не пришло, что речь идет о настоящей базе. Я думал, это слегка преувеличенный рассказ о прогоревшем семейном бизнесе. Должно быть, когда этот дом только построили, тут было на что посмотреть.

Грейс выпустила мою руку, чтобы получше рассмотреть дом. Она заглянула в пыльное окно, ладонями прикрывая глаза от внешнего света. Вьюнок, ползший по стене вверх, оказался у нее на макушке. Трава, пробившаяся сквозь трещины между бетонной площадкой вокруг дома и фундаментом, доходила ей до щиколотки. В сравнении с царившим вокруг запустением она, со своими светлыми волосами, рассыпавшимися по плечам, в чистеньких джинсах и моей ветровке, выглядела очень аккуратной.

— По-моему, очень симпатично, — вынесла она свой вердикт, чем мгновенно навеки завоевала мое сердце.

Сердце Кенига, похоже, тоже было завоевано. Поняв, что она говорила без сарказма, он произнес:

— Я тоже так думаю. Только тут нет электричества. Раньше было, а теперь нет. Теоретически можно провести его снова, но тогда придется раз в месяц пускать на территорию контролеров.

Грейс как прилипла к окну, так и стояла до сих пор.

— Да, это похоже на начало фильма ужасов, — сказала она. — Но в доме ведь есть большой камин. Вели пользоваться им, можно тут жить и без электричества.

Я подошел к ней и тоже прижался носом к стеклу. Внутри я разглядел просторную сумрачную комнату, большую часть которой занимал массивный камин. Все казалось серым и заброшенным: бесцветные из-за пыли коврики, засохший цветок в кадке, прибитая к стене голова какого-то зверя, не подлежащего опознанию в силу своей древности. Это было фойе заброшенной гостиницы, салон «Титаника» на океанском дне.

— Можно я осмотрю остальную территорию? — Я отошел от окна и осторожно потянул Грейс подальше от вьюнка: это был ядовитый плющ.

— Пожалуйста, сколько душе угодно, — ответил Кениг, потом, после паузы, заговорил снова: — Сэм?

В его голосе прозвучала неуверенная нотка, и я понял, что мне не понравится то, что я сейчас услышу.

— Да, сэр? — отозвался я.

Слово «сэр» сорвалось с языка неожиданно для меня самого, и Грейс даже не покосилась в мою сторону, посмотрела только на самого Кенига. Неужели он таким тоном произнес свое «Сэм»?

— Джефффри Бек официально твой приемный отец?

Сердце у меня екнуло, но не потому, что это была ложь, просто я не понимал, к чему этот вопрос. Может, он передумал нам помогать? Я попытался напустить на себя невозмутимый вид.

— А почему вы спрашиваете?

— Я пытаюсь решить, расценивать то, что он с тобой сделал, как преступление или нет.

Несмотря на то что здесь, в миннесотской глуши, мы были начисто оторваны от контекста, я понял, о чем он. Он говорил обо мне, опрокинутом навзничь в сугроб перед ничем не примечательным домом, и о горячем волчьем дыхании на моем лице. Вот теперь сердце у меня заколотилось по-настоящему. А вдруг он вовсе и не собирался нам помогать? Вдруг эта поездка и все эти разговоры были затеяны с единственной целью изобличить Бека? Откуда мне было знать, зачем это все? Кровь бросилась мне в лицо; наверное, наивно было думать, что полицейский вот так бросится нам помогать.

Я выдержал взгляд Кенига, хотя пульс у меня зашкаливал.

— Он же не мог знать, что мои родители попытаются меня убить.

— О, это лишь выставляет его в еще более неприглядном свете, — произнес Кениг быстро: видимо, предвидел мое возражение. — Если бы они не попытались убить тебя, сойдя тем самым со сцены, что он стал бы делать? Устроил бы похищение? Забрал бы он тебя к себе, если бы они не облегчили ему задачу?

— Нельзя обвинять человека в том, что он мог бы сделать, — вмешалась Грейс.

Я покосился на нее. Интересно, она сейчас думала о том же, о чем и я?

— Но это он натравил на Сэма тех двух волков с намерением причинить ему зло, — не сдавался Кениг.

— Не зло, — пробормотал я, отводя глаза.

— Я считаю то, что он сделал с тобой, злом, — очень серьезно произнес Кениг. — Вот ты, Грейс, стала бы подходить к чужим детям и кусать их?

Грейс поморщилась.

— А ты, Сэм? Не стал бы? Если мир ничего не знает об оружии, которое пустил против тебя в ход Джефффри Бек, это не делает его нападение менее вероломным,

В общем-то, я понимал, что он прав, но ведь речь шла о Беке, которого я знал, о Беке, который сделал из меня того, кем я был. Если, как считала Грейс, я являлся человеком добрым и великодушным, то это все благодаря Беку. Если он был таким уж чудовищем, значит, я тоже неминуемо должен был стать чудовищем по его образу и подобию? От меня никогда не скрывали обстоятельств, при которых я попал в стаю. Притормозившая машина, волки, гибель Сэма Рота, сына обывателей из Дулута, мать которого работала на почте, а отец — в какой-то конторе на непонятной для семилетнего мальчишки работе. Сейчас, оглядываясь назад с позиций взрослого, я понимал: нападение волков не было случайностью. И знал, что за ним стоял Бек. Это он срежиссировал все — слово «срежиссировать» говорило об умысле, и смягчить его было трудно.

— Он еще что-нибудь с тобой делал, Сэм? — спросил Кениг.

Я даже не сразу понял, что он имеет в виду. Потом вскинул голову:

— Нет!

Кениг лишь молча смотрел на меня с укором в глазах. Я ненавидел его за то, что он отнял у меня Бека, но еще больше ненавидел Бека — за то, что отнять его оказалось так просто. Мне хотелось обратно в мир, где все было либо черное, либо белое — и никаких полутонов.

— Перестаньте, — попросил я. — Пожалуйста, перестаньте. Прошу вас.

— Бек теперь волк, — мягко произнесла Грейс. — Думаю, нелегко было бы привлечь его к ответственности, а если бы это вам и удалось, я считаю, что он и так уже отбывает свое наказание.

— Прошу прощения. — Кениг вскинул руки над головой, как будто я целил в него из оружия. — Отпечаток профессии. Ты права. Я просто... а, неважно. Сложно выкинуть эту историю из головы, если уж начал о ней думать. Вашу историю. Историю стаи. Хотите посмотреть на дом изнутри? Я сейчас открою, загляну туда на минутку. Нужно убедиться, что внутри не осталось ничего такого, за чем мои родные могли бы вернуться.

— Я лучше сначала пойду пройдуся, — пробормотал я. От облегчения, что Кениг именно такой, каким представлялся, я чувствовал себя опустошенным. Весь наш план казался таким шатким. — Если вы не против.

Кениг отрывисто кивнул. Вид у него все еще был виноватый. Он подергал ручку двери. Она послушно подалась, и он, не глядя на нас, вошел в дом.

Как только он скрылся внутри, я свернул за угол дома, а Грейс двинулась следом, предварительно стряхнув со штанины клеща и раздавив его ногтями. Я не имел четкого представления о том, куда собираюсь идти — просто прочь от дома, все глубже в лесную чащу, все идти и идти. Наверное, я хотел увидеть озеро. По дощатым мосткам мы удалились футов на триста от дома и углубились в заросли деревьев. Потом деревья сменились кустами и папоротниками. Я слушал пение птиц и треск ветвей у нас под ногами. Солнце окрашивало местность в золотисто-зеленые тона. Внутри у меня все сжималось и маленький неподвижный, тихий комочек.

— Сэм, этот вариант может сработать, — сказала Грейс.

Я не смотрел на нее. Я думал о многих милях дороги, отделявших нас от дома. Дом Бека уже превратился в ностальгическое воспоминание.

— Это жуть, а не дом.

— Его можно привести в порядок, — не сдавалась Грейс. — Этот вариант может сработать.

— Я знаю, — сказал я. — Я знаю, что может.

Перед нами из земли выдавался массивный каменистый выступ; к нему вели узкие длинные скалы, плоские, как ступени. Грейс лишь на миг помедлила, прежде чем начать подъем. Я двинулся следом, и мы вдвоем остановились на небольшом пятачке высоко над землей, но все же недостаточно высоко, чтобы видеть вершины самых рослых деревьев. Лишь странное звенящее чувство, какое появляется, когда забираешься на высоту, ощущение, будто земля внизу еле заметно движется, свидетельствовало о том, что мы стали чуть ближе к небу. Я никогда не видел таких высоких сосен в Мерси-Фоллз. Одна из них склонялась почти к самой вершине уступа, и Грейс с изумленным выражением погладила шершавый ствол.

— Какая красота.

Не отрывая руки от ствола, она задрала голову, чтобы увидеть верхушку. Я не мог не любоваться ею, такой красивой она казалась с полуоткрытым от восхищения ртом, вытянувшаяся в струнку, как дома на этом скалистом уступе посреди лесной глуши.

— Тебя невозможно не любить, — сказал я ей. Грейс оторвалась от сосны и обернулась ко мне.

Она склонила голову набок, как будто я загадал ей загадку и она ломала голову над ответом.

— Почему у тебя такой грустный вид?

Я сунул руки в карманы и стал разглядывать землю у подножия скалы. Если присмотреться хорошенько, зелень там была десятка различных оттенков. Волком я не обратил бы внимания ни на один.

— Мы нашли место. Но сделать это придется мне, Грейс. Так хочет Коул. Мы не сможем переловить всех волков капканами, а чтобы загнать их, у нас недостаточно рук. Единственная возможность — привести их из Пограничного леса сюда, но вести должен волк с подобием человеческого чувства направления. Я хотел, чтобы это сделал Коул. Я думал о том, что, если бы в мире все было справедливо и логично, это его дело. Ему нравится быть волком; это его наука, его игрушки. Если бы жизнь была справедливой, это он вывел бы их из Пограничного леса. Но нет. По его словам, в волчьем теле он не может вспомнить ничего из своей человеческой жизни. Пытался, но не получается.

До меня доносилось дыхание Грейс, медленное и затаенное, однако она ничего не сказала.

— Но ты даже не превращаешься больше в волка, — произнесла она наконец.

У меня был на это ответ. Не допускающий ни тени сомнения.

— Коул может превратить меня обратно в волка. Грейс вытащила мою руку из кармана и сжала мои согнутые пальцы. Я ощутил, как легко и мерно бьется у нее на запястье жилка.

— Я уже начал воспринимать все это как данность, — произнес я, водя пальцем по ее ладони. — Уже начал думать, что мне никогда больше не придется пройти через это снова. Мне стало нравиться быть тем, кто я есть.

Я готов был рассказать ей, как не хочу снова становиться волком и даже вспоминать о превращении. Рассказать о том, что я наконец-то начал думать о себе в настоящем времени, воспринимать жизнь в ее непрерывном течении, а не урывками между превращениями. Но я боялся, что

голос подведет меня. И от высказанного вслух признания моя задача не становилась ни на йоту легче. Поэтому я промолчал.

— Ох, Сэм. — Грейс обвила мою шею руками, и я уткнулся лицом в ее плечо. Ее пальцы гладили мои волосы. Я услышал, как она сглотнула. — Когда мы...

Она не договорила, лишь молча обняла меня так крепко, что я с трудом мог дышать. Я поцеловал ее ключицу, чувствуя, как ее волосы щекоют мне лицо. Она вздохнула.

Ну почему все, что бы я ни делал, казалось прощанием?

Лес вокруг нас наполнился звуками: заливались пением птицы, журчала вода, свистел в листве ветер. Он жил своей жизнью до нашего приезда и собирался продолжать жить ею и после того, как мы уедем. Материя этого природного мира была соткана из затаенных безмолвных горестей, и наши собственные были на ней лишь еще одним стежком.

— Сэм. — У подножия скалы стоял Кениг. Мы с Грейс отпрянули друг от друга. Во рту у меня остался волосок Грейс, я убрал его. — Тебе несколько раз кто-то звонил, но соединение разрывалось до того, как они успевали оставить сообщение. На самом деле здесь плохой прием, никто не может дозвониться. Звонок был с твоего домашнего номера.

— Коул.

— Нужно ехать обратно, — сказала Грейс, уже спускаясь вниз точно с той же уверенностью, с какой забиралась на скалу.

Она остановилась рядом с Кенигом, и они принялись разглядывать скалу и подступающий к ней лес, ожидая, когда я присоединюсь к ним.

Кениг кивнул на деревья.

— Ну, что скажешь?

Я взглянул на Грейс, и Кениг сделал то же самое. Она молча кивнула.

— Ты тоже так считаешь? — спросил он.

Я уныло улыбнулся.

— Вот и я так подумал, — сказал он. — Это удачное место, чтобы затеряться.

52

КОУЛ

За день я пытался дозвониться до Сэма столько же раз, сколько до Изабел за два месяца. И ровно с тем же успехом, а именно безрезультатно. Можно было принять это на свой счет, но мне больше нравилось думать, что необходимый урок я уже усвоил. Терпение. Терпение и труд все перетрут.

Чем-чем, а терпением я никогда не отличался.

Я набрал номер Сэма. Длинные гудки били в ухо до тех пор, пока мне не стало казаться, что каждый последующий длиннее предыдущего.

Минуты тянулись неразличимо. Я включил музыку, но даже песни, казалось, звучали в режиме замедленного воспроизведения. Каждый раз, когда снова начинался припев, меня охватывало раздражение; возникало такое чувство, что я уже успел прослушать его сотню раз.

Я набрал номер Сэма.

Ответа не было.

Я взбежал по лестнице, ведущей из подвала на первый этаж, и направился в кухню. Все основное после себя я уже прибрал, но, в качестве акта доброй воли и чтобы убить время, намочил бумажное полотенце и принялся протирать столешницу, потом сложил небольшую пирамидку из рассыпанных кофейных обмолков и крошек от тостов.

Я набрал номер Сэма. Снова гудки. Я сбегал обратно в подвал, оттуда вернулся к себе в комнату и принялся рыться в своих вещах. Мне ничего не было нужно, я просто хотел чем-то себя занять, к чему-то приложить руки. Ноги бежали куда-то независимо от того, стоял я или нет, так что я с тем же успехом мог бы встать.

Я набрал номер Сэма.

Пиийип-пиийип-пиийип-пиийип. Пиийип-пи-ийип. Пиийип-пиийип.

Я прихватил пару спортивных штанов с футболкой и спустился в подвал. Положил одежду на кресло. Может, надо было найти рубашу или свитер? Нет. Хватит и футболки. Нет. Наверное, лучше все-таки свитер. Я сходил наверх и принес из комода фуфайку с эмблемой Беркли.

Я набрал номер Сэма.

Безрезультатно. Безрезультатно! Да где он шляется?!

Я записал кое-что в записной книжке Бека, которая теперь принадлежала мне. Снова спустился в подвал. Проверил термостат. Включил его на максимальную температуру. Притащил из гаража радиаторы. Отыскал розетки и включил обогреватели в сеть. В подвале уже была настоящая парилка. И все равно этого было недостаточно. Мне нужно было лето в отдельно взятом подвале.

Я набрал номер Сэма.

Два гудка. Три.

— Что там у тебя, Коул?

Это был Сэм. Его слабый голос еле пробивался сквозь помехи, но это был он.

— Сэм, — сказал я. Собственный голос показался мне слегка брюзгливым, но я подумал, что сегодня мне можно. Я взглянул на тело волка, лежащее предо мной на полу. Воздействие снотворного уже начинало улетучиваться. — Я поймал Бека.

53

СЭМ

Только когда Коул поймал Бека, я вспомнил, что сегодня Китайский день.

Долгое время я считал Китайский день взаправдашним праздником. Каждый год в мае в один и тот же день Ульрик, Пол и остальные, кто был в доме, забирали нас с Шелби и отправлялись развлекаться — покупали шарики, шли в какой-нибудь музей, под видом тест-драйва брали в автосалоне покататься роскошную машину, которую не собирались покупать, — после чего устраивали себе грандиозный пир в «Форчун гарден» в Дулуте. Я обыкновенно ограничивался фаршированными блинчиками и традиционным печеньем с предсказаниями, но ассоциация с разгульным днем все равно превращала его в мой любимый ресторан. Каждый раз мы выходили оттуда, нагруженные десятком коробок с недоеденными остатками, и все это потом неделями стояло в холодильнике. Домой мы приезжали уже сильно затемно, и меня, совершенно сонного, приходилось едва ли не на руках тащить на второй этаж, в кровать.

Бек никогда с нами не ходил. Пол каждый год объяснял это как-нибудь по-новому. «Ему нужно поработать, а мы ему мешаем». «Он вчера поздно лег». «Он не отмечает Китайский день». Откровенно говоря, я не особенно об этом задумывался. Мне в этот день обычно и без того было чем заняться. Правда заключалась в том, что я был юн и поглощен самим собой, и, как это свойственно юному возрасту, не думал о том, чем занимаются мои опекуны в мое отсутствие. Мне несложно было вообразить, что Бек трудится в поте лица у себя в кабинете, если вообще возникала такая необходимость.

Так многие годы мы и отмечали Китайский день. Поднимались пораньше на рассвете и выметались из дома. По мере взросления я начал замечать всякие мелочи, которые ускользали от моего внимания в детстве. Уезжая, Ульрик с Полом всегда отключали телефон и запирали дверь на все замки, как будто дома никого не оставалось.

Годам к тринадцати-четырнадцати я уже не засыпал к тому моменту, когда мы возвращались домой. Обычно я прикидывался сонным, чтобы без помех скрыться у себя в комнате с новой книгой или еще каким-нибудь приобретением этого дня. Из комнаты я выбирался лишь в туалет, уже перед тем, как окончательно выключить свет. Но однажды, выйдя из комнаты, я вдруг услышал... что-то непонятное. Не помню, что такое в этом звуке заставило меня задержаться в коридоре. Видимо, он показался мне странным, необычным.

Так и вышло, что я впервые бесшумно пробрался на цыпочках мимо ванной к приоткрытой двери в комнату Бека. Немного не доходя до комнаты я остановился, прислушался и оглянулся по сторонам, убеждаясь, что за мной никто не следит. А потом сделал еще один бесшумный шаг и заглянул в щелку.

Маленькая настольная лампа слабо освещала комнату. Посредине на полу стояла тарелка с нетронутым сэндвичем и побуревшими дольками яблока, рядом с ней кружка с остывшим кофе. Молоко успело расслоиться, образовав по краю тошнотворный круг. Чуть поодаль на полу в изножье кровати спиной ко мне сидел Бек. Никогда не забуду его позу. Он весь сжался, подтянув согнутые колени к груди, как маленький, и обхватив низко опущенную голову руками, будто пытался прикрыться от взрыва.

Я ничего не понял. А потом вновь услышал тот самый негромкий звук и увидел, что плечи у него трясутся. Не плечи даже, а все тело, и не трясутся, а скорее подрагивают в судорожных безмолвных рыданиях человека, который находится в таком состоянии уже некоторое время и экономит силы перед долгим марафоном.

Помню, я тогда не почувствовал ничего, кроме абсолютного изумления. Бек все это время жил с такой болью внутри, а я ничего не подозревал, ни о чем даже не догадывался! Потом уже я узнал, что это был не единственный секрет Бека, но, пожалуй, самый тщательно охраняемый.

Я оставил Бека наверху наедине с его горем и, спустившись вниз, обнаружил в гостиной Ульрика, который бесцельно переключал телевизор с одного канала на другой.

— Что с ним такое? — спросил я просто.

Тогда-то я и узнал про жену Бека и про то, что она умерла в этот день в мае девять лет назад. Прямо перед тем, как меня укусили. Я тогда не уловил никакой связи между этими двумя событиями, а если и уловил, то выбросил из головы как что-то незначительное, не имеющее особой важности.

Теперь я эту связь видел.

54

СЭМ

Когда мы сворачивали к дому, снова зазвонил телефон. Кениг не стал даже ставить свой пикап на «ручник», просто придавил педаль тормоза. Он взглянул на часы, потом, пока мы выгружались из машины, посмотрел в зеркало заднего вида.

— Вы не зайдете? — спросила его Грейс, заглядывая в кабину.

Мне и в голову не пришло, что он может ждать приглашения.

— Нет, — ответил Кениг. — Уверен, то, что сейчас там происходит... словом, я предпочитаю преступную неосведомленность. Я вас сегодня не видел. Ты еще собиралась сегодня поговорить с родителями.

Грейс кивнула.

— Да. Спасибо вам. За все.

— И от меня, — добавил я.

Этого было совершенно недостаточно. Телефон продолжал надрываться. Звонил Коул. Мне нужно было поговорить с Кенигом по-нормальному, но... Бек. В доме был Бек.

— Позвоните мне потом, когда примете решение, — сказал Кениг. — И, Сэм, возьми трубку.

Грейс захлопнула дверцу и два раза шлепнула по боку пикапа, давая Кенигу знак отъезжать.

— Я дома, — произнес я в трубку.

— Как-то ты не быстро, — отозвался Коул. — Вы пешком шли, что ли?

— Что? — переспросил я. Лучи солнца били в глаза сквозь кроны сосен; я сощурился и отвернулся в другую сторону. Я решил, что недопонял Коула. — Я сейчас перед домом.

Коул ответил не сразу.

— Вот и славненько. Давай дуй скорее вверх. И запомни: если тебя укусят, это была твоя идея.

— Мне спрашивать или лучше не стоит?

— Наверное, я был не прав, когда взял дозировку в расчете на собаку. Не стоит верить всему, что пишут в Интернете. Видимо, волкам нужно больше, чем истеричным немецким овчаркам.

— Господи, — вздохнул я. — Значит, Бек на свободе? Бегаёт неизвестно где в доме?

В голосе Коула внезапно зазвучали резковатые нотки.

— Я хотел бы напомнить, что и так уже совершил невозможное. Выловил его в лесу. Теперь ты, так и быть, можешь вытащить его из своей комнаты.

Мы поспешили к двери. Солнце, бьющее в окна, превращало их в зеркала. Когда-то давным-давно это было время ужина. Меня ждали разогретая в микроволновке еда, невыполненное домашнее задание по алгебре, гремящий из динамиков рок и Ульрик, изображающий из себя барабанщика. Бек встречал меня словами: «Кто-то говорил, что у европейцев отличный вкус. Этот кто-то крупно ошибался». В доме тогда яблоку негде было упасть. Я приходил и скрывался от этого кавардака у себя в комнате.

Теперь мне всего этого не хватало.

Бек. Там Бек.

— Ты что, даже в дом еще не зашел? — прошипел Коул. — Елки-палки, где ты там застрял?

Входная дверь оказалась заперта.

— На, поговори с Грейс, — сказал я.

— Мамочка не скажет мне ничего такого, чего не сказал бы папочка, — фыркнул Коул, но я все равно сунул ей трубку.

— Поговори с ним пока. Мне нужно найти ключи.

Я порывлся в кармане и отпер входную дверь.

— Привет, — сказала Грейс — Мы уже заходим.

Она нажала кнопку отбоя.

Я распахнул дверь и поморгал, привыкая к полумраку. Первое, что бросилось мне в глаза, были красные полосы света, которыми бьющее в окно солнце расчерчивало комнату. Ни Коула, ни волка видно не было. Значит, несмотря на саркастический ответ Коула, они оба были внизу.

Зазвонил телефон.

— Ух ты! — воскликнула Грейс, передавая мне трубку.

Я поднес ее к уху.

— В подвал, — сказал Коул. — Ориентируйся на запах жареного мяса.

Дверь в подвал была открыта; оттуда пыхало жаром. Даже с лестницы я чувял волчий запах: натянутых нервов, влажной лесной земли, свежей весенней зелени. Я двинулся по ступеням в тускло освещенное чрево подвала, чувствуя, как от волнения начинает сосать под ложечкой. У подножия лестницы, скрестив на груди руки, стоял Коул. За то время, пока я спускался, он успел похрустеть всеми по очереди пальцами на правой руке и приняться за левую. За спиной у него я заметил радиаторы, источник удушливого жара.

— Ну наконец-то, — приветствовал меня Коул. Еще пятнадцать минут назад он был куда спокойнее. — Что так долго-то? Вы, может, в Канаду катались? Или вам пришлось перед отъездом сконструировать вечный двигатель внутреннего сгорания?

— Там только в одну сторону часа два дороги.

Я взглянул на волка. Он лежал в неестественно изогнутой позе, которую по доброй воле ни за что не приняло бы ни одно животное в полном сознании. Задняя половина на боку, передняя — на брюхе. Голова моталась из стороны в сторону, глаза были полузакрыты, уши повисли тряпочками. Волчье сердце колотилось, как у мотылька, летящего в огонь.

— Могли бы ехать и побыстрее, — пожал плечами Коул. — Полицейским ничего не бывает за превышение скорости.

— Зачем тут радиаторы? — спросил я. — Они не превратят его в человека.

— Если все получится, это поможет ему удержать человеческое обличье чуть подольше, — пояснил Коул. — При условии, конечно, что нас всех не разорвут прежде в клочья, а это вполне возможно, если мы еще немного потянем время.

— Ч-ш-ш, — шикнула Грейс. — Ну, Сэм, да или нет?

Она смотрела на меня, а не на Коула. Решение было за мной.

Я присел перед волком на корточки, и мое появление произвело на него неожиданное воздействие. Волчьи уши дрогнули, глаза сфокусировались на мне. Глаза Бека. Бек. У меня защемило сердце. Я ждал чего-то, что сказало бы мне: он узнал меня, — но так и не дождался. Его взгляд потух, лапы бестолково задергались, пытаясь поднять одурманенное тело.

Внезапно мысль о том, чтобы всадить в него шприц, полный эпинефрина и еще бог знает чего, показалась мне нелепой. Этот волк был волком настолько прочно, что нечего было и думать вытащить из него Бека. Это были лишь глаза Бека, но самого Бека за ними не было. В голове, точно спасательный круг, крутились стихи — отвлечься, заслониться.

*Пустым домам не нужно окон,
Никто в них больше не заглянет.
И вообще, к чему им окна,
Никто не выглянет оттуда.*

Мысль о том, чтобы увидеть его снова, просто увидеть его — человеком, — оказалась неожиданно завораживающей. До сих пор я и не подозревал, как сильно мне этого хотелось. Насколько мне это было нужно.

Коул присел рядом с нами со шприцем в руке.

— Сэм?

Однако смотрел он на Грейс, а она — на меня. В моем сознании вновь промелькнул тот миг, когда волк посмотрел мне в глаза. Его взгляд, в котором не было ни тени осмысленности, ни проблеска понимания. Мы не представляли, с чем имеем дело. Не представляли, какое воздействие окажет на него препарат. Коул ведь уже промахнулся с дозировкой бенадрила. А вдруг этот укол убьет Бека? Как мне потом с этим жить? Я знал, какое решение принял бы — да что там, уже принял — в подобной ситуации сам. При выборе между смертью и шансом стать человеком я выбрал пойти на риск. Но у меня был этот выбор. Я мог согласиться или отказаться.

— Подожди, — сказал я.

Волк попытался подняться на непослушные лапы, верхняя губа его угрожающе приподнялась, обнажая зубы.

С другой стороны, ведь это было: я, распластанный на снегу, моя жизнь, которой меня, не спросив, лишили, хлопок дверцы машины, Бек, строящий планы на мое обращение. Тогда мне никто не дал выбора, мне просто навязали все это в один далеко не прекрасный день, который мог быть совершенно ничем не примечательным днем моей жизни в череде других точно таких же. Он принял это решение за меня. Так что все по справедливости. Я не имел права голоса тогда. Он не имел этого теперь.

Мне очень хотелось, чтобы все получилось. Пусть он станет человеком, тогда я смогу потребовать у него ответы на все вопросы, которых так ему и не задал. Если вернуть ему человеческий облик, он в последний раз сможет взглянуть мне в глаза и сказать, почему из всех людей на земле он поступил так именно со мной, почему со мной, зачем ему вообще понадобилось это делать, зачем? И в то же время, как ни немыслимо это звучало, мне очень хотелось увидеть его снова, чтобы сказать, как сильно мне его не хватает.

Я хотел этого.

Но я не знал, хочет ли он.

Я взглянул на Коула.

— Нет. Я передумал. Я не могу. Не могу взять на себя такую ответственность.

Зеленые глаза Коула на миг встретились с моими.

— Зато я могу, — заявил он.

И быстрее молнии вонзил иглу в бедро волка.

КОУЛ

— Коул! — ахнула Грейс— Ты что? Ты что такое...

Тут волк забился на полу, и она умолкла. Тело Бека сотрясали яростные спазмы. Невозможно было сказать, что происходит на наших глазах — смерть или перерождение. По волчьей шкуре пробежала волна, зверь неестественным резким движением вскинул голову и заскулил, пронзительно и протяжно.

У меня получилось.

Волчья пасть разверзлась в безмолвной агонии.

Сэм отвернулся.

Получилось!

Мне хотелось, чтобы здесь сейчас оказался мой отец, тогда я мог бы сказать ему: «Вот, взгляни. Что мне все твои заковыранные задания, ты посмотри на это». Меня просто распирало.

Внезапным судорожным рывком волк высвободился из своей шкуры и поник на вытертом ковре у подножия лестницы. Впрочем, это уже не был волк. Он лежал на боку, кожа и кости, обмотанные крепкими веревками жил, и его пальцы скребли ковер. Спину расчерчивали бесцветные шрамы, как будто это была скорлупа, а не кожа. Я смотрел как зачарованный. Это был не человек, а скульптура человекообразного животного, созданного для бега и охоты.

Руки Сэма бессильно висели по бокам. Грейс смотрела на меня, и лицо у нее было бешеное.

Но передо мной лежал Бек.

Бек.

Я все-таки вытащил его из волчьего тела.

Не сразу, но я все же нашарил на стене выключатель. Желтый свет залил подвал, озаряя заставленные книгами стеллажи вдоль стен, и Бек судорожно прикрыл глаза рукой. По коже его все еще время от времени пробегала рябь, как будто она не была до конца уверена, захочет ли остаться в своем теперешнем виде. Радиаторы сильно нагрели подвал, и уже нечем было дышать. Меня жара вдавливала в мою кожу так прочно, что я не мог даже представить, как можно быть кем-то другим. Если даже этот ад не удержит его в человеческом обличье, не поможет уже ничто.

Сэм молча поднялся по лестнице и плотно закрыл дверь в подвал, чтобы не проник даже малейший сквозняк.

— Тебе очень повезло, что обошлось без осложнений, — вполголоса сказала мне Грейс.

Вместо ответа я вскинул бровь и обернулся к Беку.

— Послушайте, — сказал я, — если вы уже закончили, у меня есть для вас кое-какая одежда. Благодарить будете потом.

Лежащий на полу Бек негромко охнул и заерзал, как безотчетно делает человек, испытывающий боль. Потом слегка приподнялся — движение было скорее волчьим, нежели человеческим, — и наконец посмотрел на меня.

Все было как много месяцев назад, только тогда я лежал перед ним в теле, которое своими руками превратил в развалину.

«Есть и другой выход, — сказал он мне тогда. — Я могу помочь тебе выбраться из этого мира. Я могу помочь тебе скрыться. Я могу помочь тебе все исправить».

И вот столько времени спустя — а мне казалось, что с того дня, когда он впрыснул мне волчий токсин, прошли годы — он снова был передо мной. Круг замкнулся, да еще как симметрично: человек, превративший меня в оборотня, стал волком, которого я превратил в человека.

Впрочем, по глазам Бека видно было, что сознание его все еще где-то далеко. Он принял странную звериную позу, нечто среднее между сидением на корточках и стоянием на четвереньках, и настороженно поглядывал на меня. Руки у него тряслись, не знаю уж, после превращения или из-за сделанного мною укола.

— Скажете, когда вспомните меня, — обратился я к нему и взял с кресла заранее приготовленные штаны и фуфайку, тщательно следя, чтобы не повернуться к нему спиной.

Скомкав вещи, я бросил их в сторону Бека. Они с мягким шелестом приземлились на полу перед ним, но он не обратил на них никакого внимания. Его взгляд переместился с меня на книжные полки за моей спиной, потом на потолок. Выражение лица мало-помалу становилось все более и более осмысленным, он превращался из Бека-волка в Бека-человека.

В конце концов он неуверенно натянул штаны и обернулся ко мне. Фуфайка осталась лежать на полу.

— Как ты это сделал?

Смотрел он при этом не на меня, как будто не ждал ответа на этот вопрос, а на собственные руки, на широко растопыренные пальцы. Внимательно изучив тыльную сторону, он перевернул их и принялся с сосредоточенным видом разглядывать ладони. Этот жест был настолько интимным, не предназначенным для чужих глаз, что я отвел взгляд. Мне вдруг почему-то вспомнились похороны Виктора.

— Коул, — хриплым, скрипучим голосом произнес он, потом откашлялся, и со второй попытки у него вышло чуть лучше. — Как ты это сделал?

— Адреналин, — не вдаваясь в подробности, пояснил я. — И еще кое-какие добавки.

— Откуда ты знал, что это сработает? — спросил Бек, и сам же себе ответил, не дав мне возможности вставить ни слова: — Ты не знал. Это был эксперимент.

Я ничего не сказал.

— Ты знал, что это я?
Смысла врать не было. Я кивнул.
Бек вскинул на меня глаза.

— Вот и хорошо. В этих лесах есть волки, которым следует оставаться волками. — Видимо, до него вдруг дошло, что напротив меня стоит Грейс.— Грейс, — начал он. — Сэм... у вас получилось? Он...

— Все получилось, — негромко произнесла Грейс. Руки у нее были крепко сплетены перед грудью. — Он стал человеком и с тех пор больше в волка не превращался.

Бек зажмурился и запрокинул голову назад. Плечи у него содрогнулись. Я видел, как дернулся его кадык. Это было неприкрытое облегчение. Мне почему-то стало неловко на него смотреть.

— Он здесь?

Грейс взглянула на меня.

— Я здесь, — произнес Сэм с лестницы голосом, какого я никогда еще у него не слышал.

СЭМ

Бек.

В мыслях у меня творился полнейший сумбур. Они покатались врассыпную по лестнице, разбрелись по полу.

его рука на моем плече

шорох шин по сырому асфальту

его голос, повествующий о моем детстве

запах леса на нашей тихой улице

мой почерк, так похожий на его собственный

волки

он кричит через весь дом: «сэм, за уроки!»

смерзшийся снег, впивающийся в спину

«держишься, не бойся, ты все равно остаешься сэмом»

моя кожа лопается

новый письменный стол, на котором умещаются все мои книги

я

мои потные ладони на руле его машины никогда

бесконечные вечера, как две капли воды похожие друг на друга, перед грилем

этого

«ты — лучший из нас, Сэм»,

не хотел.

55

ГРЕЙС

Первая моя мысль была о том, что Сэму нужно поговорить с Бекком и разобраться в своих противоречивых эмоциях, вторая — о том, что Коулу нужно поговорить с Бекком о различных научных концепциях, которые он испытал на себе, а третья — о том, что я, видимо, единственная из всех помню, зачем нам понадобилось поговорить с Джеффри Бекком.

— Бек, — начала я, чувствуя себя несколько странно, что приходится обращаться к нему, но, поскольку парни оба как воды в рот набрали, ничего другого не оставалось. — Простите, что приходится задавать вам вопросы, когда вы в таком состоянии.

Он явно страдал; Коул вернул ему человеческий облик, но лишь едва-едва. И его энергетика, и запах — все было волчье; если бы мне пришлось представлять его себе с закрытыми глазами, при помощи одних моих скрытых способностей, сомневаюсь, что я нарисовала бы его себе в виде человека.

— Поторопитесь, — сказал Бек.

Он перевел взгляд на Коула, потом на Сэма, потом обратно на меня.

— Том Калперер добился разрешения на отстрел полков с вертолета. Через неделю.

Я подождала, пока до него дойдет смысл моих слов, чтобы понять, понадобятся ли дальнейшие объяснения.

— Черт, — негромко выругался Бек.

Я кивнула.

— Мы подумали, что можно переселить стаю в другое место. Только не знаем как.

— Мой дневник...

Бек вдруг схватился за плечо, потом отпустил его. Смотреть, как мучится другой человек, было тяжелее, чем страдать самой.

— Я его прочитал, — подал голос Коул и подошел поближе. Явный дискомфорт Бека, похоже, не производил на него такого воздействия, как на меня; наверное, он просто был более привычен видеть чужую боль. — Вы написали, что их вывела Ханна. Каким образом? Как она удерживала в голове место назначения?

Бек взглянул на Сэма, безмолвно стоявшего на ступеньках, потом ответил:

— Ханна была как Сэм. Она могла сохранять в памяти некоторые человеческие мысли, когда была волчицей. Лучше, чем все остальные. Не так хорошо, как Сэм, но лучше меня. Они с Дерриком были два сапога пара. Деррик умел хорошо передавать образы. Ханна с Полом собрали волков вместе, а Деррик — он оставался в человеческом обличье — удерживал в голове образ того места, куда мы направлялись, и передавал его ей. Она вела волков. А он — ее.

— Сэм тоже так может? — спросил Коул. Мне не хотелось даже смотреть на Сэма. Коул уже решил, что Сэму это под силу.

Бек нахмурился, глядя на меня.

— Если кто-нибудь из вас сможет передавать ему образы, оставаясь при этом человеком.

Я все-таки взглянула на Сэма, но на его лице не было написано ровным счетом ничего. Я не знала, стоит ли принимать во внимание те краткие, практически произвольные мгновения, когда он поделился со мной воспоминанием о золотом лесе или когда я пыталась передать ему образ нас с ним вдвоем, давным-давно, в клинике, перед тем как мы с Изабел влили ему зараженную менингитом кровь. Последний эпизод, во всяком случае, имел место в интимной обстановке. Я находилась совсем рядом с ним, а не пересылала образы из окна машины на полной скорости по пути прочь из леса. Снова потерять Сэма ради столь зыбкого плана... Эта мысль была невыносима. Мы так отчаянно боролись, чтобы он остался в своем теле. Он так не хотел терять самого себя.

— Мой черед, — произнес Бек. — Мой черед задавать вопросы. Но сначала одна просьба. Когда я снова превращусь в волка, выпустите меня обратно в лес. Какая бы судьба ни постигла волков, я хочу разделить ее с ними. Будут жить — значит, я тоже буду жить. Погибнут — значит, и я погибну. Понятно?

Я ожидала, что Сэм станет возражать, но он ничего не сказал. Ничего. Я не понимала, что мне делать. Подойти к нему? Лицо у него было отстраненное и пугающее.

— Договорились, — отозвался Коул.

Такой ответ не расстроил Бека.

— Первый вопрос. Расскажи мне о средстве исцеления. Ты спрашиваешь, сможет ли Сэм отвести стаю в другое место, но сейчас он человек. Значит, средство не подействовало?

— Подействовало, — ответил Коул. — Сейчас менингит сдерживает волка. Если я прав, он все равно будет время от времени превращаться в волка и обратно. Но в конце концов перестанет. Когда наступит равновесие.

— Второй вопрос — Бек поморщился от боли, потом его лицо разгладилось. — Почему Грейс теперь волчица?

Он перехватил мой пристальный взгляд и, скорчив гримасу, указал на свой нос. Почему-то мне приятно было думать о том, что, несмотря на все пережитое, он помнил мое имя и беспокоился о моей судьбе. Трудно было питать к нему неприязнь, даже из-за Сэма; глядя на него, невозможно было представить, что он способен был причинить Сэму зло. Если уж меня, знакомую с ним совсем мимолетно, раздирали такие противоречивые чувства, я не могла даже вообразить, каково должно быть Сэму.

— Нет времени объяснять, — ответил Коул. — Если в двух словах, ее в детстве укусили, а все семена рано или поздно проклевываются.

— Ладно, тогда третий вопрос, — сказал Бек. — Ты можешь ее вылечить?

— Это средство убило Джека, — впервые за все время подал голос Сэм.

Он, в отличие от меня, не присутствовал при этом и не видел, как Джек умирал от менингита, как синели у него пальцы, когда слабеющее сердце уже не могло перекачивать кровь.

— Его заразили менингитом в человеческом теле, — отмахнулся Коул. — У него не было шансов. А тебя — в волчьем.

Взгляд Сэма был прикован к Коулу.

— Откуда нам знать, что ты прав?

Коул театральным жестом указал на Бека.

— Потому что я пока еще ни разу не ошибся.

Но Коул все-таки ошибался. Просто каждый раз оказывался прав в конечном итоге. А это была немаловажная разница.

— Четвертый вопрос, — продолжал Бек. — Куда вы планируете их переселить?

— На полуостров к северу отсюда, — ответил Коул. — Он сейчас принадлежит одному полицейскому. Он узнал про волков и предложил помощь. По доброте душевной.

На лице Бека отразилась нерешительность.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Коул. — Я уже решил, что выкуплю у него эту землю. Доброта — дело хорошее, но купчая на мое имя — еще лучше.

Я изумленно посмотрела на Коула, и он ответил мне твердым взглядом. Ладно, потом поговорим на эту тему.

— Последний вопрос, — произнес Бек. Что-то в его тоне напомнило мне о том, как я в первый раз говорила с ним по телефону, когда была в заложницах у Джека. Тогда его голос был полон такого сочувствия, такой доброты, что они едва не сломили меня, хотя до того я держалась насмерть.

А его лицо лишь усиливало это впечатление: честная квадратная челюсть, улыбочивые морщинки в углах губ и глаз, озабоченные, серьезные брови. Он поскреб свои короткие рыжеватые волосы и взглянул на Сэма. Голос у него был совершенно несчастный.

— Ты хоть что-нибудь собираешься мне сказать?

СЭМ

Передо мной был Бек, уже одной ногой стоявший там, в своей волчьей жизни, а я словно язык проглотил.

— Я пытаюсь придумать, что можно сказать, — произнес Бек, не сводя с меня глаз— У меня есть от силы десять минут для разговора с сыном, который, как я считал, не должен был дожить до восемнадцати. Что мне сказать, Сэм? Что сказать?

Я вцепился в перила с такой силой, что побелели костяшки. Это я был тем, кто задает вопросы, не Бек. А он был тем, кто знает ответы. Чего он от меня ожидал? Я шагу не мог ступить без того, чтобы не попасть в оставленный им след.

Бек присел на корточки перед радиатором, не отрывая от меня глаз.

— Наверное, после всего, что произошло, и говорить-то нечего. Ох, я...

Он слегка покачал головой и уставился взглядом в пол. Ступни у него были бледные и все в шрамах. Как у ребенка.

Повисло молчание. Все смотрели на меня, как будто следующий шаг был за мной. Впрочем, я задавался тем же вопросом: как в эти десять минут сказать все, что хотелось бы? Что я не знаю, как помочь Грейс теперь, когда она стала волчицей. Что Оливия погибла, а за мной следит полиция, что наша судьба в склянках Коула. И спросить, как нам спастись, как быть Сэмом, когда зима отличается от лета только погодой?

— Это ты был тогда за рулем? — спросил я севшим голосом.

— Да, — ответил Бек тихо. — Ты ведь не мог не задать этот вопрос.

Я сунул руки в карманы. Меня тянуло вытащить их оттуда и скрестить на груди, но не хотелось казаться встревоженным. У Грейс был такой вид, будто она рвалась куда-то, хотя на самом деле стояла неподвижно; она словно собиралась сдвинуться с места, но ее ноги еще не решили, двигаться или нет. Мне хотелось, чтобы она оказалась здесь, рядом со мной. И не хотелось, чтобы она слышала его ответ. Я весь был одно сплошное противоречие.

Бек снова сглотнул. Когда он взглянул на меня опять, я увидел в его глазах, что он сдается. Он отступал перед истиной. Отдавал себя на суд.

— За рулем был Ульрик, — произнес он наконец. Из горла у меня вырвался еле слышный звук.

Я отвернулся. Хотелось достать из головы одну из коробок и забиться в нее, но это ведь Бек рассказал мне про идею с коробками. Поэтому мне некуда было деться от этой картины: я, лежащий на снегу с зияющей раной, и волк. И волк этот — Бек.

Я не мог об этом думать.

И не мог перестать думать.

Я закрыл глаза, но картинка никуда не исчезла.

Чье-то прикосновение к локтю заставило меня открыть глаза. Грейс заглядывала мне в лицо, держа за локоть с такой осторожностью, как будто он был стеклянный.

— За рулем был Ульрик, — повторил Бек еще раз, чуть громче. — Мы с Полом были волками. Я... я не верил, что Ульрик сможет удержать фокус. Пол был против. Я надавил на него. Я понимаю, ты не обязан меня прощать. Я себя так и не простил. Сколько бы добра я ни сделал после, то, что я сотворил с тобой, никогда не переставало быть злом.

Он умолк. Вздохнул — протяжно, судорожно. Этого Бека я не знал.

— Ну, хоть взгляни на него, Сэм, — прошептала Грей — Ты ведь теперь неизвестно когда его увидишь.

Я взглянул на него — потому что попросила она.

— Когда я думал, что ты не дотянешь до следующего года, я... — Бек не договорил. Он потряс головой, как будто хотел привести в порядок мысли. — Я никогда не думал, что лес завладеет тобой раньше, чем мной. В общем, мне пришлось снова заниматься этим — искать кого-то, кто заботился бы о нас. Но послушай меня, Сэм. На этот раз я попытался все сделать правильно.

Он все еще смотрел на меня, дожидаясь какой-то реакции. А я словно оцепенел. Я как будто был здесь совершенно ни при чем. И был где-то далеко. Если очень постараться, я мог бы найти внутри набор слов для стихов. Средство, способное перенести меня из этого мгновения куда-нибудь в другое место.

Бек увидел это. Он знал меня, как никто другой, как не знала пока даже Грейс.

— Сэм... не надо, — произнес он. — Не уходи в себя. Выслушай. Я должен тебе это сказать. У меня было одиннадцать лет, чтобы каждый раз заново пережить все в своих воспоминаниях, Сэм, одиннадцать лет, чтобы каждый раз видеть твое лицо, когда ты чувствовал приближающееся превращение. Одиннадцать лет, на протяжении которых ты постоянно спрашивал меня, точно ли тебе придется в этом году делать это снова. Одиннадцать лет...

Он умолк и прикрыл рот дрожащей рукой. Это был совсем не тот Бек, каким я его видел в последний раз. Не летний Бек. Это был Бек года угасания. В его теле не было жизни; вся она теплилась в его глазах.

Коул вдруг подал голос.

— Сэм, ты знаешь, когда он нашел меня, я пытался убить себя и практически в этом преуспел. — В его немигающих глазах читался вызов. — Если бы не он, я бы давно умер. Он не заставлял меня. И Виктора тоже не заставлял. Мы оба пошли на это добровольно. Все было не как с тобой.

Я знал, что это правда. Существовали и, возможно, всегда будут существовать два Коула: тот, который одной улыбкой заставлял толпу умолкнуть, и тот, который шептал песни о невозможности найти свои Альпы. И я понимал, что Бек, вытащив Коула со сцены, каким-то образом выпустил наружу второго, более спокойного Коула и дал тому шанс на жизнь.

Да и мне тоже. Да, Бек укусил меня, но уничтожили меня мои собственные родители, а не он. Я достался ему смятым комком бумаги, который он постепенно расправил. Так что он возродил к жизни не только Коула.

У него было столько лиц. Он был как песня, существующая во множестве вариаций, каждая из которых могла считаться оригиналом, каждая верна и каждая хороша. Это казалось невозможным. Как мне любить их всех?

— Ладно, — произнес Бек, и голос его немного окреп. — Ладно. Если у меня есть всего десять минут, вот что я хочу сказать. Ты не просто лучший из нас. Ты — больше. Ты — лучше нас всех. Если у меня есть всего десять минут, я говорю тебе: иди и живи. Я говорю... пожалуйста, возьми гитару и пой свои песни, чтобы как можно больше людей могли их услышать. Пожалуйста, сложи еще тысячу этих твоих дурацких журавликов. Пожалуйста, поцелуй эту девушку миллион раз.

Бек вдруг умолк и пригнул голову к коленям, обхватив ее стиснутыми в кулаки руками. Мышцы у него на спине подергивались. Не поднимая головы, он прошептал:

— И пожалуйста, забудь обо мне. Мне хотелось бы, чтобы я был лучше, но я был таким, каким был. Пожалуйста, забудь обо мне.

Костяшки его сжатых рук побелели. Столько способов сказать «прощай».

— Я не хочу забывать, — сказал я.

Бек поднял голову. На шее у него билась жилка.

Грейс выпустила меня, и я понял, она хочет сказать, чтобы я спустился туда, в подвал. Она была права. Я бросился вниз по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Бек попытался подняться, но не сумел, и я упал перед ним на колени. Мы почти касались друг друга лбами. Бека била крупная дрожь.

Сколько раз Бек стоял на коленях передо мной, когда я, содрогаясь, лежал на полу.

Я вдруг почувствовал себя таким же потерянным, как Бек. Как будто развернул все мои бумажные журавлики-воспоминания и обнаружил, что на них напечатаны какие-то незнакомые знаки. Где-то по пути среди них каким-то образом затесалась надежда. Как я всегда считал, моя история звучала так: жил-был мальчик, и однажды ему пришлось поставить на карту все, чтобы сохранить то, что было ему дорого. А на самом деле она звучала так: жил-был мальчик, и его страх сожрал его живо.

Я устал бояться. Это началось в ту ночь, когда я с гитарой залез в ванну, и закончится, когда я снова перестану быть Сэмом и стану волком. Я не буду бояться.

— Черт, — выдохнул Бек еле слышно.

Жара была уже практически не властна над ним. Мы снова касались друг друга лбами, отец и сын, Бек и Сэм, как было всегда. Он был настоящим дьяволом и настоящим ангелом.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы мы исцелили тебя.

Кончики пальцев у Бека побелели, потом покраснели, прижатые к полу.

— Да, — произнес он тихо, и я понял, что эти слова предназначены только для меня. — Делайте все необходимое. — Он вскинул глаза на Коула. — Коул, ты...

А потом кожа на нем вспухла и лопнула, и я отскочил, чтобы отодвинуть обогреватель, прежде чем Бек повалился на пол и забился в судорогах.

Коул подошел к нему и снова вонзил иглу шприца в сгиб локтя.

В тот миг, когда Бек вскинул к потолку морду со знакомыми, ничуть не изменившимися глазами, я увидел на его месте себя.

56

КОУЛ

Этинесррин/ псевдоэфедрин смесь № 7

Метод: внутривенное введение

Результат: успешный

(Побочные эффекты: отсутствуют)

(Примечание: влияние окружающей среды все равно вызывает обратное превращение в волка)

57

СЭМ

После того как Бек превратился обратно в волка, я почувствовал себя замаранным, как будто был замешан в каком-то преступлении. Мне так остро напомнили о моей прошлой жизни, когда я прятался от зимы и когда имел семью, что меня охватило милосердное оупение. Видимо, я был не один такой: Коул объявил, что хочет «поехать покататься», и умчался на старой «БМВ» Ульрика. После его отъезда Грейс ходила за мной по пятам, пока я месил тесто для хлеба, как будто от этого зависела моя жизнь;

потом я оставил ее приглядывать за духовкой, а сам отправился в душ. Чтобы оттереть воспоминания и напомнить себе: пока еще у меня есть мои руки, моя человеческая кожа и мое лицо.

Не знаю, сколько времени я стоял под душем, когда услышал, как дверь ванной открылась и закрылась.

— Здорово получилось, — произнесла Грейс. Заскрипела крышка унитаза: она попыталась пристроиться сверху и найти удобное положение. — Ты молодец, Сэм.

Я не видел ее, но чуял запах хлеба. Мне вдруг стало как-то неловко. Почему-то мыться под душем в ее присутствии казалось чем-то намного более интимным, чем заниматься сексом. Я ощущал себя в тысячу раз более обнаженным, несмотря даже на непрозрачную шторку.

Я взглянул на кусок мыла, который держал в руке, и принялся намыливаться.

— Спасибо.

Грейс по ту сторону шторки молчала. Я не видел ее, значит, и она меня тоже не видела.

— Ты там все вымыл, что полагается? — поинтересовалась она.

— Господи, Грейс, — ответил я, и она рассмеялась.

Снова повисло молчание. Я принялся намыливать между пальцами. Ноготь на одном был поврежден о гитарную струну. Я осмотрел его, пытаюсь сообразить, нужно с этим что-нибудь делать или нет; сложно было поставить верный диагноз в тусклом оранжевом свете, который просачивался сквозь шторку.

— Рейчел пообещала сходить завтра вместе со мной к моим родителям, — сказала Грейс. — Вечером. Когда освободится.

— Волнуешься?

На самом деле волновался я сам, хотя никуда не шел. Так попросила Грейс.

— Не знаю. Это просто нужно сделать, чтобы снять с тебя подозрение. И потом, я должна официально быть живой, если хочу присутствовать на похоронах Оливии. Рейчел сказала, ее кремировали. — Она умолкла. Повисла долгая пауза, во время которой тишину нарушал лишь плеск воды. — Хлеб получился отличный, — произнесла она наконец.

Намек был ясен. Требовалось сменить тему.

— Это Ульрик меня научил.

— Какой одаренный товарищ. Мало того что говорит с немецким акцентом, так еще и хлеб печь умеет. — Грейс потыкала в занавеску со своей стороны; когда мокрый пластик коснулся моего бедра, я недостойно шархнулся. — Знаешь, это может быть наше будущее через пять лет.

Мыть больше было нечего. Я оказался заперт в душе. Выходов было два: дотянуться до полотенца из-за шторки или уговорить Грейс дать его мне. Я не думал, что она согласится.

— Печь хлеб с немецким акцентом? — уточнил я.

— Именно это я и имела в виду, — язвительным тоном отозвалась она.

Я рад был слышать в ее голосе эти нотки. Именно такой настрой мне сейчас и был нужен.

— Ты не передашь полотенце?

— Вылези и сам возьми.

— Злыдня, — проворчал я.

Воды успело набраться довольно много. Я стоял в ней и смотрел на неровные швы между плитками под лейкой душа. Пальцы у меня сморщились, волосы на ногах слиплись и превратились в мокрые стрелы, указывающие на ступни.

— Сэм? — спросила Грейс. — Считаешь, Коул прав насчет противоядия? Ну, что менингит действует, если заразиться им в волчьем обличе? Думаешь, мне стоит попробовать?

Это был слишком трудный вопрос, особенно после вечера, проведенного с Бекком. Да, я хотел, чтобы она исцелилась. Но доказательства в лице меня самого мне было недостаточно. Судьба, постигшая Джека, пугала меня; нужно было что-то, снижающее вероятность подобного исхода. Я сам в свое время рискнул всем, но теперь, когда речь шла о Грейс, мне не хотелось, чтобы она поступала точно так же. Но как тогда ей вернуться к нормальной жизни?

— Не знаю. Мне нужно больше информации. Эти слова прозвучали официально, как будто я разговаривал с Кенигом. «Я собираю дополнительные данные».

— Ну, то есть до осени все равно нет смысла об этом думать, — сказала она. — Просто я хотела узнать, чувствуешь ли ты себя исцелившимся.

Я не знал, что ей ответить. Я не чувствовал себя исцелившимся. Только, как сказал Коул, почти исцелившимся. Как инвалид войны, страдающий от фантомной боли. Я все еще ощущал себя тем

волком, которым был когда-то: он чутко дремал в моих клетках, готовый в любой миг вырваться на волю, подстегнутый погодой, всплеском адреналина или инъекцией. Я не знал, реальность это или игра моего воображения. И не знал, буду ли когда-нибудь чувствовать себя в своем человеческом теле уверенно, начну ли воспринимать его как данность.

— Выглядишь ты исцелившимся, — заметила Грейс.

В щелке между шторкой и стеной появилось ее лицо. Она ухмыльнулась, и я завопил. Грейс протянула руку и выдернула затычку.

— Боюсь, — сказала она, отдергивая занавеску и протягивая мне полотенце, — тебе придется терпеть это до старости.

Я стоял столбом, весь мокрый, чувствуя себя до крайности нелепо. Грейс с вызывающей улыбкой стояла напротив. Не оставалось ничего иного, кроме как преодолеть неловкость. Вместо того чтобы забрать у нее полотенце, я мокрыми пальцами взял ее за подбородок и поцеловал. Вода с волос бежала по щекам и попадала на губы. Ее футболка почти промокла, но она, похоже, не имела ничего против. Перспектива подобной старости меня порадовала.

— Надеюсь, ты можешь мне твердо это обещать, — произнес я галантно.

Грейс прямо как была, в носках, забралась в душ и прижалась к моей мокрой груди.

— Я тебе это гарантирую.

58

ИЗАБЕЛ

В дверь предбанника негромко постучали. Перебравшись через сапоги, совок и пакет с птичьим кормом, я открыла.

В черном прямоугольнике дверного проема стоял Коул Сен-Клер, засунув руки в карманы.

— Не хочешь пригласить меня внутрь? — спросил он.

59

ГРЕЙС

Когда в воскресенье вечером мы с Рейчел подъехали к дому моих родителей, уже успело основательно стемнеть. Рейчел в силу некоторых разногласий с дорожной полицией по поводу стиля ее вождения осталась без водительских прав, поэтому мне пришлось за ней заехать. В качестве приветствия она продемонстрировала украшенную бисером сумочку со смайликом на боку и на мгновение сверкнула в темноте зубами. Наверное, думала я, подъезжая к дому родителей, это темнота виновата в том, что меня не оставляет чувство нереальности происходящего. Потому что в свете фонаря на крыльце, который освещал лишь фасад дома да угол подъездной дорожки, все выглядело в точности так же, как в ночь моего бегства.

Я остановилась рядом с машиной, купленной на деньги, которые выплатила мне страховая компания за мою предыдущую машину, — мне вдруг ни с того ни с сего вспомнилась еще одна ночь, та самая, когда на капот моего «бронко» приземлился олень и я просталась с Сэмом навсегда, думая, что никогда больше не увижу его. Казалось, это было одно временно миллион ночей и всего несколько часов назад. Эта ночь была началом и концом всего.

На соседнем сиденье Рейчел порылась в своей бисерной сумочке и извлекла оттуда клубничный блеск для губ. Со свирепой решимостью нанесла на губы два слоя фруктовой брони, она бросила тюбик обратно. Мы двинулись к двери, сестры по оружию, чьим единственным боевым кличем был шорох подошв по асфальтированной дорожке. Ключей у меня не было, поэтому пришлось постучаться.

Теперь, когда я стояла на крыльце, мне страшно не хотелось проходить через все это.

Рейчел взглянула на меня.

— Ты мне как любимая старшая сестра. Смешно, мы ведь с тобой одного возраста, — сказала она.

Я была польщена, но все же ответила:

— Рейчел, ты что-то такое странное говоришь.

Мы хором рассмеялись, но смех вышел какой-то неуверенный, практически беззвучный.

Рейчел уткнулась губами в рукав; в желтом свете окруженного мотыльками фонаря я заметила свидетельство того, что она делала так уже не в первый раз, — небольшую коллекцию поцелуев на манжете.

Я стояла и думала, что скажу. Пыталась угадать, кто откроет дверь. Было без малого девять вечера. Может, ее вообще никто не откроет. Может...

Дверь открыл папа. Не успел он отреагировать на то, что это я, как из комнаты послышался мамин крик:

— Смотри, чтобы котенок не удрал!

Пока папа таранился сначала на Рейчел, потом на меня, из-за угла подкралась полосатая кошка размером с кролика и рванула во двор. Мне вдруг показалось, что меня предали. У них пропала единственная дочь, а они взамен завели котенка? Эту мысль я и высказала вслух первым делом.

— Вы завели кошку?

Мое появление настолько потрясло отца, что он ответил честно:

— Маме было одиноко.

— Ну конечно, кошки такие нетребовательные.

Ответ я дала не самый теплый, ну так и реплика, на которую я отвечала, тоже не была образцом теплоты. Я-то ожидала увидеть на его лице какой-то отпечаток страданий по поводу моего отсутствия, но он выглядел в точности так же, как и всегда. Мой отец занимался продажей дорогой недвижимости и выглядел как человек, который занимается продажей дорогой недвижимости. У него была аккуратная стрижка в стиле 80-х и улыбка, побуждающая раскошелиться. Не знаю, что я ожидала увидеть. Налитые кровью глаза, мешки под глазами, постаревшее на десять лет лицо, потерю или, наоборот, прибавку в весе — хоть какое-нибудь доказательство того, что мое исчезновение не прошло для него даром. Я ничего больше не хотела. Лишь убедиться, что им было больно. Мне нужно было удостовериться, что напрасно я пришла сегодня сюда с опущенным забралом. Но я не увидела ровным счетом ничего. Первым моим побуждением было развернуться и уйти. Они меня видели. Они в курсе, что я жива. Я свое дело сделала. Но тут из-за угла показалась мама.

— Кто там? — Она замерла. — Грейс?

Голос у нее сорвался, и я поняла, что все-таки войду в дом.

Не успела я решить для себя, готова ли обниматься, как очутилась в маминых объятиях, прижатая лицом к ее мохнатому свитеру.

— Грейс, ты живая! Слава богу! Грейс! — бормотала она бессвязно.

Она то ли плакала, то ли смеялась, но когда я отстранилась, то не обнаружила ни улыбки, ни слез. Нижняя губа у нее дрожала. Я обхватила себя руками, чтобы не тряслась.

Не думала, что это будет так трудно.

В итоге я очутилась за кухонным столом, а родители уселись напротив. С этим столом было связано множество воспоминаний, большей частью о том, как я сидела за ним в одиночестве, и тем не менее они все равно были приятными. Во всяком случае, ностальгическими. Только в кухне пахло чем-то странным, как будто в ней слишком часто появлялась еда, купленная навынос, ее ели, хранили, выбрасывали в ведро. Когда на кухне готовишь, пахнет совсем не так. Оттого что запах был непривычный, все вокруг казалось происходящим словно во сне, чужим и знакомым одновременно.

Я думала, что Рейчел сбежала в машину, но после нескольких первых минут молчания она появилась в коридоре с полосатой кошкой в руках. Молча опустив ее на диван, она подошла ко мне. Судя по виду, ей сейчас больше всего хотелось бы очутиться где-нибудь в другом месте. Однако же она отважно оставалась со мной, и я почувствовала прилив нежности. Всем бы таких друзей, как Рейчел.

— Это для нас настоящее потрясение, Грейс, — произнес отец. — Ты причинила нам столько горя.

Мама заплакала.

Мне немедленно расхотелось видеть доказательства их страданий. Я не могла смотреть, как плачет мама. Я столько времени провела, надеясь, что им меня не хватает, что они любили меня и без меня им было плохо, но теперь, когда увидела лицо матери, вина и сочувствие комом встали в горле. Хорошо бы, чтобы этот разговор остался позади и я уже ехала обратно домой. Это оказалось слишком тягостно.

— Я не хотела причиня...

— Мы считали тебя погибшей, — перебил меня отец. — А ты все это время была с ним. Наплевав на наши...

— Нет, — возразила я. — Я не все время была с ним.

— Мы очень рады, что ты жива, — сказала мама. Но папа не намерен был сдаваться.

— Ты могла хотя бы позвонить, Грейс, — сказал он. — Позвонить и сказать, что жива. Нам ничего больше было не нужно.

В это я безоговорочно верила. Ему не нужна была я. Ему нужны были доказательства моего существования.

— Когда я в прошлый раз пыталась с тобой поговорить, ты заявил, что запрещаешь мне видеться с Сэмом, пока мне не исполнится восемнадцать, и вообще, такого наговорил...

— Я звоню в полицию сообщить, что ты здесь, — произнес отец, приподнимаясь со своего сиденья.

— Папа! — рявкнула я. — Во-первых, они в курсе. Во-вторых, ты опять начинаешь. Ты не слышал даже половины из того, что я тебе тут говорила.

— Ничего я не начинаю. — Он взглянул на Рейч. — Зачем ты привела Рейчел?

Услышав свое имя, Рейчел еле заметно дернулась.

— Я третьей судья, — объяснила она.

Папа вскинул руки над головой, словно объявляя о капитуляции, как поступают люди, когда на самом деле сдаваться не намерены, потом положил их ладонями на стол, как будто у нас шел спиритический сеанс и стол вот-вот должен был сдвинуться с места.

— Не нужен нам никакой судья, — нахмурилась мама. — Ничего неприятного не будет.

— Нет, будет, — вмешался папа. — Наша дочь сбежала из дома. Это преступление, Эми. Настоящее преступление по миннесотским законам. Я не собираюсь притворяться, будто ничего не было. Не собираюсь делать вид, будто она никуда не сбежала со своим дружкой.

Не знаю, что такого было в его заявлении, но только у меня вдруг как пелена с глаз спала. Папа воспроизводил классическую схему родительства на автопилоте, установки которого были совершенно реакционными и, вероятно, почерпнутыми из телешоу и воскресных кинокартин. Они сидели передо мной: мама с кошкой, которая успела перебраться с дивана к ней на колени, и папа, смотрящий на меня с таким видом, как будто не узнает. Да, они были взрослые, ну так и я тоже. Не зря же Рейчел сказала, что я как будто ее старшая сестра. Родители сами растили меня так, чтобы я стала взрослой как можно скорее, пусть теперь пеняют на себя. Я положила ладони на столешницу, невольно повторив отцовский жест. А потом произнесла вслух то, что давно хотела сказать:

— А я не собираюсь делать вид, как будто ты не забывал меня на жаре в своей машине, папа.

— Ох, только вот этого не надо, — скривился он.

От возмущения у меня заболел живот.

— Нет уж, надо. Это всего лишь симптом. Вы забыли ребенка в машине. А перед этим волки утащили меня с качелей, пока мама у себя наверху была занята рисованием. Ах да, еще мой парень регулярно ночевал здесь, в моей постели, но вы заметили это лишь через несколько недель. Вы меня саму-то хоть замечали? Вы же предоставили мне практически неограниченную свободу. Неужели вы думали, что я ею не воспользуюсь?

Рейчел лихорадочно намазала губы еще одним слоем блеска.

— Ладно, — произнесла мама.

Кошка забралась ей на плечо. Мама сняла ее и отдала Рейчел; мне подумалось, что это, наверное, идет вразрез со сводом правил третейского судейства. Впрочем, с кошкой на руках Рейчел явно почувствовала себя уютнее.

— Ладно, — повторила мама. — Так какой из всего этого сухой осадок? Я не собираюсь больше ругаться. Господи, Льюис, я не хочу с ней ругаться. Я считала ее мертвой.

Отец крепко сжал губы.

Я набрала полную грудь воздуха и собралась, как перед прыжком. У меня не было права на ошибку.

— Я ухожу от вас.

— Никуда ты не уходишь, — отрезал отец.

— Именно поэтому я и ухожу, — отозвалась я. — Ты не будешь указывать мне, что делать. Стоило мне только сделать шаг к собственной семье, собственной жизни и собственному счастью, как

ты тут как тут: нет, Грейс, нельзя. Возвращайся обратно к одинокому унылому существованию вечной паиньки! Это нечестно! Я не была бы такой, если бы вы были со мной рядом, как родители Рейчел или Сэма.

Отец поморщился.

— Это те, которые пытались его убить?

— Нет. Бек. — Мне вспомнился тот день, когда я увидела Бека с Сэмом, бок о бок, и их молчаливую связь, которая была настолько сильна, что бросалась в глаза даже посторонним. Вспомнились жесты Сэма, его манера сцеплять руки за головой, которую он перенял у Бека. Интересно, я переняла от моих родителей хоть что-нибудь или моя личность целиком и полностью сформировалась благодаря книгам, телевидению и школьным учителям? — Сэм сделал бы все, о чем попросил его Бек, ведь Бек всегда был с ним рядом. А знаете, кто всегда был рядом со мной? Я сама. Я всегда была сама себе семьей.

— Если ты думаешь, что тебе удастся меня убедить, — сказал отец, — то ошибаешься. К тому же кон на моей стороне. Тебе пока семнадцать лет. Ты не можешь принимать никаких решений.

Рейчел издала какой-то звук, и я поначалу решила, что она таким образом пытается исполнять свои обязанности третейского судьи, но потом поняла: это котенок цапнул ее за руку.

Нет, я не надеялась вот так с ходу убедить отца. Я видела, что теперь он уперся уже из принципа, а раз так, ни в какую не уступит. Желудок снова скрутило, от волнения перехватило горло.

— Я предлагаю вам соглашение, — произнесла я негромко. — Я пойду в летнюю школу, получу аттестат, потом поступлю в колледж. Если вы позволите мне сейчас уйти от вас, я буду разговаривать с вами обоими после того, как мне исполнится восемнадцать. Или же вы сейчас вызываете полицию, вынуждаете меня остаться, я сплю в своей кровати и выполняю все ваши наспех придуманные правила, но ровно в полночь после дня рождения я уйду из этого дома, и вы меня больше не увидите. Это не шутка. Взгляните на мое лицо. Я совершенно серьезна. И не надо рассказывать мне про законы, папа! Ты ударил Сэма! Скажи-ка, что гласит закон по этому поводу?

В животе творилось что-то невообразимое. Я усилием воли заставила себя не наговорить еще чего-нибудь, буквально затолкала слова обратно.

За столом повисла мертвая тишина. Отец отвернулся и уставился в окно, выходящее на заднее крыльцо, хотя смотреть там было не на что, кроме непроницаемой тьмы. Рейчел яростно наглаживала кошку, а та оглушительно мурчала, так что слышно было даже мне с моего места. Мама касалась пальцами края стола и, сжимая большой и указательный, двигала руки туда-сюда, как будто отмеряла невидимую нить.

— Предлагаю компромисс, — подала голос она.

Папа бросил на нее недовольный взгляд, но она никак не отреагировала.

На меня свинцовой тяжестью навалилось разочарование. Я не могла представить себе хоть сколько-нибудь приемлемый компромисс.

— Я тебя слушаю, — бесцветным голосом произнесла я.

— Эми! — не выдержал отец. — Какие компромиссы? Ты шутишь? Не нужны нам никакие компромиссы.

— По-твоему все равно не получается! — рассердилась мама.

Отец бросил на нее испепеляющий взгляд, полный гнева и неудовольствия.

— У меня в голове не укладывается, что ты собираешься ей потворствовать.

— Никому я не потворствую. Я говорила с Сэмом, Льюис. Ты в нем ошибался. Поэтому теперь моя очередь высказаться. — Она обернулась ко мне. — Вот что я предлагаю. — Ты останешься здесь, пока тебе не исполнится восемнадцать, но мы будем относиться к тебе как к взрослой. Ты сможешь видеться с Сэмом и будешь вольна приходить и уходить когда угодно, при условии, что... — она помедлила, прежде чем продолжить, — это не будет сказываться на твоей учебе. Сэм не сможет оставаться здесь на ночь, но днем — сколько угодно, пожалуйста, а мы попытаемся узнать его получше.

Она взглянула на папу. Он лишь пожевал губами и молча пожал плечами. Они оба взглянули на меня.

— Ах да, — спохватилась мама. — После восемнадцати лет ты не прекратишь с нами разговаривать. Это еще одно условие.

Я облокотилась на стол и прижала пальцы к губам. Отказываться от ночей с Сэмом не хотелось, но это был честный компромисс, особенно если принять во внимание то, что я никаких путей к компромиссу не видела. Но как быть, если я превращусь в волчицу? Нельзя возвращаться, пока я не

буду твердо уверена в собственной стабильности. Это должно было произойти совсем скоро. А может, уже произошло? Я не знала. Если Коул не поторопится со своим средством, от него не будет уже никакого толку.

— Откуда мне знать, что вы не попытаетесь снова изменить правила на ходу? — спросила я уклончиво. — Сэм, например, даже не обсуждается. Он остается со мной. Отныне и во веки веков. Говорю сразу. Он — мой единственный.

Папа снова поморщился, но промолчал. Мама, к изумлению моему, легонько кивнула.

— Ладно. Я же сказала, мы попытаемся. И не будем мешать тебе с ним видаться.

— И никаких больше оплеух, — вставила Рейчел.

Я покосилась на нее. Дождаться, когда конфликт будет практически погашен, и лишь после этого вспомнить про свои обязанности третьей стороны — это казалось мне небольшим жульничеством с ее стороны.

— Хорошо, — согласилась мама. — Ну, Грейс, что скажешь?

Я обвела взглядом комнату: со своего места я видела кухню и уголок для завтрака, и это пробуждало странные чувства. Я-то думала, что иду сюда в последний раз. Ожидала большого скандала, после которого навсегда захлопну эту книгу и никогда больше не увижу ее. Мысль о возвращении домой, к моей старой жизни вызывала одновременно облегчение и усталость. Я подумала о том, какой ужас испытывал Сэм при мысли о превращении в волка, когда он уже думал, что с этим покончено. Я очень его понимала.

— Я... я должна подумать, — сказала я. — Мне нужно это переварить.

— А нельзя переваривать это здесь? — спросила мама.

Рейчел покачала головой.

— Нет. Все равно ей еще нужно отвезти меня домой. Так сказал судья.

Я поднялась, перечеркивая тем самым всякую возможность к отступлению. В животе почему-то все еще полыхал пожар, хотя все самое худшее было уже позади.

— Я подумаю и вернусь, чтобы все обговорить.

Мама тоже поднялась, так стремительно, что кошка на руках у Рейчел вздрогнула и зашипела — коротко и отрывисто, как будто чихнула. Мама обошла стол и снова обняла меня, крепко и как-то неловко. Я вдруг осознала, что не помню, когда такое было в последний раз. Я не очень понимала, в каком месте обнять ее в ответ — везде, казалось, были или волосы, или грудь, — поэтому просто обхватила ее где придется.

— Ты вернешься? — шепнула она мне на ухо.

— Да, — пообещала я твердо.

Папа поднялся и приобнял меня за плечи, как будто столкнулся с тем же самым затруднением, что и я.

— Держите свою красотку, — сказала Рейчел, передавая маме кошку.

— Спасибо, что вернула нашу беглянку, — поблагодарила ее мама.

Я не поняла, кого она имела в виду — кошку или меня.

Рейчел пожала плечами и подхватила меня под руку.

— Я ничего особенного не сделала.

Она потащила меня из дома к машине. Пока мы выруливали на дорогу, родители стояли и смотрели нам вслед. Вид у них был до странности одинокий. На душе у меня было мутно.

С минуту в машине было тихо.

Потом Рейчел сказала:

— С ума сойти! Они завели вместо тебя кошку!

Я рассмеялась, и по коже у меня побежали мурашки.

— Нет, ты представляешь?! Спасибо, что приехала, ну, то есть спасибо тебе. Они потому вели себя нормально, что там была ты.

— Они вели себя нормально потому, что считали тебя мертвой. Ты... ты как себя чувствуешь, Грейс?

Я промахнулась мимо нужной передачи, и машина фыркала, пока я не воткнула ручку на место. У меня всегда были сложности с механической коробкой передач, и внезапно все это стало казаться мне слишком сложным. Желудок снова связался в узел, а когда по рукам пробежала дрожь, я поняла, что дело вовсе не в волнении.

— Ох нет, — борясь с подступающей тошнотой, выдавила я. — Придется остановиться. Прости, я...

Ночная дорога была пустынна. Я кое-как вырулила на обочину и распахнула дверцу. Вовремя успела, иначе меня вырвало бы прямо в машине. В темноте белело лицо Рейчел; я не заметила, как она вышла из машины.

— Что делать? — всплеснула она руками. — Я не умею ездить на «механике»!

Меня уже начинало колотить, все тело сотрясала яростная дрожь, так что клацали зубы.

— Рейч, прости, пожалуйста. Нужно, чтобы ты...

Я умолкла и, согнувшись пополам, привалилась к боку машины. Господи, до чего же я ненавидела этот этап. Начинали ломаться кости. Нет, нет, нет.

— Чтобы я — что? Грейс, ты меня пугаешь. Ох нет. Только не это!

До Рейчел внезапно дошло, что происходит.

— Чтобы ты позвонила Сэму, — выдавила я. — Скажи ему, что я превратилась в волчицу, пусть приедет и заберет тебя. Другую машину может отогнать Коул... ох... Рейчел, уйди... подожди в машине. Не надо...

Колени отказывались меня держать. Они слабели, готовясь трансформироваться в нечто иное. Мне вдруг стало страшно того, что она подумает, когда увидит все подробности моего превращения. Пусть подождет в машине. Нельзя ей смотреть — это конец нашей дружбе. Кожа казалась чужой. Наверное, я уже выглядела как монстр из фильма ужасов. Однако же Рейчел обняла меня, крепко обхватила обеими руками и прижалась щекой к моей щеке, готовой лопнуть от напряжения. От меня разило волком, и выглядела я, должно быть, кошмарно, а она обнимала меня так крепко, что я даже сквозь боль чувствовала ее объятие. Какая же она отважная! Глаза защипало от слез.

— Тебе больно? — прошептала Рейчел, отпуская меня.

Я отчаянно замотала головой и сжала руки в кулаки.

— Просто я люблю тебя, и от этого... от этого...

— Превращаешься в волка, — закончила за меня Рейчел. — Я знаю. — Она утерла нос тыльной стороной ладони. — Я обычно произвожу на людей подобный эффект.

Я попыталась что-то сказать, но потеряла равновесие. Над головой сияли ослепительные звезды, и мне вспомнилась еще одна ночь, когда мы с Сэмом под бескрайним звездным шатром любовались северным сиянием. Переливчатые розовые сполохи превратились в моем сознании в индикаторы приборной панели, отраженные в каждом осколке разлетевшегося лобового стекла моего «бронко», на заднем сиденье которого мы с Сэмом прощались навсегда, а потом осталась одна я, разбитая вдребезги, рассыпавшаяся на тысячи хрустальных осколков и переплавленная в нечто новое.

60

СЭМ

Почему-то я ужасно расстроился, лишившись ночи с Грейс таким вот образом — неожиданно-негаданно, да еще и вдобавок ко всему меня не было с ней, когда она превращалась. После того как отвез домой Рейчел, я хотел поехать поискать ее, но Коул убедил, что это бесполезно; она не пойдет ко мне, а если превратится обратно в человека неподалеку от дома родителей, то будет, по крайней мере, знать, где находится. Я думал, что не засну без нее, но после того, как Коул отговорил меня ехать на поиски, я улегся на кровать и принялся разглядывать бумажных журавликов и гирлянду под потолком, делая вид, будто просто жду Грейс и она вот-вот придет спать. В голове крутились все события этого долгого дня, и когда я понял, что не могу удержать их в памяти все разом, меня сморил сон.

Мне снилось, как я брожу по дому, переходя из комнаты в комнату. Все они были пусты, но это была наполненная, дышащая пустота, как будто я в любой миг мог обернуться и обнаружить кого-то у себя за спиной. Дом казался обезлюдившим — не постоянно, на краткий миг, — как будто его обитатели просто вышли на улицу посмотреть, какая там погода, и должны были вот-вот возвратиться. Спальни определенно несли на себе следы чьего-то обитания: на каждой постели лежал чемодан или рюкзак с одеждой, рядом аккуратно стояли туфли и были разложены личные вещи. На кровати Ульрика стоял его ноутбук и лежала электробритва. У Пола на постели валялась кучка медиаторов для гитары и какие-то самопальные диски, о которых я никогда не слышал. Даже в комнатах с двухъярусными

кроватями обнаружили какие-то пожитки: наушники и камера Дерекы, блокнот Мелиссы и ее туфли. Только на кровати Бека не было ничего.

Я переходил из комнаты в комнату, по пути выключая везде свет. Прощай, вечно пустующая комната Бека. Прощай, комната Ульрика, где он так любил смотреть фильмы ужасов на своем ноутбуке. Не заглянув в собственную комнату, я спустился на первый этаж. Прощай, гостиная, где я когда-то сидел на диване рядом с Грейс, уже почти превратившейся в волчицу, где Изабел пыталась привести в чувство бьющегося в судорогах Коула. Я выключил свет. Прощай, желтая комната, в которой жил Коул и умер Джек. Погас свет в ванной, которую я обходил стороной добрых десять лет. Прощай, кухня с фотографиями наших лиц, приколотыми и прилепленными к дверцам всех шкафчиков, с тысячей улыбок, каждая из которых была искренней. Я выключил свет и направился в подвал.

Здесь, в библиотеке, окруженные книгами, были сконцентрированы вещи Бека, которых не оказалось в его комнате. На пуфике рядом с креслом лежал чемодан и поверх него стояли туфли, рядом примостился аккуратно свернутый галстук, а чуть поодаль — компакт-диск со спутанными ветвями на обложке. На единственном белом пятне темнели буквы: «Каждое новое утро».

Бек был здесь повсюду, он жил в каждой прочитанной им книжке. Обитал на каждой странице. Он был каждым героем, каждым злодеем, каждой жертвой и каждым агрессором.

Die letzte aller Turcn

*Doch nie hat man
an alle schon gcklopt¹⁴*

(Последняя дверь

*Но во все
Никто никогда не стучался)*

Это было последнее «прости». Я выключил свет.

Оставалось всего одно место. Я медленно поднялся на первый этаж, оттуда — на второй. Прошел по коридору в свою комнату. Под потолком трепетали на нитках мои бумажные журавлики, застигнутые в предчувствии землетрясения. Я видел все связанные с ними воспоминания, на бумажных крыльях, как на телеэкране, вспыхивали и гасли образы. Все журавлики пели звонкие песни, которые слышали от меня прежде. Прекрасные и перепуганные, они рвались на волю.

— Плохие новости, Ринго, — произнес Коул. — Мы все умрем.

Телефонный звонок выдрал меня из сна.

Всплеск адреналина, вызванный резким трезвоном, разошелся по не проснувшемуся еще до конца телу, и первой ясной мыслью было: «Ох, только не здесь». Еще полмига спустя я сообразил, что это всего лишь телефон, и сам удивился собственной мысли. Я снял трубку.

— Сэм? — послышался голос Кенига. В нем не было ни намека на сон.

— Надо было позвонить раньше, но у меня было ночное дежурство, и я... а, неважно. — Кениг вздохнул так громко, что я это услышал. — Охоту перенесли.

— Ее... что?

Я подумал, что, наверное, сплю, но журавлики под потолком были совершенно неподвижны.

— Она начнется завтра, — чуть громче произнес Кениг. — На рассвете. В пять сорок семь утра. Вертолет внезапно освободился, и ее перенесли. Поднимайся.

Этого он мог бы и не говорить. У меня было такое чувство, что я больше никогда в жизни не буду спать.

¹⁴ Стихотворение немецкого поэта Райнера Кунце (р. 1933)

Когда зазвонил телефон, я не спала в полном смысле этого слова.

Было чуть за полночь, и я пыталась дремать главным образом в порядке самозащиты. Чем ближе надвигалась дата охоты и угроза Калифорнии, тем сильнее накалялась обстановка в доме Калпереров, и мои родители устроили очередное состязание в стиле кто кого перекричит, из тех, по которым я так отчаянно скучала последние несколько недель. Судя по всему, в счете вела мама — во всяком случае, за последние двадцать минут ее тирады слышались чаще, чем папины, — однако, по всей видимости, впереди были еще несколько раундов.

Так что я закрылась у себя в спальне и нацепила наушники, предпочтя воплям родителей ровный фон из примитивной песенной лексики. Моя комната была как бело-розовый кокон, менее прочный от недостатка солнечного света. Окруженная привычными вещами, я чувствовала себя так, как будто сейчас мог быть абсолютно любой день абсолютно любого года из прожитых здесь. Я могла спуститься по лестнице, пройти по коридору и рывкнуть на Джека, чтобы в мое отсутствие не выпустил ненароком собаку. Я могла позвонить своим друзьям в Калифорнии, кто еще меня помнил, и строить планы, как вернуться обратно и мы вместе поедем на экскурсию по кампусам ближайших колледжей. То, что комната оставалась столь неизменной и что ночь способна была играть со мной такие шутки, казалось милым и пугающим одновременно.

В общем, когда телефон зазвонил, я едва не прослушала звонок.

На экранчике высветился номер дома Бека.

— Привет, — сказала я.

— Угадай, что сделал твой придурочный папаша?

Голос у Коула был слегка запыхавшийся.

Отвечать не хотелось. Это были не те слова, которые я мечтала услышать в трубке, когда звонил Коул.

— Подложил нам свинью, — не дожидаясь ответа, выдохнул Коул. — Жирного такого борова. Охота начнется на рассвете. Ее перенесли.

Тут как нарочно затрезвонил еще и домашний телефон. Я не стала брать трубку с базы на тумбочке, но даже со своего места отлично различила имя звонившего: ЛЭНДИ, МАРШАЛЛ. Выходит, мы с папой собирались вести примерно один и тот же разговор в одно и то же время, только с двумя разными людьми.

Ругань внизу прекратилась. Они будут долго это переваривать.

— И что вы собираетесь делать? — спросила я.

— Ну, первым делом собираюсь привести Сэма в чувство, — ответил Коул. — Грейс вечером превратилась в волчицу и убежала в лес, так что он съехал с катушек.

Вот теперь я проснулась по-настоящему. Я вытащила из уха оставшийся наушник и уселась на постели.

— Грейс не дома? Плохо дело.

Дело было более чем плохо. Грейс против Томаса Калперера, эсквайра. Становиться свидетельницей этой битвы я не желала, прекрасно зная, каков будет исход.

— Я в курсе, принцесса, — отрывисто отозвался Коул. — Я хотел бы, чтобы ты пошла к отцу и сказала ему, пусть позвонит куда следует и отменит все это.

Исход этой затеи я тоже прекрасно знала.

— Ничего не выйдет, — ответила я. — Теперь это уже от него не зависит.

— Мне. Все. Равно, — раздельно и терпеливо, как будто я была маленьким ребенком, произнес Коул. — Найди этого мерзавца и заставь его остановиться. Я знаю, что ты это можешь.

Я почувствовала, как внутри медленно разгорается бешенство.

— Во-первых, не указывай мне, как поступать. Во-вторых, вот что из этого выйдет: я пойду туда, выведу его из себя, и, может быть, если мне очень повезет, он задумается, с чего это вдруг я воспылала такой горячей любовью к волкам, и тогда веселая жизнь до конца года мне обеспечена. А главное, знаешь, что он скажет? Что теперь это уже от него не зависит. Ну так вперед, выполняй свой план.

— Мой план? Мой план был осуществим только при помощи Грейс. Что у меня останется без Грейс? Психически неуравновешенный волк и «фольксваген».

По сравнению с недавними воплями в доме царила идеальная тишина. Я представила, как спущусь вниз и потребую у отца отменить охоту. Об этом смешно было даже думать.

— Я не стану этого делать, Коул.

— Ты передо мной в долгу. Попытайся.

— В долгу?! — Я рассмеялась, резко и отрывисто, и даже попыталась перебрать в памяти все наши стычки до единой, чтобы понять, вдруг в его словах была правда. В голову ничего такого не приходило. Если уж на то пошло, это он был передо мной в долгу, да еще в каком.— С чего это вдруг я оказалась перед тобой в долгу?

— Твой сволочной папаша убил Виктора и швырнул его мне под ноги, — совершенно ровным голосом произнес Коул.

Кровь бросилась мне в лицо.

— Я — не он. Ни хрена я тебе не должна, Коул Сен-Клер. Раньше я еще подумала бы, идти или не идти, но теперь катись к черту.

— Ах как это мило. Как по-взрослому. Уцепиться за какую-нибудь ерунду, изобразить возмущение, и пусть другие расхлебывают за тебя проблемы. Достойная дочка своего папочки.

Его слова заделали меня за живое, поэтому я рассмеялась.

— Уж кто бы говорил. Вообще меня удивляет, что ты такой трезвый и рассудительный. Но ведь если все будет плохо, всегда можно покончить с собой.

Он бросил трубку.

Сердце у меня колотилось, щеки пылали. Вдруг ни с того ни с сего закружилась голова. Я выпрямилась и зажала рот руками. Комната выглядела в точности так же, как до его звонка.

Я запустила телефоном в стену. Когда он уже был в воздухе, мне пришла в голову запоздалая мысль, что отец убьет меня, если я его разобью, но трубка ударилась о стену, отскочила и приземлилась на полу целая и невредимая. Выглядела она точно так же, как прежде.

Ничего не изменилось. Ни-че-го.

62

СЭМ

Коул ворвался на кухню, как начиненная гвоздями бомба. Был почти час ночи, значит, через четыре с половиной часа волки начнут гибнуть.

— Облом, Ринго. Калперер не может дать задний ход.

В глазах у него сквозило что-то сумасшедшее, чего не было в голосе.

Я и не думал, что Калперер отменит охоту, но не попытаться было бы глупо.

— Изабел приедет?

К моему собственному удивлению, мой голос прозвучал совершенно обыденно, словно включили на проигрывание заранее сделанную запись, когда настоящий я потерял голос.

— Нет, — сказал Коул. И только. Всего одно слово. Выдох. Он с такой яростью распахнул холодильник, что зазвенели бутылочки с приправами в дверце. На меня дохнуло холодом. — Так что все теперь зависит от нас. Твой друг Кениг будет?

Это было бы неплохо: присутствие человека практичного, который находился по другую сторону закона и был неизмеримо меньше моего вовлечен в это эмоционально.

— Он узнал про охоту, потому что был на дежурстве. У него только в шесть утра смена заканчивается.

— Главное — оказаться в нужное время в нужном месте. — Коул одной рукой сгреб какие-то флакончики и шприцы и сгрузил все это добро на островок передо мной. Они раскатились во все стороны по прилавку. — Вот наши варианты.

У меня зазвенело в ушах.

— Их больше одного?

— Три, если быть точным, — ответил Коул и указал на первый флакон. — Это превратит в волка тебя. Это — меня. А от этого у нас обоих будут судороги.

Но на самом деле вариантов было не три. Вариант был всего один. С самого начала.

— Я должен пойти туда и найти ее.

— А все остальные?

— Сначала она.

Ничего более ужасного мне в своей жизни еще не доводилось произносить. Но любые другие слова были бы ложью. Ее единственную я помнил в своей волчьей ипостаси, когда ничего больше для

меня не существовало. За нее единственную я стал бы держаться. Должен был держаться. Я спасу и остальных тоже, если смогу, но первой должна быть Грейс.

Едва ли я был очень убедителен, но Коул кивнул. Его кивок превратил слова в реальность, и теперь, когда это был план, мне стало худо. В ушах зазвенело, перед глазами замелькали мушки. Мне придется превратиться в волка. И не когда-нибудь в отдаленной перспективе. Сейчас.

— Ладно, значит, план такой. Я поеду к озеру, — сказал Коул. Теперь он командовал парадом. Он сунул в карман шприц, содержимое которого должно было превратить его в волка, и ткнул в какую-то точку на воображаемой карте в воздухе, чтобы продемонстрировать, куда мы направляемся. — Стоянка у озера Двух Островов. Там я буду тебя ждать. Тебя. Грейс. Всех, кого ты сможешь привести. Потом нам придется поскорее преодолеть открытый участок по ту сторону леса, пока не рассвело. Иначе я буду виден там как на ладони. Ты готов?

Ему пришлось повторить вопрос. Я вспоминал, как сидел в ванне с гитарой и пел «Каждое новое утро». Вспоминал Грейс в том платье. Вспоминал, как Коул сказал, что они все ко мне прислушиваются, только я не всегда с ними говорю. Вспоминал все то, что делало меня самим собой, и думал, как страшно все это терять.

Ну уж нет. Не бывать этому.

— Я готов.

Время вышло.

Перешагнув через порог дома, я аккуратно разделся и встал, дожидаясь, пока Коул выгонит из шприца все пузырьки воздуха. На улице было на удивление светло; до полнолуния оставалась еще примерно неделя, но низкие облака и туманная дымка вбирали в себя свет и рассеивали его повсюду. Из-за этого лес вокруг дома выглядел призрачным и бескрайним.

— Расскажи мне, о чем ты думаешь, — попросил Коул.

Он взял мою руку и перевернул ладонью вверх. В лунном свете рубцы на запястье казались грубыми и уродливыми.

Я думал о руке Грейс в моей руке, о Беке, корчащемся на полу в подвале, о том, как мы хоронили Виктора, и о том, как я стану человеком. А еще о том, что, быть может, где-то далеко Грейс сейчас тоже ищет меня. Я сосредоточился на мыслях, которые хотел взять с собой.

— Я — Сэм Рот. Я должен найти Грейс. И волков. И отвести их на озеро.

Коул кивнул.

— Уж пожалуйста, постарайся. Так, мне нужно попасть в вену. Стой спокойно. Повтори все еще раз. Погоди, скажи мне еще раз, где у тебя ключи, пока я не сделал укол.

Сердце у меня гулко бухало от волнения, страха и надежды.

— У меня в кармане.

Коул опустил глаза.

— Я избавился от штанов, — напомнил я. Коул посмотрел на крыльцо.

— Да, я помню. Ладно. Все, теперь стой спокойно.

— Коул, — начал я. — Если я не...

Он понял все по моему тону.

— Никаких «если не». Увидимся на той стороне. Коул провел пальцем по моей руке от шрамов до локтевого сгиба, отыскивая вену. Я закрыл глаза и почувствовал, как под кожу входит игла.

63

СЭМ

На одну секунду, на долю секунды, на крохотный осколок мгновения боль затмила все мысли. По венам разбежался жидкий огонь. Мое тело готовилось к перестройке, прокладывая новые маршруты, планируя новые кости взамен тех, что крошились сейчас в труху. Не осталось ни единой части меня, которая не подвергалась бы преобразованиям.

Я успел забыть эту муку. От нее не было спасения. В первый раз я превратился в волка, когда мне было семь. Первой меня увидела мама. Сейчас я даже не мог вспомнить, как ее звали.

Позвоночник начал с хрустом корежиться.

Коул бросил шприц на ступеньку.

Я понимал, о чем поет лес; только этот язык я и знал в своем волчьем обличе.

Когда это происходило со мной в прошлый раз, я видел перед собой лицо Грейс. Когда это происходило со мной в прошлый раз, я думал, что это прощание.

Все. Никаких больше прощаний.

«Я — Сэм Рот. Я должен найти Грейс».

64

ИЗАБЕЛ

Через пять минут после того, как Коул повесил трубку, я подумала, что ничего особенно ужасного он мне не сказал. Через десять — что нужно немедленно перезвонить ему. Через пятнадцать минут я поняла, что трубку он не возьмет. Через двадцать — что не следовало говорить ему про самоубийство. Через двадцать пять — что это, возможно, были последние мои слова для него.

Какая муха меня укусила? Наверное, Рейчел была права и я действительно стерва. Ну почему мое оружие настроено потрошить, а не ошеломлять?

Через полчаса я поняла, что никогда себе не прощу, если не попытаюсь остановить охоту.

Я набрала номер Коула, потом Сэма — ровно с тем же успехом — и начала спускаться по лестнице. По пути я еще раз повторила про себя то, что собиралась сказать отцу. Сначала изложу существо дела, затем выступлю с ходатайством, после чего приведу в обоснование своего беспокойства доводы, которые не должны быть связаны с Сэмом и Бекком, поскольку с моим отцом это ни к чему не приведет. Да и вообще вся эта затея ни к чему не приведет.

Зато я, по крайней мере, смогу сказать Коулу, что пыталась. Тогда, может быть, мне не будет так тошно.

До чего же я это ненавидела. Ненавидела чувствовать себя последней дрянью по чужой милости. Я приложила пальцы к правому глазу, но слезинка никуда не делась.

В доме было темно. Пришлось включить на лестнице свет. В кухне никого не было. В гостиной тоже. В конце концов я обнаружила маму в библиотеке. Она полулежала на кожаном диване с бокалом вина в руке и смотрела какое-то больничное реалити-шоу. При обычных обстоятельствах я бы не преминула проехаться по этому поводу, но сейчас могла думать лишь о том, что наговорила Коулу.

— Мам, — произнесла я как можно более обыденным тоном, — а где папа?

— А?

Услышав это ее «А?», я почему-то собралась, вновь обрела какую-то почву под ногами. Конца света не произошло. Мама отвечала на мои вопросы все тем же «А?».

— Папа где? Мой отец? Существо, с которым ты спаривалась, чтобы сделать меня. Где он?

— Как ты разговариваешь? — отозвалась она. — Он поехал к вертолету.

— К вертолету.

Мама с трудом оторвалась от телевизора. Мой тон ее даже не насторожил.

— Маршалл выбил ему место. Сказал, он такой хороший стрелок, что жаль было бы это не использовать. Господи, когда наконец вся эта морoka закончится.

— Папа собрался участвовать в отстреле, — произнесла я медленно. Я чувствовала себя идиоткой. Ну, разумеется, мой отец не мог не захотеть лично поучаствовать в охоте. И разумеется, Маршалл не мог ему в этом не поспособствовать.

— Вылет в какую-то совершенно несусветную рань, — продолжала мама. — Так что он поехал выпить кофе с Маршаллом. А я включила телевизор.

Я опоздала. Слишком долго была занята своей внутренней борьбой и опоздала.

Теперь уже ничего поделать было нельзя.

Коул сказал: «Ты передо мной в долгу. Попытайся».

Я все еще считала, что ничего ему не должна. Однако же с максимально беззаботным видом, чтобы мама ни о чем не догадалась, выскользнула из библиотеки и пошла к выходу из дома. Я взяла свою белую куртку, ключи от машины, телефон и открыла заднюю дверь. Совсем недавно Коул стоял здесь в волчьем обличе, не сводя с меня своих зеленых глаз. Я сказала ему, что у меня погиб брат. Что я — не слишком хороший человек. А он все смотрел немигающим взглядом, запертый в теле, которое избрал для себя сам.

Изменилось решительно все.

Отъезжая от дома, я с такой силой вдавила в пол педаль газа, что колеса несколько раз вхолостую прокрутились по гравию.

65

СЭМ

«Я Сэм Рот. Я должен найти Грейс. Найти волков. Привести их к озеру. Я Сэм Рот. Я должен найти Грейс. Найти волков. Привести их к озеру».

Я бросился в лес. Лапы мягко отталкивались от камней, каждый шаг уносил все дальше и дальше. Нервы были объаты огнем. Я удерживал свои мысли как охапку бумажных журавликов. Достаточно крепко, чтобы не упустить. Но не настолько крепко, чтобы измять.

«Я Сэм Рот. Я должен найти Грейс. Найти волков. Привести их к озеру. Я Сэм Рот. Я должен найти Грейс. Найти волков. Привести их к озеру».

Вокруг меня жили тысячи звуков. Десятки тысяч запахов. Миллионы ключей к бесчисленным формам жизни, населяющим эти леса. Но мне не нужны были эти бесчисленные жизни. Мне нужна была одна.

Она прислонилась ко мне спиной, вдыхая ароматы, которыми была полна кондитерская лавка. Стены и ценники вокруг нас пестрели всеми оттенками цветов, которые я теперь не мог различить.

«Я Сэм Рот. Я должен найти Грейс. Найти волков. Привести их к озеру».

Растущая луна заливала лес ярким светом, он отражался от низких облаков и рваных клочьев тумана. Я отчетливо видел бескрайний простор впереди, но в этой погоне полагался не на зрение. Время от времени я останавливался и прислушивался. Ее вой. Она звала меня, я не сомневался.

Волки выли в ночи; я подошел к ее окну и выглянул на улицу. Мы были незнакомцами и в то же время знали друг друга, как тропу, по которой ходили каждый день. «Не спи на полу», — сказала она мне тогда.

«Я Сэм Рот. Я должен найти Грейс. Найти волков. Привести их к озеру».

Теперь воздух оглашали и другие голоса, отзываясь на ее призыв. Различить их не составляло никакого труда. Трудно было помнить, почему нужно их различать.

Ее глаза, карие и серьезные, на волчьей морде.

«Я Сэм Рот. Я должен найти Грейс. Найти волков. Привести их к озеру».

Я поскользнулся на влажной глине, и лапы у меня разъехались. Неподалеку что-то с плеском упало в воду.

Где-то на краю сознания внутренний голос нашептывал что-то насчет опасности. Я замедлил бег, насторожившись, и увидел большущую промоину, на дне которой плескалась вода. Мысли путались, в голове, не давая покоя, крутилось что-то такое... я вскинул голову к небу и завыл, протяжно, заливисто, пытаюсь облегчить эту боль внутри. Через несколько секунд до меня донесся ее ответный вой, и я завыл еще раз.

«Я должен найти Грейс. Найти волков».

Стайка птиц вспорхнула прямо у меня из-под лап, испуганная моим приближением. Они взлетели вверх, белые на черном фоне, и что-то в их многочисленности, в одинаковом размахе крыльев, в том, как они замерли в воздухе надо мной, трепеща на ветру, омытые звездным светом, всколыхнуло во мне какие-то неуловимые воспоминания.

Я все напрягал и напрягал память, но тщетно. Потеря казалась сокрушительной, хотя я и не мог вспомнить, что потерял.

«Я должен найти Грейс».

Я не забуду. Не забуду.

«Найти Грейс».

Есть вещи, которых лишить меня нельзя. Вещи, утраты которых я не вынесу.

«Грейс».

66

КОУЛ

Два часа тридцать четыре минуты.

Никого.

За стоянкой поблескивало озеро, в неподвижной водной глади безупречно, как в зеркале, отражалась небезупречная луна. Где-то там, по ту сторону воды, находился участок Калпереров.

Я не намерен был об этом думать.

Два тридцать четыре.

Никого.

Сэм мог и не появиться.

ИЗАБЕЛ

Часы показывали три часа и двадцать одну минуту ночи, а в доме Бека не было ни одной живой души. На заднем дворе перед входом я обнаружила кучу одежды и использованный шприц, а внутри, на кухонном столе, сотовый телефон Сэма. Неудивительно, что он не взял трубку, когда я звонила. Они поступили в точности так, как я предложила, — отправились выполнять план Коула без моей помощи. Я прошла по комнатам первого этажа, цокая каблуками по паркету, хотя если бы кто-нибудь из них был дома, он отозвался бы, в этом я была уверена.

В конце коридора находилась комната, где умер Джек. Я переступила через порог и зажгла свет. Комната мгновенно окрасилась в тот режущий глаза оттенок желтого, который я помнила. Очевидно, теперь это была комната Коула. На полу валялись спортивные брюки. Все свободные поверхности были заставлены какими-то стаканами, мисками, завалены бумагами. На незаправленной кровати лежала книга в кожаном переплете — то ли ежедневник, то ли дневник.

Я забралась на кровать — от нее пахло Коулом в тот день, когда он пришел ко мне и пытался хорошо пахнуть, — и улеглась на спину, думая, что на этом самом месте умер Джек. Память никак не желала отзываться, а когда воспоминания все-таки пришли, я не нашла в душе никакого отклика. Меня охватили облегчение и грусть одновременно: Джек все больше уходил в прошлое.

Полежав так некоторое время, я протянула руку и взяла ежедневник. Вместо закладки между страниц была вложена ручка. Мысль о том, что Коул записывал здесь что-то сокровенное, почему-то вызывала странные ощущения, словно он просто не мог быть до конца честным, даже на бумаге.

Я открыла его и пробежала взглядом страницы. Все оказалось совершенно не так, как я себе представляла, и в точности так одновременно. Честно, но без каких бы то ни было эмоций. Сухая хронология жизни Коула на протяжении нескольких последних месяцев. В глаза мне бросились слова:

«Судороги. Озноб. Умеренный успех. Неконтролируемый тремор рук, прибл. два часа. Двадцатисемиминутное превращение. Продолжительная рвота. Возможно, стоит делать это на голодный желудок?»

Я искала в этом журнале то, что осталось незаписанным. Нужно было найти другое, но хотелось — это. Я пролистала ежедневник, надеясь наткнуться на более многословные записи, но тщетно. Однако то, что мне было нужно, обнаружилось на последней странице.

«Встречаемся на стоянке у озера Двух Островов, потом по шоссе 169 на север к Найф-Лейку»¹⁵.

Я не сразу нашла место, где они договорились встретиться. Озеро Двух Островов было немаленьким. Зато теперь я знала, откуда начать.

И вот он наконец появился, каким я его помнила, столько времени спустя.

¹⁵ Найф-Лейк — тауншип (одна из единиц административного деления третьего уровня) в округе Канейбек, штат Миннесота, США.

Когда он нашел меня, я стояла в чаще деревьев с белой корой. К тому времени, когда мы увидели друг друга, мои призывы к нему привлекли еще двух членов стаи. Чем больше сокращалось разделявшее нас расстояние, тем беспокойнее я становилась; хотелось скулить, а не выть. Остальные пытались утешить меня, но я упорно передавала им образ его глаз, пытаюсь заставить их понять... не знаю что. Я не могла до конца поверить, что это на самом деле его голос. Пока не увидела его глаза.

И вот наконец показался он сам. Бока у него ходили ходуном. Он протрусил на поляну и остановился в нерешительности при виде еще двух волков по бокам от меня. Но видимо, они узнали его по запаху, потому что между нами замелькал вихрь картинок: он играет, он охотится, он среди стаи.

Я бросилась к нему, задрав хвост и вскинув торчком уши, восторженная и дрожащая. Он метнул в меня образом такой силы, что я остановилась как вкопанная. Деревья с белыми стволами и черными полосками, облетающие листья. Люди между деревьями.

Я послала ему ответный образ: я, стремглав мчащаяся сюда навстречу ему, ведомая его голосом.

Однако он снова метнул мне тот же самый образ.

Я ничего не понимала. Что это? Предупреждение? Сюда идут эти люди? Или воспоминание? Он видел их здесь когда-то?

Образ дрогнул и расплылся; теперь на месте леса были парень и девушка с листьями в руках. Картина была буквально пропитана щемящей тоской, желанием. У парня были глаза моего волка.

Внутри у меня защемило.

«Грейс».

Я негромко заскулила.

Я ничего не понимала, но теперь внутри у меня поселилась знакомая боль утраты и сосущая пустота.

«Грейс».

Этот звук был лишен всякого смысла и исполнен огромной важности одновременно. Волк осторожно приблизился ко мне, дождался, пока мои уши не встали торчком, потом лизнул меня в щеку и ткнулся носом в уши и в морду. У меня было такое чувство, будто я ждала его целую вечность, я вся дрожала. Я прижималась к нему и тоже тыкалась носом ему в щеку, но это было нормально, потому что он был точно так же настойчив. Нежность искала способы излиться, требовала тереться и прикасаться.

Теперь он наконец-то послал мне образ, который я способна была воспринять: мы с ним поем вместе, вскинув головы, созываем всех остальных волков со всего леса. Он был проникнут ощущением срочности, опасности. И то и другое было мне знакомо.

Он вскинул голову и завыл. То был протяжный и пронзительный вой, звонкий и печальный, и он куда больше приблизил меня к пониманию того слова, «Грейс», чем все образы. Мгновение спустя я открыла пасть и тоже завыла.

Вместе наши голоса зазвучали громче, сильнее. Остальные волки жались к нам, тыкались носами, поскуливали и наконец завыли тоже.

В мире не было ни одного места, где не услышали бы наш вой.

68

КОУЛ

На часах было пять пятнадцать утра.

Я так устал, что о сне невозможно было даже и помыслить. Это была та усталость, от которой трясутся руки, на периферии зрения вспыхивают огоньки и чудится движение там, где его нет и быть не может.

Сэм все не появлялся.

Какая все-таки странная штука жизнь! Я мог потерять здесь все, что составляло мою суть, а вместо этого потерял все, кроме себя самого. Видимо, я слишком долго испытывал терпение Бога. Забавно, наверное, ему было сначала наблюдать, как я учусь быть равнодушным, а потом одним махом уничтожить все, что стало мне дорого.

Я не знал, как поступлю, если мой план не сработает. Я вдруг осознал возникшую где-то в процессе надежду, что Сэм сможет справиться. Я верил в это всецело, всем своим существом, поэтому чувство, которое сейчас клокотало в моей груди, было разочарованием и ощущением предательства.

Я не мог вернуться назад, в опустевший дом. Без населявших его людей он превращался в ничто. Не мог я и вернуться обратно в Нью-Йорк. Тот дом давным-давно перестал быть для меня домом. Я стал человеком без отечества. Где-то в процессе я превратился в часть стаи.

Я поморгал, протер глаза. На краю зрения снова уловилось движение — утешительный приз за невозможность толком разглядеть что-то в скудном свете. Я снова протер глаза и положил голову на руль.

Но шевеление повторилось.

Это был Сэм. Его желтые глаза настороженно следили за машиной.

А за спиной у него стояли волки.

69

СЭМ

Все было не так. Мы находились на открытом месте, мы сбились в одну кучу, мы слишком близко подошли к машине. Шерсть на загривке у меня встала дыбом. Луна подсвечивала туманную дымку изнутри, отчего мир казался неестественно ярким. Несколько волков попятиться назад, в спасительную тьму лесной чащи, но я потрусил к ним, аккуратно тесня их обратно к озеру. В мозгу один за другим вспыхнули несколько образов: мы у озера, все вместе. Я и она. Грейс.

«Грейс. Найти волков. Озеро».

Все это я сделал. Что теперь? Ничего больше не осталось.

Грейс учуяла исходящий от меня запах тревоги и ткнулась в меня мордой, прижалась ко мне всем телом. Но я не мог успокоиться.

Стая беспокойно перетаптывалась на месте. Мне пришлось прерваться, чтобы снова согнать нескольких отбившихся в сторону волков обратно на берег. Белая волчица — Шелби — зарычала на меня, но не бросилась. Волки наблюдали за машиной; внутри сидел человек. «Что теперь, что теперь?»

Я терзался неизвестностью.

«Сэм».

Я вскинулся. Забрестило узнавание.

«Сэм, ты слушаешь?»

Затем я получил четкий образ. Волки, бегущие по дороге навстречу свободе от... от чего-то угрожающего, что маячит позади.

Я наострил уши, пытаюсь определить, откуда пришли эти образы. Повернулся к машине и встретился глазами с твердым взглядом молодого человека, сидевшего за рулем. И снова в мозгу у меня вспыхнул образ, еще более четкий, чем первый. Надвигающаяся опасность. Стая, мчащаяся по дороге. Я перехватил этот образ, обострил его до предела и передал остальным волкам.

Грейс, которая была занята тем, что вместо меня пыталась вернуть обратно в стаю отбившегося в сторону волка, мгновенно вскинула голову. Поверх двух десятков мельтешащих тел я перехватил ее взгляд и на краткий миг удержал его.

В лапах отдавалась какая-то непонятная вибрация. Что-то приближалось.

Грейс бросила мне еще один образ Предложение. Я во главе стаи, уводящий их от неизвестной угрозы, которая надвигалась сзади. И она сбоку, подгоняющая их за мной.

Не доверять образу, исходящему из машины, я не мог, потому что он сопровождался многократным и настойчивым: «Сэм. Сэм. Сэм». И это вселяло в меня ощущение правильности, даже если я не мог удержать в голове всю концепцию.

Я передал стае образ. Не просьбу, приказ: мы в движении. Я веду, они следуют за мной.

По всем правилам приказы отдавать должен был Пол, черный волк, а остальным не полагалось нарушать субординацию.

Какое-то мгновение ничего не происходило.

А потом мы бросились бежать, практически одновременно. Как во время охоты, только на этот раз то, что мы преследовали, было слишком далеко, чтобы можно было разглядеть.

Все волки прислушивались ко мне.

КОУЛ

План сработал.

Однако когда я поехал за ними на «фольксвагене», они бросились врассыпную и долго не могли перегруппироваться. Уже почти рассвело; времени дать им привыкнуть к автомобилю не было. Поэтому пришлось мне выйти из машины, старательно посылая образы — получалось уже лучше, хотя только с близкого расстояния, — и бежать. К ним я благоразумно не приближался, старался держаться на обочине, чтобы не отклоняться от нужного направления, а они мчались в нескольких десятках ярдов от меня. Я пытался не отставать слишком сильно. Неужели я когда-то проклинал их медлительность? Будь они более сосредоточенны, я не смог бы поспевать за ними. А так я бежал с ними, почти как член стаи, по дороге под светом тающей луны. Я не знал, что будет, когда я устану. Сейчас, подхлестываемый бурлящим в крови адреналином, я не мог такого представить.

И, несмотря на весь свой цинизм, должен сказать, надо было видеть, как волки бежали вперед, их плавные скачки, гибкие движения, их ровный строй. И надо было видеть Сэма с Грейс.

Я мог посылат Сэму образы, но ему явно приходилось прикладывать усилия, чтобы понимать меня. Однако же, когда Сэм с Грейс, оба в волчьем обличе, общались между собой, стоило Сэму еле уловимо шевельнуть головой, как Грейс тут же отделялась от стаи, чтобы поторопить волка, остановившегося обнюхать что-то любопытное. Или Грейс перехватывала какой-нибудь из посланных мною образов и транслировала его Сэму взмахом хвоста, и через миг они уже резко меняли направление, как я того хотел. А на бегу, несмотря на то что необходимо было подгонять стаю, Сэм и Грейс беспрерывно соприкасались, тыкались друг в друга носами, подталкивали один другого. Все происходившее между ними в человеческом обличе было теперь переведено на волчий язык.

Однако вскоре мы столкнулись с проблемой: к северу от Пограничного леса простиралась плоская равнина, заросшая невысоким кустарником. На ней все волки были видны как на ладони и становились отличными мишенями. Я проезжал по ней, и эта полоса не показалась мне особенно широкой. Но тогда я был за рулем машины на скорости в пятьдесят восемь миль в час. Сейчас же мы передвигались со скоростью в шесть, от силы восемь миль. А край горизонта уже розовел, как будто солнце раздумывало, всходить или не всходить.

Слишком быстро. А может, это мы оказались слишком медлительны. Заросли невысокого кустарника простирались на несколько миль. Волкам не преодолеть его до восхода солнца. Оставалась единственная надежда на то, что вылет вертолета задержится. Что охотники начнут с дальнего конца Пограничного леса и будут озадачены исчезновением волков. Так должен был сработать мой план, если нам повезет. Если в мире существует справедливость.

ИЗАБЕЛ

Когда я обнаружила на стоянке у озера брошенный «фольксваген», уже светало. Я кляла Коула за то, что не взял с собой телефон Сэма, за то, что он бросил машину, но потом увидела многочисленные следы, оставленные волчьей стаей на росистой траве. Никогда еще я не видела такого количества отпечатков волчьих лап. Сколько их было? Десять? Двадцать? Там, где они ждали, кустарник был примят, а оттуда следы вели обратно к дороге. Как и было написано в дневнике. На север по шоссе номер 169.

Я обрадовалась, обнаружив свидетельство того, что я на верном пути, и поначалу не сообразила, чем это чревато, если даже я с такой легкостью заметила следы. Солнце уже всходило, а это значило, что время поджимает. Нет, что времени у нас уже не осталось, если только волки не успели удалиться на значительное расстояние от леса. К северу от Пограничного леса и Мерси-Фоллз по обеим сторонам от шоссе номер 169 тянулась обширная марсианская пустошь. Если волков застигнут там, они окажутся совершенно беззащитны перед моим отцом и его ружьем.

Все будет хорошо, если только я успею добраться до волков. Я прибавила газу и поехала по дороге на север. Меня била дрожь, хотя было совсем не холодно, просто свежо, как всегда ранним утром. Я врубила обогреватель на полную мощность и сжала руль. По пути мне не попалось ни одной машины, да и кто мог бы встретиться на этой захолустной дороге на рассвете, кроме волков и тех, кто охотился на них? К какой категории в таком случае следует отнести меня, я не очень понимала.

Внезапно впереди показались волки. В рассветной мгле они выглядели темными пятнами на поросшей кустарником земле, и лишь когда я подъехала ближе, стали различимы оттенки серого цвета. Разумеется, посреди этой марсианской пустоши они были видны как на ладони, вытянувшиеся в длинную упорядоченную цепочку по двое и по трое, отличные мишени. Я подъехала еще немного ближе и увидела впереди Грейс — форма ее тела, длинные лапы и посадка головы навсегда врезались мне в память, — а рядом с ней Сэма. Вслед за тем я заметила белую волчицу, и на миг в голове промелькнула мысль — Оливия! Но, вспомнив все, я подумала, что это, должно быть, Шелби, та чокнутая волчица, которая давным-давно преследовала нас по пути в клинику. Остальные волки были мне незнакомы. Для меня они были просто волками.

А там, далеко впереди, на обочине дороги, бежал человек. В лучах восходящего солнца тень, которую он отбрасывал, была намного длиннее его роста. Коул Сен-Клер бежал с волками, время от времени обегая какой-нибудь придорожный мусор или перепрыгивая очередную канаву. Прыгая, он расставлял руки в стороны, чтобы не потерять равновесие, совершенно ничего не стесняясь, словно мальчишка. Эта картина была исполнена такого величия, что в ушах у меня прозвенели последние слова, которые я сказала ему по телефону. От стыда меня бросило в такой жар, какого не могла бы дать ни одна печка.

У меня появилась новая цель. Я должна извиниться перед ним, когда все это закончится.

Под приборной панелью что-то застрекотало. Я положила руку на нее, потом на обивку дверцы, пытаюсь определить, откуда исходит звук.

И тут до меня дошло, что машина тут ни при чем. Я опустила стекло в дверце.

Со стороны леса доносился стрекот вертолетного пропеллера.

КОУЛ

Дальше события начали развиваться так стремительно, что в голове моей все перемешалось и я совершенно перестал соображать. Послышался рокот вертолета, лопасти винта взбивали воздух в такт стуку сердца у меня в ушах. Он летел низко и, конечно, несравнимо быстрее, чем мы бежали. Черный на фоне голубого неба, даже мне, человеку, он представлялся каким-то чудищем. От него исходило ощущение смерти. Под ложечкой похолодело от дурного предчувствия. Вращающиеся лопасти винта в точности совпадали с ритмом одной моей старой песни, и в памяти всплыла непрошенная строка. «Я — расходный материал».

Появление вертолета произвело на волков мгновенный эффект. Звук настиг их первым, и они бестолково заметались, то сбиваясь в кучу, то разбегаясь снова. Потом, когда над ними навис сам вертолет, они припустили вперед, на бегу выворачивая головы. Теперь хвосты у них были поджаты, уши распластаны по голове.

Ужас.

Укрыться было негде. Люди на вертолете не заметили меня, а если заметили, я их не заинтересовал. Сэм бежал, слегка повернув голову в мою сторону, чтобы лучше улавливать мои указания. Грейс держалась поблизости, не давая охваченным паникой волкам разбежаться. Я снова и снова посылал образ спасительного леса по ту сторону пустоши, но деревья казались далекими и недостижимыми.

Я взглянул на волков, на вертолет, на окрестности, пытаюсь на ходу придумать какой-нибудь новый план, что-нибудь такое, что спасло бы их от расстрела в ближайшие двадцать секунд. Шелби отстала и на скакивала на Бека, который подгонял волков сзади. Он огрызался, но она не унималась, как назойливый комар, который возвращается снова и снова. Слишком долго она из-за него не могла бросить вызов никому из стаи, и вот теперь, когда его внимание было занято другим, настал ее звездный час. Они с Беком все больше отдалялись от стаи. Жаль, я не смог задать ей хорошую трепку тогда, в лесу. Надо было ее прикончить.

Сэм каким-то образом почувствовал, что Бек отстает, и замедлил бег, предоставив Грейс вести стаю. Его взгляд был устремлен на Бека.

Рокот вертолета был таким громким, таким всепоглощающим, что казалось, я никогда в жизни не слушал ничего другого. Я остановился.

С этого момента начало твориться что-то невообразимое. Сэм зарычал на Шелби, и та моментально бросила Бека, как будто и не собиралась вовсе на него нападать. Я уже было решил, что она признала верховенство Сэма.

Но в этот момент она набросилась на него.

Я думал, что послал предупреждение. Я должен был его послать.

Теперь все равно уже было слишком поздно, даже если они меня и слушали.

Повсюду вокруг начали вздыматься беспорядочные фонтанчики пыли, и, прежде чем до меня дошло, что это, Бек упал. Он пытался подняться, хватал себя за хребет зубами, но падал снова. Раздалась новая очередь, еле слышная в шуме вертолета, и на этот раз он упал ничком и остался лежать. Пули изрешетили его тело в клочья.

Я не мог думать об этом. Бек. Он подергивался, лязгал челюстями, скреб лапами землю, но подняться уже не хватало сил. Это не было превращение. Он умирал. Его тело было слишком повреждено, чтобы исцелиться.

Я не мог на это смотреть.

И не смотреть тоже не мог.

Сэм остановился как вкопанный и заскулил, хотя со своего места я не мог этого слышать. Нас обоих словно парализовало: Бек не мог умереть. Он был столпом.

И он был мертв.

Воспользовавшись замешательством Сэма, Шелби набросилась на него сбоку и повалила наземь. Они покатались клубком и вскочили, перемазанные в грязи. Я пытался посылать Сэму образы, чтобы он стряхнул ее и продолжил движение, но он не слушал, то ли потому, что не мог видеть ничего, кроме Бека, то ли потому, что Шелби занимала все его внимание.

Надо было ее прикончить.

Впереди медленно плыл над стаей вертолет. Еще одна очередь снова взметнула над землей фонтанчики пыли, за ней другая, но на этот раз никто из волков не упал. У меня промелькнула мысль, что, быть может, Бек останется единственной жертвой, но тут вдруг один из волков в гуще стаи рухнул как подкошенный и забился в агонии. Потребовалось еще несколько долгих минут, чтобы выстрелы из двух ружей с воздуха прикончили его.

Это была катастрофа.

Я вывел волков из леса на открытое место, где их всех просто-напросто перебьют по одному, медленно всадив в каждого по семь мучительных пуль.

Вертолет заложил вираж. Мне хотелось верить, что охотники решили вернуться на базу, но я понимал: они просто собираются зайти еще на один круг, чтобы удобнее было вести отстрел. Охваченные страхом волки разбежались во все стороны; теперь, когда Сэм был занят Шелби, они практически топтались на месте. Хорошо хоть, до леса было уже рукой подать. Они успели бы укрыться там, если бы просто двигались вперед. Если бы только над ними не висел этот вертолет, наводящий на них ужас.

Но шансов у нас уже не было. А теперь, когда Сэм с Шелби откололись от всех остальных, я понимал, что они станут следующей мишенью.

Перед глазами у меня стояла картина гибели Бека.

Я не мог допустить, чтобы такая же судьба постигла и Сэма.

Я не стал даже думать. Моя тень на земле принялась одновременно со мной рыться в кармане штанов. Я вытащил шприц, зубами содрал колпачок и вонзил в вену иглу. Времени на размышления не было. И на то, чтобы восхититься собственным благородством, тоже. Лишь стремительная судорожная волна боли и безмолвный выброс адреналина, помогающего ускорить превращение. Минутная агония, и вот я уже был волком и мчался вперед.

«Шелби. Убей Шелби. Спаси Сэма».

Только это мне и требовалось помнить, но слова все равно уже начали ускользать от меня, когда я с разбегу набросился на Шелби. Я весь был челюсти и оглушительный рык. Я вцепился ей в глаз, как научила меня она сама. Она извернулась и лязгнула челюстями, понимая, что сейчас я буду биться

на смерть. Я не испытывал гнева, одну лишь непреклонную решимость. Вот так нужно было драться в прошлый раз.

Пасть заполнилась кровью, не знаю, моей или Шелби. Я метнул в Сэма образом: «Прочь». Мне нужно было, чтобы он присоединился к Грейс. Пусть вернется к стае, станет одним из многих, а не отдельной неподвижной целью.

Почему он не уходит? «ПРОЧЬ». Я не знал, как еще дать ему понять, что я прошу его об этом. Способы убедить его были, но я больше не мог удержать их в памяти. Потом до нас долетел посланный Грейс образ. Стая, бестолково мечущаяся у самого края леса, такого близкого и совершенно недостижимого без ведущего их Бека. Вертолет возвращался. Бек был мертв. Они были охвачены ужасом. Он. Он нужен им. Он нужен ей.

Он не хотел бросать меня одного.

Я выпустил Шелби и зарычал, вложив в этот рык всю свою суть. Он прижал уши и припустил вперед.

Всем своим существом я рвался бежать вместе с ним.

Шелби дернулась следом, но я снова вцепился в нее. Мы покатались по песку и камням. Земля набивалась в пасть, попадала в глаза. Шелби была в ярости. Снова и снова она посылая мне одни и те же образы, которые почти оглушали меня силой ее страха, ревности, гнева. Раз за разом я получал от нее картинки. Она расправляется с Сэмом. Она расправляется с Грейс. Она добивается лидерства в стае.

Я вцепился ей в горло. Я не испытывал торжества. Она забилась, но я не размыкал челюстей, потому что должен был это сделать.

72

ГРЕЙС

Стая была совершенно дезориентирована. Сначала мой волк посылая мне образы, и, как это ни странно, тот парень, который бежал с нами, тоже. Теперь не осталось ни того ни другого, и мне пришлось перегруппировывать их, как получалось, но я была не он. Я сама только-только научилась быть волчицей. Без него было не обойтись. Но его горе слишком оглушительно билось в моей голове, чтобы оставалось место для чего-то еще. «Бек, Бек, Бек». Каким-то образом я догадалась, что это было имя того волка, который погиб первым. Мой волк хотел вернуться к телу Бека, но я успела получить образы, которые мне передали. От его тела не осталось практически ничего, и уже невозможно было сказать, что он когда-то был живым существом. Его не стало.

Грохочущая машина, черная на фоне голубого неба, снова приближалась, оглушая нас своим рокотом. Она была как ленивый хищник, неспешно подкрадывающийся к нам.

Я лихорадочно передала моему волку образ: стая собирается в кучу под нашим руководством и скрывается под пологом деревьев. Все это время я металась вокруг ближайших ко мне волков, пытаюсь побудить их возобновить движение, тесня к опушке леса. Мой волк мчался мне навстречу, и на меня вдруг обрушилась лавина исходивших от него образов, полных картин и звуков, истолковать которые я не могла. Я улавливала-то один из сотни. Все вместе они складывались в какую-то бессмысленную, хаотическую картину. А черное чудовище продолжало неумолимо приближаться.

Мой волк передал мне настойчивое, бессвязное:

«Коул. Шелби».

И быть может, из-за настойчивости, с которой он пытался донести до меня эту мысль, или из-за того, что пригревало солнце и мне помогла та, другая, которая скрывалась во мне, я поняла, кого он имеет в виду.

Я оглянулась назад, не замедляя бега, чтобы не терять разгон. Там, как я и ожидала, оказались Коул и Шелби, сцепившиеся не на жизнь, а на смерть. Они находились намного ниже меня на отлогом косогоре, и с такого расстояния я не могла разглядеть все подробности. Но черное существо, рокошущее в воздухе над ними, я увидела очень хорошо.

Раздались какие-то хлопки, едва различимые в общем грохоте, а потом Шелби выпустила Коула.

Шатаясь, он попятился от нее, а она вдруг бросилась в никуда. Прямо перед тем, как рухнуть наземь, она повернулась ко мне. Вместо морды у нее было кровавое месиво.

Стрекот вертолета переместился ниже.

Мгновение спустя Коул тоже упал.

73

ИЗАБЕЛ

Почему-то мне никогда не приходило в голову, что все может закончиться вот так.

Коул.

Белая волчица еще билась в агонии, вернее, у нее слабо подергивалась задняя лапа, а Коул... Коул лежал без движения там, где упал.

Сердце ухнуло куда-то в живот. Отцовские пули продолжали поднимать вдоль дороги фонтанчики пыли. Сэм с Грейс теперь неслись во всю прыть, направляясь к деревьям, которых им было никогда не достичь. Остатки стаи тянулись за ними.

Первой моей мыслью было эгоистичное: «Ну почему именно Коул? Почему из всех волков именно он? Именно тот, кто был мне дорог?»

Но потом я увидела распростертые на земле волчьи тела и поняла: Коул был лишь одним из полудюжины жертв. И он сам бросился под пули, когда увидел, что Сэм в опасности. Он знал, что могло...

Слишком поздно.

Вертолет отклонился от курса, преследуя отбившегося от стаи волка. Над горизонтом багровел беспощадный солнечный диск, отражаясь от цифр идентификационного номера на борту вертолета. Дверцы были открыты, и я увидела сидящих позади пилота двоих мужчин с ружьями, по одному с каждой стороны. Один из них был мой отец.

Уверенность в моей душе окрепла.

Я не сумела... не сумела спасти Коула.

Но я могла спасти Сэма и Грейс. Они уже почти добежали до леса. Оставалось совсем немного. Нужно было выгадать еще несколько секунд.

Отбившийся от стаи волк был мертв. Я не знала, кто это. Вертолет медленно зашел на очередной круг. Я оглянулась на Коула Я и не подозревала, как сильно надеялась, что он пошевелится, пока не увидела, что он все так же неподвижен. Куда попала пуля, я не видела, но повсюду вокруг него была кровь, и он лежал навзничь, совсем маленький и совершенно не похожий на знаменитость. По крайней мере, его не изрешетили так, как других волков. Этого я бы уже не перенесла.

Наверное, все произошло очень быстро. Я твердила себе, что так оно и было.

В горле у меня встал ком.

Я не могла об этом думать. Не могла думать о том, что его больше нет.

Но все равно думала.

Внезапно меня абсолютно перестало волновать, что отец разозлится, что это вызовет миллион проблем и сведет на нет весь тот небольшой прогресс в отношениях, которого нам удалось добиться.

Я могла прекратить эту бойню.

Когда вертолет снова начал снижаться, я съехала с дороги и, перевалив через небольшую насыпь, погнала свой джип по заросшей кустарником пустоши. Несмотря на гордое звание внедорожника, он, видимо, на самом деле отнюдь не был предназначен для езды по бездорожью, потому что его трясло и подбрасывало, а звуки он издавал такие, как будто разваливался на ходу.

Но при всей тряске и подсакиваниях на ухабах я передвигалась быстрее, чем стая, поэтому въехала в ее гущу, прямо между двумя волками, отчего они разбежались передо мной и припустили вперед с еще большей скоростью.

Стрельба мгновенно прекратилась. Из-под задних колес летели клубы пыли, закрывая от меня вертолет. Волки, следуя примеру Сэма и Грейс, один за другим скрывались в лесу. Мне казалось, что сердце мое вот-вот разорвется.

Вертолет висел прямо надо мной. Набрав полную грудь воздуха, я опустила сдвижную крышу и запрокинула голову. В воздухе еще не рассеялись остатки пыли, но я знала, что папа меня заметил. Даже не видя, я представляла себе выражение его лица. В нем были потрясение, смятение и замешательство одновременно.

Что произойдет дальше, я не знала.

Мне хотелось плакать, но я сидела, запрокинув голову, и смотрела в небо, пока самый последний волк не скрылся в лесу.

На соседнем сиденье завибрировал телефон. Пришло сообщение от отца.

«Уматывай оттуда сейчас же».

Я набрала ответное сообщение.

«Только после тебя».

74

СЭМ

Обратно в человека я превратился как-то между делом. Как будто это было и не чудо. Только что солнце припекало мне загривок и по изменчивым венам бежал волчий токсин, и вот я снова Сэм, человек.

Я находился на лесной базе. Кениг уже ждал. Ни словом не упомянув о моей нагоде, он принес мне из машины штаны и футболку.

— Если хочешь помыться, там на заднем дворе есть колонка, — сказал он, хотя грязным я быть никак не мог. Кожа на мне была новенькая, свежесформированная.

Однако же я обошел дом, изумляясь своей походке, своим рукам, своему медленному человеческому сердцебиению. Когда из старой железной колонки хлынула вода, я понял, что во время превращения испачкал ладони и колени.

Я оттер с кожи грязь, натянул одежду и напился из-под колонки. К тому времени я уже успел несколько прийти в себя, но мысли все еще были безумные, разбредающиеся и бессвязные. У меня все получилось: я привел стаю на базу, я превратился обратно в себя самого, я был волком и остался верен себе, пусть даже не целиком, а только своему сердцу.

Это казалось невозможным, однако же я стоял у дома в своем человеческом облике.

А потом меня настигла картина гибели Бека, и сердце ухнуло куда-то, словно корабль, беспомощно кренящийся на бурных волнах.

Я подумал о Грейс в лесу, о нас с ней в волчьей шкуре. О том чувстве, которое охватило меня, когда я бежал рядом с ней, обретая все то, о чем мечтал столько лет до того, как познакомился с ней в своей человеческой ипостаси. Эти часы, которые мы провели с ней вместе в облике волков, оказались именно такими, какими я их себе представлял, и никакие слова нам были не нужны. Я мечтал о таких зимах, но, увы, нам с ней снова суждено было проводить холодные месяцы порознь. Счастье колючим осколком засело у меня между ребрами.

А еще ведь был Коул.

Невозможное стало возможным лишь благодаря ему. Я закрыл глаза.

Кениг нашел меня у колонки.

— У тебя все в порядке?

Я медленно открыл глаза.

— Где остальные?

— В лесу.

Я кивнул. Должно быть, они отправились на поиски места, где будут чувствовать себя в безопасности и смогут отдохнуть.

Кениг скрестил руки на груди.

— Ты молодец.

Я отвернулся к лесу.

— Спасибо.

— Сэм, я понимаю, что тебе сейчас не хочется об этом думать, но они вернутся за телами, — сказал Кениг. — Если ты хочешь забрать...

— Скоро должна превратиться Грейс, — перебил его я. — Я подожду ее.

Правда заключалась в том, что я нуждался в Грейс. Я не мог вернуться туда без нее. Более того, мне необходимо было ее увидеть. Я не доверял своим волчьим воспоминаниям и не мог успокоиться, пока не увижу ее.

Кениг не стал настаивать. Мы пошли в дом, потом он сходил к машине еще за одним комплектом одежды и положил его перед дверью как подношение. Когда он вернулся, в руках у него были два пластиковых стаканчика с кофе, который продают в автоматах. Из одного он прихлебывал. На вкус кофе был ужасен, но я все равно его выпил, слишком благодарен был Кенигу за доброту, чтобы отказываться.

Потом я уселся в пыльное кресло в нашем новом доме, обхватил голову руками и уставился в пол, просеивая сквозь сито человеческой памяти волчьих воспоминания. Из головы не выходили последние слова Коула.

«Увидимся на той стороне».

В дверь негромко постучали, и на пороге показалась Грейс, облаченная в великоватые штаны и футболку. Все, что я хотел ей сказать — «Мы потеряли Коула. Бек погиб. Ты жива», — мигом вылетело из головы.

— Спасибо вам, — сказала Грейс Кенигу.

— Спасать людей — моя работа, — отозвался тот.

Потом она подошла ко мне и обняла крепко-крепко, а я уткнулся ей в плечо. Наконец она со вздохом отстранилась.

— Пойдем заберем их.

75

СЭМ

По сравнению с нашим утренним путешествием на дорогу до поля, где нас застал вертолет, времени у нас ушло всего ничего.

Тело Бека, в клочья изрешеченное пулями, мы нашли практически сразу же. Вокруг были разбросаны окровавленные внутренности. Я никогда не задумывался, что он состоит из всего этого.

— Сэм, — произнесла Грейс.

Его тело казалось очень плоским и худым, как будто внутри совсем ничего не осталось. А может, так оно и было. Может, все уничтожило взрывом. Хотя остались же внутренности. Которые волочились за ним, пока он не умер. Мне вспомнилась птица, которую Шелби убила на дорожке у нас перед домом.

«Сэм».

Пасть волка была приоткрыта, язык вывалился наружу. Не как у собаки, которая тяжело дышит, а как-то странно, неестественно. Я подумал, что тело, наверное, уже успело окоченеть. Он выглядел совсем как собака, которую сбила машина. Самая обычная сбитая собака.

«сэм»

«скажи»

вот только его глаза

«что-нибудь»

у этой сбитой собаки были его глаза

«СЭМ»

а я так многого ему не сказал

«ты меня пугаешь»

Я справлюсь. Я уже справился. У меня было такое чувство, как будто я с самого начала знал, что он погибнет. И его больше не будет. Что мы найдем его тело, растерзанное и распотрошенное, мне придется жить без него, и мы никогда не сможем поправить содеянное. Я не буду плакать, ведь все так и должно было случиться. Мне придется жить без него, но я жил без него и раньше, и на этот раз все будет точно так же, как прежде, только его не будет совсем, никогда-никогда, и надежды на то, что весеннее тепло вернет его мне, тоже не будет.

Я ничего не почувствую, потому что нечего чувствовать. Как будто я проживал этот миг в тысячный раз и у меня просто не осталось уже сил и эмоций. Я попытался примериться к этой мысли — «Бек мертв, Бек мертв, Бек мертв», — ожидая слез, боли, хоть чего-нибудь.

В воздухе вокруг пахло весной, а мне казалось, что это зима.

ГРЕЙС

Сэм стоял, безмолвно глядя на распростертое у наших ног тело, и его колотило. Лицо у него было такое, что я почувствовала, как по щекам у меня одна за другой беззвучно потекли слезы.

— Сэм, — произнесла я. — Пожалуйста.

— Все в порядке, — сказал он.

И тихо осел на землю. Сжавшись в комочек, он обхватил голову руками и уткнулся лицом в колени, и это было настолько страшнее, чем любые слезы, что я не понимала, как мне быть.

Я присела рядом на корточки и обвила его руками. Его все так же колотило, но слез не было.

— Грейс, — прошептал он, и в этом единственном слове прозвучала вся его боль. Как заведенный, он снова и снова проводил ладонью по волосам, теребил их и дергал с такой силой, что на ладони оставались клочки. — Грейс, помоги мне. Помоги.

Но я не знала, что делать.

76

ГРЕЙС

Я взяла у Кенига телефон и позвонила Изабел.

Мы с Сэмом и Кенигом уже час бродили по кустам, подсчитывая волчьи тела, а Сэм пытался опознать их. Убитых было семеро, в том числе Бек. Ни Шелби, ни Коула мы пока не нашли.

Сэм отошел на несколько шагов и отвернулся к лесу, сцепив руки за головой. Как всегда, в этом жесте было столько от Сэма и одновременно от Бека. Не помню, говорила ли я ему когда-нибудь об этом. Не знаю, стало бы ему легче, если бы я сказала это сейчас, или, наоборот, только хуже.

— Изабел, — произнесла я в трубку.

Изабел только вздохнула.

— Я знаю. Как ты там?

Голос у нее был странный. Я подумала, что она, наверное, плакала.

— А, как обычно. Я под домашним арестом до конца жизни, то есть до следующей недели, а потом они меня убьют. Сейчас я у себя в комнате, потому что не могу больше орать.

Вот, значит, почему у нее такой голос.

— Я очень тебе сочувствую, — сказала я.

— Не стоит. Я слегка опоздала?

— Не казни себя, Изабел. Я знаю, что тебе этого хочется, но ты не должна была ничего делать для волков, и вообще, ты ведь все-таки приехала.

Она долго молчала, и я уже начала думать, что она не поверила в мою искренность.

— Меня отправляют в Калифорнию, пока они здесь не продадут дом, — сказала она наконец.

— Что?!

Я ахнула так громко, что Сэм обернулся ко мне и нахмурился.

— Что слышала, — бесцветным голосом произнесла Изабел. — Я сдаю выпускные экзамены, собираю манатки — и на самолет. Изабел Калперер. Таков будет ее бесславный конец. Назад в Калифорнию с поджатым хвостом. Думаешь, я слабачка, что не сбежала?

Теперь настал мой черед вздыхать.

— Я думаю, если ты можешь сохранить отношения с родителями, лучше это сделать. Они любят тебя, даже если твой отец придурок. Это не значит, что я хочу, чтобы ты уехала. — Изабел в Калифорнии? — У меня в голове это не укладывается. Они точно не передумают?

Она засопела. Ну вот, новая рана.

— Скажи ей спасибо, — попросил Сэм.

— Сэм просит сказать тебе спасибо.

Изабел засмеялась. «Ха. Ха. Ха».

— За то, что уезжаю в другой штат?

— За то, что спасла нам жизнь.

Какое-то время она молчала. Откуда-то со стороны озера послышался крик гагары. Если бы я не знала, что была здесь сегодня утром, то не вспомнила бы этого. Глазами волчицы все здесь выглядело совершенно по-иному.

— Не всем, — произнесла Изабел.

Я не знала, что на это ответить, ведь это была правда. На самом деле она была в этом не виновата, но я не могла утешать ее. Поэтому сказала лишь:

— Мы в поле. Где был Коул... э-э... где его...

— Там у дороги насыпь, — перебила она меня. — Там должны были остаться следы моих колес. Он был в нескольких ярдах от того места. Мне нужно идти. Мне нужно...

Звук отключился.

Я вздохнула и, захлопнув телефон, передала информацию. Все вместе мы отправились туда, куда сказала Изабел, и обнаружили тело Шелби. К нашему удивлению, пули пощадили ее, если не считать морды, которая была настолько разворочена, что я не смогла заставить себя взглянуть на нее. Крови вокруг было море.

Наверное, надо было ее пожалеть, но я могла думать лишь о том, что это из-за нее погиб Коул.

— Наконец-то ее больше нет, — тихо произнес Сэм. — Она умерла волчицей. Думаю, это ее порадовало бы.

Трава повсюду вокруг Шелби была забрызгана, запятнана и залита кровью. Я не знала, где умер Коул. Может, это его кровь? Сэм смотрел на нее, и кадык у него подергивался. Должно быть, под оболочкой злобного чудовища он видел в ней что-то еще. Я при всем желании не могла ничего увидеть.

Кениг пробормотал, что ему нужно позвонить, и отошел в сторону, оставив нас наедине.

Я коснулась руки Сэма. Вокруг того места, где он стоял, было столько крови, что, казалось, он и сам тоже ранен.

— Ты как? Держишься?

Он потер ладонями плечи; солнце садилось, и опять стало холодно.

— Мне не было противно, Грейс.

Дальше он мог не пояснять. Я до сих пор помнила тот восторг, который охватил меня при виде его, направляющегося ко мне в волчьем обличье, пусть даже моя память и не могла сохранить его имени. Я помнила, как мы обменивались с ним образами, пока вели стаю. Они все доверяли ему в точности так же, как и я.

— Это потому, что у тебя все получалось. Он покачал головой.

— Просто я знал, что это не навсегда.

Я коснулась его волос, и он наклонил голову, чтобы поцеловать меня, молчаливый, как тайна. Я прильнула к нему, и мы долго стояли вдвоем, надежно укрытые от холода.

Несколько долгих минут спустя Сэм отступил от меня и посмотрел в сторону леса. Он как будто прислушивался, но, разумеется, в Пограничном лесу теперь не мог быть ни один волк.

— Это было одно из последних стихотворений, которые Ульрик заставил меня выучить, — сказал он.

*endlich entschloss sich niemand
und niemand klopfte
und niemand sprang auf
und niemand offnete
und da stand niemand
und niemand trat ein
und niemand sprach: willkomm
und niemand antwortete: endlich.*

— Что это значит? — поинтересовалась я.

Сначала мне показалось, что Сэм не собирается отвечать. Щурясь на вечернем солнце, он посмотрел сначала в сторону леса, который приютил нас целую вечность назад, а потом на лес, в котором мы жили за целую вечность до этого. Это был совершенно другой человек, не тот, которого я обнаружила на своем заднем крыльце истекающим кровью. Тот Сэм был застенчивым, наивным и кротким, всецело поглощенным своими песнями и словами, и я всегда любила его таким. Но перемена

не пугала меня. Тот, прежний, Сэм не пережил бы того, что с нами произошло. Да и прежняя Грейс тоже.

Все так же глядя на Пограничный лес, Сэм заговорил:

*наконец никто не решился
и никто не постучал
и никто не подскочил
и никто не открыл
и никто не стоял на пороге
и никто не вошел
и никто не сказал: добро пожаловать
и никто не ответил: наконец.*

На просторе наши вечерние тени были длинными, как деревья. Пейзаж вокруг казался инопланетным, там и сям внезапно вспыхивали розовым и оранжевым неглубокие водные протоки, в точности повторявшие цвета заката. Где еще искать тело Коула, я не знала. Нигде на многие ярды вокруг не было видно никаких его следов, если не считать крови, запекшейся на травинках и заполнившей углубления в земле.

— Наверное, он уполз куда-нибудь в лес, — бесцветным голосом предположил Сэм. — Инстинкт должен был требовать от него спрятаться, даже если он умирал.

Сердце у меня забилося быстрее.

— Ты думаешь...

— Слишком много крови, — отозвался Сэм. На меня он не смотрел. — Ты погляди только на это все. Вспомни, я от одной пули в шее едва не умер. Он не мог исцелиться. Надеюсь только... надеюсь только, ему было не очень страшно умирать.

Я не стала произносить вслух то, о чем думала: нам всем тогда было страшно.

На всякий случай мы вместе принялись прочесывать опушку леса. Продолжали поиски, даже когда стемнело, потому что все равно нюх в этом деле был куда лучшим помощником, нежели зрение.

Однако никаких следов Коула мы так и не обнаружили. В конце концов Коул Сен-Клер сделал то, что удавалось ему лучше всего.

Он исчез.

77

ИЗАБЕЛ

Когда мы только въехали в этот дом, музыкальный салон был единственной комнатой, которая мне нравилась. Меня бесило, что мы перебравшись в штат, одинаково удаленный от обоих океанов, которые омывали берега моей родины. Бесил застарелый запах затхлости в доме и этот жуткий лес, который его окружал. Бесило то, что мой бешеный братец с переездом вообще как с цепи сорвался. Бесили скошенные стены моей комнаты, скрипучие лестницы и муравьи, которые обитали в кухне, несмотря на дорожную обстановку.

А вот в музыкальном салоне я любила проводить время. Это была круглая комната, состоящая наполовину из окон, наполовину из коротких стальных панелей, окрашенных в темно-бордовый цвет. Там не было ничего, кроме рояля, трех стульев и люстры, которая удивительно контрастировала с пошлостью всех прочих осветительных приборов в доме.

Музыкой я никогда не занималась, но все равно любила сидеть на скамеечке, спиной к инструменту, и смотреть из окна на лес. Из дома, с безопасного расстояния, он не казался жутким. Может, там и обитали чудовища, но двадцать ярдов двора, дюймовое стекло и стейнвеевский рояль были для них непреодолимой преградой. Лучшего способа взаимодействовать с природой и вообразить невозможно, думалось мне.

У меня до сих пор бывали дни, когда я готова была так думать.

Сегодня вечером я отважилась совершить вылазку из своей комнаты, тихо, чтобы не привлекать внимания родителей, которые приглушенными голосами переговаривались в библиотеке, и пробралась

в музыкальный салон. Я аккуратно прикрыла дверь и по-турецки уселась на скамейку. За окнами уже стемнело, и смотреть, в общем-то, было не на что, кроме освещенного фонарем над задней дверью полукруга травы. Впрочем, то, что в темноте не видно было деревьев, не слишком меня волновало. В них больше не водились чудовища.

Я одернула толстовку и, подтянув колени к груди, устроилась на скамье боком. Здесь, в Миннесоте, вечно было холодно. Я все ждала, когда наконец наступит настоящее лето, но оно, по-видимому, никогда до этих краев не добиралось.

Отъезд в Калифорнию уже не представлялся мне такой уж ужасной идеей. Сейчас я бы с удовольствием зарылась в теплый песок и впала в спячку, чтобы не чувствовать внутри эту сосущую пустоту.

Когда зазвонил телефон, я дернулась и задела локтем клавиатуру. Рояль отозвался низким растревоженным гулом. Я и забыла, что телефон остался лежать у меня в кармане.

Я вытащила трубку и взглянула на номер. Звонили с телефона Сэма. У меня сейчас не было решительно никаких сил изображать из себя ту Изабел, которую они знали. Неужели нельзя было оставить меня в покое хотя бы сегодня вечером?

Я приложила трубку к уху.

— Ну?

На том конце провода молчали. Я взглянула на экран, чтобы проверить, есть ли соединение.

— Говорите, я слушаю! Есть там кто-нибудь живой или нет?

— Угу.

Во всем моем теле не осталось ни единой косточки. Я сползла со скамьи, прижимая трубку к уху и пытаюсь удержать голову на месте, потому что все мышцы разом ослабли. Сердцебиение отзывалось в ушах мучительной болью, и я просто не услышала, если бы он произнес что-нибудь еще.

— Ты, — прорычала я, не придумав, что еще сказать. Я была уверена, что конец фразы придет ко мне на ходу. — Ты перепугал меня до полусмерти!

Он засмеялся, тем самым смехом, который я слышала в клинике, и тогда я заплакала.

— Теперь у нас с Ринго еще больше общего, — сообщил Коул. — Твой папаша подстрелил нас обоих. Сколько еще человек могут этим похвастаться? Ты там что, чем-то давишься?

Я задумалась, не подняться ли с пола, но ноги до сих пор были непослушными.

— Угу. Именно этим я и занимаюсь, Коул.

— Кстати, я забыл сказать, что это я звоню.

— Где ты был?

Он пренебрежительно фыркнул.

— В лесу. Отращивал новую селезенку, или как там она называется. И еще бедра местами. Не уверен, что мое мужское достоинство по-прежнему можно считать достоинством. Приглашаю тебя прийти и произвести оценку ущерба.

— Коул, — перебила его я. — Мне нужно сказать тебе одну вещь.

— Я видел, — ответил он. — Я видел, что ты сделала.

— Я не хотела этого говорить.

Он помолчал.

— Я знаю, что не хотела.

— Сэм и Грейс в курсе, что ты жив?

— Я решил оставить счастливое воссоединение с ними на потом. Хотел сперва позвонить тебе.

Я позволила себе на мгновение утонуть в этих его словах с головой. Запомнить их, чтобы потом снова и снова прокручивать в голове.

— Родители отправляют меня обратно в Калифорнию в наказание за то, что я сделала.

Я не знала, как к этому подступиться, поэтому вывалила все без предисловия. Коул какое-то время молчал.

— Я бывал в Калифорнии, — произнес он наконец. — Волшебное место. Сухая жара, огненные муравьи и серые импортные машины с мощными двигателями. Представляю тебя рядом с декоративным кактусом. Восхитительное зрелище.

— Я сказала Грейс, что не хочу уезжать.

— Врешь. Все равно ты в душе калифорнийка, — сказал он. — А здесь ты как марсианка.

Совершенно неожиданно для себя самой я рассмеялась.

— Ты что?

— Мы знакомы с тобой всего ничего, и половину времени были заняты отнюдь не разговорами, и все равно ты знаешь меня лучше, чем все мои друзья в этой дыре, — сказала я.

Коул задумался.

— Просто я прекрасно разбираюсь в людях.

При мысли о том, что он сидит с телефоном Сэма в доме Бека, живой и здоровый, я против воли улыбнулась, потом улыбнулась еще шире, потом засмеялась и смеялась так, что не могла остановиться. Мои родители могли злиться на меня хоть до скончания века.

— Коул, — сказала я. — Не теряй этот номер.

78

ГРЕЙС

Помню, как я лежала на снегу, крохотное остывающее красное пятнышко, окруженное волками.

— Ты точно уверен, что это то самое место? — спросила я Сэма.

Ночные заморозки в октябре уже окрасили листву золотом и багрянцем. Мы стояли на небольшой полянке. Она была такая крохотная, что, находясь в центре, я могла раскинуть руки и одной коснуться березы, а другой погладить ветви сосны. Собственно, я так и сделала.

— Да, это оно, — уверенно ответил Сэм.

— По моим воспоминаниям оно было больше.

Конечно, я тогда была меньше, к тому же на поляне лежал снег, а под снегом все кажется крупнее. Волки утащили меня с качелей сюда, пригвоздили к земле и превратили в одну из них. Я была на волосок от гибели.

Я медленно обернулась, ожидая, не шевельнется ли что-нибудь в душе, не всплывет ли какое-нибудь воспоминание, подтверждающее, что это действительно то самое место. Но лес вокруг был совершенно обыкновенным, и поляна тоже. Если бы я гуляла тут одна, то, скорее всего, просто пересекла ее в два-три шага и даже не приняла бы за поляну. Сэм поворочил ногой опавшую листву, пошевелил стебли папоротника.

— Значит, твои родители думают, что ты уезжаешь в... Швейцарию?

— В Норвегию, — поправила его я. — Туда едет Рейчел, а я, по легенде, еду вместе с ней.

— Думаешь, они тебе поверили?

— У них не было никаких причин мне не верить. У Рейчел обнаружился настоящий талант выдавать вымысел за реальность.

— Пугающее открытие, — заметил Сэм, хотя голос у него был ничуть не испуганный.

— Да уж, — согласилась я.

Хотя я не произнесла этого вслух, однако мы оба понимали, что теперь не так уж и важно, верят или нет. Летом мне исполнилось восемнадцать и я получила аттестат, исполняя свою часть нашего договора, а они по-человечески вели себя с Сэмом и позволяли мне проводить с ним все дни и вечера, исполняя свою часть, так что теперь я вольна была ехать в колледж или в любое другое место, куда мне заблагорассудится. На самом деле я уже собрала сумку. Она стояла в багажнике машины Сэма перед домом моих родителей. Там было все необходимое.

Единственной загвоздкой была надвигающаяся зима. Я чувствовала, как она грызет мои суставы и плетет узлы в животе, побуждая меня превратиться в волчицу. Не будет мне никакого колледжа, никакого отъезда, даже никакой Норвегии, пока я не буду уверена, что смогу остаться человеком.

Сэм присел на корточки и принялся перебирать палую листву. Что-то привлекло его внимание, когда он ворошил ее ногой.

— Помнишь ту мозаику? На участке Изабел? Сэм нашел то, что искал, — ярко-желтый лист в форме сердца, и поднялся, крутя черенок в пальцах.

— Интересно, что с ней будет теперь, когда дом пуст?

На мгновение мы оба притихли, стоя вплотную друг к другу на крохотной полянке посреди такого знакомого и родного Пограничного леса. Деревья здесь пахли совершенно по-особому, их запах смешивался с терпким древесным дымом и ветром, долетавшим с озера. Даже листья тут шелестели не совсем так, как на полуострове. Слишком много воспоминаний запуталось в этих ветвях, уже тронутых мертвящим дыханием осени.

Наверное, подумалось мне, когда-нибудь тот лес станет родным и знакомым, а этот, наоборот, чужим.

— Ты точно хочешь это сделать? — негромко спросил Сэм.

Он, разумеется, имел в виду шприц, полный зараженной менингитом крови, который ждал меня на базе отдыха. То самое почти противоядие, которое помогло Сэму и убило Джека. Если теория Коула верна и я буду сражаться с возбудителем менингита в волчьем облике, он мало-помалу переборет оборотня внутри меня, и я навсегда стану человеком. Если Коул ошибся и Сэм выжил благодаря счастливой случайности, мои шансы невелики.

— Я доверяю Коулу, — ответила я.

В последнее время он стал могущественной силой, куда более значительной фигурой, чем был в пору нашего знакомства. Сэм как-то сказал, он очень рад, что Коул употребляет свои способности во благо, а не во зло. А я радовалась, видя, как он превращает заброшенную базу отдыха в свою крепость.

— Все остальные его гипотезы оказались верными, — напомнила я.

В глубине души я испытывала сожаление, потому что в иные дни мне нравилось быть волчицей. Нравилось чувствовать себя в лесу своей, быть его частью. Нравилось ощущать полную свободу. Но куда больше я ненавидела утрату воспоминаний, замешательство, боль, которая возникала от желания понять больше и невозможности это сделать. Как бы сильно ни нравилось мне находиться в облике волчицы, быть Грейс нравилось больше.

— Чем займешься, пока меня не будет? — спросила я.

Сэм молча взял меня за левую руку, и я позволила ему завладеть ею. Он накрутил черенок листа на мой безымянный палец, так что получилось ярко-желтое кольцо. Мы оба восхитились.

— Буду скучать по тебе, — сказал он.

Лист, выпущенный из пальцев, упал на землю между нами. Сэм не признался в том, что боится: вдруг Коул ошибся; но я и так знала, что ему страшно.

Я развернулась в ту сторону, где находился дом моих родителей. За деревьями его не было видно; наверное, зимой его можно было бы разглядеть, но сейчас он был скрыт за осенней листвой. Я закрыла глаза и снова вдохнула запах здешних деревьев. Это было прощание.

— Грейс? — произнес Сэм, и я открыла глаза.

Он протянул мне руку.

ОТ АВТОРА

Немного странно прощаться с миром, в котором я жила почти четыре года, с циклом, практически перевернувшим мою жизнь, но все же приходится. Теперь, когда дописана последняя страница, думаю, настал подходящий момент сказать пару слов о тех частях моей истории, которые существуют на самом деле, а не только на страницах книг.

Во-первых, о волках.

На протяжении всей трилогии я старалась описывать волков правдиво (хотя не стала бы никому рекомендовать целоваться с ними). Читателям, которые хотели бы узнать о волчьих повадках больше, в качестве отправной точки могу посоветовать документальный фильм «Жизнь с волками». Роли Ульрика, Пола и Салема соответствуют стандартному распределению ролей в реальной иерархии волчьей стаи: «миротворец», «альфа» и «омега». Взаимоотношения внутри стаи — поразительно интересная тема.

Правда и то, что положение волков в нашем мире — вопрос крайне животрепещущий. Охота, которую помог организовать Том Калперер, списана с настоящих охот, которые устраивают в западных штатах США и в Канаде в попытках добиться равновесия между волками и скотоводами. Факт остается фактом: волки — прекрасные, но опасные хищники, а люди ревностно оберегают свою территорию и имущество от посягательств, так что, пока суд да дело, еще немало волков погибнет от пуль охотников.

Во-вторых, о городке Мерси-Фоллз в Миннесоте.

Читатели постоянно жалуются, что его не найти на карте. Простите великодушно. Первоначально я планировала сделать местом действия «Дрожи» реально существующий городок Или в Миннесоте, потом — несуществующий Бишоп все там же, но в итоге остановилась на Мерси-Фоллз. В моем воображении Мерси-Фоллз расположен между Или и цепочкой озер, которые называют «Пограничными водами». За его пределами Мерси-Фоллз не расположен неподалеку ни от чего, потому

что в реальности такого города не существует. Однако соответствующая часть Миннесоты является местом обитания вполне реальной популяции волка обыкновенного.

Прочие реально существующие места из трилогии — это кондитерская (списанная с кондитерской «Уайз кэнди» в городе Уильямсберге, Виргиния), магазин «Корявая полка» (списанный с книжного магазина «Риверби букс» во Фредериксберге, Виргиния) и магазин «Охота и рыбалка» (а вот о том, где расположен его прототип, я умолчу, чтобы не выдавать потного старичка, который им владеет).

В-третьих, о людях.

Некоторые герои списаны с реальных людей, с разной, впрочем, степенью точности. Звукооператор Деметра существует в действительности, хотя в реальной жизни не является ни обладательницей большого носа, ни женщиной вообще. Родители Грейс также реальны, пусть это и не мои родители. И Ульрик тоже реально существующая личность, хотя и не способен превращаться в волка.

В-четвертых, о поэзии.

Любимый автор Сэма, Рильке, наиболее выдающийся из всех, но есть еще Мандельштам, Ретке, Йейтс, а также прочие многочисленные немецкие поэты. Даже если вы закоренелый нелюбитель поэзии вроде меня, я все равно рекомендую замечательные переводы Рильке авторства Стивена Митчелла, а также сборник «Немецкая поэзия в переводах, 1945-1990» под редакцией Шарлотты Мелин.

И наконец, о любви.

Я не раз получала письма, в которых читатели с легкой завистью спрашивали меня об отношениях Сэма и Грейс, и могу вас заверить: подобные отношения абсолютно реальны. Взаимная любовь, основанная на уважении и способная выдержать любые испытания, совершенно достижима — нужно только не соглашаться на меньшее.

Что ж, прощай, Мерси-Фоллз! Пришло время осваивать другие не нанесенные на карту миры.

ВЫРАЖАЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Поименно упомянуть всех, кто приложил руку к появлению этого цикла, не представляется возможным, так что это лишь вершина айсберга.

Большое спасибо издательству «Сколастик» за невероятную поддержку цикла и терпеливое отношение к моим заскокам. Отдельное спасибо моему редактору, Дэвиду Левитану, за то, что не натравил на меня крестьян с вилами после того, как я все бросила; неизменно улыбчивой Рейчел Коун и всему отделу маркетинга за звериную хитрость; Трейси ван Страатен, Бекки Амсел и Саманте Гриф за печенье, трезвый ум и перекуры; Стефани Андерсон и производственному отделу за то, что позволили мне выглядеть умнее, чем я есть; Кристоферу Стен-гелу за безупречный дизайн, невероятным Рейчел Горовиц, Жанель Делуизе, Лизе Маттингли и Марен Монителло из отдела внешних сношений — сделать так, чтобы я чувствовала себя как дома за три тысячи миль от родных краев, не так-то просто, но им каждый раз это удается.

Теперь настал черед благодарить тех, кто не работает в «Сколастик».

Лору Реннерт, моего агента, чей голос в телефонной трубке неизменно возвращает мне рассудок.

Бренну Йованофф, которая осталась рядом с раненой газелью, хотя все приметы рекомендовали совершенно противоположное.

Ребятам из издательства «Леве» — ЖаннеттХам-мершмидт, Юдит Швеммляйн и Марион Перко — за то, что спасли мою шкуру в самый последний момент. Я должна вам больше печенья, чем имею право провезти в ручной клади в самолете.

Кэрри Райан и Натали Паркер — за то, что оперативно читали рукопись и попеременно то похлопывали меня по ладони, то давали по рукам, когда это было мне необходимо.

Моих родных — за то, что понимают, когда «Уходите, мне нужно работать!» означает «Пожалуйста, посидите с детьми», а когда «Пропадаю, срочно вытащите меня куда-нибудь угоститься чимичангами!» Отдельное спасибо Кейт — ты ведь знаешь, что ты и есть тот читатель, для которого я пишу.

Тесса, спасибо тебе за то, что бескорыстно впряглась в этот воз вместе со мной. Я никогда этого не забуду.

Эду, который заваривал мне чай, давал отоспаться после ночных бдений и страдал вместе со мной. А вообще, это все ты виноват, потому что, если бы не ты, разве я взялась бы писать про любовь?

И наконец, Ян. Ты даже не прочтешь этих слов, но я все равно скажу: спасибо, что служишь напоминанием.

www.megabook.do.am